

Rd 26319

Rd 26319

Slovanská knihovna

SLOVANSKÁ KNIHOVNA

3186291069

3186291069

111

58822.

П. И. Аландскій.

П. И. Аландскій.

Исторія Треціи.

Первое изданіе было издано по распоряженію Историко-филологическаго факультета Университета Св. Владиміра.

Изданіе 2-е книгопродавца Н. Я. Оглоблина.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Н. Я. ОГЛОБЛИНА.

КІЕВЪ.

Крещатиць, д. № 33-й.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Екатериненская, д. № 4-й.

1899.

Rd 26319

Дозволено цензурою. Київъ. 13-го Іюля 1898 года.

КІЄВЪ.

Типографія С. В. Кульженко. Ново-Елисаѵ., д. № 4.

1898.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Авторъ выпускаемаго нынѣ въ свѣтъ труда, П. И. Аландскій, состоялъ доцентомъ по кафедрѣ греческой словесности въ Университетѣ св. Владиміра съ 1874 года и по день своей кончины, 28 октября 1883 года. Еще свѣжія воспоминанія о личности покойнаго освобождаютъ насъ отъ обязанности предлагать здѣсь его характеристику; скажемъ только, что то былъ человѣкъ образованія энциклопедическаго, съ философскимъ складомъ ума и обладалъ талантомъ блестяшаго лектора. Преподавательскій циклъ Аландскаго обнималъ толкованіе многихъ греческихъ авторовъ, курсы грамматики греческаго языка и энциклопедіи классической филологіи, а равно исторіи греческой и римской литературы и греческихъ древностей. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ читалъ покойный также и латинскихъ авторовъ (Плавтъ, Лукрецію, Тацитъ). За отсутствіемъ спеціальнаго преподавателя по древней исторіи въ нашемъ Университетѣ, покойный товарищъ нашъ взялъ на себя преподаваніе и по этому предмету

Въ послѣдніе годы своей преподавательской дѣятельности какъ въ Университетѣ св. Владиміра, такъ и на Кіевскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ, гдѣ Аландскій былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ преподавательскаго состава съ самаго ихъ основанія,— онъ относился съ особенной любовью и интересомъ къ своимъ чтеніямъ по древней исторіи. Предметомъ ихъ была какъ греческая, такъ и римская исторія. Чередуя эти предметы изъ года въ годъ, велъ Аландскій свои историческіе курсы съ 1878 года и до самой своей смерти. Результатомъ его кабинетныхъ занятій по римской исторіи явилась, помимо многихъ рецензій на разныя новыя изслѣдованія, его работа подъ заглавіемъ: „Древнѣйшій періодъ римской исторіи и его изученіе (Кіевъ. 1882).

Курсы по греческой исторіи начинались у него съ начала культурной жизни грековъ, причемъ изложенію предмета предшествовало обыкновенно общее теоретическое разсмотрѣніе о цѣляхъ и задачахъ исторической науки. Курсъ греческой исторіи читалъ Аландскій три раза: въ 78—79, 80—81, 82—83 учебныхъ годахъ, одновременно въ Университетѣ и на Женскихъ Курсахъ. Всѣ три курса по греческой исторіи были литографированы, и притомъ по рукописи самого автора. Существенное отличие между первымъ и двумя послѣдующими состоитъ въ томъ, что изложеніе фактической исторіи въ хронологической послѣдовательности занимаетъ въ первомъ гораздо больше мѣста, чѣмъ въ двухъ другихъ, общее же теоре-

тическое изложение, слабо проявляющееся въ первомъ, особенно преобладаетъ въ послѣднемъ.

По рѣшенію историко-филологическаго факультета Университета св. Владиміра, напечатанъ подъ нашей редакціей третій и послѣдній курсъ Аландскаго; но такъ какъ въ немъ авторъ не довелъ литографію до конца, то мы сочли удобнымъ дополнить его въ концѣ изъ второго курса, откуда и заимствованъ какъ конецъ пятой, такъ и вся шестая глава. Наша доля труда состояла главнымъ образомъ въ корректурѣ. Но опасаясь вполне довѣрять литографіи, мы старались, по мѣрѣ возможности, провѣрять цитаты, причемъ и пришлось многія изъ нихъ исправить, а равно и устранить нѣкоторые lapsus memoriae, или быть можетъ salami, автора. Заголовки цитуемыхъ сочиненій провѣрялись и даваемы были въ болѣе полной и точной формѣ, чѣмъ та, въ какой онѣ были занесены въ литографію. Устранено было также колебаніе въ написаніи греческихъ именъ.— Вотъ, кажется, и все, въ чемъ мы видѣли свою обязанность по отношенію къ выпускаемому нынѣ въ свѣтъ произведенію нашего покойнаго товарища. Пополнять библиографическія указанія автора мы не считали нужнымъ; лишь кое гдѣ, въ интересахъ учащихся, даны были указанія на новѣйшія противъ тѣхъ, какія знаетъ авторъ, изданія нѣкоторыхъ работъ новой ученой литературы.

Еще одно слово въ заключеніе. Покойный авторъ думалъ самъ объ изданіи своихъ лекцій по греческой исторіи. Онъ предполагалъ

приступить къ печатанію въ 84—85 академическомъ году, когда ему предстояло опять читать курсъ по этому предмету. Мы глубоко сожалѣемъ, что издаваемоу нынѣ курсу не суждено было появиться въ свѣтъ подъ непосредственной редакціей автора. Но мы думаемъ однако, что и въ томъ видѣ, какой имѣеть въ настоящее время „Исторія Греціи“ П. И. Аландскаго, трудъ этотъ будетъ принятъ съ сочувствіемъ и полнымъ вниманіемъ какъ нашими отечественными учеными, такъ и преподавателями классическихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ, а равно и можетъ служить весьма удобнымъ пособіемъ при университетскомъ преподаваніи греческой исторіи и древностей.

●
Юліанъ Кулаковскій.

Алексѣй Козловъ.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

§ 1. Не смотря на то, что историческая литература существуетъ уже длинный рядъ вѣковъ и заключаетъ въ себѣ произведенія великихъ умовъ какъ древняго, такъ и новаго времени,—понятіе объ исторіи, какъ наукѣ, далеко еще не выяснилось съ надлежащей точностью и полнотой. На вопросы о предметѣ, задачѣ и методахъ исторіи, о системѣ и требованіяхъ историческаго изложенія до сихъ поръ нѣтъ согласнаго отвѣта у представителей нашей науки, которые очень неохотно высказываютъ свои воззрѣнія на то, чѣмъ и какъ, по ихъ мнѣнію, должна заниматься исторія. Въ неизмѣримо богатой исторической литературѣ всѣхъ народовъ можно указать довольно сочиненій, съ успѣхомъ разрѣшившихъ задачи художественной композиціи и изложенія и представляющихъ блестящіе образцы исторіи, *какъ искусства*. Но такихъ сочиненій, которыя отвѣчали бы доступному уже намъ теперь понятію объ исторіи, *какъ науки*, не имѣется ни въ одной литературѣ. Вотъ почему изучающій исторію не мо-

жетъ ограничиться изученіемъ готовыхъ образцовъ, но долженъ самъ, путемъ собственнаго размышленія и критики чужихъ мнѣній, разъяснять и исправлять понятіе о задачахъ, средствахъ и пріемахъ историческаго знанія. Рядомъ съ обработкою историческаго матеріала въ каждомъ данномъ случаѣ должно идти стремленіе къ опредѣленію плана будущей науки; иначе и собраніе матеріала не принесетъ той пользы, какую имѣетъ въ виду трудолюбивый изслѣдователь.

Для разъясненія понятія объ исторіи было бы въ высшей степени полезно прослѣдить успѣхи историческаго знанія и изложенія въ связи съ общимъ движеніемъ философіи и науки; показать, какъ постепенно измѣнялся взглядъ на то, чѣмъ и какъ должна заниматься исторія и какимъ требованіямъ долженъ удовлетворять историкъ. Но полной и съ этою цѣлью составленной исторіи нашей науки еще не существуетъ; объ отдѣльныхъ опытахъ въ области древней исторіографіи сказано будетъ дальше.

Свое начало и имя исторія получила у Грековъ. Греческое слово *ιστορία* происходитъ отъ корня *vid*—(ср. наше видѣть) и означало первоначально воспріятіе посредствомъ зрѣнія и слуха, а потомъ—знаніе, полученное путемъ такого воспріятія. Но уже у Геродота слово исторія получаетъ новый смыслъ и въ отличіе отъ знанія, приобрѣтеннаго путемъ собственнаго наблюденія, означаетъ знаніе, полученное отъ другихъ посредствомъ разспросовъ (II. 99). Только у позднѣйшихъ греческихъ писателей,

начиная съ Полибія (II в. Р. Х.), слово исторія получаетъ смыслъ повѣствованія, изложенія того, что узнано; но для обозначенія самой совокупности событій, составляющихъ предметъ разсказа, слово исторія, повидимому, не употреблялось древними (См. Creuzer: Die historische Kunst d. Grieschen, Lpz. 1803, IV Abschnitt, 6 Anm. Здѣсь сооставлены и объяснены слова, употреблявшіяся Греками для выраженія понятій, относящихся къ историческому знанію и изложенію).

Историческое знаніе и изложеніе принимало различныя формы, смотря по тому, въ какое отношеніе ставился умъ человѣка къ событіямъ, составлявшимъ предметъ его наблюденія и размышленія.—Не смотря на все различіе въ подробностяхъ, всѣ формы историческаго знанія и изложенія могутъ быть сведены къ *тремъ типамъ*, соотвѣтствующимъ *троякому* отношенію ума къ предмету, его занимающему. За неимѣніемъ болѣе подходящихъ названій для этихъ трехъ типовъ, можно первый изъ нихъ назвать *лѣтописнымъ*, второй—*мемуарнымъ*, третій—*научнымъ*, или: объективнымъ, субъективнымъ и объективно-субъективнымъ. Тамъ, гдѣ развитіе исторіи шло самостоятельнымъ путемъ, эти три типа слѣдовали другъ за другомъ въ порядкѣ, указанномъ выше, при чемъ каждый изъ нихъ, развиваясь, отъ простѣйшихъ формъ восходилъ къ болѣе и болѣе сложнымъ.

§ 2. *Лѣтописный типъ*. Историческое знаніе, какъ показываетъ первоначальный смыслъ слова „исторія“, начинается съ воспріятія; ис-

торическое изложеніе—съ памятной замѣтки, выражающей въ чистомъ видѣ результатъ воспріятія. Необычайныя явленія природы и поразительныя событія человѣческой жизни останавливали на себѣ вниманіе человѣка, ярко впечатлѣвались въ его воображеніи и выражались въ краткомъ и сухомъ извѣстіи. Здѣсь отношеніе ума къ тому, что предъ нимъ, въ высшей степени просто: за впечатлѣніемъ извѣстї слѣдуетъ представленіе, представленіе облекается въ формы, данныя языкомъ; образы замѣняются названіями и результатъ воспріятія закрѣпляется съ помощью письма. Матеріаль, данный воспріятіемъ, не подвергается дальнѣйшей переработкѣ, но въ чистомъ и первоначальномъ видѣ переходитъ сначала въ слово, потомъ въ записъ. Отмѣчаются записью отдѣльныя событія безъ всякаго подбора и связи. Такія отмѣтки особенно любили греки, не пропускавшіе случая увѣковѣчить память о себѣ и своихъ дѣяніяхъ. Греческіе наемники царя Псамметиха, сопровождавшіе его въ походы въ Нубію до тѣхъ поръ, пока можно было плыть по рѣкѣ (Нилу), увѣковѣчили свое участіе въ экспедиціи надписью на колоссальной статуѣ предъ храмомъ въ Нубіи. Это одна изъ самыхъ древнихъ греческихъ надписей (относится къ концу VII или началу VI в.).

Съ этой первоначальной ступени случайныхъ и разбросанныхъ записей историческое знаніе и изложеніе поднялось выше, когда образовался классъ людей, по своему образованію и положенію способныхъ и расположенныхъ къ

последовательной записи выдающихся событий. Такимъ классомъ были жрецы въ древности и духовенство въ средніе вѣка. При храмахъ велись списки главныхъ жрецовъ и жриць съ отмѣткою числа лѣтъ ихъ службы. До насъ дошла копія съ такого списка жрецовъ при храмѣ Посейдона въ городѣ Галикарнассѣ, сдѣланная съ подлинника, относящагося къ VII ст. Точно также велись списки царей и архонтовъ въ Греціи, консуловъ въ Римѣ.—Вмѣстѣ съ записью имени и лѣтъ службы дѣлались отмѣтки о важнѣйшихъ событіяхъ, случившихся въ правленіе даннаго лица. Въ Римѣ такіе списки и отмѣтки велись правильно великимъ первосвященникомъ, который ежегодно на бѣлой доскѣ записывалъ сначала имена консуловъ и другихъ сановниковъ, а потомъ и достопамятныя событія, случившіяся при нихъ, напримѣръ: дороговизну съѣстныхъ припасовъ, затмѣніе луны и солнца, военные походы и т. п. Рядомъ съ записями официальными существовали и частныя. Знатные роды въ Греціи и Римѣ вели родословные списки, или генеалогіи, въ которыхъ также вмѣстѣ съ именами предковъ упоминались и подвиги ихъ. Такими родословными списками пользовались послѣдующіе историки (въ Греціи логографы) для опредѣленія времени событій, ими описываемыхъ, (См. Dunker: *Gesch. d. Alterthums*, V в. 5, 89. 5 изд.). Списки жрецовъ, правителей или предковъ знатныхъ родовъ съ отмѣтками событій представляютъ первоначальную форму лѣтописанія, отличительными чертами которой были:

краткость и сухость извѣстій, отсутствіе опредѣленнаго плана въ ихъ подборѣ, отсутствіе всякой связи кромѣ порядка во времени, полное отсутствіе субъективнаго элемента. Такія лѣтописи отражали въ себѣ лишь рядъ случайныхъ воспріятій ума нетронутыхъ ни воображеніемъ, ни чувствомъ, и потому относительно болѣе достовѣрныхъ.

Дальнѣйшее развитіе лѣтописнаго типа состояло въ томъ, что извѣстія о событіяхъ современныхъ становилось все разнообразнѣе и подробнѣе. Вниманіе лѣтописца все съ большимъ и большимъ участіемъ слѣдило за современностью и схватывало рядомъ съ крупными и болѣе мелкія черты событій, причѣмъ къ даннымъ воспріятія стали примѣшиваться, незамѣтно для нишущаго, и черты, подсказанныя его воображеніемъ и чувствомъ. По мѣрѣ того какъ впечатлѣнія дѣйствительности затрогивали умъ глубже и шире, историческое знаніе становилось богаче содержаніемъ; изложеніе дѣлалось живѣе, но за то уменьшалась близость изображенія къ предмету его. Не довольствуясь сухими и краткими замѣтками предшественниковъ, продолжатели восполняли ихъ тѣмъ, что хранилось въ памяти народа въ видѣ полубаснословныхъ преданій о событіяхъ и лицахъ минувшаго времени. Такимъ образомъ, и при изображеніи прошедшаго на ряду съ немногими данными воспріятія были употреблены въ дѣло вымыслы, сотканные народной фантазіей подъ диктовку чувства. И здѣсь на сколько знаніе выигрывало въ полнотѣ, на столько теряло въ

достоверности. Вместе с вымышленными лицами и фактами из народных сказаний проникъ въ историю и первобытный способъ объясненія того, что происходитъ, предполагавшій всюду прямое вмѣшательство и дѣйствіе божества. Когда историческое знаніе, не ограничиваясь изложеніемъ фактовъ, перешло къ объясненію ихъ въ мѣстической теоріи міроуправленія, оно нашло готовый отвѣтъ на свои запросы.—Приблизительно на этой ступени стояло историческое знаніе и изложеніе въ эпоху, представителями которой были логографы, первые греческіе историки. По словамъ Діонисія Галикарнасскаго одни изъ логографовъ писали исторію эллиновъ, другіе—варваровъ. Эти исторіи они не связывали одну съ другой, но излагали по народамъ и городамъ и издавали каждую отдѣльно. При чемъ имѣли въ виду одну и ту же цѣль—историческіе памятники, хранившіеся у туземцевъ по народамъ и городамъ, частью въ храмахъ, частью въ другихъ общественныхъ зданіяхъ, издать для всеобщаго свѣдѣнія въ томъ видѣ, въ какомъ они приняли ихъ, ничего ни прибавляя, ни убавляя. Между этими историческими памятниками находились также иногда мѣны, въ которые вѣрили только по ихъ глубокой древности, и нѣкоторыя необыкновенныя превратности судьбы, заключающія въ себѣ много нелѣпостей.

Дальнѣйшее развитіе дѣтониснаго типа исторіи представляетъ слѣдующія черты: а) Расширеніе области, захватываемой историкомъ; сводъ хроникъ даетъ начало связной исторіи

народовъ и государствъ (примѣръ: исторія Тита Ливія въ римской литературѣ); за исторіей отдѣльныхъ государствъ слѣдуютъ попытки изложенія всеобщей или всемірной исторіи (такую попытку представляетъ Историческая бібліотека Діодора Сицилійскаго, современника Августа). Расширеніе границъ на первыхъ порахъ не сопровождается измѣненіемъ въ характерѣ композиціи и изложенія: событія излагаются по годамъ безъ всякой классификаціи; вниманіе историка сосредоточено на виѣшней жизни народовъ; изложеніе сохраняетъ свой объективный характеръ; историкъ ограничивается сводомъ въ одно цѣлое и пересказомъ матеріала найденнаго у лѣтописцевъ или предшествующихъ историковъ.

б) Изощреніе критической способности и искусства отдѣлять факты отъ вымысловъ фантазіи и домысловъ разсудка. Зачатки исторической критики примѣтны ясно въ сочиненіи Геродота и достигаютъ полной зрѣлости въ твореніяхъ Фукидида. Развитію критической способности искусства по преимуществу благоприятствуетъ лѣтописный типъ исторіи, вслѣдствіе спокойнаго и безстрастнаго отношенія къ фактамъ, которое составляетъ главную характеристическую черту этого типа.

с) Возрастаніе интереса къ внутренней исторіи государствъ и народовъ, вслѣдствіе котораго вниманіе историка, не ограничиваясь событіями политическими, начинаетъ все болѣе и болѣе слѣдить за перемѣнами въ умственной дѣятельности и въ нравственномъ состояніи

общества. Этимъ путемъ политическая исторія постепенно переходила въ исторію культуры или цивилизациі.

d) Усиѣхъ въ объясненіи историческихъ фактовъ. Въ началѣ лѣтописный типъ представляетъ только записъ фактовъ безъ всякой попытки объяснить ихъ. Затѣмъ факты представляются дѣломъ воли и могущества боговъ. По мѣрѣ того, какъ мнѳологическое воззрѣніе смѣняется метафизическимъ, человѣкоподобные боги уступаютъ мѣсто сначала безличному божеству (το θεϊον у Геродота), а потомъ—отвлеченнымъ принципамъ, въ родѣ предопредѣленія, судьбы, необходимости. Скоро однако, не довольствуясь указаніемъ на отдаленныя и всеобщія причины, историки начинаютъ искать объясненія историческихъ событій въ понятіяхъ, чувствахъ и желаніяхъ лицъ, принимавшихъ въ нихъ участіе. Представителемъ этого направленія у Грековъ является Фукидидъ, у Римлянъ—Тацитъ. По мѣрѣ усиѣховъ психологическаго наблюденія и анализа выясняются болѣе и болѣе основныя и постоянныя черты человѣческой природы, ея господствующія склонности и расположенія, и тогда историки, не довольствуясь объясненіемъ событій изъ ближайшихъ побужденій, указываютъ на свойства человѣческой природы вообще, на дѣйствительныя или только предполагаемыя законы ея, на однообразія въ подборѣ и порядкѣ событій, замѣчаемыя въ исторіи. Фукидидъ, разсказывая (III, 81 и дал.) о борьбѣ политическихъ партій въ его время, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „тутъ происхо-

дило то, что всегда будет случаться, пока человеческая природа останется тою-же самою.“

е) Усовершенствованіе композиціи. Лѣтописному типу въ его первоначальномъ видѣ свойственна случайность, какъ въ подборѣ, такъ и въ расположеніи историческаго матеріала. Даншья воспріятія отмѣчаются въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдовали одно за другимъ; отдѣльные моменты событія обыкновенно отторгаются другъ отъ друга, отмѣчаются порознь и въ перемежку съ моментами другихъ событій. Первой попыткой положить конецъ хаотическому изложенію историческаго матеріала является расположеніе его по годамъ. Таковъ порядокъ лѣтописей. Приурочивая матеріаль къ годичнымъ періодамъ, лѣтопись на первыхъ порахъ не заботится о сохраненіи цѣльности событій, соединяетъ вмѣстѣ различныя событія даннаго года и излагаетъ порознь отдѣльные моменты одного и того же факта, коль скоро они не умѣщаются въ предѣлахъ одного года. Дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ лѣтописной композиціи является стремленіе сохранить цѣльность событій, не отклоняясь далеко отъ распредѣленія ихъ по годамъ. Съ этою цѣлью соединяются вмѣстѣ черты событій, принадлежація къ годамъ предшествующимъ или послѣдующимъ; историкъ то оглядывается назадъ и припоминаетъ отмѣченное раньше, то забѣгаетъ впередъ и рассказываетъ случившееся въ слѣдующемъ году; примѣры комбинаціи лѣтописнаго порядка съ требованіями внутренняго единства представляютъ

Θυκιδιδѣ въ своей Исторіи Πελοποννησιακής πολέμου и Тацитѣ въ своей Лѣтописи. Затѣмъ лѣтописный порядокъ уступаетъ совсѣмъ свое мѣсто композиціи, основанной на внутреннемъ единствѣ событій; годовые періоды съ перестрѣжками содержаніемъ смѣняются цѣльными картинами, соединяющими въ одно цѣлое всѣ моменты даннаго событія, разбѣянные по разнымъ точкамъ въ пространствѣ и времени. Последнимъ шагомъ въ этомъ направленіи является расположеніе историческаго матерьяла по отдѣламъ, или сторонамъ жизни народа, и періодамъ его исторіи. Тутъ соединяются по группамъ событія политической жизни, событія въ области литературы, искусства, перемѣны въ общественномъ бытѣ и т. д. До сихъ поръ нѣтъ еще установившейся классификаціи историческаго матеріала. Наиболее обдуманную попытку представляетъ классификація, данная Спенсеромъ въ его „Описательной социологіи“. Такимъ образомъ лѣтописный типъ исторіи, начавъ съ безпорядочнаго и случайнаго расположенія данныхъ воспріятія, постепенно дошелъ до художественной композиціи, выражающей внутреннее единство и взаимную связь событій, на сколько то и другое доступно вниманію наблюдателя.

Для того, чтобы получить наглядное представленіе о развитіи лѣтописнаго типа исторіи полезно сравнить его нисшія и высшія формы, хотя бы по образчикамъ въ Исторіи Среднихъ вѣковъ М. Стасюлевича, при чемъ слѣдуетъ имѣть въ виду пункты, отмѣченныя выше.

§ 3. *Мемуарный* или *субъективный типъ исторіи*, въ противоположность *лѣтописному*, выражаетъ собою такое отношеніе къ событіямъ, при которомъ послѣднія не только отражаются въ умѣ, но дѣйствуютъ и на чувство, возбуждая въ немъ различныя движенія. Чувство, затронутое событіями, дѣйствуетъ на воображеніе и рефлексію; къ даннымъ воспріятія, идущимъ изъ дѣйствительности, присоединяются данныя памяти, подобранныя воображеніемъ подъ диктовку чувства, или понятія и мысли, соотвѣтствующія послѣднему. Въ итогѣ получается образъ событія, въ которомъ черты дѣйствительности сливаются съ вымыслами фантазіи, окрашиваются, а подъ часъ и совсѣмъ заслоняются мнѣніями, подсказанными чувствомъ. Если объективный типъ исторіи можно считать болѣе или менѣе чистымъ отраженіемъ дѣйствительности, то въ типѣ субъективномъ мы имѣемъ предъ собою не столько *отраженіе дѣйствительности*, сколько *выраженіе личности* наблюдателя; тамъ—точный протоколъ событія; здѣсь—размышленіе по поводу его.

Въ исторіи объективной личность автора скрывается за событіями; въ исторіи субъективной она, напротивъ, часто заслоняетъ событія; въ первой—образъ событіи слагается изъ чертъ и красокъ, взятыхъ съ дѣйствительности; во второй—онъ въ значительной степени зависитъ отъ личности историка, отъ господствующаго направленія его мыслей и чувствъ. Лѣтописный типъ занятъ главнымъ образомъ изображеніемъ событіи; мемуарный—ихъ оцѣнкой съ точки

зрѣнія нравственной или политической; первый излагаетъ факты и дѣянія; второй анализируетъ побужденія и рисуетъ характеры.

Мемуарный типъ возникаетъ въ пору сильнаго развитія личности, въ періоды политическихъ и соціальныхъ смуть и катастрофъ; такъ было въ Римѣ въ періодъ отъ Суллы до Цезаря; во Франціи въ эпоху великой революціи. Дальнѣйшее развитіе мемуарнаго типа представляетъ прагматическая исторія, въ которой изложеніе и оцѣнка событій опредѣляется попоучительными цѣлями въ родѣ оправданія какихъ нибудь политическихъ принциповъ или сообщенія моральныхъ назиданій. Представителемъ такой исторіи въ древнемъ мірѣ былъ Полибій (II в. до Р. X.), который въ своей Исторіи Пуническихъ войнъ разсказъ о событіяхъ сопровождаетъ разсужденіемъ объ ихъ значеніи и причинахъ, вѣдается въ анализъ и оцѣнку побужденій дѣйствующихъ лицъ. Сосредоточивъ свое вниманіе на событіяхъ, затронувшихъ его чувство, историкъ—прагматистъ не развлекается другими, придаетъ болѣе единства своему изложенію, въ расположеніи своего матерьяла руководится не столько сосѣдствомъ событій въ пространствѣ и времени, сколько сходствомъ отношенія ихъ къ идеѣ или чувству, которое занимаетъ его. Высшею ступенью въ развитіи мемуарнаго типа является *философія исторіи*, какъ попытка свести все безконечно разнообразное содержаніе жизни народовъ и государствъ къ одной или немногимъ основнымъ идеямъ или началамъ.

Подобно философіи природы, и философія исторіи была вызвана потребностью объединить отдѣльныя познанія о явленіяхъ физическаго и нравственнаго міра въ одно цѣльное и стройное міровоззрѣніе, отвѣчающее на всѣ запросы ума. Философія исторіи занимается не изложениемъ фактовъ, а объясненіемъ ихъ, при чемъ, не довольствуясь ближайшими условіями, заключающимися въ свойствахъ природы и духа, она стремится къ открытію всеобщихъ и вѣчныхъ факторовъ исторіи. Одни признавали такимъ факторомъ божественный промыселъ, другіе—вѣчныя свойства, человѣческаго духа, третьи—силы и законы природы. Задача философскаго построения исторіи состоитъ въ томъ, чтобы всею совокупностью фактовъ и событій оправдать теорію, подсказанную лишь ничтожной долею этихъ фактовъ, да и то разсматриваемыхъ въ субъективномъ освѣщеніи. Философское построение исторіи есть преждевременная попытка разрѣшить задачу человѣческой жизни. Но, не смотря на всю мощь умовъ, предпринимавшихъ такія попытки, послѣднія не имѣли успѣха. Самое глубокое и напряженное размышленіе не въ силахъ вознаградить недостатокъ точныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній о предметѣ, а потому въ исторіи какъ и въ другихъ областяхъ знанія за философскимъ размышленіемъ по пятамъ идетъ методическое и кропотливое изученіе, приводящее сначала къ частнымъ и узкимъ, а потомъ и болѣе широкимъ обобщеніямъ.

Изучающему исторію необходимо ознакомиться съ попытками философскаго построе-

нія ея, потому что неудачи этихъ попытокъ въ цѣломъ не исключаютъ присутствія въ нихъ глубокихъ и вѣрныхъ воззрѣній на природу и смыслъ отдѣльныхъ явленій исторіи. См. Стасюлевичъ „Опытъ историческаго обзора главныхъ системъ философіи исторіи.“ С.-Петербургъ. 1866. Новѣйшая исторія этихъ системъ: Die Philosophie der Geschichte, Darstellung und Kritik der Versuche zu einem Aufbau derselben v. K. Rochol. 1878. Въ предисловіи есть краткій обзоръ литературы предмета. Изложеніе сжато и ясно; сужденія автора мѣтки. Къ сожалѣнію, обзоръ новѣйшихъ системъ философіи исторіи сдѣланъ слишкомъ кратко и поверхностно.

§ 4. *Научный типъ исторіи.* Задатки его, и притомъ весьма крупныя, замѣчаются еще у грековъ; сочиненіе Аристотеля: „О политикѣ“, представляетъ образецъ въ этомъ родѣ. Развитие этого типа исторіи болѣе быстрое и непрерывное началось въ новѣйшее время, когда типъ научнаго знанія опредѣлился вообще вполне, благодаря успѣхамъ естественныхъ наукъ. Научное знаніе, не доискиваясь сущностей и производящихъ причинъ, довольствуется открытіемъ законовъ, т. е. единообразій въ сосуществованіи и послѣдовательности явленій. Въ изученіи общественной жизни научный типъ исторіи, въ отличіе отъ лѣтописнаго не довольствуется списываніемъ единичныхъ фактовъ въ порядкѣ ихъ послѣдовательности; но стремится къ открытію и опредѣленію *историческихъ законовъ*, т. е. такихъ единообразій въ порядкѣ историческихъ явленій, которыя будутъ имѣть

мѣсто всегда и вездѣ при данныхъ условіяхъ. Лѣтописная исторія народа такъ же точно, какъ и біографія личности, устанавливаетъ, что въ данномъ мѣстѣ и въ данное время за фактомъ А слѣдовалъ фактъ В; научная исторія, сравнивая нѣсколько подобныхъ случаевъ старается опредѣлить, при какихъ условіяхъ В неизмѣнно слѣдуетъ за А. Лѣтописецъ рассказываетъ, что въ 600-ыхъ годахъ низній классъ аѳинскаго общества страдалъ подъ гнетомъ нужды и долговыхъ обязательствъ, что за этимъ слѣдовало недовольство существующимъ порядкомъ вещей, а за недовольствомъ явились преобразованія. Научная исторія старается опредѣлить, при какихъ условіяхъ неизмѣнно бываетъ послѣдовательность явленій, указанная въ данномъ случаѣ, т. е., при какихъ условіяхъ нужда подвластныхъ ведетъ къ недовольству политическимъ порядкомъ, а это недовольство въ свою очередь вызываетъ преобразованія. Опредѣливъ эти условія, т. е. найдя законъ, историкъ даетъ въ руки лѣтописцу ключъ для объясненія частнаго случая, съ которымъ послѣдній имѣетъ дѣло. Такимъ образомъ, научная исторія заимствуетъ матеріалъ отъ лѣтописной и въ замѣнъ того сообщаетъ послѣдней основы для объясненія и систематизаціи фактовъ, изучаемыхъ ею. Исторія даннаго народа или государства въ своей идеальной формѣ должна соединять преимущества лѣтописнаго и научнаго типа, она должна представить правдивую и художественную біографію этого народа и объясненіе его судебъ изъ общихъ законовъ развитія. Науч-

ный историкъ долженъ въ себѣ соединять качества лѣтописца: проникательность и трезвость наблюдений, стремленіе къ истинѣ и отвращеніе къ вымыслу,—и качества мемуариста: способность проникать въ глубину явленій, анализировать и обнаруживать ихъ скрытые мотивы. Историкъ лѣтописецъ устанавливаетъ и описываетъ единичные или конкретные факты; историкъ научный сличаетъ эти единичные факты и путемъ анализа и отвлеченія строитъ изъ нихъ факты общіе. Каждая усѣшная работа въ области лѣтописной исторіи увеличиваетъ матеріалъ для науки, каждая усѣшная работа въ области научной исторіи содѣйствуетъ построенію изъ этого матеріала—общей теоріи историческихъ явленій.

Опредѣленію научнаго типа исторіи весьма много содѣйствовалъ Огюсть Контъ въ своемъ Курсѣ Положительной Философіи, стремившійся примѣнить положительный или научный методъ изслѣдованія къ изученію общества, его жизни въ ея *statu quo*—соціальная статика и въ ея историческомъ развитіи—соціальная динамика (V и VI томы Курса Положительной Философіи). О Контѣ и его ученіи см. Огюсть Контъ и Положительная Философія, изложеніе и изслѣдованіе Льюиса и Д. С. Милля. С.-Пб. 1867.

Полной исторіи нашей науки до сихъ поръ не имѣется. Краткій очеркъ сдѣланъ Герцбергомъ въ Энциклопедіи Эрша и Грубера въ статьѣ подъ словомъ *Geschichte* (1 Setc, 62 Th.). Тамъ же дано обзорѣніе различныхъ *формъ* исторіи и указаны предше-

ствуюція сочиненія по теоріи исторіи. Стаття Герцберга заслуговує вниманія главнымъ образомъ потому, что нѣтъ ничего лучшаго въ этомъ родѣ.

II.

§ 5. *Предметъ исторіи вообще.* Вся область познаваемаго распадается на два отдѣла: первый обнимаєтъ явленія движенія; второй—явленія сознанія; первымъ занимается наука о природѣ (физика въ обширномъ смыслѣ слова); вторымъ—наука о духѣ (психологія въ обширномъ смыслѣ). Наука о духѣ можетъ изучать свой предметъ или въ его данномъ состояннн, или въ преемственной послѣдовательности состояннн, пережитыхъ имъ въ какой-нибудь періодъ времени. Въ первомъ случаѣ результатомъ изученія будетъ *теорія сознанія* вообще или одного изъ частныхъ его проявленій; во второмъ случаѣ—исторія сознанія, также въ цѣломъ или въ какой-нибудь долѣ. Для удобства изученія всю совокупность явленій сознанія можно подраздѣлить на нѣсколько группъ, напр. религію, искусство, науку, практику въ разныхъ ея видахъ. Хотя въ основѣ всѣхъ этихъ группъ лежатъ одни и тѣ же элементарныя свойства сознанія, но въ каждой изъ нихъ они являются въ различныхъ сочетаніяхъ и выражаются различными движеніями. Вслѣдствіе этого различія большею частью не трудно бываетъ рѣшить вопросъ, относится ли данное

явленіе къ области религіи или искусства, или политики, хотя очень трудно дать удовлетворительную классификацію всѣхъ явленій духовнаго міра.

Всюду въ области сознанія замѣчаемъ мы измѣняемость и притомъ преемственную, непрерывную. Измѣняется религія, искусство, наука, практика и притомъ такъ, что каждая новая форма возникаетъ изъ предшествовавшей вслѣдствіе того, что нѣкоторые элементы послѣдней гибнутъ, другіе вступаютъ въ новыя сочетанія съ элементами, пришедшими извнѣ. Измѣняемость такого рода называется развитіемъ въ томъ случаѣ, если результатомъ ея является образованіе новыхъ и способныхъ къ жизни формъ (Опредѣленіе понятія развитія см. у Спенсера въ его „Основныхъ началахъ“). Въ каждой области сознанія всякое новое поколѣніе начинаетъ съ усвоенія образцовъ, оставленныхъ предшествовавшими поколѣніями и съ подражанія имъ; затѣмъ оно, повинаясь новымъ мотивамъ, воспитаннымъ жизнью, отступаетъ отъ этихъ образцовъ, отбрасывая изъ нихъ одно, прибавляя другое и приводя въ новыя сочетанія третье. Описаніе и объясненіе развитія сознательности составляетъ предметъ исторіи вообще. По мѣрѣ совершенствованія нашихъ знаній объ этомъ предметѣ, будутъ болѣе и болѣе опредѣляться настоящія основы для правильнаго общежитія и средства для устраненія общественныхъ золъ, удручающихъ человѣчество. Въ этомъ состоитъ практическое значеніе исторической науки.

*

§ 6. По мѣрѣ того, какъ выясняются черты научнаго типа исторіи, становится все болѣе и болѣе очевидной необходимостью раздѣленія труда въ области этой науки. Въ настоящее время исторія политическаго быта, исторія искусства, религіи, философіи и литературы изучаются и излагаются порознь, какъ особые отдѣлы науки, изъ которыхъ каждый въ свою очередь дробится на меньшія доли. Чѣмъ болѣе возвышаются требованія точности и достовѣрности, предъявляемая къ исторіи, тѣмъ далѣе идетъ раздѣленіе труда и тѣмъ болѣе суживается область, спеціально изучаемая ученымъ. Отказавшись отъ смѣлыхъ и величавыхъ построеній, задуманныхъ философіей, наука принялась за кропотливую и мелочную работу собиранія и очищенія матеріала, съ которой постепенно разъясняется планъ будущаго знанія. Научный типъ исторіи все болѣе и болѣе обособляется отъ лѣтописнаго; рядомъ съ изложеніемъ конкретныхъ фактовъ появляются сочиненія, въ которыхъ первое мѣсто занимаютъ обобщенія, а факты приводятся лишь въ видѣ примѣровъ. Лѣтописный типъ по прежнему стремится къ тому, чтобы представить живую, правдивую и цѣльную картину дѣйствительности; тогда какъ научная исторія пытается уловить единообразія (законы) въ порядкѣ событій и выразить ихъ въ точныхъ и вѣрныхъ формулахъ.

Въ исторіи греческой и римской жизни раздѣленіе труда установилось издавна. Религія, литература, искусство, философія, политическій и общественный бытъ этихъ народовъ

изучаются отдѣльно, какъ самостоятельныя вѣтви филологіи. Этотъ порядокъ облегчаетъ изложеніе греческой исторіи, давая возможность сосредоточить все вниманіе на одной сторонѣ въ жизни греческаго народа, а именно, на его политическомъ бытѣ.

Прежде всего необходимо точнѣе опредѣлить предметъ политической исторіи и отграничить ея область отъ сосѣднихъ съ нею областей, которыми занимаются другіе отдѣлы исторіи. Исторія въ цѣломъ занимается лишь общественной жизнью; жизнь личная составляетъ предметъ біографіи. Въ жизни общественной можно различить двѣ стороны: содержаніе и форму. Подъ *содержаніемъ* мы разумѣемъ все, что испытывается или совершается даннымъ обществомъ для достиженія излюбленныхъ имъ цѣлей, для обезпеченія его интересовъ и удовлетворенія потребностей. Подъ *формой* же разумѣются здѣсь всѣ тѣ явленія въ жизни данной группы людей, которыя дѣлаютъ ее не просто случайнымъ скопленіемъ людей, а болѣе сложнымъ цѣлымъ, новою единицей высшаго порядка, именно обществомъ. Сравнивая жизнь различныхъ обществъ по содержанію, мы найдемъ въ ней существенныя и рѣзкія различія; тогда какъ съ формальной стороны эта жизнь представляется сходною въ сущности и различною только въ подробностяхъ. Въ жизни религіознаго общества (церкви или конгрегациі) содержаніемъ слѣдуетъ признать дѣятельность религіознаго чувства, проявляющуюся въ догматахъ, обрядахъ богослуженія и въ поведеніи

вѣрующихъ, а формой—коллективный характеръ этой дѣятельности, сознательное единство и согласіе въ опредѣленіи цѣлей и выборѣ средствъ и путей, ведущихъ къ нимъ. Представимъ себѣ, что тѣ же вѣрующіе живутъ разсѣянно въ одиночку среди иновѣрнаго населенія; содержаніе ихъ жизни въ сущности останется то же, но прежней формы уже не будетъ. Въ жизни политической партіи содержаніе составляютъ идеалы и принципы партіи и дѣйствія, клонящіяся къ ихъ осуществленію, а формой—все то, въ чемъ проявляется единство и связность партіи. Пусть тѣ же идеалы и принципы живутъ въ умахъ людей, ничего не знающихъ другъ о другѣ, пусть каждый изъ нихъ по мѣрѣ силъ стремится къ осуществленію того, что признаетъ справедливымъ и полезнымъ:—содержаніе жизни и здѣсь останется прежнее, но форма исчезнетъ, какъ только связанная группа распадается на атомы. Въ жизни семьи, рода, или клана, представляющихъ одно цѣлое не по имени только, а на самомъ дѣлѣ, содержаніемъ слѣдуетъ признать все, что дѣлаютъ члены группы для удовлетворенія своихъ потребностей, а формой—все, въ чемъ проявляется единство и связность ихъ. Если распадается семья или родъ, содержаніе жизни можетъ остаться въ прежнемъ видѣ, но форма непременно исчезнетъ.

Изученіе общественной жизни со стороны ея *содержанія* имѣетъ дѣло съ весьма различными явленіями, а потому необходимо распадается на нѣсколько особыхъ и самостоятель-

ныхъ вѣтвей. Каждая изъ этихъ вѣтвей сосредоточиваетъ свое вниманіе на какой-нибудь одной долѣ общественной жизни, за нею слѣдить во всѣхъ подробностяхъ, на остальное же обращаетъ вниманіе лишь на столько, на столько это необходимо для пониманія того, что входитъ въ ея собственную область. Такъ, исторія искусства изучаетъ спеціально идеалы, формы и технику живописи, ваянія и зодчества, а на религіозныя вѣрованія и обряды народа обращаетъ вниманіе лишь тамъ, гдѣ эти вѣрованія и обряды соприкасаются съ областью искусства. Исторія литературы изучаетъ спеціально произведенія словесности со стороны ихъ содержанія и формы, а къ явленіямъ общественной и политической жизни, отразившимся въ этихъ памятникахъ, обращается лишь тогда, когда это нужно для объясненія направленій и формъ литературы. Исторія экономическаго быта имѣетъ свой предметъ и касается смежныхъ областей лишь на столько, на сколько это необходимо для пониманія того, что происходитъ въ торговлѣ и промышленности. Всѣ попытки объединить изученіе общественной жизни со стороны содержанія въ одну науку подъ именемъ исторіи цивилизаціи или культуры до сихъ поръ не имѣли успѣха. Фактическій матеріалъ такъ обилень и разнообразень, что самое настойчивое прилежаніе и самое блестящее остроуміе оказываются не въ силахъ очистить, переработать его, связать и объединить какой-нибудь общей идеей.

Совѣтъмъ другой видъ имѣть или можетъ имѣть изученіе общественной жизни съ ея формальной стороны. Явленія, относящіяся къ этой сторонѣ, въ сущности сходны во веѣхъ общественныхъ группахъ, хотя по виѣшности представляются иногда различными. Это сходство давно подмѣчено наблюденіемъ. Поэты и философы, начиная съ Гомера и Аристотеля, сравниваютъ царскую власть съ отеческою, усматриваютъ сходство между порядками семьи и монархическаго государства, считаютъ семью первообразомъ государства. Религіозныя вѣрованія и торговые интересы весьма различны, какъ по содержанію, такъ и по происхожденію, тѣмъ не менѣе это различіе не мѣшаетъ первымъ исполнять то же назначеніе въ жизни религіозной общины, какое вторые исполняютъ въ жизни любой акціонерной компаніи: какъ тѣ, такъ и другіе одинаково *связываютъ* извѣстное число людей въ одну группу, создаютъ изъ самостоятельныхъ особей новое цѣлое. Какъ ни различны по своимъ цѣлямъ и средствамъ государство и церковь, но такіе понятія и термины, какъ дееспотизмъ, аристократизмъ, демократизмъ, приложимы къ жизни этихъ обѣихъ соціальныхъ группъ. Число подобныхъ примѣровъ можно легко увеличить; но для насъ въ настоящемъ случаѣ важнѣе всего выставить на видъ ту истину, что во веѣхъ подобныхъ примѣрахъ мы имѣемъ предъ собою дѣйствительныя сходства, а не призрачныя, или отдаленныя аналогіи въ родѣ тѣхъ, которыя указываются біоло-

гами, когда они проводят параллель между обществомъ и организмомъ.

Если же явленія, составляющія формы общественной жизни, одинаковы во всѣхъ общественныхъ группахъ, то это даетъ намъ право соединить ихъ въ одинъ обширный классъ, и сдѣлать предметомъ одной науки. Явленія, принадлежащія къ этому классу, мы назовемъ политическими. Такъ какъ они присущи не только всякой общественной группѣ, но именно и составляютъ настоящую природу общества, то всю совокупность ихъ мы обозначимъ словомъ *общественность*, подобно тому, какъ слово государственность употребляется для обозначенія всего того, что составляетъ неотъемлемую принадлежность государства, слово народность употребляется для обозначенія всей суммы свойствъ, дѣлающихъ данную совокупность людей народомъ. Общественность обнимаетъ собою всѣ первоначальныя и производныя свойства, присутствіе которыхъ превращаетъ скопленіе людей въ общество.

§ 7. Необходимо хотя въ общихъ чертахъ опредѣлить, какого рода явленія входятъ въ понятіе, соединенное со словомъ общественность. Вопросъ о природѣ и происхожденіи общества былъ поднятъ первый разъ въ Греціи, и именно софистами, а затѣмъ много разъ обсуждался учениками Сократа. Отъ Платона и Аристотеля дошли до насъ замѣчательныя изслѣдованія о природѣ и происхожденіи государства. Еще усерднѣе занимались изслѣдованіемъ природы, происхожденія и цѣли государ-

ства и общества въ новое время сначала философы (XVII и XVIII в.), потомъ юристы, экономисты и наконецъ историки.

Для ознакомленія съ политическими теоріями древнихъ см., кромѣ сочиненій по исторіи философіи, Н. Henkel. Studien zur Geschichte der griech. Lehre vom Stat. Leipz: 1872. Очеркъ исторіи идей объ обществѣ есть въ сочиненіи А. Espinas. Des sociétés animales. Есть въ русскомъ переводѣ.

Чтобы точнѣе опредѣлить, что слѣдуетъ разумѣть подь общественностью, необходимо сравнить различные виды обществъ и сквозь наружное ихъ разнообразіе проникнуть до тѣхъ глубже лежащихъ признаковъ, которые свойственны всѣмъ имъ одинаково. Такіе признаки можно найти, какъ въ *строеніи* различныхъ общественныхъ группъ, т. е. въ составѣ и сочетаніи ихъ элементовъ, такъ и въ ихъ *отправленіяхъ*, т. е. различныхъ дѣятельностяхъ, посвященныхъ сохраненію и улучшенію общежитія.

Для удобства обозрѣнія, различные виды обществъ можно соединить въ два класса: первый будетъ заключать въ себѣ постоянныя общества, второй—временныя союзы. Какъ дѣленіе такъ и названія годятся въ дѣло лишь за неимѣніемъ лучшихъ. Иногда взаимное сочувствіе и содѣйствіе связываетъ данную совокупность людей только для нѣкоторыхъ опредѣленныхъ цѣлей и потребностей. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ удовлетвореніи этихъ потребностей, люди смыкаются въ общество, думаютъ и дѣйствуютъ заодно, а во всѣхъ прочихъ

случаяхъ они живутъ и дѣйствуютъ особнякомъ, независимо другъ отъ друга. Таковы торговья и промышленныя товарищества, благотворительныя ассоціаціи, общества для защиты и распространенія мнѣній и реформъ въ области политики и морали. Это будутъ временные союзы. Напротивъ, въ другихъ случаяхъ взаимное сочувствіе и содѣйствіе членовъ общества простирается, или должно простираться, на всѣ главнѣйшіе интересы и потребности жизни, такъ что каждый разъ, когда дѣло идетъ объ удовлетвореніи такой потребности, всѣ дѣйствуютъ или должны дѣйствовать заодно. Примѣромъ такихъ обществъ могутъ служить патриархальная семья, родъ, община, церковь, корпорація, округъ, кантонъ, наконецъ, государство. Это будутъ общества въ тѣсномъ смыслѣ слова. Какъ союзы, такъ и общества составляютъ продуктъ одной и той же политической способности; только въ послѣднихъ она проявляетъ себя съ большимъ разнообразіемъ и постоянствомъ, что и дѣлаетъ ее здѣсь болѣе доступною для историка.

Способность къ сочувствію и содѣйствію стоитъ въ связи съ общимъ уровнемъ умственной и нравственной культуры. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что связь эта—не прямая зависимость. Высокая культура не всеми своими сторонами благоприятствуетъ развитію политической способности. Наоборотъ, низкая культура не во всемъ мѣшаетъ этому развитію. Задача состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить такой типъ умственной и нравственной куль-

туры, который, доставляя свободу и средства для личной жизни, заключалъ бы въ себѣ достаточно общіе и могучіе стимулы къ сочувствію и содѣйствію по первому призыву.

Если, сравнивая различные виды союзовъ и обществъ, мы обратимъ вниманіе на ихъ строеніе, или на сочлененіе особей, входящихъ въ составъ ихъ, то не трудно будетъ примѣтить здѣсь два постоянные признака, свойственные всѣмъ видамъ обществъ, хотя въ каждомъ изъ нихъ они проявляются въ особой формѣ. Признаки эти суть: а) солидарность между членами общества и б) власть или господство однихъ съ соотвѣтствующимъ подчиненіемъ другихъ. Каждая группа людей будетъ обществомъ, не по имени, а на дѣлѣ, лишь на сколько ей свойственны оба эти признака. Тамъ, гдѣ есть общество, всегда есть нѣчто, заставляющее членовъ его тяготѣть другъ къ другу сильнѣе, чѣмъ къ постороннимъ людямъ. Общественныя связи бываютъ весьма различны по своему содержанію и крѣпости, но по своей природѣ онѣ сходны и всегда состоятъ изъ представленій, идей, принциповъ, идеаловъ, которые живутъ въ сознаніи каждаго члена общества и дѣйствуютъ въ одномъ и томъ же направленіи на ихъ чувство и волю. Присутствіе идей, одинаковыхъ по содержанію, одинаково дѣйствующихъ на чувство и волю, порождаетъ солидарность между людьми. Солидарность, примѣченная и сознательная, стягиваетъ людей въ общество.

Въ каждомъ союзѣ или обществѣ всегда замѣчается отношеніе господства и подчиненія, въ силу котораго одни члены служатъ примѣромъ, другіе подражаютъ этимъ примѣрамъ; одни идутъ впереди, другіе слѣдуютъ за ними; одни приказываютъ, другіе повинуются. Обстоятельства, обуславливающія господство однихъ и подчиненіе другихъ бываютъ весьма различны, начиная отъ превосходства личной силы и доблести и кончая преимуществомъ положенія, обезпечивающаго содѣйствіе совокушной силы общества.

Два указанные основные признака—солидарность и власть—въ жизни каждой общественной группы подвергаются преобразованіямъ, вслѣдствіе которыхъ измѣняется строеніе общества и его жизнь. Если, оставивъ въ сторонѣ болѣе мелкія общественныя группы, мы обратимъ вниманіе только на государства, какъ на самыя крупныя и долговѣчныя, то и здѣсь преобразованія, испытываемыя обоими признаками, окажутся на первый взглядъ весьма разнообразными. У разныхъ народовъ и въ разные эпохи развитіе политическихъ связей и преобразование политической власти шло путями, повидимому, различными. Изъ одного и того же зерна (патріархальной общеарійской семьи) греки, римляне, германцы, кельты и славяне сдумѣли выростить государственныя формы, съ виду весьма разнообразныя. Но, если, сравнивая исторію этихъ народовъ, мы сдумѣемъ отдѣлить въ каждомъ историческомъ явленіи то, что свойственно ему по самой природѣ,

отъ того, что привнесено обстановкой его въ данномъ случаѣ, то за видимымъ разнообразіемъ окажется весьма значительное сходство. Исторіи отдѣльныхъ государствъ древняго и новаго міра съ этой точки зрѣнія представляють безконечное множество варіацій относительно немногихъ *типическихъ* формъ и процессовъ, которые повторяются всюду, гдѣ старыя общественныя связи смѣняются новыми. гдѣ власть изъ однихъ рукъ переходитъ въ другія. Намѣтить эти основныя или типическіе процессы и факты въ высшей степени необходимо для точнаго опредѣленія предмета и границъ политической исторіи.

§ 8. Какъ сказано было выше, первая общая черта въ строеніи всѣхъ общественныхъ группъ есть солидарность между членами каждой группы. Первичныя основы такой солидарности заключаются въ единствѣ челоѳческой природы, въ силу котораго всѣ люди подобятея другъ другу, какъ въ воспріятіи и отчасти въ переработкѣ внѣшнихъ впечатлѣній, такъ и въ выраженіи своихъ мыслей и чувствъ (языкъ жестовъ и знаковъ). Солидарность, въ силу единства организаци, свойственна не только людямъ, но и животнымъ; въ развитыхъ челоѳческихъ обществахъ она очень рѣдко проявляется сама по себѣ, безъ участія другихъ политическихъ мотивовъ и во всякомъ случаѣ можетъ дать поводъ лишь къ кратковременнымъ и случайнымъ сближеніямъ. Всѣ устойчивыя и правильныя группы, наблюдаемыя въ общественной жизни, обязаны своимъ происхожде-

ніемъ уже дальнѣйшему развитію этой первичной солидарности, за которымъ и слѣдитъ политическая исторія. Исходная точка, съ которой началось политическое развитіе образованныхъ народовъ относится къ такой отдаленной порѣ, отъ которой не сохранилось никакихъ слѣдовъ или воспомнаній. О ней мы можемъ судить лишь по аналогіи. Бродячія орды дикарей въ Тасманіи состоятъ изъ небольшого числа особей, которыя обыкновенно живутъ врозь или парами, соединяются вмѣстѣ лишь передъ лицомъ врага, а по минованіи опасности снова расходятся и живутъ особнякомъ. Патеръ Бергеръ, 17 лѣтъ прожившій среди индѣйцевъ Калифорніи, такъ изображаетъ ихъ политическое состояніе.—„У нихъ нѣтъ ни правленія, ни религіи, ни судей, ни полиціи, ни законовъ. Всѣ они считаются равными между собою, и каждый поступаетъ, какъ хочетъ, не спрашивая своего сосѣда и не заботясь о его мнѣніи; поэтому всѣ пороки и злодѣянія остаются у нихъ ненаказанными, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда обиженное лицо или его родственники сами становятся судьями и мстятъ за себя виновной сторонѣ. Различныя племена отнюдь не представляютъ изъ себя собранія разумныхъ существъ, подчиняющихся законамъ и повиновающихся начальникамъ, но гораздо болѣе походятъ на стадо свиней, разгуливающихся по своему собственному произволу: сегодня они были вмѣстѣ, а завтра разбѣгутся и будутъ врозь, пока когда нибудь снова не столкнутся случайно“. Такова низшая ступень политиче-

скаго развитія, наблюдаемая нынѣ. Образованные народы также нѣкогда стояли на ней и затѣмъ постепенно въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей дошли до созданія великихъ обществъ, члены которыхъ соединены въ одно связное и стройное тѣло яснымъ представленіемъ объ организаціи, способной наилучшимъ образомъ обезпечить для нихъ свободу и порядокъ, проникнуты живѣйшей любовью къ своему общественному строю и соображаются съ нимъ во всѣхъ своихъ желаніяхъ и дѣйствіяхъ. Отъ привычки сближаться лишь на краткое время и то подъ давленіемъ самыхъ острыхъ и грубыхъ побужденій образованные народы дошли до способности соединяться преднамѣренно и по плану въ прочныя и плотныя группы подъ вліяніемъ самыхъ отвлеченныхъ идей и самыхъ отдаленныхъ цѣлей, даже вопреки настроеніямъ и стремленіямъ минуты.

Слѣдя за развитіемъ солидарности у различныхъ народовъ, можно примѣтить сквозь пеструю оболочку конкретныхъ и единичныхъ фактовъ нѣкоторыя общія, типическія черты. Всюду прогрессъ солидарности выражается въ томъ, что люди пріучаются постепенно сближаться, думать и дѣйствовать заодно подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе сложныхъ и отдаленныхъ мотивовъ. Сначала люди соединяются въ группы въ силу сотрудничества, потомъ родства, далѣе—религіозныхъ вѣрованій, сосѣдства, сходства господствующихъ занятій, сходства политическихъ принциповъ и идеаловъ. Общество, разъ установившееся на какой бы

то ни было основѣ, само изъ себя рождаетъ потомъ новые мотивы къ сближенію и объединенію, которые вызываютъ и новую группировку членовъ общества.

Побужденіемъ къ солидарности, или политическимъ мотивомъ, можетъ быть каждое обстоятельство, способное вызвать во многихъ людяхъ одинаковую реакцію со стороны ума и чувства, лишь бы только это обстоятельство дѣйствовало продолжительно и въ одномъ направленіи. Каждый политическій мотивъ, сплотивъ людей и образовавъ въ нихъ привычку въ извѣстныхъ случаяхъ думать и дѣйствовать за-одно, затѣмъ постепенно отодвигается на задній планъ въ ихъ сознаниі, блѣднѣетъ, и утрачиваетъ власть надъ умомъ и чувствомъ, и въ такомъ видѣ сохраняетъ способность поддерживать то, что есть, но уже не внушаетъ нововведеній. „Пока учрежденія еще юны и требуютъ усиленнаго раченія для приведенія ихъ въ дѣйствіе, они въ состояніи воодушевить общество и дать ему толчекъ. Но какъ скоро дѣло вошло въ обычную колею, такъ неизбѣжно наступаетъ пора, когда виѣдряется рутина и начинаютъ господствовать личныя пререканія и дразги“ (Чичеринъ, „Собственность и государство“). Послѣднимъ отголоскомъ угасшаго политическаго мотива являются обряды и церемоніи, хранимые обществомъ вопреки его новымъ стремленіямъ и потребностямъ. Примѣры перерожденія или увяданія политическихъ мотивовъ можно видѣть въ быту завоевательной дружины, став-

шей аристократіей среди побѣжденныхъ; въ быту рода, сдѣлавшагося сельской общиной по переходѣ отъ кочеваго состоянія къ осѣдлому; въ быту промышленной корпораціи, которая уничтожила конкуренцію и добилась монополіи и т. д.

Когда внутри общественной группы зарождаются новые мотивы къ сближенію людей, они почти всегда дѣйствуютъ не на всею ея пространствѣ и оказываютъ давленіе лишь на нѣкоторую часть ея членовъ. Такъ бываетъ, напримѣръ, когда дѣло идетъ о подъемѣ подчиненнаго класса или подчиненной народности, или о сохраненіи преимуществъ однимъ сословіемъ въ ущербъ другимъ, или въ отторженіи отъ цѣлаго нѣкоторыхъ частей его, недовольныхъ своимъ положеніемъ, или объ отмѣнѣ законовъ, обидныхъ и стѣснительныхъ для одной лишь части общества.

Въ подобныхъ случаяхъ возможны два различныхъ исхода: или между новымъ политическимъ мотивомъ, дѣйствующимъ лишь на извѣстную часть общества, и прежними, скрѣпляющими все общество, противорѣчія нѣтъ, или же оно есть и притомъ въ болѣе или менѣе сильной степени. Въ первомъ случаѣ возможно сочетаніе прежняго мотива съ новымъ, образующее болѣе сложный политическій мотивъ, способный дать болѣшую плотность и связность извѣстной части общества въ сравненіи съ остальными. Такъ бываетъ, напримѣръ, въ началѣ борьбы между сословіями или народностями, входящими въ составъ одного го-

сударства. Среди сословія или народности зарождается новый мотивъ въ видѣ опредѣленнаго представленія о недостаткахъ существующаго положенія данной группы и о желаемомъ исправленіи его. Этотъ мотивъ вначалѣ дѣйствуетъ лишь на высшій слой сословія или народности и скрѣпляетъ его въ добавокъ къ прежнимъ, новою связью, которая—пока—не распространяется на остальные слои. Тамъ, гдѣ между новымъ мотивомъ и прежнимъ есть противорѣчіе, является неминуемо и борьба, въ которой новый мотивъ въ предѣлахъ своего первоначальнаго дѣйствія большею частью остается побѣдителемъ. Въ пѣдрахъ данной группы образуется другая, сплоченная новымъ мотивомъ; между нею и цѣлымъ начинается рядъ взаимодѣйствій, ведущихъ или къ дальнѣйшему разложенію общества и обособленію его частей или къ поглощенію одной изъ нихъ другою. Такимъ образомъ, возникновеніе новыхъ политическихъ мотивовъ всегда ведетъ къ измѣненію въ строеніи общества. Въ случаѣ согласія новаго мотива съ прежними, строеніе общества измѣняется въ смыслѣ большаго сосредоточенія и большей связности элементовъ (интеграція). Въ случаѣ же ихъ противорѣчія происходятъ измѣненія въ смыслѣ большаго расчлененія общества и обособленія его элементовъ (дифференціация): Обыкновенно въ жизни общества измѣненія идутъ одновременно, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ направленіи, но такъ, что иногда преобладаетъ первое, иногда же второе. Слѣдя за развитіемъ солидарности: въ данной обще-

*

ственной группѣ, историкъ долженъ изучить и опредѣлить:

а) Обстоятельства, сплотившія данную группу и породившія тѣ политическіе мотивы, которые дѣйствовали въ ея нѣдрахъ въ началѣ исторіи ея.

б) Содержаніе, силу и предѣлы этихъ мотивовъ, т. е. вѣрованія, интересы и обычаи, связывавшіе членовъ данной группы и располагавшіе ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ думать и дѣйствовать за-одно.

в) Обстоятельства, содѣйствовавшія образованію вторичныхъ связей, способствовавшихъ еще большему уплотненію группы.

г) Ослабленіе первоначальныхъ мотивовъ вслѣдствіе ихъ перерожденія и разложенія.

д) Обстоятельства, содѣйствовавшія появленію мотивовъ, дѣйствовавшихъ вопреки первоначальнымъ.

е) Расчлененіе данной группы на вторичныя вслѣдствіе дѣятельности обособляющихъ мотивовъ.

ж) Взаимодѣйствіе между первоначальной группой и вторичными, возникшими внутри ея, и вытекающіе отсюда новые мотивы или къ сближенію частей, или къ обособленію ихъ.

Сводъ наблюденій, относящихся ко всѣмъ этимъ пунктамъ, составитъ исторію развитія солидарности въ данной общественной группѣ, т. е. исторію того процесса, посредствомъ котораго орда дикарей, живущихъ особнякомъ, превращается въ общество, въ которомъ, какъ въ организмѣ, между всѣми членами есть постоянное и живое сочувствіе.

Примѣры религіи, какъ основы солидарности можно видѣть въ Индіи, гдѣ разница въ религіи ведетъ къ образованію новыхъ кастъ. Различіе въ доктринѣ, обрядѣ, случайныя и прихотливыя суевѣрія расчленяють общину на новыя группы, члены которыхъ ѣдятъ и вступаютъ въ браки только другъ съ другомъ. Каждая новая секта стремится превратиться въ новую касту (A. Luall Asiatic Studies religions and social. London 1882).

Какъ примѣръ сочетанія и осложненія мотивовъ см. Stubbs, Constit. History of England. Oxford. 1874 p. 48 сл. Въ основѣ марки лежали два начала: родство и общее владѣніе землею; въ силу родства члены марки были обязаны мстить и отвѣчать другъ за друга. Размѣры пени или виры опредѣляются не только *состояніемъ* лица, но иногда и размѣромъ участка находяшагося въ его владѣніи. Родовое начало здѣсь сочеталось съ территориальнымъ: первое требуетъ виры, второе—опредѣляетъ ея размѣры.

§ 9. Второй признакъ, замѣчаемый въ строеніи всѣхъ обществъ, составляетъ, какъ было сказано, отношеніе господства и подчиненія. Этотъ признакъ также подлежитъ измѣненію: люди совершенствуются въ способности управлять и повиноваться и при томъ такъ, что если сравнить исторію различныхъ обществъ въ этомъ отношеніи, то и здѣсь окажутся нѣкоторыя типическія общія черты, встрѣчающіяся всюду.

Подобно солидарности отношеніе господства и подчиненія свойственно обществамъ не только людей, но и животныхъ. Первоначально

вождь есть не болѣе, какъ выдающаяся особь (*ἕξολος ἄλλων* у Гомера), которая вслѣдствіе превосходства своей организациі опережаетъ при совокупномъ дѣйствиі (напр. нападеніи) другія особи и производитъ эффектъ болѣе значительный, чѣмъ производятъ онѣ. Правитель или вождь въ началѣ есть не болѣе, какъ образецъ, которому остальные инстинктивно и невольно подражаютъ. Первый господствуетъ и не имѣетъ никакого представленія о своихъ правахъ; вторые подчиняются, но не сознаютъ своихъ обязанностей. Политическая исторія застаётъ этотъ фактъ готовымъ и слѣдить лишь за его дальнѣйшими преобразованіями. Инстинктивное подражаніе, повторяясь, порождаетъ первые зачатки сознанія о правѣ быть образцомъ и объ обязанности подражать образцу. Слѣдствіемъ подражанія бываетъ согласіе между поведеніемъ вождя и его послѣдователей; согласіе замѣчается и становится источникомъ удовольствія для обѣихъ сторонъ всякій разъ, какъ согласныя дѣйствія ведутъ къ желаемымъ и полезнымъ результатамъ. Но какъ только для вождя станетъ источникомъ удовольствія согласіе дѣйствіиі его подчиненныхъ съ его собственнымъ поведеніемъ, такъ всякое нарушеніе согласія или уклоненіе отъ подражанія порождаетъ неудовольствіе. Въ этихъ двухъ реакціяхъ чувства кроется зародышъ сознанія вождемъ своихъ правъ, а подчиненными своихъ обязанностей.

Таковъ простѣйшій видъ, въ которомъ исторія впервые замѣчаетъ отношеніе господства

и подчиненія въ людскихъ обществахъ. Въ немъ не трудно замѣтить три элемента: а) авторитетъ или преобладаніе, опирающееся на превосходство однихъ въ чемъ либо передъ другими; б) понятія и чувства, опредѣляющія отношенія господствующихъ къ подчиненнымъ; с) понятія и чувства, опредѣляющія отношенія подчиненныхъ къ господствующимъ. Вслѣдствіе постепеннаго преобразованія всѣхъ этихъ элементовъ отношеніе господства и подчиненія принимаетъ совсѣмъ иной видъ въ обществахъ, стоящихъ на высшей ступени политическаго развитія. Авторитетъ, основанный на личномъ превосходствѣ, здѣсь смиряется и уступаетъ свое мѣсто авторитету отвлеченной идеи закона, владычествуящаго равно надъ всѣми, и при томъ въ такой степени, до которой никогда не достигаетъ могущество личной власти. Права и преимущества власти, переставъ быть принадлежностью личнаго превосходства, являются лишь средствомъ для отправленія службы, довѣренной обществомъ, а обязанности получаютъ характеръ добровольнаго участія въ тягостяхъ общежитія ради выгодъ, съ нимъ соединенныхъ. Сравнивая исходную или первоначальную форму, въ какой проявляется отношеніе господства и подчиненія въ людскихъ обществахъ, съ тою, которая наблюдается въ высшихъ обществахъ, не трудно замѣтить великое разстояніе между ними. Исторія слѣдитъ за тѣмъ, какъ различные народы проходятъ это разстояніе, одни быстро и прямо, другіе медленно и зигзагами, и старается подъ безко-

нечнымъ разнообразіемъ единичныхъ фактовъ уловить общія черты или типическія явленія этого процесса. Съ этой цѣлью она обращаетъ вниманіе на слѣдущія обстоятельства.—

а) Преобразование авторитета. Первоначальной основой авторитета было, можно думать, превосходство тѣлесной силы и ловкости. Оно и впоследствии не утрачиваетъ вовсе своего значенія, хотя и заслоняется другими видами превосходства: опытностью, знатностью, богатствомъ, дарованіями, высотой общественнаго положенія или превосходствомъ политическихъ идеаловъ и принциповъ.—Каждый изъ этихъ видовъ превосходства можетъ служить основаніемъ для авторитета и преобладанія, а преобладаніе, разъ достигнутое, въ свою очередь стремится обезпечить за господствующими тотъ самый видъ превосходства, который служитъ основой ихъ власти: знатность, напр., порождаетъ господство, которое въ свою очередь обезпечиваетъ знатность и т. д. Изучая жизнь данной общественной группы, историкъ долженъ слѣдить за тѣмъ, какъ на ряду съ первоначальными основами авторитета, въ ней дѣйствующими, мало по малу возникаютъ и пріобрѣтаютъ значеніе другіе виды превосходства, слѣдствіемъ чего бываетъ—

б) Перемѣщеніе авторитета. Господство всегда принадлежитъ или стремится принадлежать тѣмъ, кто въ данное время обладаетъ свойствами, способными производить на умы такое дѣйствіе, которое выражается въ обаяніи и затѣмъ въ готовности подражать, подчиняться.

Но мѣрѣ того, какъ эти свойства теряютъ способность производить обаяніе и располагать къ подчиненію и замѣщаются въ этомъ смыслѣ другими, господство переходитъ отъ тѣхъ, кто обладалъ ими прежде, къ тѣмъ, кто готовы для него теперь. Преобладаніе и авторитетъ перемѣщаются изъ одного слоя общества въ другой въ томъ случаѣ, когда новыя основы авторитета не совмѣщаются съ прежними. Такъ бываетъ, напр., когда авторитетъ, основанный на знатности происхожденія, заслоняется возрастающимъ могуществомъ капитала.

с) Съ измѣненіемъ въ основахъ авторитета бываетъ связано измѣненіе въ представленіяхъ и чувствахъ, относящихся къ правамъ и обязанностямъ. Сознаніе объ этихъ правахъ и обязанностяхъ постепенно расширяется и проявляется сначала у господствующихъ, потомъ у подчиненныхъ. Свои болѣе выработанныя понятія правители стараются виѣдрить въ умы управляемыхъ, такъ что политическое развитіе послѣднихъ на первыхъ порахъ состоитъ лишь въ воспріятіи идей, которыя проповѣдуются и поддерживаются властью. Связь между основами авторитета и дѣйствіемъ ихъ на умъ подданныхъ становится предметомъ размышленія; сознательность и преднамѣренность проникаютъ все болѣе и болѣе въ отношенія между правителями и подданными. Съ этимъ неминучемо бываетъ связано стремленіе господствующихъ къ расширенію своихъ правъ и преимуществъ на счетъ подчиненныхъ. Къ тому, что было первоначальнымъ источникомъ авторитета

и уваженія, присоединяется многое другое, представляющее съ своей стороны притязанія на авторитетъ и уваженіе къ себѣ. Личное превосходство и заслуги связываются впоследствии съ памятью о доблести предковъ, съ знатностью происхожденія; богатство соединяется съ высотой общественнаго положенія, и слѣдствіемъ такого сочетанія различныхъ основъ авторитета бываетъ обыкновенно расширеніе правъ для однихъ и умноженіе обязанностей для другихъ.

d) Подобно тому какъ въ обществѣ на ряду съ мотивами къ сближенію существуютъ мотивы къ разъединенію, въ немъ также всегда есть не только установившееся господство и подчиненіе, но также и мотивы, стремящіяся къ разрушенію его; въ немъ не только есть авторитетъ, но есть и возмущеніе противъ авторитета. Выше было сказано, что мотивы разъединенія, ведущіе къ распаденію первичной общественной группы, въ то же время содѣйствуютъ сближенію людей и образованію новыхъ группъ. Что по отношенію къ прошедшему оказывается разрушеніемъ, то же самое по отношенію къ будущему является созиданіемъ. Такъ точно и мотивы, стремящіяся подорвать авторитетъ, установившійся въ обществѣ, въ то же самое время водружаютъ на его мѣстѣ новый. Они исторгаютъ власть изъ рукъ прежнихъ господъ, чтобы передать ее въ руки новымъ; они подрываютъ довѣріе къ прежнимъ опредѣленіямъ правъ и обязанностей съ тѣмъ, чтобы замѣнить ихъ новыми. Дѣйствуя разру-

нительно въ одномъ направленіи, эти мотивы созидаютъ въ другомъ. Мотивы антиавторитетности можно обозначить иначе, какъ стремленіе къ свободѣ. Въ сущности стремленіе къ свободѣ всегда есть возстаніе противъ одного авторитета, уже утратившаго обаяніе, во имя другаго, за которымъ въ данную минуту признается право на господство. Стремленіе къ свободѣ и возстаніе противъ установившагося авторитета предполагаетъ два условія: а) обстоятельства, отклоняющія общество или какую либо часть его отъ направленія, указаннаго существующимъ авторитетомъ; б) сознание противорѣчія происходящаго отсюда. Историкъ надлежитъ внимательно слѣдить за первыми проблесками оппозиціи, такъ какъ въ нихъ сказывается зарожденіе новаго авторитета, стремящагося иначе распредѣлить господство и подчиненіе, права и обязанности въ данномъ обществѣ.

§ 10. Солидарность и власть—двѣ основныя черты въ строеніи общества—являются необходимыми условіями коллективной дѣятельности; первое связываетъ людей въ одну группу; второе объединяетъ и направляетъ движеніе этой группы. Тамъ, гдѣ есть оба условія, люди могутъ общими силами добиваться желаемыхъ цѣлей, могутъ жить не только лично, но и общественно. Цѣли, ради которыхъ люди смыкаются въ общество, весьма разнообразны и по содержанію, и по объему. Возведеніе обширныхъ сооруженій вызываетъ къ жизни акціонерныя товарищества; обезпеченіе безопа-

ности и свободы располагаетъ людей къ государственному союзу. Но каковы бы ни были цѣли общественныхъ группъ, политическая исторія ихъ касается лишь мимоходомъ, лишь на сколько это необходимо для пониманія и объясненія явленій общественности, составляющихъ спеціальнѣйшій предметъ ея изслѣдованій. Цѣлью и результатомъ коллективной дѣятельности можетъ быть богатая литература, роскошное искусство, чистое и глубокое вѣроученіе. Но какъ ни прекрасны, какъ ни занимательны эти продукты общественной жизни, политическая исторія не развлекается ихъ изученіемъ и сосредоточиваетъ все свое вниманіе не на продуктахъ коллективной дѣятельности, а на коллективномъ характерѣ этой послѣдней, на томъ, что отличаетъ дѣятельность общества отъ дѣятельности единицъ, не сомкнутыхъ въ общество. Оставляя въ сторонѣ характеръ и происхожденіе цѣлей общежитія, политическая исторія занимается лишь изслѣдованіемъ тѣхъ явленій, которыя имѣютъ мѣсто всегда и всюду, гдѣ люди дѣйствуютъ сообща и за одно, и которыя въ своей совокупности образуютъ другую сторону общественности, именно: отправленія или функціи общества.

§ 11. Отправленія общественной жизни находятся въ тѣсной зависимости отъ строенія общества. Выше было сказано, что первую основную черту строенія составляетъ солидарность; съ этой чертой связано и первое отправленіе общественной жизни, именно: опредѣленіе и сохраненіе взаимныхъ отношеній между

членами общества, соответствующихъ основамъ и цѣлямъ общежитія. Чѣмъ шире и многостороннѣе эти цѣли, тѣмъ большую долю своей жизни каждый членъ общества долженъ посвящать на совмѣстную дѣятельность съ другими членами и тѣмъ тѣснѣе бываетъ кругъ, въ которомъ онъ можетъ дѣйствовать самъ по себѣ.

Совмѣстная дѣятельность въ виду общей цѣли ведетъ къ установленію новыхъ отношеній между членами общества, каждому даетъ права и на cadaго возлагаетъ обязанности. Справедливое опредѣленіе этихъ отношеній и устойчивое сохраненіе ихъ составляетъ необходимое условіе того, чтобы совмѣстная дѣятельность общества достигала своей цѣли. На осуществленіе этого условія въ каждомъ обществѣ затрачивается извѣстная доля труда. Все, что дѣлается обществомъ для опредѣленія и обезпеченія справедливыхъ отношеній между его членами, составляетъ первую функцію общественной жизни, которую, за неимѣніемъ лучшаго имени, мы назовемъ *функціей законности*, имѣя въ виду, что таковъ именно бываетъ результатъ ея для общества. Чтобы получить наглядное представленіе о содержаніи функціи законности, о томъ, какія явленія общественной жизни входятъ въ составъ ея,—для этого годится слѣдующій примѣръ. Съ появленіемъ городскихъ общественныхъ банковъ возникли новыя отношенія между вкладчиками банка съ одной стороны и городскими обществами съ другой. Цѣлый рядъ фактовъ (банковыхъ хищеній) обнаружилъ, что не достаетъ яснаго и

справедливаго опредѣленія этихъ отношеній. Возникла потребность въ такомъ опредѣленіи и въ отвѣтъ на нее явились толки, желанія и совѣты, высказываемые устно и въ печати. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія въ правительствѣ возникла мысль о пересмотрѣ и измѣненіи соотвѣтствующихъ статей уголовного и гражданскаго кодексовъ. Затѣмъ, когда новые законы будутъ выработаны, явятся приспособленія для проведенія ихъ въ жизнь; а, въ случаѣ ихъ нарушенія, въ судахъ возникнутъ новые процессы и будутъ примѣняться новыя кары. Вся длинная вереница различныхъ явленій, идущая отъ первой наники подъ влияніемъ крушенія банка до перваго судебнаго приговора, примѣняющаго къ дѣламъ этого рода новый законъ, будетъ входить въ составъ первой функціи общественной жизни.

Какъ видно изъ примѣра, функція эта очень сложна въ обществахъ болѣе развитыхъ. При болѣе пристальномъ анализѣ она оказывается разложимою на болѣе простые процессы. Вотъ они въ своей естественной послѣдовательности: образованіе новыхъ правилъ поведенія, сообщеніе имъ обязательной силы (санкція ихъ), проведеніе ихъ въ жизнь и возстановленіе въ случаѣ нарушенія. Подъ прямымъ давленіемъ жизни, порождающей новыя отношенія, въ умахъ членовъ общества возникаетъ всегда нѣсколько новыхъ правилъ: каждый готовъ самъ для себя установить законъ по своему усмотрѣнію (первый процессъ). Но изъ многихъ правилъ или опредѣленій, возникшихъ въ со-

знаніи отдѣльныхъ членовъ общества, лишь одно получаетъ силу, обязательную для всѣхъ и становится господствующимъ обычаемъ или положительнымъ закономъ (второй процессъ). Для проведенія своего въ жизнь законъ нуждается въ истолкованіи и контролѣ (третій процессъ). Въ случаѣ его нарушенія необходима особая дѣятельность для открытія нарушенія и исправленія его (четвертый процессъ).

Въ продолженіи жизни общества функція законности подвергается измѣненіямъ во всѣхъ своихъ элементахъ. Въ этомъ легко убѣдиться, сравнивая ее въ обществахъ болѣе или менѣе развитыхъ, или въ разные періоды исторіи одного и того же общества. Въ первобытномъ обществѣ всѣ четыре элемента функціи законности существуютъ лишь въ слабыхъ зачаткахъ. Положительныхъ законовъ тутъ вовсе нѣтъ; поведеніе людей опредѣляется здѣсь или обычаемъ или личнымъ усмотрѣніемъ. Сила обычая бываетъ иногда очень значительна, но пріобрѣтается она сама собою, а не вслѣдствіе преднамѣренной дѣятельности общества. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ поведеніе опредѣляется обычаемъ, первобытное общество не знаетъ мѣръ, предупреждающихъ отступленіе отъ обычая, или облегчающихъ примѣненіе его въ данномъ случаѣ. Общественная власть не вмѣшивается въ распри частныхъ лицъ, не преслѣдуетъ и не караетъ преступленій, предоставляя каждому возмѣщать свои протори и убытки собственными силами. Совсѣмъ иное бываетъ въ обществахъ, политически разви-

тыхъ. Поведеніе членовъ общества опредѣляется не столько обычаями, сколько положительными законами, которые высказываютъ точныя и ясныя требованія и сопровождаютъ ихъ не менѣе ясными и рѣшительными угрозами. Обязательность законовъ является слѣдствіемъ того, что, путемъ продолжительной и сложной работы, опредѣленія, подсказанныя жизнью, доводятся до верховной власти, одобряются ею и становятся ея повелѣніями. Весьма сложная дѣятельность съ не менѣе сложными приспособленіями существуетъ здѣсь для облегченія примѣненія закона и предупрежденія его нарушеній. Каждое нарушеніе закона встрѣчаетъ отпоръ со стороны цѣлаго общества, пресѣкается и исправляется съ помощью весьма сложной процедуры.

Преобразованія, которымъ подвергается функція законности въ продолженіи жизни даннаго общества, необходимо составляютъ предметъ изслѣдованія для политической исторіи. Сравнительное изученіе исторіи различныхъ обществъ показываетъ, что и въ этомъ преобразованіи рядомъ съ единичными чертами существуютъ и общія явленія, наблюдаемыя повсемѣстно, или, по крайней мѣрѣ, въ значительномъ числѣ случаевъ. Функція законности измѣняется параллельно и вслѣдъ за измѣненіемъ солидарности. Ослабленіе прежнихъ связей общегитія и замѣна ихъ новыми влечетъ за собою паденіе прежнихъ и появленіе новыхъ обычаевъ и законовъ. По мѣрѣ того, какъ общественныя связи становятся болѣе и болѣе

сознательными, изъ влеченій превращаются въ убѣжденія, возрастаетъ ясность, точность и обязательность законовъ. Усиленіе дифференціаціи (разнородности) въ строеніи общества влечетъ за собою умноженіе законовъ и расширеніе сферы ихъ примѣненія. По мѣрѣ того, какъ, вслѣдствіе проясненія и укрѣпленія общественныхъ связей, возрастаетъ интеграція (сплоченность) общества, исчезаетъ безучастное отношеніе членовъ общества къ соблюденію законовъ и уступаетъ мѣсто ревливой заботѣ о правильномъ и повсюдномъ ихъ примѣненіи. Съ возвышеніемъ и облагороженіемъ мотивовъ общежитія являются болѣе настойчивыя и цѣлесообразныя усилія къ водворенію справедливости въ области суда. На историкѣ лежитъ обязанность не только прослѣдить, какъ измѣнялась функція законности въ данномъ обществѣ, но и привести въ связь ея измѣненія съ преобразованіемъ соотвѣтствующей ей черты строенія, т. е. солидарности.

§ 12. Вторая функція общественной жизни стоитъ въ связи съ отношеніемъ господства и подчиненія. Ее составляетъ та доля совокупной дѣятельности членовъ общества, которая посвящается на опредѣленіе и согласованіе потребностей общежитія, на сосредоточеніе и примѣненіе силъ общества къ разрѣшенію вопросовъ внутренней и внѣшней политики, непрестанно возбуждаемыхъ жизнью. Эту функцію мы назовемъ *управленіемъ*. Чтобы составить себѣ наглядное представленіе о ея содержаніи, достаточно прослѣдить и связать въ умѣ въ

одинъ образъ все, что происходитъ въ обществѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда какая либо экстренная надобность (напр. борьба съ эпидеміей, наводненіемъ и т. п.) требуетъ новаго сосредоточенія и примѣненія общественныхъ силъ. Функція управленія также можетъ быть разложена на болѣе простые процессы. Подъ непосредственнымъ давленіемъ жизни въ сознаниі членовъ общества возникаютъ болѣе или менѣе ясныя желанія, относящіяся или къ устраненію неудобствъ и опасностей или къ созданію новыхъ удобствъ и обезпеченій жизни. Пока эти желанія остаются личными, въ нихъ бываетъ много разнообразія и даже противорѣчій. Это непосредственныя и разноголосныя отзывы элементовъ общества въ отвѣтъ на запросы жизни; это—непосредственное сознание и чувство ея требованій (первый процессъ). За нимъ слѣдуетъ согласованіе частныхъ желаній, выясненіе и обобщеніе смутныхъ и одностороннихъ представленій, дающее въ результатѣ такое рѣшеніе вопросовъ и такое опредѣленіе новой потребности, которое представляется наиболѣе согласнымъ съ интересами цѣлаго общества (или того, что ставитъ себя на его мѣсто), а не отдѣльныхъ членовъ его (второй процессъ). Когда вопросъ рѣшенъ въ теоріи, начинается новая дѣятельность, направленная къ подбору и сочетанію общественныхъ силъ, необходимому для рѣшенія этого вопроса на дѣлѣ (третій процессъ). Наконецъ общественныя силы, подобранныя и сочетанныя надлежащимъ образомъ, пускаются въ дѣло и со-

здають желанную перемѣну въ условіяхъ общежитія (четвертый процессъ). На всѣхъ стадіяхъ этого пути отъ сознанія новыхъ нуждъ до ихъ удовлетворенія даетъ себя чувствовать та основная черта въ строеніи общества, которую мы выше назвали отношеніемъ господства и подчиненія: всюду они идутъ впередъ, другіе слѣдуютъ, одни указываютъ, другіе повишаются указаніямъ.

Вслѣдствіе сложности задачъ, подлежащихъ общежитію, вслѣдствіе разнообразія средствъ, необходимыхъ для ихъ разрѣшенія, вслѣдствіе разрозненности общественныхъ силъ,—дѣятельность, направленная къ удовлетворенію потребностей общества, всегда бываетъ очень сложна и поглощаетъ большую долю силъ и труда. Плодомъ и выраженіемъ ея бываетъ болѣе или менѣе стройная организація общественныхъ силъ, болѣе или менѣе ясная программа того, что нужно для общества въ каждую минуту. —Ясность политической программы, стройность организаціи и правильность дѣйствія общественныхъ силъ—суть качества, приобретаемая каждымъ обществомъ постепенно путемъ продолжительной и трудной работы.

Въ продолженіи жизни общества функція управленія подвергается преобразованію во всѣхъ своихъ элементахъ. Въ первобытныхъ обществахъ она существуетъ лишь въ зачаточной формѣ. Подъ давленіемъ жизни новыя потребности здѣсь возникаютъ гораздо рѣже, бываютъ просты и однообразны, и удовлетворяются каждымъ по мѣрѣ его личныхъ силъ.

*

Лишь представленіе о грозящей опасности отъ врага и о вѣрной добычѣ равно затрогиваетъ всѣхъ и вынуждаетъ къ сосредоточенію и цѣлесообразному сочетанію общественныхъ силъ. Но и здѣсь открывается широкій просторъ для дѣйствія особнякомъ (припомнимъ, что первоначально битвы представляютъ рядъ поединковъ, а не столкновеніе массъ). Миновала опасность—и силы общества вновь утрачиваютъ связь и единство; дѣйствовавшій на полѣ битвы, остается безучастнымъ зрителемъ того, что происходитъ въ мирное время, предоставляя каждому жить по его усмотрѣнію. За отсутствіемъ сложныхъ потребностей, вынуждающихъ къ долговому сосредоточенію и сложному сочетанію общественныхъ силъ, въ первобытномъ обществѣ нѣтъ нужды въ сложной истройной администраціи.

Совсѣмъ другое мы видимъ въ обществахъ, достигнувшихъ высокаго развитія. Чтобы судить, до какихъ предѣловъ дошла здѣсь способность точно опредѣлять потребности минуты, быстро и вѣрно сосредоточивать и подбирать общественныя силы, направлять и руководить ихъ дѣятельностью, — для этого достаточно вникнуть въ то, что можетъ и что дѣйствительно дѣлаетъ военное управление во время войны.

Преобразования, испытываемыя функціей управленія, стоятъ въ тѣсной связи съ измѣненіями соотвѣтствующей ей черты въ строеніи общества. Когда господство переходитъ отъ тѣлесной доблести и силы къ мудрости и зрѣ-

лomu опыту, то вмѣстѣ съ этимъ усиливается способность общества къ болѣе чуткому воспріятію раздраженій и запросовъ жизни; число потребностей возрастаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширяется и кругъ дѣйствій общественной власти. Перемѣщеніе авторитета изъ одного общественнаго слоя въ другой влечетъ за собою и перемѣну въ направленіи внутренней и ви́шней политики, порождаетъ новые органы управленія и новыя сочетанія общественныхъ силъ. Еще болѣе содѣйствуетъ развитію и осложненію функцій управленія борьба различныхъ авторитетовъ, господствующихъ надъ различными долями общества. Тутъ внутри общества происходитъ сосредоточеніе и напряженіе силъ, подобное тому, которое составляетъ необходимую принадлежность международныхъ войнъ.

§§ 7—12 представляютъ попытку точнѣе отмежевать собственную область политической исторіи, какъ особой науки. Необходимо тщательнѣе провѣрить соображенія, здѣсь высказанныя, и развить ихъ въ точную и подробную программу, которая для историка служила бы руководствомъ, какъ при постановкѣ вопросовъ, такъ и при собираніи матеріала.

Для разъясненія понятія объ общественной и ея развитіи полезно обратить вниманіе на тѣ общества, въ которыхъ какъ строеніе, такъ и отправленія существуютъ въ извращенномъ видѣ, гдѣ вмѣсто солидарности —разладъ, вмѣсто стройной координаціи и соподчиненія дѣйствій—путаница и хаосъ. Весьма много фактовъ, интересныхъ именно

съ этой точки зрѣнія, представляетъ соч. Костомарова: „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“.

§ 13. *Задача политической исторіи.* Изучая различныя формы общественности, политическая исторія слѣдитъ за измѣненіями въ ихъ строеніи и отправленіяхъ. По причинамъ, легко понятнымъ, она сосредоточиваетъ свое вниманіе, особенно въ древнія времена, на государствахъ, какъ наиболѣе крупныхъ, долговѣчныхъ и важныхъ для человѣка формахъ общественности.

Задача политической исторіи принимаетъ тотъ или другой видъ, смотря потому: будутъ ли предметомъ ея изученія *всѣ* формы общественности (хотя бы только всѣ государства), которыя когда либо существовали, или же она будетъ изучать лишь развитіе *данной* формы общественности, существовавшей въ опредѣленномъ мѣстѣ и въ опредѣленное время. Въ первомъ случаѣ политическая исторія будетъ наукою общей и отвлеченной; во второмъ—частной и конкретной. Полезно было бы эти два вида науки отличить особыми названіями. Для первой можно предложить нѣсколько названій: сравнительная политика (Эд. Фриманъ), социологія, общая политика, наконецъ всеобщая политическая исторія. Вторую всего удобнѣе назвать національной политической исторіей.

Всеобщая политическая исторія изучаетъ образованіе и разложеніе *всѣхъ* формъ общественности съ тѣмъ, чтобы открыть и опредѣлить такіе моменты, явленія или фазы развитія, которыя усматриваются неизмѣнно въ жизни *всѣхъ* формъ вообще, или, по крайней мѣрѣ, въ

жизни всѣхъ формъ, принадлежащихъ въ одному типу и классу. Средствомъ для этого служить сравненіе и отвлеченіе. Предположимъ, что національная политическая исторія успѣла выяснитъ намъ образованіе, развитіе и разложеніе каждаго государства въ отдѣльности, какъ въ древнемъ, такъ и въ новомъ мірѣ. Тогда можно будетъ прежде всего размѣстить все множество государственныхъ формъ, когда либо существовавшихъ, на нѣсколько классовъ, такъ, чтобы каждый классъ заключалъ въ себѣ всѣ формы, представляющія видоизмѣненія или особи одного и того же типа. Это будетъ классификація формъ общественности; цѣль ея—привести въ порядокъ матеріаль и облегчить его дальнѣйшее изученіе: затѣмъ наука изучаетъ формы каждаго класса и типа сравнительно. Съ этой цѣлью она прежде всего съ исторіи каждаго государства снимаетъ, такъ сказать, ея наружный покровъ, тотъ слой, который состоитъ изъ единичныхъ фактовъ, изъ подробностей, существующихъ въ этомъ видѣ только здѣсь и нигдѣ болѣе. Подъ этимъ слоемъ, заключающимъ въ себѣ все индивидуальное, лежитъ другой, состоящій изъ фактовъ уже не единичныхъ и конкретныхъ, а болѣе отвлеченныхъ и общихъ. Съ этимъ слоемъ и имѣетъ дѣло всеобщая политическая исторія. Изучая его, она выдѣляетъ черты общія образованію, развитію и разложенію всѣхъ политическихъ формъ даннаго типа, когда и гдѣ либо существовавшихъ. Соединяя ихъ вмѣстѣ, наука получитъ общій законъ, которому слѣдуетъ

жизнь всѣхъ особей того или другаго типа. Законъ этотъ будетъ имѣть приблизительно такой видъ: всегда и всюду, гдѣ возникали, развивались и разлагались государственныя формы такого-то типа, имѣла мѣсто такая послѣдовательность явленій: а, b, с, d, е.... Явленія, обозначенныя здѣсь буквами и остающіяся пока неизвѣстными, будутъ представлять ступени и фазы, черезъ которыя проходило всякое государство даннаго типа въ своей жизни.

Когда будутъ установлены законы развитія отдѣльныхъ типовъ, возможно, что при сличеніи ихъ окажутся черты, общія всѣмъ типамъ. Совокупляя эти черты, получимъ законъ, которому подчиняются въ своемъ развитіи всѣ формы общественности (Въ видѣ примѣра сравнительнаго изученія политическихъ формъ, можно указать: Политику Аристотеля—русскій переводъ Скворцова, Москва, 1865; Г. Спенсера „Развитіе политическихъ учреждений“, С.-Пб., 1882 г.; Э. Фримана „Сравнительная политика“, переводъ Коркунова, С.-Пб., 1880. У Фримана имѣются дѣльныя замѣчанія о примѣненіи сравнительнаго метода)

Иначе представляется задача національной политической исторіи. Изучая жизнь даннаго общества, она, во 1-хъ, должна начертать лѣтопись его развитія, т. е. намѣтить въ хронологическомъ порядкѣ измѣненія, имъ испытанныя въ тѣхъ пунктахъ, которые указаны были выше. Когда эта лѣтопись будетъ готова, то окажется, что общій законъ развитія проявляется и въ жизни даннаго общества, что послѣднее въ

своемъ образованіи, развитіи и разложеніи прошло черезъ тѣ же фазы и ступени, черезъ которыя проходили и другія общества того же типа. Въ этомъ отношеніи національная политическая исторія будетъ лишь поясненіемъ и подтвержденіемъ того, что установлено всеобщей. Собственное же дѣло национальной исторіи состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить тѣ условія, въ силу которыхъ общественная жизнь даннаго народа получила своеобразный характеръ и въ своихъ преобразованіяхъ, кромѣ общихъ тишическихъ чертъ, представляетъ множество другихъ, свойственныхъ ей одной. Эти условія весьма сложны и разнообразны, и опредѣленіе ихъ составляетъ главную и весьма трудную задачу національной исторіи. Трудность эта увеличивается еще болѣе вслѣдствіе недостатка сколько нибудь прочной общей теоріи развитія политическихъ формъ.

§ 14. Приведенными выше соображеніями опредѣляется какъ предметъ, такъ и задача политической исторіи Эллиновъ. Первоначально общія всему племени зачатки политической способности развивались въ области, занятой греками, при весьма различныхъ условіяхъ и произвели множество государственныхъ формъ, сходныхъ въ подробностяхъ. Число общинъ-государствъ, выросшихъ на почвѣ собственной Греции и въ области греческой колонизаціи, намъ уже нельзя опредѣлить, но во всякомъ случаѣ оно было болѣе тысячи. Каждая изъ этихъ общинъ имѣла много своеобразнаго какъ въ устройствѣ своемъ, такъ и въ исторіи.

Было бы въ высшей степени поучительно объяснить это богатство и разнообразіе политическихъ формъ въ связи съ мѣстными условіями, опредѣлить и оцѣнить ихъ значеніе для благополучія личности и для свободнаго развитія ея способностей, открыть, что содѣйствовало и что препятствовало развитію этихъ маленькихъ государствъ, такъ ревниво оберегавшихъ свою самостоятельность и самобытность. Но сравнительная исторія политическихъ формъ, созданныхъ греческимъ племенемъ, невозможна по недостатку матеріаловъ. Изъ всей греческой литературы сохранились лишь остатки аѳинской; изъ того, что было написано въ Южной Италіи, Малой Азіи—не осталось почти ничего. Изъ документовъ, вырѣзанныхъ на камнѣ и металлѣ, наибольшая доля погибла, значительная, по всей вѣроятности, таится подъ землею и только относительно небольшая приведена въ извѣстность и описана. Незначительность ея относительно цѣлаго ясно видна изъ слѣдующаго: въ настоящее время извѣстно болѣе 30 тысячъ греческихъ надписей всякаго рода. Если положить, что число всѣхъ греческихъ общинъ не превосходило тысячи, то придется среднимъ числомъ лишь по 30 надписей съ небольшимъ на каждую, т. е. за все время существованія этихъ общинъ приходится несравненно менѣе, чѣмъ сколько появлялось въ нихъ надписей за одинъ мѣсяць. Недавно появился первый томъ новаго собранія греческихъ надписей. Въ немъ помѣщено около 600 надписей, и это за всю древнѣйшую эпоху грече-

ской исторіи до исхода V-го вѣка до Р. Х. Изъ всѣхъ надписей, явившихся въ Сициліи до конца V вѣка, приведено всего 16; изъ официальныхъ документовъ и частныхъ записей Спарты за все время до исхода Пелопонесской войны уцѣлѣло всего 43. При такомъ состояніи матеріала приходится довольствоваться изложеніемъ исторіи лишь двухъ общинъ греческихъ: Спартанской и Аѳинской, бывшихъ средоточіемъ политической жизни въ собственной Греціи вплоть до исхода IV-го столѣтія.

§ 15. Все, что уцѣлѣло изъ произведеній греческаго племени, можетъ служить источникомъ для его политической исторіи. Для удобства обозрѣнія весь матеріалъ, доступный историку, можно раздѣлить на двѣ доли, смотря по тому: выражается ли дѣятельность эллинскаго духа въ измѣненіи состава и формъ вещества, или въ символахъ и знакахъ.

Первую долю составляютъ всѣ остатки искусства и промышленности; вторую—всѣ памятники греческой рѣчи. Добываніе и обработка матеріаловъ того и другаго рода ведется съ возрастающей энергіей и систематичностью учеными силами всѣхъ націй Европы. Обзоръ ихъ дѣятельности индивидуальной и коллективной въ этомъ направленіи можно найти въ книгѣ: *Systematik und Geschichte der Archäologie der Kunst v. C. B. Stark, Leipzig. 1880.* Въ послѣднее время много шуму произвели въ ученomъ мірѣ открытія г. Шлимана, который въ 1871—1873 гг. произвелъ весьма удачныя раскопки на томъ мѣстѣ, гдѣ, по предположенію его и мно-

гихъ другихъ, находилась древняя Троя. Въ 1867 г. Шлиманъ произвелъ не менѣе удачныя раскопки на мѣстѣ древнихъ Микенъ и Тиринѳа. О Шлиманѣ и его открытіяхъ см. статью Герца въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1882 г.

Остатки древнѣйшихъ сооруженій встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ Греціи. Недалеко отъ берега аргосскаго залива на крутой скалѣ возвышаются циклопическія стѣны древняго Тиринѳа, о крѣпости котораго съ похвалою отзывается Гесіодъ. Верстъ 15 дальше отъ берега стоятъ стѣны Микенъ, также сложенныя изъ громадныхъ неотесанныхъ камней. Внутри ограды, образуемой ими, на глубинѣ отъ 20—35 ф. отъ поверхности Шлиманъ открылъ 6 гробницъ, частью высѣченныхъ въ скалѣ, частью выложенныхъ камнемъ. вмѣстѣ съ скелетами покойниковъ здѣсь были найдены сосуды изъ глины, алебастра и золота, украшенія изъ мѣди, серебра, золота, слоновой кости, стекла и горнаго хрустала, а также оружіе и шлемы изъ мѣди. Желѣза не оказалось. Золотыя вещи украшены изображеніями людей и животныхъ. На лицахъ шести покойниковъ лежали золотыя маски, а на груди—бляхи изъ золота. Въ мусорѣ надъ гробницами были найдены глиняные идолы самой грубой работы, напоминающіе изображеніе финикійской богини Ашеры. Описание и изображеніе микенскихъ древностей сдѣлано Шлиманомъ въ его сочиненіи Mykenae. Остатки древнихъ поселеній и кладбищъ найдены также въ Атикѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ Греціи (См. Max Duncker: „Geschichte

des Alterthums“, Ver B. pp. 25—41. Leipzig. 1881). Кладбище въ городѣ Kameiros на островѣ Родосѣ представляетъ богатый запасъ археологическаго матеріала для исторіи этой мѣстности отъ VII ст. вплоть до конца III ст. до Р. X. Число и разнообразіе остатковъ греческой промышленности и искусства возрастаетъ вообще по мѣрѣ удаленія отъ начала греческой исторіи; особенно же велико оно въ такихъ мѣстахъ, которыя служили центрами религіозной жизни, напр.: въ Олимпіи, Дельфахъ, на островѣ Делосѣ, въ Аѳинахъ и т. д.

Относительно того, какое значеніе имѣетъ археологическій матеріаль для политической исторіи Греціи, должно замѣтить слѣдующее. Прямыхъ и ясныхъ указаній на основы и порядки политическаго быта онъ не даетъ исторіку; въ этомъ отношеніи археологическій матеріаль въ сравненіи съ памятниками письменности почти не имѣетъ никакой цѣны. За то онъ заключаетъ въ себѣ богатый запасъ данныхъ для исторіи экономическаго и умственнаго развитія народа, т. е. для исторіи тѣхъ сторонъ жизни народа, отъ которыхъ зависитъ и политическій бытъ послѣдняго. По матеріалу, формѣ и украшеніямъ утвари и оружія, найденнаго въ микенскихъ гробницахъ, можно судить прямо лишь о степени богатства, объ уровнѣ техническихъ навыковъ и вкуса, о религіозныхъ вѣрованіяхъ и обрядахъ, существовавшихъ въ томъ слоѣ общества, къ которому принадлежалъ покойникъ. Но затѣмъ отсюда можно въ видѣ дальнѣйшихъ выводовъ полу-

чить косвенныя указанія и на политическій бытъ общества. По всеѣмъ признакамъ микенскія гробницы служили для погребенія лицъ царствующаго дома. Если же это такъ, то матеріаль ихъ, способъ постройки, количество и качество цѣнныхъ вещей, въ нихъ найденныхъ, указываетъ на богатство и могущество этого царствовавшаго дома, на господствующее положеніе и обширную власть, принадлежавшія ему; словомъ указываетъ на цвѣтущее состояніе монархіи, соотвѣтствующее тому, какое изображается въ древнѣйшихъ частяхъ *Иліады* и *Одиссеи*. Не будь у насъ поэмъ Гомера, микенскія древности до нѣкоторой степени замѣнили бы несравненно болѣе подробныя и ясныя извѣстія о царскомъ періодѣ греческой исторіи, заключающіяся въ этихъ поэмахъ. Значеніе археологическаго матеріала возвышается тѣмъ, что онъ распространенъ повсемѣстно и сообщаетъ хотя скудныя свѣдѣнія о состояніи образованности въ такую эпоху греческой исторіи, которая задолго предшествовала появленію письменныхъ памятниковъ. Французскій ученый Дюмонъ подвергъ тщательному изслѣдованію глиняныя вазы древнѣйшаго типа, находимыя во множествѣ въ разныхъ пунктахъ Греціи и на основаніи сходствъ и различій въ ихъ конструкціи и украшеніяхъ, вывелъ нѣсколько любопытныхъ заключеній о культурѣ Греціи въ періодъ времени отъ XVI до XI в., когда письменность была вовсе неизвѣстна Грекамъ (A. Dumont et J. Chaplin: *Les céramiques de la Grèce propre* Paris. 1881).

Изъ всего археологическаго матеріала наибольшее значеніе для политической исторіи Греціи имѣють монеты, которыя, соединяя въ себѣ изображеніе или штемпель съ надписью, составляютъ переходъ отъ памятниковъ археологическихъ къ письменныхъ. Благодаря тому, что въ Греціи каждая городская община ревниво оберегала свою самостоятельность и не терпѣла зависимости, разнообразіе греческихъ монетъ въ чеканѣ, штемпелѣ и надписи весьма велико. Съ устройствомъ монетнаго дѣла можно хорошо познакомиться изъ сочиненія: *La monnaie dans l'antiquité*, par. Fr. Lenormant I et II Paris. 1878. Здѣсь въ ясной и привлекательной формѣ изложены важнѣйшія данныя и выводы нумизматики касательно исторіи и техники монетнаго дѣла, законовъ, опредѣлявшихъ производство монеты, и представлено обзорнѣе монетныхъ системъ, бывшихъ въ употребленіи у всѣхъ народовъ древняго міра. Монеты вмѣстѣ съ немногими надписями составляютъ почти единственный матеріаль для исторіи большинства греческихъ городовъ, не принимавшихъ участія въ литературной жизни.

§ 16. Главнѣйшій матеріаль для политической исторіи Греціи заключается въ памятникахъ письменности, которые дѣлятся на два класса: а) памятники эпиграфическіе и б) памятники литературные. Первые начертаны на камнѣ и металлѣ и сохранились въ подлинномъ, хотя рѣдко въ неискаженномъ видѣ. Вторые начертаны на папирусѣ, пергаментѣ или бумагѣ и всегда представляютъ лишь позднія и неис-

правныя копіи съ утраченныхъ оригиналовъ. Текстъ надписи весьма часто представляетъ пробѣлы вслѣдствіе разрушительнаго вліянія времени, но въ нихъ нѣтъ другихъ искаженій и очень рѣдки описки, тогда какъ въ рукописяхъ и то, и другое встрѣчается очень часто. По своему содержанію надписи представляютъ краткія и сухія отмѣтки и извѣстія о фактахъ современныхъ или недавно случившихся. Извѣстія эти имѣютъ дѣловой характеръ; воображеніе и чувство не принимаютъ участія въ ихъ составленіи; содержаніе ихъ заимствуется прямо изъ дѣйствительности, а форма весьма часто предшесывается установившимся обычаемъ. Безъ сомнѣнія и въ надписяхъ есть не только ненамѣренныя, но и завѣдомыя уклоненія отъ истины, но здѣсь ихъ признать и отбросить несравненно легче, чѣмъ въ произведеніяхъ литературы, гдѣ впечатлѣнія и данныя дѣйствительности подвергаются переработкѣ не только разсудка, но воображенія и чувства, гдѣ большую роль играетъ умыселъ и личность автора, гдѣ между фактомъ и изложеніемъ его проходитъ часто длинный періодъ времени, въ продолженіи котораго память о фактѣ подвергается всякаго рода искаженіямъ. Но еще важнѣе то обстоятельство, что литература отличается склонностью останавливаться лишь на томъ, что выдается изъ ряда, поражаетъ взоръ своею новизною или чрезмѣрностью, тогда какъ эпиграфическіе памятники сообщаютъ вѣсть о самыхъ заурядныхъ и маловажныхъ событіяхъ жизни личной и общественной.

Число греческихъ надписейъ возрастаетъ ежедневно; въ настоящее время ихъ извѣстно болѣе 30 тысячъ. Необходимость собрать ихъ и расположить въ извѣстномъ порядкѣ чувствовалась еще въ древности, но только въ шнѣшнемъ столѣтіи она получила надлежащее удовлетвореніе. Здѣсь мы приведемъ лишь тѣ собранія надписей, безъ которыхъ невозможно обойтись при изученіи исторіи Греціи. Главная заслуга въ изданіи надписей, какъ греческихъ, такъ и латинскихъ принадлежитъ Берлинской Академіи Наукъ. Въ 1828 году начато ею первое полное собраніе греческихъ надписей—*Corpus inscriptionum graecarum*,—первый и второй томъ котораго вышелъ подъ редакціей Августа Бёка, третій подъ редакціей Франца, четвертый—Э. Курціуса и А. Кирхгофа. Отъ начала до окончанія предпріятія прошло 30 лѣтъ, такъ что по времени появленія IV-го тома, первый уже не соотвѣтствовалъ требованіямъ науки. Бёкъ въ предисловіи къ первому тому излагаетъ начала и приемы, коимъ, по его мнѣнію, надлежитъ слѣдовать при изданіи и объясненіи надписей. Главное достоинство труда Бёка—въ объясненіи надписей; главный недостатокъ—въ невѣрномъ иногда чтеніи и возстановленіи текста, вслѣдствіе того, что Бёкъ пользовался часто плохими списками, не имѣя возможности сличить ихъ съ оригиналами. Текстъ надписейъ издавъ впослѣдствіи въ болѣе исправномъ видѣ, по комментаріи Бёка остается и теперь образцомъ учености и остроумія.

Въ 1873 г. появился первый томъ новаго собранія греческихъ надписей, предпринятаго также Берлинской Академіей. На этотъ разъ аттическія надписи, составляющія огромное большинство въ общей массѣ эпиграфическаго матеріала, издаются отдѣльно отъ остальныхъ, подъ заглавіемъ: *Corpus inscriptionum atticarum*. Первый томъ заключаетъ въ себѣ надписи древнѣйшія (до 403 г.); второй—надписи отъ архонства Эвклида (403 г.) до Августа; третій—надписи римскаго періода; четвертый—вновь открытыя надписи, начная съ древнѣйшихъ. Надписи въ каждомъ томѣ распределены по группамъ на основаніи сходства въ ихъ назначеніи и цѣли. Текстъ провѣренъ посредствомъ сличенія съ оригиналами; указаны предшествовавшія изданія и объясненіе каждой надписи; сдѣланы необходимыя восполненія, изложено содержаніе и отмѣчены важнѣйшія историческія и грамматическія явленія, о которыхъ свидѣтельствуетъ надпись. Въ 1882 г. появилось новое собраніе древнѣйшихъ греческихъ надписей, кромѣ аттическихъ—*Inscriptiones graecae antiquissimae ed. Herm. Roehl*. Планъ одинаковъ съ предъидущимъ изданіемъ; только надписи сгруппированы по мѣсту ихъ появленія и объясненія еще болѣе сжаты. Британскій музей предпринялъ отдѣльное изданіе греческихъ надписей, въ немъ находящихся. Первая часть этого изданія—*The collection of ancient greek inscriptions in the British Museum*—вышла въ 1874 г. и заключаетъ въ себѣ надписи аттическія. Текстъ надписей сличенъ съ подлинни-

ками и сопровождается весьма обстоятельными объясненіями. Историкѣ, желающему приобрести навыкъ въ обращеніи съ эпиграфическимъ матеріаломъ, слѣдуетъ начать изученіе греческихъ надписей по изданію А. Бёка, или по повѣйшему изданію Британскаго музея. Впрочемъ, недавно вышелъ сборникъ надписей наиболѣе важныхъ для политической исторіи Греціи—*Manual of Greek Historical Inscriptions*, by E. L. Hicks. Для перваго ознакомленія съ эпиграфическимъ матеріаломъ онъ годится, хотя выборъ надписей сдѣланъ не совсѣмъ удачно; многое, что помѣщено, не имѣетъ значенія для исторіи, а многое изъ того, что важно—опущено.

Древнѣйшую греческую надпись съ свое время видѣлъ и описалъ путешественникъ Павсаний (*Descriptio Graeciae* V, 20, 4). Это былъ дискъ царя Ифита, на которомъ круговидно была начерта формула провозглашенія Божіяго мира на время празднованія олимпійскихъ игръ. Она относилась къ самому началу олимпійской эры (776). Аристотель считалъ эту надпись подлинной; теперь большая часть ученыхъ считаетъ ее поддѣлкой (Ср. Busolt: *Forschungen zur griechischen Geschichte*, Breslau. 1880. 1, 13). Изъ дошедшихъ до насъ надписей древнѣйшими признаются найденныя на островѣ Тера (Санторинъ). Онѣ принадлежатъ къ разряду надгробныхъ, относятся къ VII и даже можетъ быть VIII ст., весьма важны для исторіи греческаго письма и языка, но для политической исторіи значенія не имѣютъ, такъ какъ ничего кромѣ собственныхъ именъ лицъ, совершенно неиз-

*

вѣстныхъ, въ себѣ не заключаютъ. За ними по порядку древности идутъ нѣкоторыя изъ надписей посвятительныхъ, увѣковѣчивающихъ память о какихъ-нибудь событіяхъ, важныхъ для частныхъ лицъ или общинъ. О надписи греческихъ наемниковъ царя Псамметиха (ок. 611 г.) мы уже упоминали. Посвятительныя надписи на статуяхъ, найденныхъ среди развалинъ храма Аполлона въ Бранхидахъ, въ Малой Азій, относятся къ половинѣ VI ст. Изъ документовъ, важныхъ для исторіи политическаго быта, на первомъ мѣстѣ по древности стоитъ мѣдная доска, найденная въ 1823 г. въ Олимпіи, на которой начертанъ текстъ договора между двумя общинами элейской и герейской, касательно союза на сто лѣтъ. Надпись относится къ 550—500 г. Текстъ и объясненіе въ сборникѣ Röhl'a подъ № 110. Къ тому же времени относится другой еще болѣе любопытный документъ—приговоръ или постановленіе элейской общины, имѣющей цѣлью замѣнить самосудъ родичей и родственниковъ судомъ общинныхъ властей. Текстъ не совсѣмъ ясенъ; помѣщенъ въ сборникѣ Röhl'a подъ № 112. Столѣтіемъ позже (ок. половины V-го в.) является надпись, заключающая въ себѣ договоръ между докрескими общинами въ сѣверной Греціи. По этому договору каждая изъ сторонъ обязывается не обращать въ рабство гражданъ другой стороны и выговариваетъ себѣ право заниматься морскимъ разбоемъ всюду, за исключеніемъ гавани своего союзника.

До половины V ст. надписи доставляютъ очень немного матеріала для политической

исторіи Греціи; впрочемъ, и этомъ матеріалъ не употребленъ въ дѣло сполна. Но съ тѣхъ поръ, какъ Аѣины становятся во главѣ обширнаго союза островныхъ и прибрежныхъ городовъ, число надписей быстро возрастаетъ, разнообразіе и богатство ихъ содержанія увеличивается. Изъ официальныхъ документовъ аѣинской общины сохранились въ значительныхъ остаткахъ списки общинъ союзныхъ или подчиненныхъ Аѣинамъ съ обозначеніемъ денежнаго взноса, ежегодно взимавагося съ нихъ на нужды союза. Эти списки представляютъ почти единственный матеріалъ для изслѣдованія порвоначальной организаціи делосскаго союза и послѣдующихъ ея превращеній; матеріалъ этотъ разработанъ образцово А. Кирхгофомъ и У. Келеромъ. Далѣе мы имѣемъ цѣлый рядъ документовъ касательно израсходованія суммъ аѣинской казны на разныя общественныя постройки, сооруженіе и снаряженіе флота. Отсюда между прочимъ мы узнаемъ, что скульпторамъ, работавшимъ для Эрехтейона, платилось отъ 120—60 драхмъ (30—15 р. сер.) за изваяніе каждой фигуры фриза, а каменщикамъ за выѣчку желобковъ на колоннѣ платилось ок. 400 драхмъ. Другія надписи относятся до опредѣленія торговыхъ и политическихъ сношеній между Аѣинянами и ихъ союзниками или подданными.

Съ македонскимъ владычествомъ общинная жизнь въ Греціи постепенно сѣуживается и ослабѣваетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и характеръ греческихъ надписей. Между ними

выдвигаются на первый планъ по количеству и многословію почетные декреты, коими назначаются награды или даруются различныя преимущества собственнымъ гражданамъ или чужестранцамъ, оказавшимъ услуги данной общинѣ. Особенно многочисленны декреты въ честь проксеновъ, исполнявшихъ въ древней Греціи отчасти тѣ же обязанности, какія въ наше время возлагаются на консуловъ. Надписи этого рода очень важны для теоріи исторіи международнаго права въ Греціи.

Съ римскимъ владычествомъ и окончательнымъ упадкомъ автономіи греческихъ общинъ, надписи, относящіяся къ общинной жизни, становятся еще менѣе интересными для историка. Основной тонъ ихъ—дестъ по отношенію къ римскимъ правителямъ и мелочная вражда по отношенію къ сосѣдямъ и соперникамъ. Но рядомъ съ этими малозначущими документами непрерывно тянется рядъ надписей, относящихся къ жизни религіозной и частной, въ которыхъ, при тщательномъ ихъ изученіи, несомнѣнно можно найти указанія на обычаи и учрежденія, сохранившіеся въ видѣ переживаній или огаменѣостей отъ самой отдаленной старины. Матеріалы этого рода могутъ бросить свѣтъ на политическій бытъ греческихъ общинъ въ тотъ періодъ, отъ котораго не сохранилось современныхъ извѣстій. Въ этомъ направленіи сдѣлано пока очень мало. Для ознакомленія съ содержаніемъ и характеромъ греческихъ надписей можно указать: Ch. Th. Newton: Die griechische Inschriften, ubersetzt v. Immelmann.

Hannover. 1881 (брошюра).—Приемы чтения надписей, восстановления и объяснения ихъ, а также опредѣленія времени ихъ происхожденія составляютъ особое искусство — эпиграфику, для ознакомленія съ основами коего см. Franz: *Elementa Epigraphices Graecae*. 1840, и его же статью—*Epigraphik* въ Энциклопедіи Эрша и Грубера.—Образцы истолкованія надписей и пользованія ими для исторіи Греціи у Бѣка въ его *Kleine Schriften*. Также у Vischer: *Kleine Schriften*, В. II. 1878; A. Boeckh: *Staatshaltung der Athener I—III*. 1841; U. Koehler, *Urkunden und Untersuchungen zur Geschichte der delischattischen Bundes* 1870. Многочисленныя статьи и изслѣдованія А. Kirchhoff'a въ Извѣстіяхъ (*Monatsberichte*) Берлинской Академіи Наукъ. Во французской литературѣ труды Фукара, Дюмона и др.

§ 16. Второй отдѣлъ письменности составляетъ литература въ широкомъ смыслѣ слова, т. е. не только художественная, но также философская и ученая. Съ содержащимъ греческой литературы можно познакомиться по сочиненіямъ Магаффи: *Исторія греческой литературы*, 2 тома, Коршъ В. *Исторія греческой литературы*. Не достасть не только у насъ, но и на западѣ такого обзора греческой литературы, въ которомъ были бы разсмотрѣны все памятники, и о каждомъ были бы даны все необходимыя историческія свѣдѣнія и библиографическія указанія. Для римской исторіи очень хорошимъ подспорьемъ служить Teuffel. *Geschichte der römischen Literatur* (4-e Aufl. Lpzg.

1882). Для греческой пока приходится довольствоваться книгой: В. Nicolai, *Griechische Literaturgeschichte in neuer Bearbeitung*. Но свѣдѣнія и указанія, сообщаемыя ею, часто не точны, или прямо не вѣрны.

Какъ источникъ для политической исторіи вся греческая литература можетъ быть подраздѣлена на двѣ доли. Къ первой относятся все произведенія, извѣстія и замѣтки историческаго или историко-политическаго содержанія, прямо имѣющія въ виду изображеніе данныхъ событій, описаніе и оцѣнку данныхъ политическихъ учрежденій. Ко второй вся поэтическая литература, а изъ прозаической краснорѣчіе, философія, сочиненія, относящіяся къ области наукъ физико-математическихъ, и т. д. Явленія, изучаемыя политической исторіей отражаются и въ этой второй долѣ литературы, но не такъ прямо и явственно, какъ въ первой. Извѣстія и сужденія, сообщаемыя въ первой долѣ, обыкновенно самимъ авторомъ приурочиваются къ опредѣленному событію или учрежденію и лицу; историкѣ остается только провѣрить показаніе или мнѣніе древняго писателя. Напротивъ, во второй долѣ приходится не только провѣрять, что говорятъ древніе, но и приурочивать ихъ показанія и мнѣнія къ опредѣленнымъ моментамъ, событіямъ и лицамъ, интереснымъ для исторіи, такъ какъ эти показанія имѣютъ видъ то поэтической фикціи, то миѳа, то аллегоріи, то широкаго обобщенія или отвлеченной теоріи, далеко по видимому отстоящей отъ современной дѣйстви-

тельности. Гораздо труднѣе извлечь свѣдѣніе, цѣнное для политической исторіи, изъ трагедій Софокла, діалоговъ Платона, комедій Аристофана, чѣмъ изъ Исторіи Целопонесской войны Тукудіда или изъ Политики Аристотеля.—Вотъ почему историкъ совершенно естественно обращается прежде всего къ первой долѣ литературы и часто вовсе пренебрегаетъ второю.

Только незначительная доля богатой исторической литературы Грековъ дошла до насъ, частью въ цѣломъ видѣ, частью въ отрывкахъ. Послѣдніе собраны, приведены въ порядокъ, объяснены и переведены на латинскій языкъ въ изданіи: *Fragmenta historicorum graecorum* ed. C. Müller IV voll. Paris, 1841—51. Didt. Для ознакомленія съ характеромъ и приемами греческой исторіографіи ср. W. Roscher: *Leben, Werk und Zeitalter des Thukydides* 1842. Ulrici: *Charakteristik der antiken Historiographie*. 1833; Creuzer: *Die historische Kunst der Griechen in ihrer Entstehung und Fortbildung*. 1845.

Родиной греческой исторіографіи была Іонія. Здѣсь съ половины VI в. до половины V-го явился цѣлый рядъ такъ называемыхъ логографовъ (собственно прозаиковъ по пыгѣшнему), которые собирали, приводили въ связь и порядокъ и излагали преданія и мѣты, жившіе въ памяти народа. Отрывки изъ ихъ сочиненій собраны Мюллеромъ, въ первомъ томѣ, извѣстія о ихъ жизни и дѣятельности приведены тамъ же и въ книгѣ Дьячана: *Геродотъ и его музы*, I. Варшава. 1877, стр. 131 и далѣе.

Родоначальникомъ историковъ древніе считали Геродота изъ Галикарнаса, жившаго между войнами Персидскими и Пелопонесскою и написавшаго въ 9 книгахъ исторію Персидскихъ войнъ. Изданіе Bähr'a въ четырехъ томахъ съ самыхъ подробнымъ комментариемъ, представляющимъ сводъ всего, что было сдѣлано для объясненія Геродота. Болѣе доступны изданія Abischt'a и Stein'a. Русскіе переводы: Мартынова (старый); есть и новый. Въ разныхъ мѣстахъ своего сочиненія (преимущественно въ 1—й и 5—й кн.) Геродотъ касается болѣе или менѣе подробно событій греческой исторіи VII и VI ст., а рассказъ объ эпохѣ Персидскихъ войнъ доводитъ до 478 г. Тщательный анализъ Исторіи Геродота, сдѣланный съ цѣлью разъяснить процессъ ея составленія, сдѣланъ въ книгѣ A. Bauer: Die Entstehung des Herodotischen Geschichtswerkes. Wien. 1878. Интересны наблюденія, но не всегда вѣрны выводы изъ нихъ. Объ отношеніи Геродота къ народной традиціи см. Wecklein: Ueber die Tradition der Perser-kriege. 1876.

Младшимъ современникомъ Геродота былъ афинянинъ Фукидидъ, написавшій въ восьми книгахъ Исторію Пелопонесской войны до 411 г. О немъ см. кромѣ сочиненія Рошера Thukydides und sein Geschichtswerk, H. Welzhofer. 1878. Изданія: Poppe u. Classen. Русскій переводъ въ Военной Библиотекѣ. Въ 1 кн. Фукидидъ дѣлаетъ краткій обзоръ событій, случившихся въ періодъ времени отъ 476 до 431 г. Свои приемы собиранія и повѣрки извѣстій

историкъ изображаетъ самъ въ первой книгѣ, въ 22 главѣ. Факты излагаются вѣрно, но не всегда въ настоящемъ освѣщеніи. Мотивы и цѣли объясняются въ рѣчахъ съ проникательностью и наблюдательностью психолога, что еще не ручается за ихъ подлинность. Въ противоположность Геродоту, кстати повѣствующему обо всемъ, Фукидидъ строго держится разъ опредѣленнаго плана и потому очень мало сообщаетъ извѣстій о томъ, что не относится прямо къ войнѣ между Аѳинами и Спартой.

Продолжателемъ Фукидида былъ аѳинянинъ Ксенофонтъ, ученикъ Сократа. Въ своей Эллинской исторіи (*Hellenica*) онъ описалъ конецъ Пелопонесской войны (съ 411 до 404) затѣмъ правленіе 30 тирашновъ и событія, слѣдовавшія за этимъ, до битвы при Монтинеѣ (362 г.). Изданіе Büchschenschütz'a. Русскій переводъ Янчевецкаго. Кромѣ того важны изъ сочиненій Ксенофонта: Достопамятности Сократа и Анабазисъ или Походъ Кира Младшаго. Правдивость Ксенофонта стоитъ несравненно выше его проникательности и глубины. Подъ простодушіемъ и прелестью разсказа скрывается но мѣстамъ самолюбіе, сообщающее лицамъ и событіямъ ту окраску, которая соотвѣтствуетъ личнымъ симпатіямъ или антипатіямъ историка.

Въ концѣ V и въ продолженіи IV вѣка жили слѣдующіе историки, сочиненія которыхъ до насъ не дошли, но въ свое время служили обильнымъ матеріаломъ для историковъ вѣка Августа: Антиохъ Сиракузскій, написавшій исторію Сициліи, которою, вѣроятно, пользовались

Діонисій и Діодоръ; Филистъ, также изъ Сиракузъ, современникъ и подражатель Фукидида, написавшій исторію Сициліи; Эфоръ и Теопомпъ, ученики ритора Исократъ. Первый старательно и добросовѣстно изобразилъ въ 30 книгахъ судьбы Греціи и другихъ народовъ отъ возвращенія Гераклидовъ до 340 г; имъ много пользовались Діодоръ и Страбонъ. Сочиненіе Эфора Полибій признавалъ первой и единственной попыткой всеобщей исторіи. Изъ сочиненій Теопомпа, отличавшихся риторическимъ характеромъ, важнѣйшимъ считались Исторія Филиппа Македонскаго. ¹⁾ Современникъ Цезаря и Августа Діодоръ Сицилійскій, поставилъ себѣ задачею написать Всеобщую Исторію отъ древнѣйшихъ временъ до своихъ дней, 30 лѣтъ употребилъ на собраніе матеріала частью изъ книгъ, частью путемъ наблюденій во время путешествій по Европѣ и Азіи. Плодомъ этого напряженнаго труда было сочиненіе въ 40 книгахъ, подъ именемъ Библіотеки, обнимавшее исторію всѣхъ народовъ отъ миѳической поры до галльскихъ войнъ Ю. Цезаря. Изъ 40 книгъ сохранились первыя 5, гдѣ излагается древнѣйшая исторія восточныхъ народовъ—Египтянъ и Грековъ; далѣе книги 11—20, содержащія исторію отъ 480 до 302 г. Отъ остальныхъ уцѣлѣли лишь отрывки. Богатство матеріала есть главное или даже единственное достоинство

¹⁾ Наполненная анекдотами, баснями и пропитанная ненавистью къ демократіи.

Библиотеки Діодора, а полнѣйшее отсутствие критики и композиціи ея капитальный недостатокъ (изданіе Дипдорфа 1828 г. въ 7 т.; есть рус. перев. 1774—75 гг. въ 6 ч.). Однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для греческой исторіи служатъ сочиненія Плутарха изъ Хероней (1—2 в. по Р. Х.), въ особенности его параллельныя жизнеописанія знаменитыхъ мужей Греціи и Рима (ed. Teubner въ I—V). Богатая и многосторонняя начитанность, сердечное, но не пристрастное отношеніе къ предмету, стремленіе быть правдивымъ и поучительнымъ дѣлаютъ Плутарха свидѣтелемъ почтеннымъ въ глазахъ историка.

Что касается политической литературы Грековъ, то о богатствѣ ея можно судить по обзору, сдѣланому въ сочиненіи: *Studien zur Geschichte der griechien Lehre vom Staat*, Herm. Henkel, Leipzig; 1872. Почти вся она погибла, благодаря тому, что въ римскую эпоху и въ средніе вѣка греческой литературой занимались главныхъ образомъ изъ побужденій эстетическихъ или филологическихъ. Изъ того, что осталось, достаточно указать на слѣдующее.— Разсужденіе объ аѳинской политикѣ (*Ἀθηναίων πολιτεία* ed. Kirchhoff Berlin. 1881), помѣщается обыкновенно въ числѣ сочиненій Ксенофонта, но ему не принадлежитъ, а написано кѣмъ либо изъ олигарховъ аѳинскихъ около 430—425 гг. Оно представляетъ спокойную, но ѣдкую критику аѳинскаго народопрравства. Изъ сочиненій Платона политическіе вопросы трактуются главнымъ образомъ въ діалогахъ: Госу-

дарство и Законы (русскій переводъ В. Оболенскаго и Карпова); послѣднее стоитъ въ болѣе тѣсномъ и примѣтномъ соотношеніи съ современной политической жизнью Греціи.— Аристотель весьма много занимался политическими изслѣдованіями. Изъ трудовъ его въ этой области два заслуживаютъ особеннаго вниманія: Политика (изданіе Sussehl; русскій переводъ Скворцова)—первый опытъ изложенія науки о государствѣ, сдѣланный на основаніи богатаго запаса фактовъ, которые были собраны и изложены въ другомъ его сочиненіи: „О политіяхъ“, гдѣ было разсмотрѣно 158 формъ общественнаго строя, существовавшихъ какъ въ Греціи, такъ и у сосѣднихъ народовъ. Сочиненіе о политіяхъ до насъ не дошло, но имъ пользовались позднѣйшіе риторы и грамматики при объясненіи различныхъ терминовъ и выраженій, относящихся къ политическому быту древней Греціи; изъ нихъ должно замѣтить Юлія Полидевкта или Поллукса (II в. по Р. X.), оставившаго намъ словарь реальныхъ древностей, 8-я книга котораго особенно важна для изученія аѳинскаго государственнаго устройства, и Валерія Гарпократіона, составителя словаря къ рѣчамъ 10 аѳинскимъ ораторовъ, также весьма важнаго для изученія юридическаго быта Аѳинъ (жилъ въ IV в. по Р. X.). Краткій обзоръ литературныхъ источниковъ для греческой исторіи можно найти въ книгѣ A. Schäfer: *Abriss der Quellenkunde der griechischen Geschichte bis auf Polybius*. Lpzg. 1873. Здѣсь о каждомъ источникѣ приведены свидѣтельства древ-

нихъ, къ нему относящіяся, указаны изданія и главнѣйшія пособія. Книжка доступна и удобна для перваго ознакомленія съ источниками греческой исторіи.

§ 17. Въ памятникахъ археологическихъ, эпиграфическихъ и литературныхъ заключается матеріаль для научной исторіи политическаго быта Грековъ. Намъ остается обозначить въ главныхъ чертахъ ту сложную и трудную работу, посредствомъ которой сырой матеріаль преданія превращается въ научное знаніе, удовлетворяющее нашимъ нуждамъ. Полный обзоръ этой работы, описаніе и оцѣнка отдѣльныхъ операцій и приѣмовъ ея, съ указаніемъ того, гдѣ и какъ слѣдуетъ примѣнять ихъ—все это составляетъ предель методологіи исторіи, для усвоенія которой лучшее средство—совмѣстныя практическія занятія въ исторической семинаріи.

Историческія изслѣдованія распадаются на четыре главные момента: а) извлеченіе матеріала изъ источниковъ; б) очищеніе матеріала; в) воссозданіе (въ представленіи) отдѣльныхъ историческихъ фактовъ; г) открытіе и опредѣленіе связи между ними. Съ успѣшнымъ исполненіемъ этихъ четырехъ операцій, получается отвѣтъ на вопросы: что? и почему? и задача науки разрѣшается.

а) Съ готовымъ вопросомъ въ умѣ не трудно примѣтить въ источникахъ нѣкоторыя данныя, пригодныя для его разрѣшенія. Но дѣло усложняется, если нужно извлечь *весь* матеріаль, необходимый для отвѣта на данный вопросъ. Тогда, очевидно, нельзя упустить изъ

виду ни одного источника и не оставить безъ вниманія ничего, что есть въ каждомъ источникѣ. Велѣдствіе скудости и отрывочности предація о древнемъ мірѣ, историку нельзя пренебрегать ни одной крупницей матеріала, таящагося въ источникахъ. Достаточно одного примѣра, чтобы показать, какъ и почему трудно извлеченіе *всего* матеріала. Изъ всѣхъ литературныхъ памятниковъ Греціи, поэмы Гомера изучались наиболѣе долго и тщательно. Онѣ заключаютъ въ себѣ почти весь матеріаль для политической исторіи въ древнѣйшія времена. Матеріаль этотъ далеко еще не исчерпанъ и не извлеченъ на свѣтъ весь вполнѣ. Историкъ не можетъ положиться ни на одно изъ многочисленныхъ изображеній гомеровскаго общества съ увѣренностью, что въ этомъ изображеніи соединены *всѣ* черты, пригодныя для его цѣлей. Каждый не все примѣчаетъ, и, изъ того, что примѣтитъ, беретъ—что вздумается, что ладится съ его предвзятой идеей о предметѣ. Для изощренія способности примѣчать не только крупныя, но и мелкія данныя, не только прямо, но и косвенно относящіяся къ вопросу, необходимо рѣшительно и безусловно: *во первыхъ* поставить вопросъ съ надлежащей точки зрѣнія, согласно съ понятіемъ о предметѣ и задачахъ политической исторіи, какъ особой науки, и *во вторыхъ* поставить вопросъ не только въ общихъ чертахъ, но и въ частностяхъ, въ подробностяхъ, подсказанныхъ хотя и гипотетическимъ, предварительнымъ, но тѣмъ не менѣе яснымъ и отчетливымъ представленіемъ о томъ, что со-

ставляетъ предметъ вопроса. Какъ бы ни былъ мелоченъ и узокъ вопросъ, не забывайте при постановкѣ слѣдить его съ общимъ понятіемъ о наукѣ, признаннымъ вами за наиболѣе удовлетворительное. Какъ бы ни былъ новъ и теменъ предметъ, возбуждившій вопросъ, старайтесь при постановкѣ послѣдняго собрать все, что имѣется для составленія предварительнаго представленія о предметѣ. Ясное понятіе о наукѣ укажетъ направленіе, въ которомъ слѣдуетъ искать; отчетливое представленіе о предметѣ (гипотеза) сообщитъ чуткость и зоркость вниманію изслѣдователя.

b) Факты не доступны историку, онъ имѣетъ дѣло лишь съ отраженіемъ ихъ въ сознаніи свидѣтелей-очевидцевъ, или свидѣтелей-посредниковъ. По каждому пункту вопроса первые составляютъ меньшинство, а иногда и вовсе отсутствуютъ; вторые берутъ числомъ, но сообщаютъ по большей части лишь слухи, случайно подхваченные и плохо или вовсе не проверенные. Проверка свидѣтельскихъ показаній и отдѣленіе въ нихъ того, что принадлежитъ факту, отъ того, что составляетъ домыселъ или вымыселъ свидѣтеля,—есть дѣло исторической критики, особаго искусства, не владѣя которымъ можно быть рассказчикомъ, но не историкомъ. Сравнивая фактъ съ его отраженіемъ въ сознаніи, не трудно убѣдиться, что между ними всегда есть разница въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ: въ отраженіи нѣтъ того, что есть въ фактѣ; въ отраженіи есть то, чего нѣтъ въ фактѣ; то, что есть въ фактѣ, находится и

въ отраженіи, но въ иномъ видѣ, размѣрахъ и освѣщеніи, сообразными со свойствами отражающей среды, т. е. сознанія даннаго свидѣтеля.—Въ этихъ трехъ различіяхъ задача исторической критики состоитъ, въ открытіи пробѣловъ, излишествъ и искаженій, могущихъ быть въ историческихъ свидѣтельствахъ. Исполняя свое дѣло, критика очищаетъ матеріаль, но не увеличиваетъ его; она уничтожаетъ призрачное, но не создаетъ истиннаго знанія.

Задача критики проще тамъ, гдѣ историкъ имѣетъ дѣло съ показаніями свидѣтелей-очевидцевъ. Для повѣрки такихъ показаній критика пользуется какъ внутренними, такъ и внѣшними критеріями. Внутренніе заключаются въ содержаніи свидѣтельства, въ характерѣ умственнаго процесса, произведшаго свидѣтельство, и наконецъ въ личности и положеніи свидѣтеля. Внѣшними критеріями служатъ показанія другихъ свидѣтелей, а равно и прочныя результаты знанія, какъ въ данной области, такъ и въ другихъ смежныхъ съ нею. Какъ согласіе и стройность подробностей еще не ручаются за достовѣрность свидѣтельствъ, такъ точно внутреннія противорѣчія и несообразности еще не доказываютъ, что оно все есть ложь или заблужденіе. Цѣлое, не заслуживающее довѣрія, можетъ быть составлено изъ частныхъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ. Таковы весьма часто рассказы свидѣтелей—очевидцевъ о чудесахъ. Содержаніе историческаго свидѣтельства должно разсматривать и оцѣнивать прежде всего въ связи съ умственнымъ процессомъ, породив-

шимъ его. Свидѣтельства, заключающіяся въ мифахъ и легендахъ, становятся примѣтными и понятными лишь при свѣтѣ теоріи образованія мифовъ и легендъ. Въ народныхъ сказаніяхъ историка поражаетъ и смущаетъ смѣсь чудеснаго и невѣроятнаго съ правдоподобнымъ и естественнымъ, неопредѣленность мѣста и времени событій, черты чудовищной грубости нравовъ рядомъ съ высокими подвигами и прекрасными чувствами. Разложить эту смѣсь правды и вымысла и выдѣлить оба эти элемента ея порознь казалось невозможнымъ Дж. Гроту, и въ своей знаменитой Исторіи Греціи онъ ограничился простымъ пересказомъ богатаго содержанія греческой мифологіи. М. Дункеръ пользуется мифами для политической исторіи, но извлекаетъ изъ нихъ историческій матеріалъ съ помощью такихъ грубыхъ пріемовъ, что его выводы по большей части не имѣютъ убѣдительности въ глазахъ читателя. Болѣе удачный опытъ критическаго изслѣдованія мифовъ представляютъ слѣдующіе труды: С. Wachsmuth: Die Stadt Athen im Alterthum. Lpzg. 1874, Gilbert: Altattische Komenverfassung. Lpzg. 1874. Сочиненіе Л. Воеводскаго „Каннибализмъ въ греческихъ мифахъ“, также заслуживаетъ вниманія. Для знакомства съ теоріей происхожденія мифовъ: Tito Vignoli: Mythus und Wissenschaft. Leipz. 1880. Edw. Clodd: The Childhood of Religions. Lond. 1876 — мастерской очеркъ теоріи образованія мифовъ. Весьма дѣльные мысли объ источникахъ и формахъ вымысла (неумышленнаго) можно найти въ статьѣ: „Примитивная

*

логика“ Н. Згурскаго въ журналѣ „Мысль“. 1880, №№ 9, 10.

Поэзія грековъ представляетъ обильный запасъ современныхъ свидѣтельствъ о политической жизни, но и эти свидѣтельства становятся пригодными и понятными лишь тогда, когда историкъ будетъ разсматривать ихъ при свѣтѣ теоріи поэтического творчества. Предназначенность вымысла отличаетъ поэзію отъ мифологии. Но и завѣдомый вымыселъ, точно также какъ и неумышленный, для созданія своихъ образовъ пользуется матеріалами изъ дѣйствительности. Вымыслу принадлежитъ лишь подборъ и сочетаніе данныхъ опыта въ образы лицъ и событій, размѣры и освѣщеніе ихъ. Каждый родъ поэзіи въ этомъ отношеніи предъявляетъ свои требованія, которымъ и подчиняется художникъ. Одно и то же явленіе дѣйствительной жизни иначе отразится въ торжественной одѣ и иначе въ комедіи или сатирѣ. Разсматривая поэтическое произведеніе, какъ источникъ для исторіи, необходимо имѣть въ виду не только общія условія поэтического творчества, но и частныя, обязательныя лишь для того рода поэзіи, къ которому принадлежитъ данное произведеніе. Эта простая и очевидная истина весьма часто забывается историками, которые не прочь одинаковымъ способомъ допрашивать Гёкидда и Аристофана, Тацита и Ювенала. До Дж. Грота объ аѳинской демократіи и демагогахъ судили по комедіямъ Аристофана такъ, какъ по портрету, а не по каррикатурѣ. Весьма дѣльныя мысли объ

этомъ предметѣ можно найтн въ сочиненіи: W. Vischer. Kleine Schriften, B. I., въ ст. Ueber die Benutzung d. alten Komödie als geschichtliche Quelle; особенно же у Н. Müller-Strübing: Aristophanes und die historische Kritik. Lpzg. 1873 стр. 1—75. У насъ по вопросу объ отношеніи трагедіи Софокла къ современной поэту дѣйствительности въ Аѳинахъ см. сочиненіе О. Г. Мищенка, изданное въ 1874 г.

Не только въ миѳологіи и поэзи, гдѣ присутствіе вымысла очевидно, необходимо каждое свидѣтельство сопоставлять съ характеромъ умственнаго процесса, результатомъ коего оно является, но то же требованіе обязательно, хотя въ меньшей степени, также и для прозы. Свидѣтельства историка и публициста являются продуктомъ настолько различной работы ума и чувства, что было бы весьма несправедливо понимать и цѣнить ихъ по одной мѣркѣ. Сочиненіе о политіи аѳинской, несправедливо приписываемое Ксенофонту, составляетъ весьма важный источникъ для исторіи аѳинской демократіи; но, пользуясь имъ, мы никогда не должны забывать, что авторъ его принадлежитъ къ числу политическихъ противниковъ демократіи. Еще менѣе можно полагаться на отзывы и сужденія аѳинскихъ ораторовъ о лицахъ, событіяхъ и учрежденіяхъ, имъ современныхъ. Даже показаніями философовъ слѣдуетъ пользоваться, не забывая, что надъ умомъ этого класса людей постоянно господствуетъ одна какая-нибудь идея, лежащая въ основѣ ихъ міровоззрѣнія. Въ своемъ творчествѣ ин-

сатель не только подчиняется требованіямъ избраннаго имъ рода литературы, но проявляетъ также и свою личность, свойства которой необходимо принимать въ расчетъ при оцѣнкѣ и истолкованіи его свидѣтельствъ, и это тѣмъ болѣе, что складъ и характеръ личности побѣждаетъ самыя искреннія намѣренія и усилія воли. Въ началѣ своей дѣтописи Тацитъ обѣщаетъ излагать событія *sine ira et studio*, но вопреки этому намѣренію скоро даетъ чувствовать свои симпатіи къ однимъ и антипатіи къ другимъ лицамъ. Труднѣе всего для историка имѣть дѣло съ показаніями писателей, личность которыхъ или вообще безцвѣтна, или искусно заслонена маскою наивности и правдолюбія; въ видѣ примѣра можно указать на Ксенофонта и даже отчасти на Геродота.

Изъ критеріевъ вышнихъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить показанія другихъ свидѣтелей, относящіяся къ тому же предмету. Согласіе здѣсь увеличиваетъ вѣроятность въ томъ случаѣ, если нѣтъ поводовъ думать, что различныя свидѣтельства въ концѣ концовъ идутъ изъ одного и того же источника. Согласіе Фукидида и Аристофана въ оцѣнкѣ и изображеніи личности и дѣлъ Клеона еще не ручается за вѣрность этой оцѣнки, коль скоро есть основаніе предполагать, что сужденія обоихъ писателей были подсказаны сходными политическими убѣжденіями. Въ случаѣ противорѣчія предпочтеніе отдается свидѣтельству, обладающему болѣе солидными внутренними признаками достовѣрности; противорѣчія въ

оцѣнкѣ и изложеніи событій и мотивовъ, встрѣчающіяся въ изобиліи въ рѣчахъ Демосѳена и Эсхина, заставляютъ критика пристально вглядываться въ характеръ и убѣжденія обоихъ свидѣтелей, и здѣсь искать основаній для предпочтенія одного изъ нихъ другому. Если нѣтъ другихъ свидѣтельствъ для сличенія съ данными, если послѣднее таково, что не представляетъ возможности провѣрить его внутренними критеріями; тогда для исторической критики остается одинъ выходъ: сличить данное свидѣтельство съ общими результатами знанія. Чѣмъ достовѣрнѣе эти результаты, чѣмъ ближе относятся они къ тому факту, о которомъ показываетъ свидѣтельство, повѣряемое критикомъ, — тѣмъ важнѣе и надежнѣе будетъ выводъ, добытый изъ сличенія. Недавно найденъ въ одномъ берлинскомъ папирусѣ отрывокъ, неизвѣстно изъ какого писателя и сочиненія, по смыслу котораго (впрочемъ не ясному) выходитъ, что еще въ 639 г. поселяне и ремесленники получили право занимать должность архонтовъ въ Аѳинахъ. Это свидѣтельство—единственное и до того отрывочно, что его нельзя ни сличить съ другими, ни судить по внутреннимъ признакамъ. Очевидно, при оцѣнкѣ его остается лишь сличеніе съ тѣмъ, что намъ вообще извѣстно объ исторіи аѳинской общины. Только нужно имѣть въ виду, что согласіе въ подобныхъ случаяхъ сильнѣе говоритъ въ пользу свидѣтельства, чѣмъ противорѣчіе противъ него. Почему?

Показанія свидѣтелей—очевидцевъ или вообще современниковъ—составляютъ меньшую долю въ общей суммѣ преданія о древней Греціи. Гораздо чаще историку приходится имѣть дѣло съ извѣстіями и миѣніями писателей, жившихъ на нѣсколько поколѣній, иногда—въ ковъ, позже событій, ими изображаемыхъ. Въ такомъ случаѣ задача критики еще болѣе усложняется. Въ извѣстіяхъ позднѣйшихъ писателей нужно различать двѣ доли: то, что принадлежитъ имъ, и то, что заимствовано ими у предшественниковъ. По отношенію къ первой долѣ задача критики состоитъ въ томъ, чтобы найти основы, на коихъ покоится личное миѣніе писателя и испытать ихъ прочность и соразмѣрность съ выводомъ, который дѣлается изъ нихъ. Въ случаѣ, если писатель, высказывая личное миѣніе, не приводитъ основаній для него, критика оцѣниваетъ миѣніе, соображаясь съ тѣмъ, что извѣстно о личности автора. Такого рода соображенія внушаютъ довѣріе къ миѣніямъ Аристотеля о различныхъ учрежденіяхъ аѳинской общины, хотя эти миѣнія приводятся позднѣйшими риторамъ обыкновенно безъ всякихъ указаній на ихъ основанія.

Древніе писатели, дѣлая заимствованіе у ихъ предшественниковъ, рѣдко съ точностью обозначали источникъ и размѣры своихъ заимствованій; отсюда—трудность отличить свое и чужое у каждаго писателя. Тамъ, гдѣ источникъ указанъ, критикъ нужно опредѣлить въ чемъ состоитъ заимствованіе:—въ буквальномъ ли повтореніи, или въ передѣлкѣ того, что сто-

ить въ источникѣ. Плутархъ, въ жизни Солона, приводитъ цѣликомъ отрывки изъ элегій послѣдняго; въ другихъ случаяхъ онъ ограничивается передачей чужаго мнѣнія своими словами. Наиболѣе трудностей представляютъ тѣ случаи, а ихъ большинство, гдѣ писатели заимствуютъ у предшественниковъ, не называя ихъ и не указывая, въ чемъ состоитъ и на сколько простирается заимствование. Надъ такими случаями и истощаетъ свои силы критика источниковъ древней исторіи, усѣвшая вызвать обширную литературу, множество предположеній и пріемовъ, но въ концѣ концовъ пришедшая къ довольно незначительнымъ результатамъ. Историки Греціи и Рима увлеклись примѣромъ Л. Ранке, который, занимаясь новой исторіей, съ большимъ усѣхомъ старался свести показанія позднѣйшихъ писателей къ ихъ первоисточникамъ. Но при изученіи новой исторіи сличеніе первоисточниковъ съ заимствованиями и подражаніями возможно, потому что и то, и другое сохранилось, тогда какъ въ древней исторіи намъ приходится почти всегда имѣть дѣло только съ позднѣйшими писателями, ибо первоисточники до насъ не сохранились. Сличеніе невозможно; остается прибѣгать къ болѣе сложнымъ и окольнымъ пріемамъ, которые всегда основываются на догадкахъ, недостаточныхъ или не выдерживающихъ повѣрки. Для знакомства съ пріемами современной критики древней исторіи см. С. Peter: Zur Kritik der älteren römischen Geschichte. Halle. 1879. L. O. Bröcker: Moderne Quellenforscher und an-

tike Geschichtschreiber Innsbruck. 1882. П. Аландскій: „Древнѣйшій періодъ исторіи Рима и его изученіе.“ Кіевъ. 1882 г. Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи на стр. 32 указано, что возможно сдѣлать въ области исторической критики. Брѣкеръ и Петеръ занимаютъ главнымъ образомъ опроверженіемъ результатовъ, добытыхъ критиками, которые къ древней исторіографіи прилагали методу Ранке.

§ 18. с) Историческій фактъ никогда не отражается вполнѣ въ сознаніи наблюдателя, даже способнаго и приготовленнаго къ своему дѣлу. Въ новой исторіи то, что ускользнуло отъ вниманія одного наблюдателя, часто подмѣчено и сохранено другими. Въ древней исторіи лишь въ рѣдкихъ случаяхъ есть возможность восполнить показанія одного свидѣтеля показаніями другого. Конечно, весьма часто объ одномъ и томъ же фактѣ упоминается у нѣсколькихъ писателей, но при внимательномъ сличеніи обыкновенно оказывается, что все они черпали прямо или косвенно изъ одного и того же источника, такъ что въ сущности, вмѣсто различныхъ и независимыхъ другъ отъ друга свидѣтельствъ,—предъ нами бываетъ лишь нѣсколько вариантовъ или отголосковъ одного и того же свидѣтельства. Послѣ самаго тщательнаго подбора и очистки матеріала историкъ имѣетъ передъ собою не ясный, связанный и цѣльный образъ факта, а только отдѣльныя, безсвязныя и часто блѣдныя черты его. Вмѣсто живаго существа предъ нимъ лишь нѣсколько частей скелета.

Когда критика исполнила свое дѣло, историческое изслѣдованіе приступаетъ къ еще болѣе трудному дѣлу, къ возсозданію факта на основаніи данныхъ, добытыхъ критикой.— Для этого надобно восполнить то, что не отразилось въ преданіи, привести въ порядокъ и связать въ цѣльный образъ то, что въ преданіи является отрывочнымъ и безсвязнымъ. Такое крупное историческое событіе, какъ реформы Эфіальта и Перикла, увѣнчавшія зданіе афинской демократіи, отразилось лишь слѣдующими чертами: а) по словамъ Аристотеля, Перикль и Эфіальтъ ослабили ареонагъ; б) по словамъ Плутарха они отняли у Ареонага почти всю судебную власть; в) эта власть была передана суду присяжныхъ (Плутархъ) и d) присяжные стали получать вознагражденіе (Аристотель). Эти четыре черты въ преданіи являются каждая порознь и въ разныхъ мѣстахъ; стало быть ихъ нужно подобрать и соединить. Далѣе, сами по себѣ онѣ рѣшительно недостаточны для яснаго представленія о реформѣ, закончившей развитіе демократіи: надобно многое прибавить, чтобы понятною стала связь между расширеніемъ судебной власти *геліи* и введеніемъ платы за участіе въ ея засѣданіяхъ, между ограниченіемъ власти ареонага и архонтовъ (о послѣднемъ преданіе вовсе не упоминаетъ) и борьбою между аристократической и демократической партіями, борьбою, которая стоила жизни Эфіальту. Недостающее и безсвязное въ преданіи можетъ быть восполнено и связано, благодаря тому, что, во-первыхъ, каждый исто-

рической фактъ (разумѣется, не единичный случай) стоитъ въ болѣе или менѣе ясномъ соотношеніи съ предъидущимъ, современнымъ и послѣдующимъ. Если соотношение извѣстно, если нѣкоторыя изъ соотносящихся величинъ также извѣстны, то по этимъ двумъ даннымъ историку можно догадаться о величинѣ неизвѣстной. Въ 476 г. должность архонтовъ стала доступна для всѣхъ аѳинянъ; немного спустя (ок. 460 г.) она стала замѣщаться не по выбору, а по жребію: въ суммѣ это равняется полной отмѣнѣ имущественнаго и умственного или образовательнаго ценза. Далѣе около того же времени судебная власть сосредоточилась въ геліаѣ. Зная все это, историкъ съ полной увѣренностью заключаетъ о существованіи четвертаго факта—именно: ограниченіи власти архонтовъ, хотя преданіе прямо ничего не говоритъ объ этомъ фактѣ. Возможность восполненія зависитъ, во-вторыхъ, отъ того, что для каждаго историческаго факта можно подыскать аналогіи, извѣстныя лучше, чѣмъ онъ. Если аналогія доказана, то по факту, извѣстному лучше, можно заключить о томъ, который извѣстенъ менѣе. Предосторожности, которыя при этомъ необходимо соблюдать, указываются отчасти общей логикой, отчасти методологіей исторіи.

d) За воспроизведеніемъ факта идетъ послѣдняя и самая трудная доля историческаго изслѣдованія, направленная къ установленію связи между фактами и къ объясненію ихъ. Связь между фактами бываетъ двоякая: гене-

алогическая и причинная. Установить генеалогическую связь между двумя или болѣе фактами — значитъ показать, что одинъ изъ нихъ былъ дальнѣйшимъ видоизмѣненіемъ или преобразованиемъ другого и, по отношенію къ послѣднему, представляетъ лишь послѣдующій моментъ или фазисъ въ развитіи той же самой вещи, свойства или принципа. Спартанская герусія была дальнѣйшимъ развитіемъ совѣта родовъ старѣйшинъ. Городская община въ Греціи была преобразованиемъ сельской или дальнѣйшимъ мѣстомъ въ развитіи послѣдней. Новая форма возникаетъ изъ прежней вслѣдствіе того, что послѣдняя подвергается дѣйствию новыхъ обстоятельствъ, которыя и составляютъ причину ея дальнѣйшихъ преобразованій. Установивъ генеалогическую связь между двумя фактами, историкъ затѣмъ отыскиваетъ тѣ обстоятельства, которыя вызвали измѣненіе предъидущей ступени или формы и такимъ образомъ вызвали къ жизни новую форму. Найти такое обстоятельство и значитъ установить причинную связь, отвѣтить на вопросъ, почему явился фактъ, стоящій въ генеалогической связи съ такимъ-то предъидущимъ фактомъ. Для разрѣшенія этой задачи историкъ пользуется методомъ сравненія и анализа и прибѣгаетъ къ помощи наукъ, изучающихъ тѣ силы, которыя производятъ и направляютъ развитіе общестственности.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЭЛЛИНОВЪ.

I.

Эллада и эллины.

Для внимательнаго наблюдателя Греція представляется вселенной въ маломъ видѣ, и исторія Греціи можетъ считаться за отличное сокращеніе всеобщей исторіи. *Мабли.*

§ 1. Политическое состояніе общества въ каждый моментъ его исторіи есть совокупное дѣйствіе различныхъ причинъ, заключающихся: а) въ природѣ страны, обитаемой обществомъ; б) въ основныхъ чертахъ тѣлесной и духовной организаціи его членовъ; в) въ объемѣ и содержаніи политическаго опыта, знаній, навыковъ и расположеній, пріобрѣтенныхъ обществомъ въ предшествующую пору его жизни. Отсюда естественнымъ введеніемъ въ исторію каждого народа надобно признать географическій обзоръ страны, этнографическое описаніе ея населенія и очеркъ образованности, свойственной народу,

въ самомъ началѣ его исторіи. Физическія условія, заключающіяся въ природѣ страны, дѣйствуютъ на политическую жизнь общества различными путями. Они опредѣляютъ объемъ и содержаніе знаній и опытовъ, приобретаемыхъ человѣкомъ посредствомъ наблюденія, и въ этомъ отношеніи богатая и разнообразная природа дѣйствуетъ выдѣ, чѣмъ бѣдная и однообразная. Физическія условія опредѣляютъ родъ и степень чувствъ, всего чаще испытываемыхъ человѣкомъ, и черезъ это имѣютъ вліяніе на образованіе народнаго характера. Они доставляютъ побужденія, матеріалы и образцы для дѣятельности человѣка и этимъ путемъ опредѣляютъ промышленную и экономическую жизнь общества. Они содѣйствуютъ сближенію или разъединенію людей, равномерному распредѣленію населенія по всей территоріи, или скопленію его преимущественно въ нѣкоторыхъ пунктахъ ея и тѣмъ облегчаютъ или затрудняютъ установленіе и поддержаніе различныхъ порядковъ и формъ политическаго быта.

По мѣрѣ развитія общественной жизни съ ея разнообразными приспособленіями непосредственное вліяніе физическихъ условій ослабѣваетъ, но никогда не прекращается. Вліяніе природы на исторію общества легко примѣтити въ общихъ чертахъ, но трудно прослѣдить и опредѣлить въ подробностяхъ, потому что связь между историческими событіями и физическими условіями не только сложна, но и очень отдаленна. Ближайшія причины событій кроются въ сознаніи общества, въ содержаніи ума и дѣя-

тельности страстей. Природа непосредственно дѣйствуетъ лишь на чувства, ея впечатлѣнія, преломляясь въ сознаніи, оставляютъ свой слѣдъ на содержаніи ума и направленіи воли, отъ которыхъ въ свою очередь зависятъ ближайшимъ образомъ измѣненія въ политическомъ быту общества. Подъ вліяніемъ природы, дѣйствующимъ постоянно и равномерно, въ зависимости отъ господствующихъ занятій, отъ нарастающаго житейскаго опыта складывается у народовъ, какъ и у отдѣльныхъ лицъ, опредѣленный характеръ, являются общія и постоянныя (болѣе или менѣе) свойства, присущія народному уму, воображенію и чувству и отражающіяся въ литературѣ, искусствѣ и правахъ народа. Основными чертами народнаго характера, передающимися отъ поколѣнія къ поколѣнію, опредѣляется и политическое творчество даннаго народа, т. е. та дѣятельность мысли и чувства, изъ которой возникаютъ мотивы, управляющіе политическимъ поведеніемъ народа, образованіемъ учреждений и порядковъ его политическаго быта. Одни и тѣ же моменты повторяются въ исторіи различныхъ народовъ: созданіе политическихъ идеаловъ по внушенію потребностей даннаго времени, сознаніе разлада между идеалами и дѣйствительностью, критика существующаго порядка и проекты его преобразованія, борьба политическихъ партій, реформы и революціи съ ихъ удачами и неудачами.— Но въ исторіи каждаго народа эти общіе моменты принимаютъ различный оттѣнокъ, который сообщаетъ единство и послѣдовательность

исторіи даннаго народа и вмѣстѣ отличаетъ ее отъ исторіи другихъ народовъ. Этотъ оттънокъ есть слѣдствіе и вмѣстѣ признакъ народнаго характера, къ которому и долженъ обращаться историкъ, желая объяснить своеобразность въ содержаніи и направленіи политической жизни той или другой націи. Жизнь общества, какъ и жизнь природы, есть рядъ преобразованій, совершающихся непрерывно и постепенно, хотя эта постепенность очень часто ускользаетъ отъ историка влѣдствіе пробѣловъ въ историческомъ преданіи. Въ этомъ ряду каждый предшествующій членъ неразрывно связанъ съ послѣдующимъ; въ немъ заключается предрасположеніе, зародышъ того, что проявится во второмъ. Въ каждый моментъ политическое поведение общества есть результатъ не только дѣйствія физическихъ условій, особенностей народнаго характера, но также и знаній, мнѣній и навыковъ, составляющихъ содержаніе политическаго опыта, которымъ располагаетъ общество въ этотъ моментъ. Вотъ почему обзорънае этого опыта, знакомство съ его содержаніемъ, уже готовымъ въ данную минуту, составляетъ необходимое условіе для пониманія дальнѣйшаго теченія исторіи народа, съ какой эпохи мы бы ни начали ее изученіе.

§ 2. *Эллада.* Въ этнографическомъ смыслѣ подъ именемъ Эллады древніе греки разумѣли все тѣ мѣста, гдѣ находились ихъ поселенія, такъ что Великой Элладой или Греціей называлась и Южная Италія, гдѣ были богатые и цвѣтущія греческія колоніи. Въ географиче-

скомъ смыслѣ Элладой называлась южная часть Балканскаго полуострова, лежащая къ югу отъ Олимпа и Амбракійскаго залива, занимающая около 32 тысячъ квадратныхъ верстъ, т. е. $\frac{8}{11}$ Кіевской губерніи. Вся Греція составляетъ $\frac{3}{5}$ Португаліи, Атика—средоточіе эллинской образovanности почти въ 27 разъ меньше Кіевской губерніи. Природа Греціи опредѣляется двумя господствующими чертами: обиліемъ горъ и близостью моря вслѣдствіе чрезвычайнаго расчлененія морскихъ береговъ. Послѣ Швейцаріи Греція самая горнистая страна въ Европѣ; она сплошь усеяна горными хребтами и отдѣльными вершинами, которыя при умѣренной высотѣ (отъ 8 тысячъ до 3 тысячъ футовъ) не легко доступны вслѣдствіе своей крутизны. Наибольше доступные проходы въ главной системѣ горъ, идущей съ сѣверо-запада на юго-востокъ, лежатъ на высотѣ 800 сажень.—Западная сторона Греціи болѣе гориста: восточная—богаче равнинами, доступнѣе и на сѣверѣ производительнѣе; по восточному берегу направлялись все передвиженія племенъ.—Въ западной и средней Греціи горы состоятъ изъ скважистаго известняка, представляющаго удобный, но не прочный матеріалъ для построекъ, чѣмъ и объясняется быстрое разрушеніе памятниковъ искусства въ этихъ мѣстахъ. Напротивъ по восточному берегу и на островахъ горы состоятъ изъ мрамора всехъ цвѣтовъ, пригоднаго для самыхъ тонкихъ и разнообразныхъ формъ архитектуры и скульптуры. Для земледѣлія пригодна лишь $\frac{1}{4}$ Греціи со вклю-

ченіемъ холмовъ, но и тутъ за исключеніемъ пѣкоторыхъ областей (Оессалии, Бэотіи, Элиды) почва не особенно плодородна, производитъ болѣе ячмень и только по мѣстамъ пшеницу. Западные склоны получаютъ болѣе дождя и потому плодороднѣе восточныхъ при одинаковой скудости почвы. Металлами Греція не богата; самыми значительными рудниками были Лаврійскіе серебряные на южной оконечности Аттики, въ которыхъ и понынѣ работаетъ около 3000 человекъ, а въ древности работало еще больше. Горы доставляли обильный и превосходный матеріалъ для постройки городскихъ стѣнъ и всякаго рода укрѣпленій, благодаря которымъ оборона имѣла много преимуществъ надъ атакой. Междуусобныя войны въ Греціи были очень часты, но рѣдко оканчивались онѣ совершеннымъ пораженіемъ врага, уничтоженіемъ его политической независимости. Не легко было разрушить укрѣпленія, охранявшія свободу городской общины; еще труднѣе было отнять у послѣдней возможность при первомъ удобномъ случаѣ вновь оградить себя стѣнами. Еще замѣтнѣе вліяніе горъ на дѣятельность воображенія у Грековъ. Цѣлый рядъ прекрасныхъ поэтическихъ образовъ греческой мифологій представляетъ не что иное, какъ дальнѣйшую переработку впечатлѣній горной природы, исполненную воображеніемъ подъ диктовку чувства. Горныя пещеры населялись ореадами; горныя потоки воплощались въ чудовищъ, нападавшихъ на пивы и жилища окрестныхъ мѣстъ. Равнина на полуостровѣ Палленѣ, усыпанная

*

каменными обломками, дала поводъ къ сказаніямъ о битвѣ гигантовъ, происходившей на этомъ мѣстѣ. Горные потоки даютъ обильный матеріалъ для сравненія эпической поэзіи.

Отдѣленная отъ остального Балканскаго полуострова съ сѣвера хребтомъ горъ (Камбунскихъ), Греція со всѣхъ остальныхъ сторонъ окружена морями: Эгейскимъ съ востока, Іонійскимъ съ запада, Критскимъ и Ливійскимъ съ юга. Всюду море глубоко вдается въ материкъ, особенно на востокѣ и югѣ: всюду оно умѣряетъ и смягчаетъ рѣзкія крайности въ климатѣ и придаетъ предельно общему виду. Длина морскаго берега въ Греціи равна слишкомъ 5000 верстѣ, такъ что на 6 квадратныхъ верстѣ поверхности страны приходится почти 1 верста берега. Такого отношенія нѣтъ ни въ одной странѣ. Но длинѣ и расчлененію берега, по доступности его, особенно на востокѣ, по множеству промежуточныхъ стаций, представляемыхъ многочисленными островами, лежащими въ виду другъ друга, по правильности воздушныхъ теченій, моря.—омывающія Грецію, были преобладающими путями для сношенія Грековъ какъ между собою, такъ и съ образованными народами востока, отъ которыхъ Греки заимствовали и письменность, и искусство, и первыя свѣдѣнія въ промышленной техники.—Разнообразіе въ рельефѣ Греціи, расчлененіе ея морскаго берега обусловливало разнообразіе климата, растительности и видовъ мѣтности. На меньшемъ разстояніи отъ сѣвера къ югу въ Греціи являются болѣе рѣзкія границы въ температурѣ, нежели

въ Италиі и средней Европѣ. Это зависитъ отъ того, что Греція открыта дѣйствию сѣверо-восточнаго вѣтра (Борей греческой мифологіи), дующаго изъ сѣвера Азіи чрезъ Геллеспонтъ и Мраморное море. Лѣтомъ Греція страдаетъ бездождіемъ; большая часть рѣкъ ея высыхаетъ; осенью и зимою, вслѣдствіе обилія дождей, эти рѣки дѣлаются многоводными и стремительными. Не имѣя значенія для трудовой жизни народа, онѣ сильно дѣйствовали на его воображеніе и доставляли много мотивовъ для поэтическихъ сравненій и мифовъ. Разнообразіе климата такъ велико въ Греціи, что, напримѣръ, въ южномъ Пелопонесѣ на разстояніи одного дня пути можно наблюдать суровую снѣжную зиму въ Аркадіи, весну въ полномъ блескѣ въ долинѣ Спарты и созрѣвающіе посѣвы въ Мессеніи. Присутствіемъ горъ и моря умѣряется зной южнаго солнца, и при чистотѣ атмосферы и безоблачности неба освѣщеніе въ высшей степени сильно и ярко, такъ что разнообразныя и симметричныя формы горъ, различные оттѣнки почвы и растительности отчетливо и ясно обрисовываются подъ свѣтлымъ небомъ Греціи. Въ этомъ отношеніи особенно славился климатъ Аттики, гдѣ и днемъ и ночью воздухъ отличается удивительной прозрачностью и чистотой; гдѣ лишь два дня въ году солнца не бываетъ вовсе видно, а 193 дня небо бываетъ совершенно безоблачно.

Тѣсная связь между природой Греціи, правами и бытомъ ея жителей живо чувствовалась самими Греками, объяснявшими тушь

и неворотливость бэотическаго земледѣльца густотой и туманностью атмосферы на его родинѣ, живость и воспріимчивость аэпьянина—чистотой и тонкостью воздуха Аттики. Извѣтъ природа Греціи облегчала защиту страны съ сѣвера и открывала по морю путь къ образованнымъ народамъ востока, къ наиболѣе плодороднымъ и выгоднымъ по своему положенію пунктамъ по берегамъ Средиземнаго моря, Внутри она способствовала обособленію отдѣльныхъ общинъ Греціи, разнообразію ихъ политическаго быта, богатству, разносторонности и отчетливой соразмѣрности, которыя такъ повсюду и такъ ясно обнаруживаются въ созданіяхъ ума и воображенія эллинскаго народа. Вся Греція сѣтью горъ раздѣлена на множество маленькихъ округовъ, жившихъ каждый по себѣ, самобытно и своеобразно, любившихъ свою независимость и своеобразность и ревниво охранявшихъ ее отъ всякихъ покушеній извнѣ. Горы сильно затрудняли сообщеніе. Нѣтъ края, гдѣ дороговизна провоза воздвигала бы большія преграды торговлѣ, или гдѣ трудности внутренняго сообщенія служили бы сильнѣйшей помѣхой къ улучшенію въ положеніи земледѣльцевъ. Мѣстности, окруженныя горами, отличались простотой въ образѣ жизни, ограниченностью умственнаго кругозора, отчужденіемъ отъ всего внѣшняго, приверженностью къ старинѣ и обычаю, неспособностью и неохотой къ пониманію и усвоенію новаго. Почва здѣсь требовала постояннаго труда, пріучала чело-вѣка къ правильности и бережливости въ об-

разѣ жизни, къ тщательному наблюденію за жизнью природы, отъ которой зависѣлъ успѣхъ его труда. Поэма Гесіода „Труды и Дни“ можетъ служить примѣромъ такой наблюдательности. Чувство зависимости отъ природы располагало человѣка къ ея обожанію, къ воплощенію ея благодѣтельныхъ и грозныхъ явленій въ живые образы боговъ, героевъ, въ поэтическіе рассказы объ ихъ подвигахъ и похожденияхъ (мнѣя). Чѣмъ больше сознавалъ человѣкъ свое безсиліе предъ природой, чѣмъ скорѣе онъ привыкалъ къ пассивному подчиненію ей, тѣмъ медленнѣе пробуждалась въ немъ любовь къ самостоятельному опредѣленію своихъ дѣйствій, къ дѣятельному и пытливому участию въ политической жизни.—Въ то время какъ въ Аѳонахъ демократія достигла полнаго развитія, граждане слушали и убѣждались рѣчами Перикла, житель Аркадіи оставался по прежнему пастухомъ или земледѣльцемъ, не знавшимъ и чуждавшимся городской жизни. Насколько горы разъединяли и обособляли жителей внутренней Греціи, настолько же море сблизало и соединяло жителей береговъ и острововъ. Поощряя ихъ къ посѣщенію другихъ странъ и народовъ, оно содѣйствовало расширенію ихъ умственного кругозора, подвижности и воспріимчивости. Прибрежные жители болѣе привязаны къ морю и не такъ упорно тяготеютъ къ своему мѣсту жительства. Осажденные Персами жители города Фокеи (въ Малой Азіи) потребовали у нихъ день для размышленія на счетъ сдачи, и въ этотъ день стащили въ море все свои кора-

бли, помѣстили на нихъ женъ, дѣтей, всю движимость и святыню, и поплыли искать себѣ новой отчизны, которую и нашли на отдаленномъ островѣ Корсикѣ. Жители острова Теоса, угрожаемые Персами, также покинули поголовно свой родной городъ и, переселившись во Фракію, основали тамъ городъ Абдеру. Непредвидѣнные затрудненія и опасности моря вызываютъ самодѣятельность и изобрѣтательность въ человѣкѣ и приучаютъ его полагаться лишь на свои силы. Воспитанные трудами и опасностями на морѣ изобрѣтательность ума и рѣшительность воли переносятся на вѣчевую площадь города и примѣняются здѣсь къ обсужденію и рѣшенію политическихъ вопросовъ. Открывая человѣку болѣе обильный источникъ пріобрѣтенія въ промыслахъ и торговлѣ, море было для прибрежныхъ жителей Греціи отдаленной причиной расположенія къ удобствамъ и къ изяществу въ обстановкѣ жизни, смягченія правовъ и утонченности вкуса. Живыя сношенія, обмѣнъ идей и продуктовъ труда развивали въ поморянахъ воспримчивость ко всему новому, склонность къ подражанію и заимствованію, которая ускоряетъ и облегчаетъ усвѣхи народа въ образованности. Природа Греціи сообщала человѣку множество разнообразныхъ, ясныхъ и пріятныхъ впечатлѣній, располагавшихъ его къ творчеству; въ своихъ предметахъ и формахъ, соединявшихъ отчетливость и ясность очертаній съ симметрией въ расположеніи частей, яркостью и богатствомъ комфорта, она предлагала готовые и изящные

образцы для художественной дѣятельности. Золотистому блеску солнца и синевѣ небеснаго свода подражалъ грекъ въ окраскѣ своихъ храмовъ; формы растительности воспроизводилъ онъ въ рисункахъ своей утвари и въ капителяхъ своихъ колоннъ.

Для изученія географіи Греціи важны слѣдующія сочиненія: а) изъ древнихъ: Страбонъ: *Geographica* (русскій переводъ Ѡ. Г. Мищенко) кн. 7—10; Павсанія: *Descriptio Graeciae* (особенно важно по описанію памятниковъ архитектуры и скульптуры и по изложенію мѣоовъ и преданій, связанныхъ съ ними); б) изъ новыхъ: *Forbiger: Handbuch der alten Geographie*, 3 Th. Lpzg. 1842--50. Авторъ заботливо приводитъ мѣста изъ древнихъ писателей, касающіяся географіи отдѣльныхъ мѣстъ.

Въ первомъ томѣ Сборника—*Griechenland*, составляющаго часть Энциклопедіи Эрша и Грубера, помѣщена обстоятельная географія и топографія древней Греціи, составленная Krause. Лучшимъ по полнотѣ и точности свѣдѣній останется сочиненіе: *C. Bursian. Geographie von Griechenland*, 2 Vde. Leipzig. 1862, 72. Сжатое, но весьма богатое точными данными изложеніе географіи Греціи можно найти у Kiepert'a въ его *Lehrbuch der alten Geographie*, Berlin. 1878. Къ нему и дешевый атласъ, составленный имъ же. Популярное и очень занимательноо описаніе природы Греціи съ указаніемъ вліянія на бытъ и воображеніе жителей представляетъ книга *H. F. Tozer, Lectures on the Geography of Greece*, Lond. 1873.—Для справокъ: *A. Dictionary of greek and roman Geography*, ed. by U. Smith, 2 vol.

Это самый полный географический словарь для истории Греции и Рима. Изложение охватывает географию и историю странъ и населенных мѣстъ: составлено на основаніи извѣстій древнихъ и показаній новыхъ путешественниковъ и ученыхъ. Гдѣ нужно, прилагаются карты, планы, изображенія важнѣйшихъ памятниковъ и особенно снимки съ монетъ. — Болѣе дешевое пособіе для ознакомленія съ мѣстностями и памятниками Греціи, важными въ археологическомъ и историческомъ отношеніи: E. Isambert, *Itinéraire descriptif et archéologique de l'Orient*. На русскомъ языкѣ самое обстоятельное описаніе природы Греціи дается въ сочиненіи Э. Реклю: „Земля и люди“ т. I.

Для вопроса объ отношеніи природы Греціи къ быту и нравамъ ея обитателей см. B. Pfeilmann, *Hellenische Anschauungen über den Zusammenhang zwischen Natur und Geschichte*, Leipzig, 1879; H. Metz, *Ueber die Empfindung der Naturschönheit bei den Alten*; Roscher, *Das alte Naturgefühl der Griechen und Römer in seiner historischen Entwicklung*. Кромѣ того для этого вопроса важны сочиненія о греческой мифологіи.

§ 5. *Эллисы* — принадлежать къ аріійской семьѣ индоевропейцевъ и въ ней всего ближе сродни старейшему гребней Италіи. Судьбы эллиновъ, происшедшихъ изъ поселенія ихъ на Балканскомъ полуостровѣ, принадлежать къ области аріійскаго индоевропейства и насъ здѣсь не касаются. Кромѣ на Балканскій полуостровѣ, греки застали здѣсь туземное населеніе, казавшееся имъ варварскимъ и почти не оставившее слѣ-

довъ въ ихъ исторіи. Изъ именъ такихъ первыхъ обитателей Элады чаще другихъ упоминаются Лелеги и Целасги. Первые встрѣчались въ Малой Азіи, на нѣкоторыхъ островахъ Архинелага, затѣмъ въ Этоліи и Акарнаніи, гдѣ ихъ остатки, оттѣспенные въ горы, продолжали существовать и впоследствіи. Слово *Лелеги* семитическаго происхожденія, по смыслу равносильно слову *βάρβαροι*, и указываетъ на непонятность языка делеговъ для тѣхъ, кто называлъ ихъ этимъ именемъ (Кинертъ р. 240). По всей вѣроятности племя это было арійскаго происхожденія и было родственно иллирійцамъ. — Будучи родственны эллинамъ они легко были претворены послѣдними въ ихъ народность. Относительно целасговъ, оставившихъ гораздо болѣе глубокіе слѣды въ греческихъ преданіяхъ еще не установилось опредѣленнаго мнѣнія. Одни считаютъ ихъ за народъ семитическаго племени и этимъ объясняютъ превосходство въ культурѣ, признаваемое за целасгами въ преданіяхъ греческихъ (целасгическія стѣны въ Аоніяхъ и Аргосѣ, каналы и плотины въ Бэотіи, Фессаліи и другихъ мѣстахъ). Гекатей, Геродотъ и Фукидидъ, которымъ были извѣстны слабыя остатки целасговъ, признавали языкъ ихъ варварскимъ. Другіе, принимая въ соображеніе, что преданіе размѣщаетъ целасговъ въ различныхъ мѣстностяхъ, далеко отстоящихъ другъ отъ друга, полагаютъ, что подъ этимъ именемъ слѣдуетъ разумѣть вообще древнѣйшее населеніе Греціи, не приурочивая его ни къ какому особому этнографическому племени

или народу. Населеніе древней Греціи, обозначаемое въ преданіи именемъ пеласговъ, могло быть разноплеменно, и въ составѣ его въ видѣ отдѣльной этнографической единицы могло быть и то племя, которое впоследствии стало господствующимъ и распространило свое имя, эллины, на всѣхъ обитателей Греціи. Вопросъ остается пока открытымъ, и то или другое рѣшеніе его не имѣетъ особой важности для изслѣдованія политическаго быта грековъ, такъ какъ у насъ нѣтъ никакихъ основаній думать, будто на первоначальное установленіе формъ общежитія и ихъ послѣдующее развитіе оказывали вліяніе пеласги или какіе нибудь другіе народы, чуждые грекамъ. Народы на первыхъ порахъ своей исторіи легко заимствуютъ знанія орудія и способы производства, но не государственныя учрежденія и политическія начала.

Существуетъ три мнѣнія относительно того, какимъ путемъ пришли Греки на Балканскій полуостровъ. По одному (Дункеръ) они шли съ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, чрезъ долину Дуная до Адриатическаго моря и потомъ, идя по восточному его берегу, вступили на Балканскій полуостровъ съ сѣвера. По другому (Э. Курціусъ) Греки спустились съ фригійскаго плоскогорья къ берегу Малой Азіи и отсюда переместились въ Грецію по морю. Первый слой переселенцевъ составляли тѣ, кого впоследствии называли Пеласгами. Наконецъ, приверженцы третьяго мнѣнія полагаютъ, что Греки пришли изъ Малой Азіи чрезъ Гелеспонтъ. Подъ пеласгами, ахеями и эллинами слѣдуетъ разумѣть, какъ по-

лагаеть Дункеръ, не три разныхъ народа, а лишь три различные періода или ступени развитія одного и того же народа. Для знакомства съ обширной литературой по этнографіи Греціи см. K. F. Germann: *Lehrbuch der griechischen Staatsalterthümer*, bearbeitet von Bähr und Stark. Zweite Ausgabe. Tübingen. 1884. §§ 6, 7.

Эллинское племя распалось на нѣсколько отраслей, между которыми въ исторіи упоминаются чаще іоняне, эоляне, ахейцы и доряне. Всѣ эти отрасли пришли въ Грецію съ сѣвера и притомъ въ различное время. Никакихъ воспоминаній о движеніи іонянъ съ сѣвера на югъ не сохранилось въ греческихъ преданіяхъ, и поэтому можно думать, что іоняне прежде другихъ племенъ явились на почвѣ собственной Греціи. Въ историческое время они занимали Аттику; во времена болѣе отдаленныя южную Бэотію, южный берегъ Коринѣскаго и западный берегъ Сароническаго залива. Впослѣдствіи посредствомъ колонизаціи, главнымъ образомъ изъ Аттики, іоняне распространились по островамъ Архипелага (главные Наксосъ, Делосъ, Паросъ, Андросъ), оттѣснивъ или подчинивъ себѣ прежнее населеніе этихъ острововъ, состоявшее главнымъ образомъ изъ карійцевъ и лелеговъ. Продолжая двигаться въ томъ же направленіи, іоняне заняли берегъ Малой Азіи отъ устья рѣки Меандра на югъ до Элатейскаго залива на сѣверъ. На протяженіи морскаго берега между этими двумя пунктами, тянулся рядъ цвѣтущихъ іонійскихъ городовъ:

Милеть, Пріэна, Магnezія, Эфесъ, Колофонъ, Клазомены, Смирна и Фокея. Острова Самосъ и Хиосъ также принадлежали іонянамъ. Въ іонійскихъ городахъ Малоі Азіи сложились эническія пѣсни о временахъ героическихъ, здѣсь же была колыбель греческой философіи и историографіи.—Эоляне и ахейцы жили въ древнѣйшія времена въ области рѣки Пеней, въ позднѣйшей Тессаліи. Будучи вытѣснены оттуда напоромъ иллирійцевъ, эоляне чрезъ Фокиду и Бэотію достигли Пелопонесса и овладѣли имъ, подчинивъ себѣ пеласговъ и карійцевъ, обитавшихъ тутъ прежде. Вытѣсненные впоследствии дорянами, ахейцы заняли островъ Лесбосъ и противоположный берегъ Малоі Азіи отъ Кумы до Гелленонта. Остатки эолянъ и ахейцевъ послѣ дорического завоеванія уцѣлѣли въ Аркадіи и Элидѣ.—Позднѣе всѣхъ переселились въ Грецію доряне, обитавшіе въ началѣ по склонамъ Олимпа. Ихъ движеніе на югъ началось послѣ того, какъ долина Пеней была занята иллирійцами. На пути къ югу часть влемени осталась между Этой и Парнасомъ въ маленькой области, съ тѣхъ поръ называвшейся Доридой. Другая вторглась въ Пелопонессъ, овладѣла имъ за исключеніемъ Аркадіи. Впоследствии переселенцы изъ Аргоса и Лаконіи, заняли берегъ Каріи и острова, прилежащіе къ нему; съ этихъ поръ и эта область была извѣстна подъ именемъ Дориды. Наибольше значительнымъ здѣсь былъ городъ Галикарнассъ, родина Геродота.—Разнообразіе природныхъ условій, обособленность быта, смѣше-

не съ различными чуждыми національностями въ Греціи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, привели къ тому, что греческое племя постепенно распалось на нѣсколько отдѣльныхъ вѣтвей, отличавшихся другъ отъ друга по нарѣчію, правамъ и характеру. Изъ числа ихъ въ политической исторіи Греціи главное участіе принимали доряне и іоняне. Первые занимали срединыя мѣстности и притомъ вначалѣ на сѣверъ, вторые—жили по восточному берегу, испытывая на себѣ постоянное вліяніе моря. По всей вѣроятности, слѣдствіемъ этой разницы въ природныхъ условіяхъ и бытѣ было различіе между характеромъ дорянъ и іонянъ, выразившееся по временамъ весьма рѣзко и въ исторіи.

Общимъ признакомъ греческаго племени была красота формъ и пропорціональность размѣровъ тѣла. Личной уголь почти прямой, не высокій, но широкій лобъ, большіе глаза съ яснымъ и спокойнымъ взоромъ, мускулистое, стройное, но не полное тѣло, способное къ легкимъ и изящнымъ движеніямъ,—такова была наружность грековъ, о которой даетъ намъ наглядное представленіе ихъ скульптура. Красота казалась Грекамъ дѣломъ обыкновеннымъ, вѣрнымъ признакомъ доблести и благородства. Природныя преимущества поддерживались умѣренностью въ пищѣ и нитьѣ, развивались и укрѣплялись тщательными гимнастическими упражненіями. Въ духовномъ отношеніи характеристическимъ признакомъ греческаго племени можно признать соединеніе тонкой чув-

ствительности съ сильной активностью. Грекъ былъ податливъ къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, самымъ тонкимъ и деликатнымъ и подъ вліяніемъ ихъ легко испытывалъ разнообразныя чувствованія и настроенія. Выраженіемъ и вмѣстѣ признакомъ этой впечатлительности были разнообразныя и тонкіе вкусы къ пріятности и изяществу формъ, движеній, пріемовъ обращенія и разговора. Но при этомъ грекъ не былъ сентименталенъ и не цѣнилъ сентиментальности; чувствительность его была болѣе эстетическая, чѣмъ моральная. Подъ вліяніемъ разнообразныхъ мотивовъ грекъ легко и быстро принимался за дѣло, обнаруживая при этомъ подвижность и изворотливость. Онъ любилъ всякаго рода дѣятельность, но особенно тѣ проявленія ея, которыя не связаны никакой опредѣленной практической цѣлью и даютъ возможность вполнѣ обнаруживаться всѣмъ замысламъ ума и причудамъ фантазіи. Отсюда любовь къ играмъ, гимнастикѣ, танцамъ, бесѣдамъ и спорамъ. Изъ сильной чувствительности и активности, какъ изъ элементарныхъ свойствъ, происходятъ дальнѣйшія болѣе сложныя черты, свойственныя греческому племени. а) Живость и отчетливость воображенія, способность твердо помнить, быстро воспроизводить разъ испытанныя ощущенія. б) Склонность перерабатывать данныя, полученныя изъ опыта, по указаніямъ чувства къ изящному, которое выражается, главнымъ образомъ, въ склонности въ ясности, отчетливости, симметріи, гармоніи и къ соблюденію мѣры во всѣхъ произведеніяхъ ума и

воображенія. с) Способность къ анализу и діалектикѣ. Умъ грековъ легко усматривалъ и выдѣлялъ отдѣльныя подробности въ содержаніи образовъ и понятій, легко усматривалъ и точно опредѣлялъ взаимныя отношенія между отдѣльными понятіями и мыслями, любилъ слѣдить за длинною цѣнью выводовъ, за игривыми и неожиданными оборотами мысли. Діалектика Платона и логика Аристотеля могутъ служить примѣромъ какъ преимуществъ, такъ и недостатковъ греческаго ума. d) Живость и отчетливость воображенія, руководимаго чувствомъ изящнаго, сказывалась въ способности къ идеализаціи, къ возвышенію и очищенію того, что давала дѣйствительность. e) Вслѣдствіе активности своей натуры грекъ не могъ довольствоваться присутствіемъ идеала въ воображеніи: онъ всегда стремился воплотить и осуществить его или въ произведеніяхъ искусства или въ своемъ поведеніи и практической дѣятельности. f) Энергія ума, богатство фантазіи вмѣстѣ съ активностью и подвижностью обусловливали и отличительныя черты нравственнаго характера грековъ: въ этомъ отношеніи они отличались гибкостью и способностью приносиваться къ новымъ обстоятельствамъ и положеніямъ, непостоянствомъ, отсутствіемъ послѣдовательности и стойкости въ правилахъ и убѣжденіяхъ, способностью къ вымыслу и охотой къ нему, вслѣдствіе этого также легковѣріемъ и лживостью, склонностью къ интригамъ и окольнымъ путямъ ради наслажденія, доставляемаго умственной изворотливостью и остроуміемъ въ

изобрѣтеніи. Очень хорошо выражена суть греческой природы въ словахъ Платона о томъ, что *доблесть*, т. е. превосходство человѣка, состоитъ въ способности наслаждаться прекраснымъ и производить прекрасное, или стремиться къ прекрасному и быть въ состояніи удовлетворить своему стремленію.

Одиссей, герой Иліады и Одиссеи, представляетъ прекрасное поэтическое изображеніе какъ преимуществъ, такъ и недостатковъ греческаго племени.

§ 4. Эллины принадлежатъ къ такъ называемой аріійской семьѣ народовъ, которую кромѣ нихъ составляютъ: индусы, персы, армяне, италійцы, кельты, германцы, славяне и нѣкоторыя другія, отчасти уже исчезнувшія племена, родственныя другъ другу по крови, языку, исконнымъ вѣрованіямъ, обрядамъ, обычаямъ и формамъ политическаго быта. Путемъ сравнительнаго изученія языка, преданій и быта этихъ народовъ можно, во-первыхъ, доказать, что предки ихъ составляли нѣкогда одно племя, имѣвшее одинъ языкъ, одни вѣрованія, нравы, обычаи и учрежденія; во-вторыхъ, описать, хотя въ общихъ чертахъ, состояніе образованности, до котораго достигло это племя прежде распаденія своего на отдѣльныя вѣтви. Этотъ древнѣйшій слой аріійской образованности составляетъ исходную точку для исторіи каждаго изъ племенъ, указанныхъ выше. Здѣсь скрываются корни различныхъ языковъ, вѣрованій, обычаевъ и учрежденій, какъ древнихъ грековъ и римлянъ, такъ и большей части новыхъ

европейскихъ народовъ. Поэтому политическую исторію этихъ народовъ должно начинать съ описанія древнѣйшихъ видовъ общественности, свойственныхъ быту древнихъ арійцевъ. Средствомъ къ тому служить сравнительное изученіе остатковъ древнѣйшаго политическаго быта, сохранившихся у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ въ видѣ живыхъ учрежденій и обычаевъ, въ видѣ отжившихъ уже обрядовъ, законовъ, повѣрій и предразсудковъ, мифовъ и преданій, названій и выраженій, относящихся къ явленіямъ политической жизни. Наука, занимающаяся этимъ дѣломъ, называется сравнительной политикой; по своей задачѣ и приѣмамъ изученія она родственна съ сравнительнымъ языкознаніемъ и миѳологіей.

Наиболѣе обширное обозрѣніе культуры арійцевъ на основаніи данныхъ сравнительнаго языкознанія представлено Pictet (Ad.) въ его сочиненіи: *Les origines indoeuropéennes ou les ayaas primitifs*. 2-me ed. I—III. Paris. 1878. Данныя, относящіяся къ политическому быту, находятся въ 3 томѣ. Выводы Пикте основаны часто на неправильныхъ сопоставленіяхъ данныхъ языка и потому должны быть принимаемы съ большою осторожностью. Ближе къ нашей цѣли сочиненіе Э. Фримана: „Сравнительная Политика,“ переводъ Коркунова. Авторъ имѣетъ въ виду лишь европейскихъ Арійцевъ, да и то кромѣ Славянъ. Очень хороши вступительныя замѣчанія о примѣненіи сравнительнаго метода. Къ этой же области относятся сочиненія Г. Мэна: „Древнее право“, „Древнѣйшая исторія учреждений“, „Деревен-
*

скія общины на Востокъ и Западъ“ (воѣсть есть въ русскомъ переводѣ). Г. Мэнъ отличается умѣньемъ, анализируя историческіе факты, проникать до ихъ первоначальнаго смысла. Ф. де-Буланжъ: „Гражданская община античнаго міра“, переводъ Корша. Москва. 1876. Весьма талантливо и послѣдовательно развитая, но односторонняя теорія. Для успешнаго изслѣдованія политическаго быта аріійцевъ необходимо умѣть пользоваться данными и методами сравнительныхъ языковѣданія и мифологіи и въ тоже время имѣть богатый запасъ историческихъ свѣдѣній. Последнее рѣдко встрѣчается съ двумя первыми условіями.

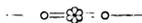
§ 5. Когда греки послѣ долгаго странствованія (вѣроятно, по берегу Чернаго моря) достигли южной части Балканскаго полуострова и здѣсь уѣлились, принесенныя ими съ собою сѣмена общегреческой образованности въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи зависѣли не только отъ географическихъ условій новой родины, но также и отъ соудѣства съ народами, стоявшими на несравненно болѣе высокой ступени развитія. Больше всего имѣло значенія для грековъ соприкосновеніе съ Египтомъ и Финикіей. Въ египетскихъ памятникахъ съ XIV в. до Р. Х. встрѣчаются названія, различныхъ народовъ, воевавшихъ съ Египтомъ. Эти названія ученій Шафаръ старался приурочить къ греческимъ и италійскимъ племенамъ, но неудачно. Болѣе ясныя слѣды сношеній между Египтомъ и Греціей можно примѣтить въ греческихъ мифахъ, произведеніяхъ древнѣйшаго греческаго искусства и промышленности. Въ Одиссеѣ (п. IV)

объ Египтѣ, рѣкѣ Египта и даже островѣ Фаросѣ (предъ Александріей) говорится, какъ о вещахъ, хорошо извѣстныхъ слушателямъ пѣвца. Типы и техника древнѣйшихъ произведеній греческой скульптуры носятъ на себѣ ясныя слѣды вліянія египетскаго искусства. Въ числѣ предметовъ, найденныхъ Шлиманномъ въ миценскихъ гробницахъ, оказались мечи съ изображеніями, и по содержанію и по стилю весьма сходными съ тѣми, какія встрѣчаются на памятникахъ египетскихъ XIV в. до Р. X. Сами греки, напримѣръ Геродотъ и Платонъ, не только признавали, но даже склонны были преувеличивать зависимость своей образованности отъ египетской (ср. Герод. II к.). Вліяніе финикіянъ замѣтно въ гораздо большей мѣрѣ. Около 1200 г., какъ полагаетъ Дункеръ, финикіяне устроили свои торговыя факторіи въ разныхъ пунктахъ Греціи, въ устьяхъ Эврота и Инаха, на Коринѣскомъ перешейкѣ, на островахъ Саламинѣ и Эвбеѣ и оставались здѣсь по крайней мѣрѣ въ продолженіи ста лѣтъ. Отъ нихъ греки переняли названія нѣкоторыхъ мѣстностей: Саламинъ, Мараѳонъ, Мелита; нѣкоторые культы, напримѣръ, Геракла; преданія, напримѣръ, объ амазонкахъ, Кадмѣ, Миносѣ; у нихъ они научились обработкѣ металловъ и глины, занимались алфавитъ и т. д.

Для вопроса о вліяніи сосѣдей Греціи на ея образованность несомнѣнно важное значеніе будетъ имѣть сочиненіе: G. Perrot et Chipiez, Histoire de l'art, по мысли автора имѣющее представить исторію греческаго ис-

кусства въ связи съ искусствомъ восточныхъ народовъ. Сочиненіе снабжено множествомъ рисунковъ, снятыхъ съ памятниковъ. Въ книгѣ Fr. Lenormant: *Die Anfänge der Cultur, autorisirte Uebersetzung*. Iena. 1875. I—II, собрано много данныхъ для вопроса о вліяніи финикіянь на грековъ.

Вопросъ о томъ, что заимствовали греки у своихъ сосѣдей, не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ политической исторіи. Формы и порядки общественности, развившіеся въ Греціи, не носятъ на себѣ слѣдовъ заимствованія или подражанія; они всецѣло составляютъ плодъ и выраженіе политическихъ способностей греческаго племени. При объясненіи ихъ нѣтъ нужды обращаться къ политическимъ учрежденіямъ Финикіи или Египта. Культура этихъ странъ дѣйствовала на политическій бытъ грековъ лишь косвеннымъ путемъ; умноженіе знаній и богатства, бывшее прямымъ слѣдствіемъ сношеній съ финикіянами и египтянами, въ свою очередь должно было отозваться и на общественномъ строѣ грековъ.

II.

Остатки и отголоски племенного быта, переходъ къ общинному.

§ 6. Начало политической исторіи грековъ относится къ той отдаленной порѣ, когда ихъ предки жили (вѣроятно) въ Средней Азійи вмѣстѣ съ предками остальныхъ индоевропейскихъ народовъ. Тамъ возникли и постепенно развились древнѣйшія формы общественности: семья, родъ и племя. Переселившись изъ Азійи въ Европу, греки принесли съ собою и зачатки политической способности, навыкъ къ взаимному сочувствію и содѣйствию въ предѣлахъ семьи и рода, къ подчиненію власти отца и старѣйшины, къ признанію авторитета лучшихъ людей и къ подражанію ихъ примѣру, къ согласованію своего поведенія съ религіозными вѣрованіями и обычаями, унаслѣдованными отъ предковъ. Въ новой родинѣ, подъ вліяніемъ ея природы, располагающей къ особности, своеобразію и независимости, эти зачатки полити-

ческой способности грековъ развились и выразились въ удивительномъ богатствѣ политическихъ формъ и учреждений, всегда осмысленныхъ, гибкихъ и податливыхъ, приноровленныхъ отлично къ нуждамъ мѣста и времени, охватывающихъ все поведеніе гражданина и вмѣстѣ оставляющихъ просторъ для свободнаго творчества въ искусствѣ, литературѣ, философіи и политикѣ. Подъ яснымъ небомъ Греціи сложилось и опредѣленно выразилось сознаніе о томъ, что человекъ по самой природѣ своей есть существо общественное (*ζῷον πολιτικόν*); что только звѣрь или богъ могутъ жить внѣ общества; что государство возникаетъ для того, чтобы обезпечить жизнь, и существуетъ для того, чтобы сдѣлать ее счастливой; что гражданиномъ можетъ считаться лишь тотъ, кто дѣломъ участвуетъ въ направленіи политической жизни, не только повинаясь, но и господствуя. О политическомъ бытѣ грековъ въ первый періодъ ихъ исторіи (приблизительно съ XI по VI ст.) до насъ дошли лишь скудные, отрывочныя и рѣдко ясныя свѣдѣнія частью въ мифахъ и преданіяхъ греческаго народа, частью у историковъ, философовъ и ученыхъ, впоследствии и при томъ долго спустя занимавшихся изслѣдованіемъ своей родной старины. Мифы и преданія по времени происхожденія представляютъ наиболѣе древній источникъ для исторіи, но имъ трудно пользоваться, ибо отголоски дѣйствительности, догадки ума и причуды фантазіи здѣсь смѣшиваются и сплетаются такъ, что отдѣлать истину отъ сказочнаго можно лишь

въ сравнительно немногихъ случаяхъ. Склонность къ олицетворенію была въ высокой степени свойственна грекамъ. Свои мысли объ устройствѣ и порядкахъ природы и общества они любили облекать въ живые и отчетливые образы лицъ, учрежденія и формы политическаго быта считали дѣломъ мудрости и могущества героевъ и законодателей, приписывали одному лицу то, что было результатомъ дѣятельности многихъ поколѣній. Идея историческаго развитія была имъ не знакома и не могла руководить ихъ попытками объяснить себѣ свое прошедшее.—Древнѣйшіе памятники греческой поэзи, *Иліада* и *Одиссея*, заключаютъ въ себѣ богатый запасъ преданій и миѳовъ, изъ котораго можно извлечь весьма цѣнныя свѣдѣнія объ устройствѣ и бытѣ греческихъ обществъ въ эпоху, современную происхожденію отдѣльныхъ былигъ, послужившихъ основой для обѣихъ поэмъ. Но при этомъ нужно имѣть въ виду, что былины эти сложились въ разныя времена и по всей вѣроятности въ разныхъ мѣстахъ, что цѣлью и вѣвцовъ—было прославленіе геройскихъ подвиговъ основателей и предковъ знатныхъ фамилій, что ради этого многое, напротивъ, опускалось изъ виду. Вслѣдствіе этого не легко воспользоваться данными эпоса для характеристики политическаго быта древнѣйшей эпохи; трудно отдѣлить истину отъ вымысла, дѣйствительность отъ воображаемаго, еще труднѣе составить изъ отрывочныхъ чертъ связный образъ и приурочить его къ опредѣленнымъ условіямъ пространства и времени.

Съ безконечнымъ споромъ о происхожденіи гомеровскихъ поэмъ можно познакомиться изъ 4 гл. I т. „Исторіи греческой литературы“ Магаффи (русскій переводъ. Москва. 1882). Неудачную попытку указать основы для исторической критики по отношенію къ этимъ поэмамъ представляетъ сочиненіе А. Fanta: Der Staat in der Pias, und Odyssee. 1882.

Поэмы Гомера, впрочемъ, даютъ не много для характеристики того періода въ исторіи грековъ, когда въ общественной жизни господствовали мотивы и порядки патріархальной поры. Для характеристики этой первоначальной фазы политическаго развитія грековъ историку приходится пользоваться, такъ называемыми *переживаніями*, то есть остатками и отголосками патріархально-родоваго быта, уцѣлѣвшими до позднѣйшаго времени въ видѣ вѣрованій, обычаевъ и обрядовъ, какъ частной, такъ и общественной жизни. Въ этомъ отношеніи наиболѣе данныхъ представляетъ исторія Аѳинъ, гдѣ вплоть до эпохи Клизѳена (509 г.) и даже потомъ замѣтна борьба между старыми патріархальными и новыми общинными началами быта. Многіе факты, о которыхъ наши источники упоминаютъ впервые по поводу преобразованій Солона и Клизѳена, или по поводу событій V вѣка, собственно составляютъ матеріаль для изученія не этого, позднѣйшаго, времени, а первоначальнаго періода греческой исторіи. Здѣсь и долженъ воспользоваться ими историкъ. До позднѣйшаго времени существовали обычаи, чтобы предъ гробомъ убитаго шель

одинъ изъ родственниковъ съ копьемъ въ рукѣ. Обычай этотъ есть несомнѣнно отголосокъ родового быта и, не смотря на то, что о немъ упоминаетъ впервые Демосѳенъ (IV в.), онъ несомнѣнно долженъ быть отнесенъ къ числу данныхъ для характеристики политическаго состоянія грековъ въ первую пору ихъ исторіи. Количество такихъ переживаній бываетъ особенно велико въ обычаяхъ религіозной и домашней жизни, которая такимъ образомъ, не входя прямо въ область политической исторіи, можетъ служить матеріаломъ для этой науки.

Для знакомства съ частнымъ бытомъ грековъ можно найти богатое собраніе матеріала съ указаніемъ источниковъ и литературы въ книгѣ К. F. Hermann: *Lehrbuch der griechischen Antiquitäten. IV-er Band, Privataltersthümer. 3-te Aufl. von Blümner. Tübingen. 1882).*

§ 7. Исходною точкой политической исторіи грековъ, какъ и остальныхъ арійскихъ народовъ, былъ такъ называемый патріархально-родовой бытъ, въ которомъ основою солидарности была религія, состоявшая въ обожаніи предковъ. Власть принадлежала старѣйшинамъ; взаимныя отношенія людей опредѣлялись обычаями, имѣвшими своимъ источникомъ и опорой религію; а способность общества къ со вмѣстому дѣйствію проявлялась лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, когда дѣло шло о нападеніи или оборонѣ. Для знакомства съ этой формой общественности можно предложить: Ф. де-Куланжъ, „Гражданская община античнаго міра“,

стр. 1—147.—„Можно провидѣть,—говоритъ Ф. де-Куланжъ,—длинный періодъ времени, когда люди не знали иной формы общества, кромѣ семьи, но эта семья съ ея старшею вѣтвью и нѣскольکو младшими, съ ея челядью и кліентами, могли составлять очень многочисленную групу. Благодаря религіи, поддерживающей ея единство, благодаря своему частному праву, дѣлавшему ея нераздѣльной, благодаря законамъ кліентства, прикрѣпившимъ къ ней ея слугъ, она становилась мало по малу весьма обширнымъ обществомъ, имѣвшимъ наследственнаго главу (становилась родомъ). Изъ неопредѣленнаго числа подобныхъ обществъ состояло, повидимому, въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ, племя Аріевъ. Эти тысячи мелкихъ группъ жили розно, мало сообщаясь между собою, не нуждаясь другъ въ другѣ, не единясь ни религіозной, ни политической связью, имѣя каждая свой участокъ, свое внутреннее управленіе, своихъ боговъ“ (стр. 147). Ср. нашу брошюру В. Э. Гёрнь: „Объ аріійской семьѣ, ея строѣ и развитіи.“ Кіевъ. 1880.—Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что мотивы и порядки родоваго быта, если и существовали когда нибудь въ томъ видѣ, какъ изображаетъ ихъ Ф. де-Куланжъ, съ переходомъ людей отъ кочевой жизни къ осѣдлой должны были вскорѣ утратить свою первоначальную чистоту и послѣдовательность. Съ переходомъ къ осѣдлой жизни, общество, сложившееся въ условіяхъ родоваго быта, подвергается дѣйствию новыхъ политическихъ мотивовъ, источникомъ которыхъ бы-

ваетъ сосѣдство, совмѣстное владѣніе и пользованіе землей. Подъ вліяніемъ этихъ новыхъ мотивовъ, какъ строеніе общества, такъ и жизнь его начинаютъ измѣняться; связи и обычаи родового быта постепенно теряютъ свою силу; люди пріучаются думать и дѣйствовать сообща независимо отъ вѣрованій и преданій патріархальной поры и вопреки имъ. Впрочемъ, побѣда новаго порядка надъ старымъ не обходится безъ продолжительной борьбы, въ продолженіи которой общество остается въ переходномъ состояніи, въ однихъ случаяхъ и положеніяхъ живетъ и дѣйствуетъ по старому, въ другихъ—по новому.

Исторія всюду застаётъ грековъ уже перешедшими отъ кочевого состояніи къ осѣдлому. Патріархально-родовой бытъ нигдѣ въ Греціи не представляется намъ въ своемъ первоначальномъ, чистомъ видѣ; всюду примѣтно переходное состояніе, изображенію котораго и должны быть посвящены первыя страницы политической исторіи грековъ. Въ послѣдствіи городская община была почти единственной государственной формой, извѣстной въ предѣлахъ собственной Греціи; только кое гдѣ въ Аркадіи, да въ Этолій и Акарніаніи, вплоть до завоеванія этихъ странъ римлянами, высшею формой общественности оставалось племя (*ἔθνος*, *φῦλον*). Здѣсь люди не утратили еще привычки соединяться, хотя въ рѣдкихъ случаяхъ, подъ вліяніемъ сознанія племеннаго единства, а эта привычка была воспитана въ нихъ вѣрованіями и преданіями родового быта. Племя было про-

дуктомъ естественнаго развитія и размноженія рода.

Но есть указанія на то, что и въ собственной Греціи племя предшествовало городской общинѣ, что и здѣсь была пора, когда люди дѣйствовали сообща не какъ граждане одного государства, а какъ соплеменники. Во второй пѣснѣ Иліады есть списокъ вождей и ополченій, принимавшихъ участіе въ осадѣ Трои, изъ котораго видно, что отдѣльныя ополченія соотвѣтствовали племенамъ, но не позднѣйшимъ городскимъ общинамъ. Такъ, жители Эпидавра, Аргоса, Тиринѳа и Эгины, бывшихъ впоследствии отдѣльными государствами, составляютъ одно ополченіе подъ общимъ именемъ ахейцевъ и подъ начальствомъ трехъ вождей, изъ коихъ одинъ главный. Жители 29 бѳотійскихъ поселеній составляютъ также одно ополченіе подъ общимъ именемъ бѳотійцевъ и подъ начальствомъ пяти вождей, изъ которыхъ одинъ вѣроятно также былъ главнымъ. Другое свидѣтельство въ пользу повсюдности племеннаго быта въ древней Греціи составляютъ амфиктіоніи, которыя были союзами племенъ, а не городскихъ общинъ. Аѳиняне и спартанцы даже впоследствии подавали свой голосъ въ совѣтъ дельфійской амфиктіоніи, какъ іоняне и доряне, т. е. какъ члены племени, а не какъ отдѣльныя государства.—Какъ одно связное цѣлое, племенные группы выступали и дѣйствовали лишь въ рѣдкихъ относительно случаяхъ, когда дѣло шло о нападеніи или о защитѣ, о союзѣ для охраненія общихъ святилищъ и соблюденіи об-

щихъ празднествъ. Въ этихъ случаяхъ племена выступали, какъ одно болѣе или менѣе связанное цѣлое съ общей властью во главѣ. Но въ повседневной жизни племена распадались на болѣе мелкія группы: семей, родовъ и филъ, жившія особнякомъ подъ властью своихъ старѣйшинъ и по своимъ патріархальнымъ обычаямъ. Обь организациі этихъ группъ извѣстно не много, такъ какъ въ Греціи родовой бытъ смѣнился государственнымъ въ очень раннюю эпоху, отъ которой сохранилось очень мало свидѣтельствъ. Болѣе всего извѣстно о родовомъ бытѣ Аттики. По словамъ Аристотеля, древнѣйшее населеніе Аттики первоначально дѣлилось на четыре филы: гелеонтовъ, гоцлетовъ, аргадовъ и эгикореевъ (Γελέωντες, Ὀπλιτες, Ἀργαδῆς, Αἰγικορεῖς). Дѣленіе на филы было общимъ для всего греческаго племени, какъ можно судить потому, что по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ оно упоминается въ 50 греческихъ республикахъ. Число и названія филъ были различны; доряне первоначально дѣлились на три филы, іоняне—на четыре, но какъ тамъ, такъ и тутъ къ этимъ первоначальнымъ впоследствии присоединялись новыя филы, потому что въ составъ гражданства нужно было включить иноподцевъ; такимъ образомъ въ Милетѣ и Элидѣ было впоследствии по 12 филъ.

Всюду филы извѣстны намъ, какъ части городской общины, и всюду есть указанія на то, что онѣ по своему происхожденію древнѣе послѣдней. Но какъ образовались филы, что было основою ихъ единства,—на эти вопросы

исторія Греціи не дастъ намъ яснаго отвѣта. Больше всего извѣстны филы аттическія. До Клеомена онѣ не только существовали, но и принимали участіе въ общегосударственной жизни, какъ наиболѣе крупныя дѣленія аѳинскаго гражданства. Но и здѣсь нельзя опредѣлить, что собственно связывало всѣхъ филетовъ въ одну группу и обособляло эту группу отъ другихъ подобныхъ ей. Официальныя названія филъ: гелеонты, гошлеты, аргады и эгикорей наводитъ на мысль, что связью служило единство господствующихъ занятій; эгикорей занимались скотоводствомъ, аргады были ремесленники, гошлеты—воины, а гелеонты, какъ полагаютъ по другимъ соображеніямъ (названіе не ясно), были земледѣльцы. Древніе, основываясь, вѣроятно, болѣе на смыслѣ названій, чѣмъ на дѣйствительномъ единствѣ занятій, приравнивали аттическія филы къ египетскимъ кастамъ. Но единство занятій, если и содѣйствовало поддержанію связей между филетами, не могло быть первоначальнымъ источникомъ этихъ связей; филы несомнѣнно возникли прежде, чѣмъ ремесло обособилось отъ земледѣлія и скотоводства. Пытались приурочить филы къ опредѣленнымъ округамъ аттической территоріи. По мнѣнію Hammarstrand'a (*Attikas Verfassung Zur zeit des Königthums. Leipzig. 1873*), гошлеты и гелеонты жили въ равнинной части Аттики (ок. Аѳинъ и Элевсина), аргады по западному и южному берегу, а эгикорей въ гористой сѣверо-восточной части. Но если филы и соотвѣтствовали

опредѣленнымъ округамъ, то не это соотвѣтствіе было источникомъ ихъ происхожденія. Территоріи и округа заселяются людьми уже сомкнутыми въ группы, а не въ одиночку. Допуская, что сосѣдство по мѣсту жительства и единство занятій могли впоследствіи послужить къ большому скрѣпленію связей, соединявшихъ людей въ филы, первоначальный источникъ этихъ связей слѣдуетъ искать въ другомъ мѣстѣ. По всемъ извѣстіямъ, филы какъ у іонянъ, такъ и у дорянъ состояли изъ родовъ, а роды связывали людей единствомъ происхожденія и религіи. Вопросъ въ томъ: была ли фила естественнымъ или искусственнымъ (административнымъ) союзомъ или группой родовъ? Первое мнѣніе представляется болѣе вѣроятнымъ для той отдаленной поры, о которой теперь идетъ рѣчь. Первоначально фила представляла собою тоже, что и племя, или народъ, но въ меньшихъ размѣрахъ. Она была продуктомъ естественнаго развитія рода. Размноженіе рода ведетъ неминуемо къ его развѣтвленію и распадению на многія меньшія группы, которыя, размножаясь, въ свою очередь становятся родами, достигаютъ нѣкоторой самостоятельности, живутъ обыкновенно каждый отдѣльно и такимъ путемъ первоначально единую общественную группу (первоначальный родъ) дифференцируютъ въ цѣлое скопленіе вторичныхъ группъ, ей во всемъ подобныхъ. Живя и управляясь особо, эти вторичныя группы, при всей разобщенности въ повседневной жизни, продолжаютъ сохранять и проявлять въ исклю-

чительныхъ случаяхъ нѣкоторую связность и единство, побуждающее ихъ тяготѣть другъ къ другу тамъ, гдѣ есть общія опасности или общія выгоды. Источникомъ связности бываетъ сходство въ основныхъ чертахъ тѣлесной и духовной природы, въ языкѣ и обычаяхъ, въ вѣрованіяхъ и обрядахъ,—во всемъ, что составляло основное содержаніе въ жизни группы первоначальной, и что было унаслѣдовано ея потомками. Утративъ политическое единство и сохранивъ единство въ основномъ содержаніи жизни, родъ переходитъ въ общественную группу болѣе сложную и становится филлою, племенемъ или народомъ. Таково, вѣроятно, было происхожденіе и тѣхъ филъ, на которыя некогда дробились іоняне и доряне. Но послѣ того, какъ отдѣльныя племена уѣлись на мѣстѣ и отъ родоваго быта стали переходить къ общинному, въ строѣ и жизни древнихъ филъ должны были произойти перемѣны, сгладившія ихъ первоначальный характеръ.—Изъ того обстоятельства, что въ Атикѣ впоследствии главы филъ назывались царями, слѣдуетъ, быть можетъ, заключить, что нѣкогда аттическія филы имѣли самостоятельное существованіе, были не частями государства, а какъ бы отдѣльными государствами. Такое предположеніе было бы вполне согласно съ тѣмъ, что извѣстно о колѣбно-родовомъ бытѣ у арійскихъ народовъ.

Единство и связность филы, по всей вѣроятности, проявляли себя лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ: объ участіи аттическихъ филъ въ общегосударственной жизни извѣстно только,

что со времени Солона каждая фила выбирала из своей среды ежегодно по 100 человекъ въ сенатъ.—Каждая фила въ Атикѣ дѣлилась на три *фратріи*, въ Спартѣ—на три *обы*. Эта равномерность подраздѣленія (каждая фила равна 3 фратріямъ) есть явленіе позднѣйшее, созданное искусственно послѣ объединенія филъ въ государство. Мотивы такой равномерности будутъ намъ яснѣе, когда мы ознакомимся съ процессомъ образованія городской общины. Происхожденіе фратріи или *обы* также не ясно. Можно думать, что фратрія была промежуточной ступенью между родомъ и филлой и образовалась путемъ естественнаго размноженія рода. Во всякомъ случаѣ связи, соединявшія фраторовъ, первоначально коренились въ религіи, были крѣпче и проявлялись чище, чѣмъ связи, скрѣпившія филетовъ. Религіозное единство членовъ фратріи обнаруживалось яснѣе всего въ праздникъ *анатурій*, общій всему іонійскому племени. Въ первый день этого праздника члены фратріи угощались за общимъ столомъ; во второй они совершали общее жертвоприношеніе Зевсу и Аѳинѣ; въ третій съ особенными обрядами вносили въ списокъ фраторовъ новорожденныхъ младенцевъ мужскаго и женскаго пола. При этомъ отецъ новорожденнаго давалъ клятву въ томъ, что родилъ его отъ гражданки и обрученной жены, а фраторы, въ случаѣ сомнѣнія, могли протестовать противъ такого заявленія и внесенія въ списокъ новаго члена. На фраторахъ, вѣдѣвъ за родичами, лежала обязанность мстить за убитаго

*

сочлена; они же имѣли право наслѣдовать въ тѣхъ случаяхъ, когда умершій былъ послѣднимъ представителемъ своего рода.—Во главѣ фратріи стоялъ особый сановникъ—фратріархъ.

Еще тѣсенѣ и долговѣчиѣ были связи, соединявшія членовъ рода. Родичей связывала память объ ихъ общемъ предкѣ, ихъ героѣ эпохимѣ. Они поклонялись этому предку и послали его имя: напримѣръ, бутады отъ Бута, гесихиды отъ Гесиха, алкмеониды отъ Алкмена и т. д. Общность имени связывала родичей между собою и обособляла ихъ отъ другихъ родовъ. Есть извѣстія о томъ, что отдѣльные роды имѣли свои особыя святилища, своихъ жрецовъ, свои особыя кладбища, свои мѣста собраній и первоначально, по крайней мѣрѣ, жили другъ подлѣ друга, занимая сплошной округъ. Правительство въ родѣ принадлежало архонту и совѣту изъ главъ отдѣльныхъ семей. Солидарность членовъ рода обнаруживалась во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло шло о защитѣ или мести, объ участіи въ прибыляхъ и убыткахъ. Родичи обязаны были принимать участіе въ преслѣдованіи убійцы одного изъ членовъ рода, сообща местили ему или брали съ него выкупъ и очищали его. Родичи принимали участіе въ погребеніи одного изъ своихъ и въ случаѣ отсутствія прямыхъ наслѣдниковъ у умершаго, наслѣдовали его имущество.

§ 8. О содержаніи политической жизни общества въ эпоху родового быта можно судить по тѣмъ отголоскамъ и слѣдамъ, которые уцѣлѣли въ видѣ обрядовъ, обычаевъ, предраз-

судковъ до болѣе поздняго времени въ жизни общества и были отмѣчены въ преданіи. По такимъ *переживаніямъ*, существующимъ въ видѣ окаменѣлостей, въ позднѣйшую эпоху, историкъ можетъ составить понятіе о жизни общества въ эпоху несравненно болѣе древнюю, когда эти окаменѣлости имѣли живой смыслъ и силу. Подобнымъ же путемъ біологъ по остаткамъ животныхъ и растений, находимымъ въ слояхъ земной коры, возсоздаетъ древнѣйшую исторію организмовъ, восполняя и связывая скудные остатки прошедшаго съ помощью наблюденій надъ современнымъ состояніемъ міра животныхъ и растений. Политическое поведеніе членовъ общества, состоящаго изъ семей, родовъ, фратрій и филъ, опредѣляется тѣми обычаями и понятіями, которыя сложились внутри этихъ группъ и передаются путемъ устнаго преданія и подражанія отъ поколѣнія къ поколѣнію. Съ ними греки пришли изъ Азіи въ Европу и здѣсь начали свое политическое развитіе. Намъ остается слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ первоначальныхъ политическихъ мотивовъ на почвѣ Греціи. Исходной точкой для насъ будетъ то состояніе греческаго общества, которое отражается въ поэмахъ Гомера и Гесіода. Не трудно замѣтить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ начавшимся уже разложеніемъ стараго порядка, основаннаго на вѣрованіяхъ и обычаяхъ патріархальной поры. Гомеръ вводитъ насъ въ общество, состоящее изъ двухъ слоевъ: знати и черни. Къ первой принадлежатъ потомки боговъ и героевъ, вожди и старѣйшины; ко вто-

рой все остальное свободное население. Способность къ сочувствію и содѣйствію обнаруживается съ большей энергіей и сознательностью въ высшемъ слоѣ общества, сравнительно съ которымъ низшій представляется поэту стадомъ овецъ, послушно идущимъ за своимъ вожакомъ бараномъ. Не только въ простомъ народѣ, но и въ представителяхъ знати замѣтно очень слабое развитіе личности, недостатокъ самостоятельности въ пониманіи и опредѣленіи своего поведенія. По мнѣнію гомеровскихъ грековъ, все идетъ человѣку свыше, отъ боговъ: мысли, рѣшенія, способности, удачи и неудачи, побѣды и пораженія. Себѣ лично онъ приписываетъ очень скромную долю своихъ намѣреній и дѣйствій. Агамемнонъ сознается, что погорячился и обидѣлъ Ахилла, но тотчасъ затѣмъ сваливаетъ всю вину на Зевса, Судьбу, Эрину, которые вложили ему на вѣчь безумное намѣреніе оскорбить Ахилла (Иліада XIX, 65—94). Приписывая все богамъ, греки Гомера считаютъ напраснымъ и безумнымъ дѣломъ сопротивляться волѣ боговъ и рѣшенію судьбы. Слѣдствіемъ такого убѣжденія является готовность подчиняться тому, что принято всеми, повиноваться обычаю, въ которомъ видятъ уставъ и волю божества. Понятіе о законѣ, какъ о предписаніи общественной власти, обязательномъ для всехъ подъ угрозой наказанія, тогдашнему обществу было неизвѣстно; самое слово *νόμος* (законъ), столь обычное у грековъ впоследствии, не встрѣчается въ поэмахъ Гомера. Законодательной дѣятельности нѣтъ въ

гомеровскомъ обществѣ. Мѣсто закона здѣсь занимаетъ обычай; онъ управляетъ поведеніемъ людей въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Обычай есть правда, справедливость—*δίκη*; этимъ словомъ обозначаются у Гомера не только хорошіе, но и дурные обычай (напр. Одиссея IV, 69). Авторитетъ обычая, основанный первоначально на силѣ привычки, на удовольствіи, пронесящемъ отъ согласія нашихъ дѣйствій съ дѣйствіями другихъ людей, въ гомеровскомъ обществѣ подкрѣпляется религіей. Обычай не ходитъ отъ боговъ и ими охраняется. За наруженіе гостепримства метитъ Зевесъ, покровитель гостей (Ил. XIII, 623 и далѣе).—У Гесіода, въ его поэмѣ „Труды и дни“ есть прекрасное изображеніе Справедливости (*δίκη*—первоначально обычай), ищущей у Зевса защиты отъ обидъ, причиняемыхъ ей людьми. На землѣ защитницами справедливости, уставовъ, обычаевъ являются цари, которымъ ихъ ввѣрилъ Зевесъ вмѣстѣ со скипетромъ власти. Соблюденіе справедливости въ приговорахъ царей обезпечиваетъ благосостояніе ихъ подданныхъ; если же цари отступаютъ отъ справедливости, то гнѣвъ Зевса обрушивается и на ихъ подданныхъ (Гесіодъ: „Труды и дни“ 225 и далѣе; Ил. XVI, 384). Хотя общество лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ выступаетъ самымъ дѣломъ въ защиту справедливости, но мнѣніемъ своимъ оно часто поддерживаетъ силу ея требованій. Сынъ, раздраженный проклятіями отца, хочетъ убить его и останавливается, ибо изъ безмертныхъ кто-то укротилъ его гнѣвъ,

положивъ на сердце молву народа и нареканія людей (Ил. XI, 459). Боязнь людскаго безчестія поощряетъ къ мужеству воинствъ на полѣ битвы (Ил. XV, 661, XVII, 93); она же отравляетъ сердце вождя, сознающаго пагубныя послѣдствія своихъ распоряженій (Ил. XXII, 104). Сравнительно съ всеобщимъ и яснымъ предписаніемъ закона, внушенія обычая представляются болѣе узкими, неопредѣленными. Сила его ограничивается предѣлами той семьи, рода или сословія, среди котораго онъ возникъ и хранится. Выступая за предѣлы этого круга, сталкиваясь съ людьми иной группы, тогдашній грекъ не считалъ себя связаннымъ родными обычаями. По отношенію къ чужимъ позволено то, что запрещается по отношенію къ своимъ. Възлюбивость, услужливость, готовность къ сочувствію и помощи соединяется въ герояхъ Гомера съ грубостью, жестокостью, презрѣніемъ и эгоизмомъ. Замѣтна двойственность мѣры, которой опредѣляются отношенія къ своимъ и чужимъ. Лучшему позволяется многое, что не прощается худшему. Это дѣлается по внушенію привычки воспитанной опытомъ, въ которомъ сильнѣйшій безнаказанно торжествуетъ надъ слабѣйшимъ, торжество силы производитъ чарующее дѣйствіе на тѣхъ, кто бываетъ свидѣтелями его. Гостепріимство и защита предлагаются въ весьма широкихъ размѣрахъ своимъ, но когда входитъ въ домъ чужестранецъ, онъ долженъ прибѣгать подъ сѣнь домашняго алтаря, принимать униженный видъ и умолять о защитѣ и покровительствѣ.

Видно, что общественныя симпатіи въ эту пору дѣйствовали еще въ весьма узкихъ предѣлахъ семьи, рода, сословія. Чувство обязанности человѣка къ человѣку, личности къ обществу и общества къ личности почти не замѣтно на грекахъ, какими ихъ изображаетъ эпосъ. Права и интересы личности охраняются ея собственными силами и силами той корпораціи, къ которой эта личность принадлежитъ по рожденію. Въ предѣлахъ своей корпораціи личность становится беззащитною и не можетъ разсчитывать на помощь общественнаго авторитета.

Въ гомеровскомъ обществѣ вовсе не замѣтно. сознанія того, что каждое преступленіе нарушаетъ интересы не только пострадавшей личности, но и цѣлаго общества. Случай, когда общественная власть вооружается противъ преступника по собственному почину, чрезвычайно рѣдки и расправа здѣсь носитъ совершенно первобытный характеръ. За трусость на полѣ битвы Агамемнонъ угрожаетъ немедленной смертью (Ил. II, 391). По мнѣнію Гектора, троянцы должны были бы побить Париса камнями за его поступки, навлекшіе бѣду на цѣлый народъ (Ил. III, 57). Вообще же общество не вступалось ни за жизнь, ни за свободу, ни за имущество своихъ членовъ, предоставляя самому обиженному возстановлять свои права посредствомъ личной мести. За убитаго должны были мстить его семьяне и родичи. Первоначальнымъ мотивомъ къ кровной мести было желаніе доставить удовольствіе убитому, про-

ливъ кровь его убійцы, или кого нибудь изъ людей, близкихъ къ убійцѣ (этотъ мотивъ сквозитъ довольно ясно въ Ил. XVII, 538). Погибнуть безъ отмщенія считалось величайшимъ несчастіемъ (Одисс. I, 380; II, 145); оставить сына мстителя за себя было величайшимъ благомъ. Такъ какъ обычай мести коренился въ вѣрованіяхъ первобытной религіи и былъ всеобщимъ, то авторитетъ его впоследствии сталъ поддерживаться и общественнымъ мнѣніемъ. Отмщеніе за смерть родственника доставляло славу мстителю (Одисс. I, 398); семья, оставившая безъ отмщенія смерть одного изъ своихъ членовъ, покрывалась безчестіемъ (Одисс. XXIV, 430). Сознанія разницы между убійствомъ умышленнымъ и неумышленнымъ незамѣтно. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ убійца спасался бѣгствомъ, на чужбинѣ становился умоляющимъ, поступалъ подъ покровительство боговъ (Одисс. V, 447), и какая нибудь семья давала ему убѣжище и принимала его въ число своихъ членовъ на правахъ кліента (Ил. XVI, 573). Смягченіемъ первоначальной расправы съ убійцей былъ обычай брать съ него выкупъ, не только существовавшій, но и уважавшійся въ гомеровскомъ обществѣ (Ил. IX, 632). Родственники убитаго, принявши выкупъ, должны были оставить въ покоѣ убійцу. У Гомера нѣтъ указаній на то, чтобы для убійцы необходимо было очищеніе и примиреніе его съ богами; пролитіе крови не считалось оскверненіемъ, пятнающимъ человѣка въ глазахъ боговъ и людей. Преступленіе и долгъ мести за него

переходили отъ родителей къ дѣтямъ по наследству, ибо дѣти считались преемниками отцовъ въ ихъ правахъ и обязанностяхъ. Обычай брать выкупъ съ убійцы вмѣсто кровавой расплаты указываетъ на то, что вліяніе вѣрованій и чувствъ, лежащихъ въ основѣ родового быта, значительно ослабѣло въ обществѣ, изображенномъ Гомеромъ. При полномъ господствѣ религіозныхъ мотивовъ выкупъ невозможенъ, и у евреевъ, напр., опъ не допускался. Опъ является въ ту пору, когда рядомъ съ религіознымъ мотивомъ начинаютъ дѣйствовать экономическія побужденія, заставляющія смотрѣть на убійство, болѣе какъ на урокъ, причиненный корпораціи, нежели, какъ на обиду тому, чья кровь была пролита. Замѣна религіознаго мотива экономическимъ, какъ бы ни судили мы о ней съ точки зрѣнія морали, во всякомъ случаѣ повела къ смягченію правовъ, къ замѣнѣ насилія согласіемъ, страсти—разсудкомъ. Къ установленію связи и мирныхъ отношеній между элементарными группами, на которыя дробилось общество, изображенное Гомеромъ, въ сильной степени содѣйствовала религія, и именно тотъ слой ея, который развился изъ олицетвореній и обожанія явленій природы. Какъ источникъ социальныхъ мотивовъ, религія олимпійцевъ была свободна отъ той узости и замкнутости, какою отличалась семейная религія. Догматы и обряды послѣдней, относившіеся къ умершимъ предкамъ, были доступны и обязательны лишь для потомковъ этихъ предковъ, но не для кого другаго. Внутри семьи или рода религія предковъ

дѣйствовала, какъ источникъ побужденія для сближенія людей; внѣ этихъ предѣловъ связующее дѣйствіе ея не простиралось; она могла скорѣе вести къ взаимному отчужденію различные семьи и роды. Религія олимпійцевъ, состоящая въ обожаніи явленій природы, не ограничивалась предѣлами какой нибудь корпораціи, потому что эти явленія дѣйствовали одинаково на воображеніе и чувство всѣхъ людей, независимо отъ ихъ родства и происхожденія. Обязательства, вытекающія изъ почитанія родоначальника, имѣли силу лишь для его потомковъ, тогда какъ обязательства, связанныя съ почитаніемъ Зевса, тяготѣли надъ волею всѣхъ людей, проникнутыхъ религіозностью. Призываніе Зевса является всюду, гдѣ идетъ дѣло объ обѣщаніи или договорѣ, связывающемъ двѣ стороны, которыя не знаютъ надъ собою никакого общаго авторитета, кромѣ отца и верховнаго владыки боговъ и людей. Такъ Зевсъ, Геліосъ (солнце), рѣки и земля призываются Агамемнономъ въ свидѣтели уговора, заключеннаго предъ единоборствомъ Менелая съ Парисомъ (Ил. III, 275—301). Зевсъ является защитникомъ и охранителемъ всѣхъ, кто, отставъ отъ своихъ, является къ чужимъ въ качествѣ гостя, умоляющаго о защитѣ, нуждающагося въ помощи (Сравни Одисс. VI, 207; IX, 270; V, 447). Тамъ, гдѣ у обиженнаго не достаетъ силъ отмстить обидчику, гдѣ нѣтъ общественной власти, способной оказать защиту и возстановить нарушенныя права, обращеніе къ Зевсу и угроза его мщеніемъ являются един-

ственнымъ средствомъ обуздать насиліе и положить предѣлъ несправедливости (Одисс. I, 378—80). По мѣрѣ того, какъ религіозное сознаніе просвѣтлялось и понятіе о божествѣ становилось чище и возвышеннѣе, очищеніе и поддержка религіи распространялась на большую массу обычаевъ, управлявшихъ политическимъ поведеніемъ людей. Въ Одиссеѣ (I, 260) упоминается о томъ, что герой поэмы отправился въ Эфиру искать смертоноснаго яда для своихъ стрѣлъ, но царь этой страны не далъ его, боясь гнѣва приспоеущныхъ боговъ. Здѣсь вліяніе религіи отражается и на той сферѣ жизни, въ которой по преимуществу царить грубый произволъ и насиліе. Подъ вліяніемъ религіи установились и соблюдались правила, запрещавшія членамъ дельфійской амфиктіони въ случаѣ междуусобной войны разрушать до основанія какой бы то ни было союзный городъ, или лишать его воды во время осады. Борьба съ насиліемъ и несправедливостью, какъ уже было замѣчено, въ гомеровскомъ обществѣ представляется собственнымъ силамъ потерпѣвшаго лица или той корпораціи, къ которой оно принадлежитъ. Общественная власть вмѣшивается рѣдко, не иначе какъ по призыву враждующихъ сторонъ, и въ такомъ случаѣ принимаетъ на себя роль посредника между ними. Судопроизводство въ первоначальной своей формѣ, по замѣчанію г. Мэна, было точнымъ подражаніемъ тому, какъ приблизительно могутъ вести себя въ частной жизни поссорившіеся лица, которыя не прочь помириться.

Представитель общественной власти держалъ себя на судѣ такимъ образомъ, чтобы его поведеніе какъ можно болѣе напоминало поведеніе частнаго посредника, случайно призваннаго для рѣшенія спора. Вѣрность этого замѣчанія подтверждается немногими данными о производствѣ суда, имѣющимся въ гомеровскомъ эпосѣ. Въ частной жизни споры вели къ прекращеніямъ, которыя иногда оканчивались закладомъ и обращеніемъ къ посредничеству знающаго человѣка, который рѣшалъ споръ, и сторона, оказавшаяся правою, выигрывала закладъ въ видѣ возмездія противнику за то, что онъ поддерживалъ несправое дѣло (Ил. XXIII, 485 и д.). Средствомъ къ открытію истины служила клятва, совершавшаяся съ обрядами, цѣль которыхъ состояла въ томъ, чтобы сдѣлать какъ можно болѣе яснымъ и очевиднымъ для божества тотъ фактъ, по поводу коего оно призывалось въ свидѣтели (Ил. XXIII, 581). Приблизительно то же мы видимъ и въ сценѣ суда, которую художникъ, изобразилъ на щитѣ Ахилла (Ил. XVIII, 497). На площади, гдѣ собрался народъ, идетъ споръ. Два человѣка спорятъ изъ-за выкуна, слѣдовавшаго за убитаго. Одинъ утверждаетъ, обращаясь къ народу, что отдалъ все, другой говоритъ, что не получилъ ничего. Оба желаютъ окончить споръ предъ лицомъ знающаго человѣка. У той и другой стороны есть пособники, которые подтверждаютъ восклицаніями ея заявленія. Главнѣйшіе удерживаютъ народъ, а старѣйшины сидятъ на тесаныхъ камняхъ въ священномъ кругу. Ихъ

жезлы, символъ достоинства и власти, находятся въ рукахъ глашатаевъ. Будучи призваны къ посредничеству, старѣйшины встаютъ, берутъ свои жезлы и одинъ за другимъ произносятъ свой приговоръ. Приговоръ каждаго состоитъ въ примѣненіи какого нибудь общаго обычая къ данному случаю. Тотъ, чей приговоръ въ глазахъ обѣихъ сторонъ окажется болѣе правымъ, получаетъ два таланта золота, представленные тяжущимися въ обезпеченіе ихъ готовности подчиниться рѣшенію посредника. Изъ *Θεογονίης* Гесиода (ст. 81—7) видно, что авторитетъ приговора судей въ значительной степени зависѣлъ отъ способности говорить твердо, вразумительно и пріятно. Греки исконо отличались чувствительностью къ достоинствамъ рѣчи.

§ 9. *Основы и органы власти.* При описаніи древнѣйшихъ формъ политическаго быта у арійскихъ народовъ было сказано объ основахъ и кругѣ власти, принадлежавшей отцу семьи и главѣ рода, о кругѣ дѣятельности совѣта старѣйшинъ и народнаго вѣча. Эти три органа власти съ тѣмъ же приблизительно авторитетомъ и кругомъ дѣятельности существуютъ и въ гомеровскомъ обществѣ. Здѣсь также во главѣ отдѣльныхъ родовъ стоятъ родовые владыки (*ἀνακτες*), во главѣ племенъ—цари (*βασιλεῖς*, точнѣе: воеводы, вожди); около нихъ, какъ ихъ естественные совѣтники и ближайшіе помощники, группируются старѣйшины—*γέροντες*, собирающіеся по зову царя въ думу—*βουλή*, приговоры которой предлагаются народу къ свѣ-

дѣнію и исполненію на вѣчѣ, когда люди—*λαοί*—сходятся по призыву глашатаевъ съ тѣмъ, чтобы выслушать, что положили царь и старѣйшины.

Первоначальной основой авторитета и власти въ обществѣ было превосходство физической силы и ловкости. И сила, и ловкость вмѣстѣ съ красотой все еще дѣйствуетъ обаятельно на грековъ, изображенныхъ Гомеромъ, но для утвержденія прочнаго вліянія этихъ основъ уже недостаточно. Принадлежностью героя, которому дивится и повинуется народъ, считается не только сила мышцъ, но и умѣнье подать добрый совѣтъ, изложить его въ рѣчи вразумительной и приятной для слушателей. На опытности, находчивости и умѣньи красно говорить покоится авторитетъ Одиссея и Нестора. Долголѣтній возрастъ есть единственное условіе опытности и благоразумія въ томъ обществѣ, гдѣ единственнымъ источникомъ образованія бываетъ личный опытъ каждаго, гдѣ, чтобы многое умѣть, надобно многое пережить. Въ Иліадѣ и Одиссеѣ не разъ высказывается мысль, что старшинство ручается за благоразуміе и зрѣлость сужденія, что молодость склонна къ легкомыслію и непредусмотрительности (напр. Ил. III, 108—110). Старшинство и опытность ставятся выше физической доблести (Ил. XIX, 217—219). Сами боги чтутъ старшихъ возрастомъ (Ил. XXIII, 787). Молодые, желая высказать свое мнѣніе въ присутствіи старшихъ, считаютъ долгомъ оправдать свою смѣлость (Ил. XIV, 110). Знатность происхождения также

давала право на господство и власть. Героямъ, ведшимъ свой родъ отъ боговъ, предпочтеніе отдается не только людьми, но и богами (Ил. XIV, 59). Признаками знатности были доблести предковъ, обыкновенно боговъ или полубоговъ, богатство рода, связи его съ другими знатными родами. Богатство, состоявшее въ ту пору изъ стада, поземельныхъ владѣній и драгоценной утвари, не легко переходило изъ однихъ рукъ въ другія. Тамъ, гдѣ не было насильственного захвата путемъ войны или грабежа, оно не покидало предѣловъ рода и нарастало, передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію. Длина родословной, многочисленность доблестныхъ предковъ и богатство всегда сошутствовали другъ другу; богатыми были только знатные.

Знатность рода, старшинство возраста, опытность, благоразуміе и краснорѣчіе обезпечивали за тѣмъ, кто обладалъ этими признаками, извѣстную долю вліянія въ гомеровскомъ обществѣ, содѣйствовали тому, что мнѣнія такого лица выслушивались со вниманіемъ, его желанія исполнялись, а поведеніе бралось за образецъ для подражанія. Простые, худородные, рядовые люди, обремененные трудомъ и заботами о дневномъ прожитіи, въ своемъ политическомъ поведеніи слѣдуютъ за знатными и богатыми, подчиняются ихъ мнѣніямъ и подражаютъ ихъ примѣру. Среди знатныхъ и богатыхъ выдѣляются и возвышаются надъ остальными старѣйшины родовъ, преклонные возрастомъ и богатые опытомъ; въ нихъ сосредоточена мудрость, управляющая политическимъ

поведеніемъ общества; они хранятъ преданія и обычаи старины и выводятъ изъ этого запаса опытовъ правила на новый случай. Надъ ними въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется полное сосредоточеніе общественныхъ силъ, полное единство дѣйствія и починъ къ отклоненію отъ повседневныхъ порядковъ жизни, возвышается царь, знатнѣйшій изъ знатныхъ, любимецъ и питомецъ Зевса, получившій отъ него скипетръ и законы. Достоинство и власть царя возникаютъ въ ту пору политической исторіи, когда отдѣльные роды и колѣна, въ началѣ жившіе особо подъ управленіемъ своихъ владыкъ, соединяются въ союзы для совокупнаго нападенія и защиты. Поводомъ къ образованію такихъ союзовъ бываетъ обыкновенно необходимость завоеванія чужой, или отраженіе завоевателей отъ своей области. Основой для нихъ служатъ религіозныя связи, существующія между сосѣдними племенами въ силу господства у нихъ общаго культа, высокаго уваженія какаго-нибудь святилища или праздника. Такой союзъ, образовавшійся для защиты или нападенія, выставляетъ въ поле одно ополченіе, нуждающееся во время похода въ верховномъ предводителѣ. Достоинствомъ предводителя обладается ктонибудь изъ начальниковъ отдѣльных племенъ, вошедшихъ въ составъ союза, при чемъ предпочтеніе оказывается тому изъ нихъ, кто всѣхъ знатнѣе родомъ или пользуется наибольшимъ вліяніемъ по своей доблести. Вначалѣ верховный вождь пользовался лишь чисто военною властью и то только во время

похода, или пока существовала надобность въ союзномъ ополченіи. Какъ военный предводитель онъ назывался βασιλεύς, что соотвѣтствуетъ нашему воеводѣ и нѣмецкому Herzog. Власть и санъ воеводы были ступенью къ достоинству, власти и почестямъ царя. Чтобы понять происхожденіе и развитіе царской власти у грековъ, надобно обратиться не къ поэмамъ Гомера, гдѣ эта власть является уже въ развитомъ видѣ, а къ свѣдѣніямъ о бытѣ племенъ Аркадіи, Фессаліи, Эпирѣ, стоявшихъ на болѣе низкой ступени въ эпоху исторически достоверную и опредѣленную. Когда отдѣльныя племена Фессаліи или Аркадіи для обороны или нападенія сплочивались въ одинъ союзъ, тогда во главѣ союзнаго ополченія становился воевода, называвшійся въ Аркадіи *басилевсъ*, въ Фессаліи *ταγός* (вождь). Въ Фессаліи достоинство таговъ вручалось людямъ, выдающимся по своему могуществу и авторитету, обыкновенно князьямъ наиболѣе значительныхъ городовъ. И въ Аркадіи царская власть мѣняется свое мѣстопробываніе и переходитъ отъ одного рода къ другому, хотя преданіе скрадываетъ этотъ фактъ, заставляя въ такихъ случаяхъ царя умереть бездѣтнымъ и назначая ему преемника изъ боковой линіи. Воеводы имѣли право распоряжаться всемъ, что касалось военныхъ цѣлей союза и этимъ путемъ могли вмѣшиваться во внутреннія дѣла членовъ союза, руководя наборомъ и снаряженіемъ войска, доставкой средствъ, необходимыхъ для веденія союзнаго предирія. Власть воеводы

*

укрѣплялась по мѣрѣ продолжительности и уплотненія союза отдѣльныхъ племенъ. У древнихъ германцевъ связь племенныхъ союзовъ была продолжительнѣе и крѣпче, чѣмъ у грековъ, потому что германцы принуждены были дѣлать дальнѣе походы, подолгу оставаться въ чужихъ земляхъ и отстаивать свои завоеванія отъ сильныхъ соперниковъ. Вслѣдствіе этого у германцевъ королевская власть, утвердившись однажды, осталась на долго; тогда какъ у аркадцевъ и ѳессалійцевъ достоинство царей было временнымъ, потому что въ Греціи были обстоятельства, препятствовавшія образованію прочныхъ и постоянныхъ федерацій. Природа страны и разнообразіе въ бытѣ и устройствѣ отдѣльныхъ общинъ мѣшали ихъ соединенію въ компактный и постоянный союзъ. Когда угрожала опасность, сосѣднія общины соединялись, дѣйствовали сообща, и царская власть пріобрѣтала тогда силу и значеніе. Съ наступленіемъ мирнаго времени союзъ распадался и царская власть прекращалась.

И въ гомеровскомъ обществѣ достоинство и власть царя не были учрежденіемъ прочнымъ, установившимся, съ опредѣленными правами и преимуществами. По изображенію поэта, всѣ племена греческія живутъ подъ отеческимъ управленіемъ царей, которые именуются пастырями народовъ, питомцами и любимцами Зевса. Цари находятся въ родствѣ съ богами и героями, пользуются ихъ благоволеніемъ и покровительствомъ по преимуществу, получаютъ отъ Зевса скипетръ и законы, и передаютъ

его по наслѣдству своимъ преемникамъ. Но есть основаніе думать, что эти черты соотвѣтствуютъ не столько дѣйствительности, сколько идеалу, сложившемуся среди царственныхъ родовъ, при дворахъ коихъ расцвѣли свои пѣсни и со вкусами которыхъ они, естественно, соображались въ своемъ изображеніи дѣлъ давно минувшихъ дней. То, что въ дѣйствительности бываетъ случайно, измѣнчиво и шатко, въ преданіи поэтическомъ и историческомъ принимаетъ видъ постояннаго, правильнаго, устойчиваго. Въ Аркадіи царская власть не была учрежденіемъ постояннымъ, тѣмъ болѣе наслѣдственнымъ, и однако аркадскія преданія умѣли составить непрерывную генеалогическую таблицу царей, начиная отъ древнѣйшихъ временъ до второй мессенской войны. Извѣстные мнѣшескіе и историческіе цари были приведены въ родословную связь; пробѣлы были восполнены именами героевъ и эпонимовъ наиболѣе значительныхъ общинъ, переходъ царскаго достоинства отъ одной династіи къ другой былъ представленъ какъ преемство по боковой линіи за отсутствіемъ прямыхъ наслѣдниковъ. Въ гомеровскомъ обществѣ царь есть скорѣе пожизненный вождь племени, нежели обладатель земли, населенной этимъ племенемъ. Въ случаѣ смерти вождя, достоинство его иногда переходитъ къ сыну, но можетъ перейти и къ другому роду. Съ точки зрѣнія царствующаго рода, достоинство царя должно было считаться наслѣдственнымъ; но это воззрѣніе не успѣло проникнуть въ сознаніе общества и стать осно-

вою правового обычая. Телемахъ, хотя и цѣнить преимущества царскаго достоинства (указывая особенно на богатство и почетъ), но не изъясняетъ притязаній на него и сознается, что въ Итакѣ есть много другихъ кандидатовъ, къ которымъ можетъ перейти царская власть по смерти Одиссея. Самый переходъ представляется зависящимъ отъ воли боговъ (Одиссея, I, 386—400). Изъ словъ Телемаха, что есть и другіе вожди (*βασιλείς*) на Итакѣ, можно заключить, что здѣсь разумѣются начальники отдѣльных родовъ или общинъ, изъ которыхъ каждый въ случаѣ надобности можетъ быть выбранъ верховнымъ вождемъ надъ всеѣмъ племенемъ.

Гомеровскіе цари являются верховными предводителями и правителями племени и представителями его предъ богами. За свои заслуги общинѣ они получаютъ отъ нея участокъ земли въ удѣль (*τέμενος*), который обрабатываютъ съ помощью рабовъ или наемниковъ, или отдаютъ въ пользованіе на извѣстныхъ условіяхъ. Обладаніе крупнымъ помѣстьемъ, вмѣстѣ съ львиной долей въ добычѣ, составляетъ главный источникъ богатства царей, которое даетъ имъ возможность привлекать къ себѣ на службу вольныхъ людей, оказывать широкое гостепріимство и покровительство, и такимъ путемъ собирать многочисленную дружину, готовую служить ему на войнѣ и въ мирѣ. Давъ вождю обѣщаніе въ вѣрности, дружинникъ считалъ своимъ долгомъ выполнить его, помогалъ вождю во время боя, выносили его раненаго съ поля

битвы, радовался его удачѣ и скорбѣлъ въ случаѣ неудачи.

Хотя власть гомеровскихъ царей не была опредѣлена никакими положительными законами, однако она была далека отъ деспотизма и произвола. Царь во всѣхъ важныхъ случаяхъ обязанъ былъ выслушивать мнѣнія старѣйшинъ и соглашаться съ тѣмъ, кто выскажетъ наилучшее мнѣніе (Ил. IX, 74; 100). Тѣ случаи, когда царь не послушался совѣта старѣйшинъ, впоследствии выставляются ему на видъ съ упрекомъ (Ил. IX, 106—111). Въ умѣ народа живетъ сознаніе о справедливости и законности, выраженіемъ которыхъ почитаются обычаи и преданія, унаслѣдованные отъ предковъ. Съ ними царь долженъ соображаться въ своихъ приговорахъ и распоряженіяхъ, ибо охраненіе ихъ ввѣрено ему Зевсомъ. Въ пѣсняхъ, восхвалявшихъ подвиги царей, напрасно было бы искать правдиваго изображенія ихъ дѣйствій, тѣмъ не менѣе и здѣсь слышатся отголоски того, что царская власть начала уже терять свое обаяніе въ глазахъ народа, который чувствуетъ ея произволь и своекорыстіе. Ахиллъ называетъ Агамемнона міроѣдомъ (*δημοβόρος*); Өерситъ упрекаетъ его въ жадности и эгоизмѣ. По словамъ Пенелопы, пристрастіе составляетъ обыкновенное свойство царей: одного любить, а другаго ненавидѣть—таковъ ихъ обычай (*δίκη*, Одисс. IV, 691). Яснѣе скажется недовольство правленіемъ царей и аристократіи въ поэмахъ Гесіода. Здѣсь цари упрекаются во взяточничествѣ и несправедли-

вості, и поэтъ обращается не разъ къ нимъ съ увѣщаніями по этому поводу (напр. „Труды и дни“, 219—64). Въ этихъ отголоскахъ, недовольства и жалобъ народа обнаруживается упадокъ тѣхъ понятій и чувствъ, которыя составляютъ основу монархіи. Божественное происхожденіе и священный характеръ царской власти составляетъ предметъ убѣжденія для царствующихъ фамилій, выдвигается на видъ ихъ придворными пѣвцами, но народомъ чувствуется лишь въ слабой степени. Усиленіе дружины и преобразование ея въ служилую знать, готовую быть опорой трона ради почестей и милостей, идущихъ отъ него, не могло имѣть мѣста въ Греціи влѣдствіе скорого и рѣшительнаго установленія городского общиннаго быта.

Около царя группируются представители другихъ знатныхъ родовъ, называемые владыками (*ἀρχαίτες*), иногда также царями, а обыкновенно старѣйшинами (*γέροντες*, *ἐτιμωγέροντες*). Каждый изъ нихъ у себя дома пользуется такой же неограниченной властью, какъ и самъ царь; каждый изъ нихъ владѣетъ (*ἀνάσσει*) своимъ родомъ и имуществомъ. Обыкновенно, это—люди преклонныхъ лѣтъ, умудренные опытомъ, способные подать царю разумный и полезный совѣтъ во всякомъ дѣлѣ. Собираясь по зову царя, они составляютъ его *думу* (*βουλή*), засѣданія которой предшествуютъ вѣчу. Въ думѣ царь предлагаетъ на обсужденіе старѣйшихъ тѣ вопросы и мѣры, съ которыми потомъ онъ обратится къ народу. Старѣйшины выслуши-

вають мнѣніе царя, иногда представляютъ свои возраженія и заключенія впрочемъ не настаивая на своемъ и не упорствуя въ противорѣчїи. Мнѣніе думы вначалѣ вовсе не имѣло обязательнаго значенія для царя, хотя обычаи осуждалъ его въ томъ случаѣ, когда рѣшеніе, принятое вопреки старѣйшинъ, приводило къ дурнымъ послѣдствіямъ. Гекторъ предпочитаетъ смерть упрекамъ народа и старѣйшинъ (Ил. XXII, 100).—Для характеристики думы и ея отношеній къ царю сравни Ил. II, 53 и далѣе, IX, 1—78; Одиссея VIII, 1—45).

Еще меньше значенія имѣеть вѣче (*ἀγορά*), съ которымъ можно познакомиться по изображенію въ той же II книгѣ Иліады. Звонкогласые глашатаи, по приказанію Агамемнона, сзываютъ народъ на вѣче. Повинуясь имъ, толпы народа, точно рой пчель, съ шумомъ стремятся на площадь. Съ трудомъ успѣваютъ глашатаи прекратить крикъ и усадить народъ по мѣстамъ. Затѣмъ Агамемнонъ держитъ рѣчь, оканчивающуюся приглашеніемъ бросить осаду Трои и бѣжать домой. Рѣчь производитъ мгновенное и сильное дѣйствіе; народъ устремляется къ кораблямъ, чтобы тотчасъ пуститься въ путь на родину. Едва удается Одиссею остановить толпу и снова вернуть ее на площадь, при этомъ къ царямъ и выдающимся людямъ онъ обращается съ мягкой, вкрадчивою рѣчью, а простыхъ, заурядныхъ людей бьетъ скипетромъ и осыпаетъ укоризнами. Далѣе (ст. 211) слѣдуетъ превосходное изображеніе оппозиціи, какая, вѣроятно, изрѣдка была возможна въ ту

пору. Өерентъ котораго поэтъ изображаетъ трусомъ и смѣшнымъ уродомъ, громко укоряетъ Агамемнона въ алчности и эгоизмѣ; по рѣчь его ни въ комъ не встрѣчаетъ сочувствія, и присутствующіе, напротивъ, съ удовольствіемъ видятъ суровую расправу Одиссея съ несчастнымъ крикуномъ. Между этимъ вѣчемъ и народными собраніями время демократіи разница огромная и рѣзкая. Въ эпоху, изображенную въ эпосѣ Гомера, народъ и по своей роли, и по своимъ чувствамъ и поведенію во многомъ напоминаетъ стадо или рой, съ которымъ и сравниваетъ его поэтъ. Онъ слушаетъ, быстро поддается дѣйствию рѣчи, быстро принимаетъ рѣшеніе, сообразное съ нею, и также скоро поддается внушеніямъ противоположнаго свойства, чтобы прежнее рѣшеніе смѣнить новымъ, обращающимъ его мысли и дѣйствія совсѣмъ въ другую сторону. Въ этомъ народѣ нѣтъ ни способности къ почину, ни сознанія своихъ правъ на участіе во власти, которое такъ сильно развито въ обществѣ въ пору полнаго процвѣтанія демократіи. Но уже и въ гомеровскомъ обществѣ, не смотря на пассивность и безгласную покорность массы, дума и вѣче считаются учрежденіями необходимыми, освященными обычаемъ. Отсутствіе ихъ въ странѣ циклоновъ выставляется на видъ поэтомъ, какъ признакъ совершенной дикости нравовъ. Царь долженъ сообщать свою волю и объяснять свои побужденія въ совѣтѣ старѣйшинъ и въ народномъ собраніи; онъ долженъ дѣйствовать путемъ убѣжденія, не-

куснымъ изложеніемъ дѣла склонять умы и возбуждать сердца. Какъ средство убѣжденія и подчиненія, рѣчь пользуется большимъ почетомъ въ гомеровскомъ обществѣ; ораторскія способности, умѣнье говорить вразумительно и сладко считается необходимою принадлежностью правителя наравнѣ съ военною доблестью. Въ этой чувствительности къ содержанію и формѣ рѣчи, въ податливости къ дѣйствию слова сказывается умственное превосходство греческаго племени; его способность цѣнить силу доводовъ и понимать красоты слова. Тамъ, гдѣ требовали искусства изложенія основаній, гдѣ скорѣе и охотѣе подчинялись тому, кто зрѣло разсуждалъ и хорошо говорилъ, тамъ были всѣ условія для послѣдующаго развитія ораторскаго искусства и политической философіи. Царь, дума и вѣче гомеровской поры составляютъ три главныя черты, которыми характеризуется политическій бытъ тогдашняго общества. Все дальнѣйшее развитіе политическихъ учрежденій Греціи состояло въ постепенномъ ослабленіи значенія и власти царя, въ постепенномъ вымираніи монархическихъ чувствъ народа съ одной стороны, и съ другой—въ постепенномъ возвышеніи совѣта старѣйшинъ, а потомъ и народнаго собранія, которое въ концѣ концовъ изъ безгласнаго слушателя и пассивнаго исполнителя царскихъ приказаній становится всемогущимъ и дѣятельнымъ органомъ верховной власти. Задача историка состоитъ въ томъ, чтобы шагъ за шагомъ прослѣдить послѣдовательныя измѣненія въ политическомъ поведеніи

гражданъ; обнаружить затѣмъ преобразованія понятій и чувствъ, управляющихъ поведеніемъ народа и выяснитъ причины, произведшія такое преобразование. Историкъ сначала наблюдаетъ нынѣшній бытъ народа, формы и учрежденія, порядки и обычаи его государственной жизни; затѣмъ онъ проникаетъ въ умственную жизнь и тамъ открываетъ понятія и чувства, руководившія поведеніемъ народа въ давнюю эпоху; наконецъ, во внѣшнихъ обстоятельствахъ и въ предыдущей исторіи онъ ищетъ объясненія для политическихъ понятій и чувствъ общества. При рѣшеніи этой задачи, историкъ Греціи, кромѣ извѣстій, сохранившихся отъ самихъ грековъ, пользуется весьма часто сходными явленіями въ исторіи другихъ народовъ. Съ помощью сходныхъ явленій, или исторической аналогіи, объясняется многое, что въ извѣстіяхъ самихъ грековъ представляется отрывочнымъ, безсвязнымъ и темнымъ.

§ 10. Первоначальное единство племени, основанное на общности происхожденія, религіи, языка и обычаевъ, постепенно сглаживается и ослабѣваетъ по мѣрѣ того, какъ племя разселяется и занимаетъ все болѣе и болѣе обширную область, на разныхъ пунктахъ которой оно подвергается дѣйствию различныхъ физическихъ условій и встрѣчается съ сосѣдями, различными по національности, степени образованія и формамъ быта. Въ Греціи, благодаря ея природѣ, разобщенность между отдѣльными частями гре-

ческаго племени была весьма значительна и помѣшала имъ слиться въ одинъ народъ, составить одно государство съ однимъ правительствомъ во главѣ. По мѣрѣ того, какъ отдѣльныя части греческаго племени усаживались прочно на мѣстѣ, ихъ родовая организація мало по малу смѣнялась общинной, въ основѣ которой лежало не единство происхожденія и общность религій, а сосѣдство по мѣсту, совладѣніе земель и сотрудничество при ея обработкѣ. Этотъ переходъ совершился постепенно; долгое время политическое поведеніе гражданъ опредѣлялось мотивами стараго и новаго порядка, родствомъ по крови и религій и сосѣдствомъ по мѣсту, пока наконецъ въ нѣкоторыхъ наиболѣе развитыхъ общинахъ, Греціи родовой бытъ смѣнился окончательно общиннымъ, и союзъ родичей уступилъ мѣсто союзу гражданъ. Осѣдлое поселеніе родичей послужило зерномъ сельской общины, носившей въ Греціи названіе *κώμη* или *δῆμος*. Происхожденіе сельской общины изъ родовыхъ поселеній засвидѣтельствовано Аристотелемъ, который называетъ общину выселкомъ семьи или двора (*ἀποικία οἰκίας*), т. е. группой, образовавшейся изъ размноженія и расселенія семьи. Какъ родовыя поселенія, сельскія общины вначалѣ и назывались по имени родовъ, обитавшихъ въ нихъ: такъ въ Атикѣ названія многихъ демовъ, были въ то же время и названіями аттическихъ родовъ, напр. бутады, титакиды, пэониды. Каждая община вначалѣ была самостоятельна во всемъ, что касается вну-

тренняго управленія и отношеній къ сосѣдямъ; она жила и дѣйствовала такъ, какъ независимое государство. Впослѣдствіи этотъ порядокъ вещей прекратился; политическая самостоятельность стала удѣломъ городской общины и признакомъ, отличавшимъ эту послѣднюю отъ сельской въ глазахъ современниковъ Фукидида. Но отголоски первоначальной поры сохранились въ преданіи, по словамъ котораго въ Атикѣ до объединенія этой страны царемъ Тезеемъ, существовало нѣсколько отдѣльныхъ сельскихъ общинъ, совершенно самостоятельныхъ. Жители Аркадіи и въ историческое время жили по деревнямъ, изъ которыхъ каждая была, при случаѣ, совершенно самостоятельна въ политическомъ отношеніи, хотя по временамъ онѣ соединялись въ союзы. Жители Лузь, Меондріона, Дипеи, самыхъ незначительныхъ деревень въ Аркадіи, провозглашались на олимпійскихъ играхъ и внеслись въ списокъ побѣдителей подъ собственными именами этихъ деревень, что въ глазахъ грековъ было непререкаемымъ свидѣтельствомъ политической самостоятельности послѣднихъ. Какъ независимыя политическіи единицы, отдѣльныя деревни заключаютъ между собою союзы на пятьдесятъ или даже на столѣтъ съ обязательствомъ дѣйствовать заодно—вообще или только въ извѣстныхъ случаяхъ. Текстъ одного изъ подобныхъ договоровъ между двумя деревнями въ Элидѣ сохранился (Rochl: Inscr. Gr. ant. 118) и гласитъ слѣдующее: „договоръ (ФРАТРА): между анэтянами и метапіянами быть дружбѣ на 50 лѣтъ. А которые не

устоятъ, пусть будутъ отлучены отъ алтаря (Зевса въ Олимпіи) проксенами и предсказателями; если же послѣдніе не исполнятъ своей присяги, то вѣдать властямъ храма Олимпійскаго о томъ“.

Здѣсь достойно замѣчанія значеніе религіознаго авторитета и церковныхъ властей въ дѣлѣ соблюденія взаимныхъ обязательствъ между двумя маленькими, но независимыми общинами, не признававшими надъ собою никакой свѣтской власти. Храмъ и жрецы Зевса Олимпійскаго здѣсь, Аполлона Дельфійскаго въ другихъ мѣстахъ исполняютъ то же дѣло въ древней Греціи, какое—но въ большихъ размѣрахъ,—исполнялъ престоль и намѣстникъ св. Петра въ средневѣковой Европѣ.

Политическая жизнь такихъ незначительныхъ тѣлъ, какими были независимыя сельскія общины, не могла проявляться въ обширныхъ предпріятіяхъ и грандіозныхъ событіяхъ, оставляющихъ свой слѣдъ въ народныхъ преданіяхъ, чѣмъ и объясняется скудость извѣстій о бытѣ сельскихъ общинъ въ древнѣйшую пору греческой исторіи. Пробѣлъ преданія отчасти восполняется тѣмъ, что извѣстно объ общинахъ Аркадіи, долгое время сохранявшихъ свое первоначальное устройство. Въ сельской общинѣ взаимныя отношенія членовъ, ихъ способность къ сочувствію и содѣйствію—зависятъ отъ ихъ отношенія къ землѣ, отъ способовъ владѣнія, обработки и пользованія ею. О земельныхъ отношеніяхъ въ общинахъ древней Греціи извѣстно очень немного.

Есть указаніе на то, что и въ Греціи, какъ и въ другихъ странахъ, занятыхъ аріійскими народами, общинное владѣніе землей предшествовало обращенію ея въ частную собственность. Въ поэмахъ Гомера участокъ земли, которымъ владѣть данное лицо, называется жребіемъ (*κλήρος*), вѣроятно потому, что, какъ и въ русской общинѣ, такіе участки получались дробленіемъ общиннаго поля и распределенія частей его между общинниками по жребію. Участокъ земли, принадлежащій царю, называется нарѣзь (*τέμενος*), потому что онъ нарѣзывается общиною изъ ея поля и отдается въ личную собственность царю въ награду за его услуги общинѣ. По словамъ поэта, ликійскій царь отдаетъ герою Беллерофонту въ награду за его подвиги свою дочь и половину царской чести, а народъ ликійскій нарѣзываетъ ему изъ общиннаго поля надѣль, пригодный для огорода и нивы (Пл. VI, 194). Такой же порядокъ существовалъ въ сельскихъ общинахъ Греціи и въ послѣдующее время. Одна изъ древнѣйшихъ надписей, найденныхъ въ Олимпіи, гласитъ слѣдующее (Röhl. 113).—„Договоръ между халадрійцами и Девкаліономъ: быть халадрійцевъ ему и его роду, быть ему равнымъ съ проксеями и деміургами, имѣть землю въ Писѣ, а ежели кто ее у него отниметъ, то предать виновнаго Зевсу, если такъ угодно будетъ народу“.—Изъ этого подлиннаго документа (относящагося къ VI в.) мы узнаемъ о жизни маленькой сельской общины въ Элидѣ слѣдующее. Наряду съ другими деревнями Элиды,

она принимала участіе въ войнѣ противъ Писы (572—1), и по разрушеніи этого города получила на свою долю часть принадлежащей ему земли. Участокъ, полученный въ видѣ военной добычи, поступаетъ въ собственность цѣлой общины и остается сначала въ общемъ пользованіи. Нѣкто Девкаліонъ, чужестранецъ, желаетъ стать гражданиномъ халадрійской общины, опираясь, вѣроятно, на какія нибудь услуги, ей оказанныя. Община исполняетъ его желаніе и притомъ весьма выгоднымъ для него образомъ. Она, во-первыхъ, даетъ Девкаліону и его роду свое гражданство, въ знакъ чего и наименовывааетъ его халадрійцемъ. Далѣе, она дѣлаетъ Девкаліона не просто гражданиномъ, но включаетъ его въ привилегированное сословіе, въ число тѣхъ, кто въ деревнѣ, называвшейся, вѣроятно, Халадра (горный ручей), пользовались особымъ почетомъ и преимуществами. Изъ надписи видно, что этотъ почетный классъ составляли проклены и деміурги, т. е. люди по своему положенію и достатку способные быть патронами и занимать общественныя должности. Къ нимъ приравнивается и иностранецъ Девкаліонъ. Изъ земли, полученной общиной послѣ разрушенія Писы, ему отрѣзывается участокъ въ собственность, причемъ община принимаетъ на себя защиту его права на землю. Если эту землю у Девкаліона отниметъ (вѣроятно кто-нибудь изъ сосѣдей, независящихъ отъ халадрійской общины), то послѣдняя принимаетъ на себя обязанность донести на виновнаго Зевсу Олимпійскому, т. е. обратиться

къ суду и защитѣ властей и жрецовъ, стоящихъ во главѣ святилища.

Общинное владѣніе земель въ Греціи очень рано смѣнилось частнымъ. Въ „Трудахъ и дняхъ“ Гесіода земельный надѣлъ (жребій) является уже собственностью даннаго лица, которая можетъ переходить отъ одного къ другому посредствомъ купли и продажи, можетъ передаваться по наслѣдству и дѣлиться между сонаслѣдниками (vv. 37. 341). Переходъ земли изъ общиннаго владѣнія въ частную собственность бываетъ слѣдствіемъ возрастанія населенія и недостатка удобной земли вблизи отъ дворовъ. Къ этимъ естественнымъ причинамъ присоединяется очень часто завоеваніе, отдающее землю побѣжденныхъ въ собственность побѣдителямъ, при чемъ на долю предводителей достается львиная часть, поступающая въ ихъ полную собственность. Принимая въ соображеніе, что въ Греціи количество земли, удобной для распашки, очень невелико, а населеніе въ древности было довольно густо, можно думать, что земля была раздроблена на очень небольшіе участки.

Разсматривая связи, смыкавшія людей въ роды и филы съ одной стороны, въ дѣмы и комы (сельскія общины) съ другой, мы замѣчаемъ между ними весьма глубокое различіе, отражающееся и на дальнѣйшей исторіи общества. Религія и родство сближаютъ въ замкнутыя группы, внутрь которыхъ нельзя проникнуть никому, кто не происходитъ отъ общаго родоначальника и не унаслѣдовалъ права чтить

родовыхъ боговъ. Членомъ такой группы можно родиться, но сдѣлаться имъ нельзя иначе, какъ посредствомъ усыновленія, къ которому дозволяется прибѣгать лишь въ случаѣ неимѣнія прямыхъ наслѣдниковъ. Сосѣдство по мѣсту; совладѣніе и сотрудиичество сближаютъ людей въ группы, растяжимыя по ихъ произволу. Каждый переселенецъ, которому община дала у себя мѣсто и почву, можетъ примкнуть къ ея членамъ, чувствовать и дѣйствовать заодно съ ними на столько, на сколько ихъ солидарность зависитъ отъ общности интересовъ, связанныхъ съ землею. Родовыя связи дозволяютъ обществу возрастать лишь путемъ естественнаго размноженія; земельныя—даютъ ему возможность усиливаться принятіемъ въ себя стороннихъ элементовъ; послѣднія, стало быть, гибче и свободнѣе первыхъ. Зато родовыя связи основаны на такихъ понятіяхъ и чувствахъ, которыя не могутъ стать источникомъ обособленія и разъединенія внутри данной общественной группы; тогда какъ понятія и чувства, лежащія въ основѣ общинныхъ связей, рано или поздно ведутъ необходимо къ такому разъединенію. Привязанности религіозныя и родственныя не даютъ повода къ образованію соперничества между членами одного рода и исповѣдниками одной религіи. Напротивъ, любовь къ собственности, сознаніе правъ труда бывають источникомъ наиболѣе сильной конкуренціи между людьми; эта конкуренція ведетъ къ распаденію данной группы на повья, къ возникновенію внутри общества раз-

*

личныхъ направленій и, такимъ образомъ, дѣлаетъ строй общества болѣе разнороднымъ и измѣчивымъ. При господствѣ родовыхъ мотивовъ, неравенство между людьми обусловливается различною степенью знатности ихъ рода; при господствѣ общинныхъ мотивовъ преобладающимъ источникомъ неравенства становится разница въ богатствѣ, въ количествѣ поземельной собственности. Но знатность рода не зависитъ отъ воли людей и не подлежитъ колебаніямъ, тогда какъ богатство можетъ переходить изъ однихъ рукъ въ другія, съ чѣмъ вмѣстѣ перемѣщаются основы политическаго господства и преобладанія. Такимъ образомъ, съ замѣной родовыхъ связей территоріальными, общество становится пластичнѣе, гибче, способнѣе примѣняться къ различнымъ условіямъ и удовлетворять болѣе разнообразнымъ потребностямъ. Преобразование общества въ этомъ смыслѣ началось въ Греціи, какъ и вездѣ съ той поры, когда передвиженіе племенъ прекратилось, и бродячіе роды, усѣвшись на мѣстѣ, превратились въ осѣдлыя сельскія общины.

§ 11. Порядки и органы управленія, возникшіе въ родовыхъ группахъ, продолжали существовать и въ сельской общинѣ въ первое время ея исторіи. Но по мѣрѣ того, какъ религія и родство утрачивали значеніе для общжитія и замѣнялись въ этомъ смыслѣ сожительствомъ, совладѣніемъ и сотрудничествомъ, правительственная организація родовыхъ группъ подвергалась постепеннымъ преобразованіямъ.

Въ сельской общинѣ, образовавшейся изъ поселенія родичей, на первыхъ порахъ порядки и обычаи родового быта оставались въ полной силѣ. Родство и религія предковъ по-прежнему были источникомъ общественныхъ связей, правъ и обязанностей; старѣйшинство по-прежнему было основою авторитета и власти. Но мало-по-малу, рядомъ съ этими политическими мотивами, стали приобрѣтать силу новые, коренившіеся въ сосѣдствѣ и общихъ отношеніяхъ къ землѣ. Новые мотивы постепенно подтачивали и разлагали порядки и формы родового быта, перераспредѣляли людей въ новыя группы, устанавливали между ними новыя отношенія, перемѣщали основы авторитета и власти съ прежняго мѣста на другое. Любопытнымъ отголоскомъ этой борьбы родового быта съ общиннымъ представляется слѣдующая надпись, найденная въ Олимпіи и относящаяся къ эпохѣ Солона. Сообщаемъ ее въ переводѣ не совсемъ точно, такъ какъ текстъ по мѣстамъ не ясенъ.

„Договоръ элейцевъ (ΦΡΑΤΡΑ ΤΟΙΣ ΕΛΕΙΟΙΣ): если кто проклянетъ элейца, то фратрія, родъ и родственники (проклятаго) да не вступаются. Если же власти (буквально: тотъ, кто занимаетъ высшій постъ и цари) не взыщутъ съ виновнаго, то да заплатитъ каждый изъ нихъ десять мишь Зевсу Олимпійскому. За этимъ пусть слѣдитъ гелладоникъ, а съ виновнаго (въ проклинаніи) пусть взыщетъ общинная власть (δαμιοσύνη). Если же и она не взыщетъ, то повинна будетъ заплатить вдвое при

сдачѣ отчета. Если же кто виновнаго (въ проклинаніи), привлеченнаго къ суду, станетъ бить, да заплатитъ штрафъ въ десять миѣнъ если билъ зная (что онъ привлеченъ къ суду). И писецъ фратріи пусть заплатитъ столько же, если дозволитъ въ своемъ присутствіи бить подсудимаго. А доска эта пусть хранится въ Олимпіи“.

Таковъ этотъ документъ, единственный въ своемъ родѣ и потому не во всѣхъ подробностяхъ понятный. Отмѣтимъ, въ видѣ догадки, тѣ факты, на которые онъ прямо или косвенно указываетъ, и въ которыхъ отражается переходъ отъ родоваго быта къ общинному.

Документъ изданъ отъ лица элейцевъ. Элея или Элида въ эту пору представляла федерацію нѣсколькихъ деревень, еще не стянутыхъ въ одну городскую общину. Договоръ, принятый всей федераціей, конечно, былъ обязателенъ для каждаго изъ членовъ, т. е. для каждой отдѣльной сельской общины. Отсюда слѣдуетъ, что факты, упоминаемые въ договорѣ, не были исключительнымъ явленіемъ.

Въ общинахъ продолжаютъ существовать не только семья, но также родъ и фратрія. Признается возможнымъ и наказуемымъ особый видъ обиды, которую одно лицо можетъ причинить другому. Обида эта—*проклятіе*. Она вызываетъ мщеніе со стороны семьи, рода и фратріи обиженнаго. Она возбуждаетъ эти корпораціи къ самозащитѣ и даетъ имъ поводъ къ самоуправству. То, что въ надписи называется проклятіемъ, вызываетъ послѣдствія,

сходныя съ тѣми, какими въ родовомъ быту сопровождается убійство. Но община полагаетъ предѣлъ родовому праву самозащиты. Она настаиваетъ на вмѣшательствѣ властей и прежде всего тѣхъ, которыя стоятъ во главѣ фратріи, какъ высшей единицы родового быта. Изъ этихъ властей ясно наименованъ въ концѣ надписи писецъ фратріи, предъ лицомъ котораго долженъ судиться виноватый. Напротивъ, неопредѣленно выраженіе: *тотъ, кто занимаетъ высшій постъ*. Что же касается царей, то подъ этимъ именемъ разумѣютъ жрецовъ; слѣды такого употребленія слова βασιλεύς встрѣчаются и въ другихъ надписяхъ.—Но община не увѣрена въ томъ, что родовыя власти вмѣшались въ дѣло, ибо мнѣнія и обычаи патриархальной поры побуждаютъ не сдерживать, а скорѣе поощрять корпорацію въ дѣлѣ мести за одного изъ ея членовъ. Къ приказанію община присоединяетъ угрозу—штрафъ въ 10 минъ. Только тогда, когда старыя родовыя власти не исполняютъ своего долга, въ дѣло вмѣшиваются новыя общинныя, какъ будто неохотно переступающія завѣтный порогъ старыхъ корпорацій. Общинная власть не только по происхожденію, но и по имени отличается отъ родовой. Во главѣ общины стоятъ уже не старѣйшины, а деміурги, т. е. служители и, конечно, избранники народа. У Гомера слово „деміургъ“ имѣетъ весьма скромный смыслъ: имъ именуется ремесленникъ, работающій на цѣлую общину. Названіемъ для сановниковъ, стоявшихъ во главѣ сельской общины, это

слово могло едѣваться лишь послѣ того, какъ власть стала считаться порученіемъ, службой, которая возлагается обществомъ на лицо, избранное и пользующееся довѣріемъ. Замѣна наслѣдственныхъ властей выборными открывала болѣе простора для личнаго превосходства и сообщала болѣе гибкость и подвижность правительственному механизму.

Но и общинная власть еще не достаточно свыкла съ своею ролью и, по видимому, не охотно пользуется своею силой для подавленія самоуправства, ноощряемаго уже отжившими понятіями. И для нея есть угроза—въ видѣ штрафа въ 20 минъ. Штрафъ будетъ взысканъ лишь тогда, когда общинная власть, отбывъ свой срокъ, должна будетъ отдать отчетъ въ исполненіи своей должности. Раньше она не судима. Ея отчетность есть также явленіе новое, слѣдствіе новыхъ понятій о происхожденіи и назначеніи власти. Послѣдній пунктъ надписи указываетъ на то, что расположеніе къ самоуправству было очень сильно. Правильный судъ не удовлетворялъ его. Оно и понятно: судъ наказывалъ за нарушеніе мира, а родовое право требовало *мести* за обиду. Въ этомъ именно пунктѣ и произошло первое столкновеніе стараго порядка съ новымъ.

Въ сельской общинѣ къ прежнимъ источникамъ неравенства, личной доблести и знатности рода, присоединялись новые. Члены рода, уѣзвшагося на данномъ мѣстѣ, составляли первоначальный слой въ населеніи общины, образовавшейся изъ родоваго селенія. Около этого

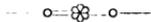
слоя мало-по-малу образовался другой, состоявший изъ людей пришлыхъ, искавшихъ убѣжища и защиты. Община охотно принимала такихъ чужестранцевъ, отводила имъ землю для пользования, и во время войны призывала ихъ къ участию въ ополченіи. Пользуясь свободой и покровительствомъ, эти новыя или младшіе члены общины на первыхъ порахъ были лишены политическихъ правъ, не принимали участія въ общинномъ сходѣ, въ избраніи властей и въ постановленіи приговоровъ. Такъ образовалась разница между двумя слоями въ населеніи общины, постепенно принявшими видъ двухъ сословій. Къ первому изъ нихъ принадлежали *эпатриды*, благородные члены старыхъ родовъ, участвовавшихъ въ основаніи общины, ведшихъ свое происхожденіе отъ того героя, именемъ котораго назывался весь родъ, давшій начало общинѣ. Въ противоположность пришельцамъ они называли себя также автохтонами, туземцами, и заправляли политическимъ поведеніемъ общины въ качествѣ хранителей и истолкователей религіозныхъ догматовъ и правовыхъ обычаевъ, природныхъ кандидатовъ на всѣ общественныя должности, замѣщавшіяся по ихъ выбору лицами изъ ихъ-же круга. Съ установленіемъ осѣдлой жизни и частной земельной собственности, стало возможнымъ болѣе значительное накопленіе богатства; крупная земельная собственность стала источникомъ превосходства и основой общественного авторитета; неразлучными спутниками богатства, по выраженію Гесіода, стали доблесть и слава.

Владѣя обширными пастбищами, эпатриды могли содержать табуны лошадей, упражнялись въ искусствѣ владѣть ими, служили всадниками въ народномъ ополченіи, и щеголяли убранствомъ коней и колесницъ на играхъ и праздникахъ.

Разстояніе между обоими сословіями было значительнѣе въ тѣхъ общинахъ, которыя возникли путемъ завоеванія. Если завоеватели не встрѣчали сопротивленія, или встрѣчали столь сильный отпоръ, что не могли преодолѣть его; они вступали въ соглашеніе съ туземцами, селились на равныхъ правахъ и постепенно сливались съ ними. Такъ было въ Элидѣ, Мессеніи, Трезенѣ. Въ другихъ мѣстахъ, напр. въ Фессаліи и Лаконіи, положеніе туземцевъ было болѣе тягостно; они составляли сословіе лично свободныхъ людей, лишенныхъ политическихъ правъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, обязанныхъ обрабатывать ее и уплачивать опредѣленную долю продуктовъ побѣдителямъ-собственникамъ. Рядомъ съ землевладѣльцами, благородными и полноправными, земледѣльцами, свободными, но политически безправными, — въ нѣдрахъ сельской общины возникло и ядро третьяго сословія, *деміурговъ* или свободныхъ безземельныхъ людей, снискивающихъ себѣ пропитаніе ремесломъ. Первоначально каждая семья своимъ трудомъ удовлетворяла всѣ незатѣйливыя потребности домашняго обихода и сама изготовляла себѣ орудія труда. Но съ усложненіемъ потребностей явилось раздѣленіе труда: одни продолжали заниматься добываніемъ и обра-

боткой сырыхъ продуктовъ, другіе стали изготовлять орудія для такой обработки. Уже у Гомера упоминаются мѣдники, кожевники, горшечники, позолотчики и оружейники. Въ сельской общинѣ ремесло было естественнымъ удѣломъ тѣхъ, кто не успѣли или не хотѣли пріобрѣсти участокъ въ собственность или въ пользованіе. Положеніе ремесленниковъ, зависѣвшихъ отъ случайностей спроса на ихъ трудъ и величины заработка, было на первыхъ порахъ болѣе невыгодно, чѣмъ положеніе земледѣльцевъ. Ремесленный трудъ не пользовался уваженіемъ въ Греціи (Геродотъ II; 167); его считали непригоднымъ для пріобрѣтенія и развитія тѣхъ качествъ, которыя дѣлають человека хорошимъ гражданиномъ.

Съ возникновеніемъ сословіи, существеннымъ содержаніемъ въ политической жизни сельскихъ общинъ должна была сдѣлаться борьба между эвпатридами и простонародьемъ, состоящимъ изъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ. Эта борьба выразилась вполнѣ съ превращеніемъ сельской общины въ городскую.

III.

Образованіе городской общины.

§ 12. Признаки, по которымъ отличаютъ деревню отъ города въ наше время, не имѣли значенія въ глазахъ Грековъ V вѣка. Для нихъ всякое поселеніе, политически независимое и имѣющее въ зависимости отъ себя другія поселенія, было городомъ, все равно, какова бы ни была его наружность, величина, или богатство. Греческій городъ (πόλις) соединялъ въ себѣ, такимъ образомъ, признаки государства и столицы. Напротивъ, всякое поселеніе, зависящее отъ другаго, было деревней (χώμη, χώρη, δῆμος); точно также не называлось городомъ и поселеніе, которое хотя и было политически самостоятельно, но не имѣло подъ собою другихъ поселеній; стало быть, съ нашей точки зрѣнія было государствомъ, но не столицей.

Городская община, сравнительно съ сельскою, представляетъ политическое тѣло болѣе сложное какъ въ строеніи, такъ и въ управленіяхъ. Всѣ лучшіе плоды греческой образованности созрѣли въ нѣдрахъ городской общины,

благодаря тому, что здѣсь двѣ основныя черты общности—солидарность и власть—достигли большаго развитія. Способность къ сочтанію и согласованію личныхъ усилій въ городахъ достигла болѣе высокой степени и проявилась въ болѣе разнообразныхъ формахъ сравнительно съ деревнями. Но это превосходство городской общины не препятствуетъ видѣть въ ней лишь дальнѣйшее преобразование сельской и заняться изслѣдованіемъ того, въ чемъ состояло это преобразование. (Вопросу о происхожденіи городовъ въ классическомъ мірѣ посвящено сочиненіе: E. Kuhn. Ueber die Entstehung der Städte der Alten. Komenverfassung und Synoikismus. Leipzig. 1878. Въ немъ много фактовъ, но мало умѣнья въ ихъ обработкѣ и порядка въ ихъ изложеніи).

Въ процессѣ образованія городской общины, соединяющей въ себѣ признаки государства и столицы, можно различить два момента: а) превращеніе деревни въ городъ, и б) превращеніе города въ столицу. Само собою разумѣется, что эти два момента различимы лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, относительно которыхъ мы имѣемъ больше свѣдѣній.

Переходомъ отъ сельской общины въ городу была федерація сельскихъ общинъ или система домовъ, по выраженію Страбона. Переходомъ отъ города къ столицѣ была также, вѣроятно, федерація—города съ одной стороны и окружающихъ его деревень съ другой.

Сельскія общины, лежавшія по сосѣдству и населенныя въ большей части случаевъ со-

племенниками, не могли остаться на долго обособленными другъ отъ друга. Независимо отъ потребностей повседневной жизни, много поводовъ къ сближенію представляла религія. Повсюду въ Греціи были божества, святилища и праздники, равно чтимые всеми окрестными общинами. Въ Атикѣ дѣмы: Пирей, Фалеръ, Ксинета и Фимайтады, до вступленія въ составъ аѣннскаго государства, составляли союзъ, центромъ котораго былъ культъ и храмъ Геракла, носившій названіе *тетраχμων* (четыре деревни). Шестъ или семь общинъ Трифиліи имѣли своимъ религіознымъ средоточіемъ святилище Посейдона на мысѣ Самиконѣ. Такіе же союзы, по словамъ Страбона, существовали въ старину по всему Пелопоннесу и послужили зерномъ для городскихъ общинъ. Общеніе, возникшее изъ религіозныхъ мотивовъ, распространялось потомъ и на другія стороны жизни. Во все время союзныхъ празднествъ общины, принимавшія въ нихъ участіе, соблюдали между собою миръ; провозглашеніе этого (божьего) мира лежало на обязанности той общины, которая завѣдывала союзнымъ святилищемъ. Празднества состояли изъ жертвоприношеній, игръ и состязаній и давали поводъ не только къ торговому обмѣну, но также и къ собраніямъ для обсужденія общинныхъ дѣлъ. Союзныя общины на этихъ собраніяхъ разсуждали о вопросахъ, касавшихся всехъ, и постановляли приговоры, также обязательныя для всехъ. Каждая система или федерація отдѣльныхъ деревень, въ извѣстныхъ случаяхъ дѣйствовала какъ одно цѣ-

лое, и заключала договоры съ другими федераціями. Любопытный образчикъ такого договора представляетъ надпись, найденная въ Олимпіи и относимая къ половинѣ VI вѣка (Röhl. J. G. A. 110.) Она заключаетъ текстъ договора (ФРАТРА) между Элейцами и Герейцами. Отдѣльныя комы или села Элиды и Герей сплотились въ двѣ городскія общины лишь въ IV вѣкѣ (Strabo. p. 337); стало быть въ IV вѣкѣ Элейцы и Герейцы жили еще по селамъ, но уже сомкнутымъ въ двѣ федераціи. Обѣ стороны, т. е. обѣ договаривающіяся федераціи, заключаютъ союзъ на 100 лѣтъ и обязываются стоять за одно, когда нужно, въ словѣ и въ дѣлѣ, соединять свои силы какъ въ другихъ случаяхъ, такъ особливо во время войны. Въ случаѣ нарушенія договора, виновная сторона платитъ талантъ серебра Зевсу Олимпійскому въ вознагражденіе за обиду. Тому же штрафу подвергается виновный въ порчѣ документа (вырѣзаннаго на бронзовой доскѣ), будетъ ли это частное лицо, или сановникъ, или цѣлая община (изъ числа входящихъ въ составъ федераціи). Договоръ между Элейцами и Герейцами представляетъ примѣръ того, какъ общеніе, возникшее первоначально на почвѣ религіи, распространяется потомъ и на политическіе интересы.

Судьба подобныхъ федерацій была различна. Одни изъ нихъ со временемъ распались, другія, напротивъ, уплотнились еще болѣе, пока не доходили до полного сліянія частей въ одно цѣлое, что и было днемъ рож-

денія городской общины. Невозможно съ точностью опредѣлить, какія обстоятельства содѣйствовали въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ уплотненію системы демовъ въ πόλις или городъ. Въ однихъ случаяхъ, къ уплотненію могли располагать опасности, грозившія федераціи извнѣ; въ другихъ—песоразмѣрное усиленіе и преобладаніе одного члена надъ остальными членами федераціи; наконецъ, оба эти условія могли дѣйствовать вмѣстѣ, облегчая господство для однихъ и зависимость для другихъ. Городская община Тегея въ Аркадіи возникла изъ союза девяти отдѣльныхъ поселеній, въ которыхъ обитали члены одного и того же племени. Сосѣдство и племенное родство были основой, связывавшей эти населенія въ союзъ до тѣхъ поръ, пока вторженіе Дорянъ въ Аркадію не заставило ихъ жителей стянуться въ одно мѣсто, укрѣпленное для защиты отъ нападений, которое потомъ стало городомъ и столицей государства подъ именемъ Тегеи. Это сліяніе нѣсколькихъ сельскихъ общинъ въ одну городскую было увѣковѣчено построеніемъ храма въ честь Аѳины, праздникъ которой былъ и днемъ національныхъ игръ для гражданъ Тегеи. Преданіе, по обычаю своему, приписывало дѣло объединенія—энергіи одного человѣка, царя Алея, построившаго будто бы и самый храмъ въ честь Аѳины Алеи. (Изъ прозванія богини Аѳины народъ сдѣлалъ имя мнѳическаго царя, который былъ необходимъ для объясненія того, какъ образовался городъ и община Тегеатовъ). Городъ Мантинейя (также въ Аркадіи) былъ гла-

вой четырехъ или пяти демовъ или комъ, слияніе которыхъ произошло уже послѣ персидскихъ войнъ, и было дѣломъ Аргивянъ, желавшихъ въ Мантинѣ имѣть точку опоры для борьбы со Спартой. Опасеніе нападенія со стороны Аѳинянъ и борьба партій заставила жителей острова Родоса переселиться изъ трехъ городовъ въ одинъ, нарочно для этого построенный на благопріятномъ мѣстѣ и въ обширныхъ размѣрахъ. Новый городъ получилъ названіе Родоса и сталъ столицей и политическимъ центромъ для всего острова. Изъ трехъ прежнихъ городовъ два мало по малу пришли въ запустѣніе, а третій—Линдъ—оставался значительнымъ, благодаря значенію бывшего въ немъ святилища. Жители его называются *πλήθος Λυδίων*, т. е. толпа, масса Линдянъ, а не *δῆμος*—народъ, ибо послѣднее названіе приличествуетъ лишь гражданамъ Родоса. У Линдянъ остались свои сановники, но они завѣдуютъ только дѣлами культа, ибо въ этомъ отношеніи Линдъ съ окрестными комами по прежнему образуетъ отдѣльную религіозную корпорацію. Судя по надписямъ, найденнымъ въ г. Родосѣ, въ него переселились обитатели многихъ мѣстечекъ и поселеній острова, но безъ сомнѣнія не всѣ.

Наиболѣе извѣстнымъ, хотя сравнительно позднимъ, примѣромъ синоикизма было основаніе Мегалополя въ Аркадіи въ 369 году. Оно было дѣломъ Эпаминонда, желавшаго найдти въ новомъ государствѣ противовѣсъ могуществу Спарты. Матерьяломъ для города и общины Мегалополя послужило множество маленькихъ

мѣстечекъ, занимавшихъ область болѣе половины Аттики, только гораздо болѣе расчлененную горамп. Жители этихъ мѣстечекъ переселились въ новый городъ: одни по охотѣ, другіе по неволѣ, были и такіе, которые предпочли оставить родину и переселиться на берега Чернаго моря. Ради уваженія къ древнему святилищу Деметры не тронули жителей мѣстечка Ликосуръ. Сельскія общины Кинурія также были уничтожены при синоикизмѣ Мегалополя, хотя должны были удѣлить въ этотъ городъ значительную часть своихъ обитателей. Новый городъ былъ задуманъ въ обширныхъ размѣрахъ, а большая часть прежнихъ мѣстечекъ пришла въ заустѣніе.—Въ нѣкоторыхъ городахъ процессъ синоикизма повторялся по нѣскольку разъ. Такъ, жители города Патръ въ Ахаіи, раззоренные войной, и желая поправить свои дѣла, покинули городъ и расселились по окрестнымъ деревнямъ, чтобы усерднѣе заняться земледѣліемъ, пока императоръ Августъ вновь не стянулъ ихъ въ Патры. По окончаніи второй священной войны, амфиктіоны постановили разрушить всѣ города Фокиды и расселить жителей по деревнямъ такъ, чтобы въ каждой деревнѣ было не болѣе 50 дворовъ, и чтобы каждая деревня отстояла отъ другой не менѣе, какъ на одну стадію (менѣе 100 саж.) *Diod. Sic. XVI, 60*). Здѣсь мы видимъ примѣръ разрѣшенія городской общины путемъ дезинтеграціи ея частей. Заслуживаетъ вниманія, что для разобщенія частей признавалось достаточнымъ столь незначительное разстояніе.

§ 13. О происхожденіи двухъ важнѣйшихъ городовъ Греціи, Аѳинъ и Спарты, сохранились въ преданіи лишь скудные и неясные намеки, которыхъ ни понять, ни связать нельзя безъ помощи историческихъ аналогій, которыя въ концѣ концовъ даютъ выводы умѣренной вѣроятности. Для разъясненія вопроса о происхожденіи Аѳинъ въ послѣднее время много сдѣлалъ С. Wachsmuth въ своемъ сочиненіи: *Die Stadt Athen im Alterthum*. I. В. Leipzig. 1874. Надъ разъясненіемъ начала Спарты съ успѣхомъ потрудился G. Gilbert въ сочиненіи: *Studien zur altspartanischen Geschichte* и въ—*Handbuch der griechischen Staatsalterthümer*. I. Leipzig. 1881. Приемы изслѣдованія у обоихъ ученыхъ въ сущности сходны. Исходной точкой служить топографія; въ характерѣ мѣстности отыскиваются данныя для догадки о томъ, какой видъ имѣли первоначальныя поселенія на ней. Къ даннымъ топографіи присоединяются указанія, заключающіяся въ названіяхъ урочищъ и характерѣ культа и святилищъ, находившихся здѣсь; ко всему этому присоединяются данныя, извлеченныя изъ древнѣйшихъ мифовъ и сказаній.

Городъ Аѳины въ послѣдствіи занималъ группу холмовъ, съ прилегающими къ нимъ долинами. На этомъ мѣстѣ первоначально были три отдѣльныхъ поселенія, жители коихъ отличались другъ отъ друга и по племени, и по религіи. На Акрополѣ и юго-востокѣ отъ него жило населеніе, считавшее себя исконно-туземнымъ и чтившее Зевса, Гею, Аѳину и боговъ

*

подземныхъ. Къ востоку отъ него, на холмѣ Агра, стояло другое поселеніе, жители котораго принадлежали къ іонійскому племени, молились Аполлону и Посейдону, и пришли сюда позднѣе въ видѣ дружины, ищущей осѣлости. Наконецъ, къ западу отъ Акрополя было поселеніе, гдѣ жили Финикіяне, Карійцы и Лелеги,—сбродъ людей, прибывшихъ сюда для торговли и наживы. Время и мотивы сліянія этихъ трехъ поселеній въ одно, городъ Аѣины, намъ вовсе неизвѣстны. Аѣинскія преданія рассказывали о борьбѣ Тезея съ Амазонками, мифическими существами восточнаго происхожденія. Въ этомъ преданіи видятъ указаніе на то, что образованіе Аѣинъ было слѣдствіемъ борьбы, кончившейся побѣдою іонійскаго населенія надъ финикійскимъ. Образование новаго города изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ поселеній оставило слѣдъ въ грамматической формѣ его имени Ἀθήναι (мн. число).—Сличеніе спартацкихъ преданій съ данными топографіи привело Гильберта къ убѣжденію, что и Спарта, подобно Аѣинамъ, образовались изъ сліянія трехъ первоначально отдѣльныхъ самостоятельныхъ общинъ, изъ которыхъ одна называлась Агіады и была населена Ахейцами, жившими тутъ искони, вторая Дорянами, а третья—Минійцами. Поклоненіе Зевсу было религіей двухъ первыхъ общинъ, а третья—чтила Аѣину. Что было поводомъ къ сліянію трехъ этихъ деревень—ближе неизвѣстно. Преобладаніе въ Спартѣ дорійскаго элемента вполнѣ слѣдствіи, указываетъ повидимому, на то, что толчекъ къ объединенію былъ данъ превосход-

ствомъ силъ дорической общины, а можетъ быть и необходимостью защищаться противъ дальнѣйшаго наплыва завоевателей — Дорянъ, шедшихъ по слѣдамъ первой дружины, усѣвшейся на берегу Эвроты тамъ, гдѣ впослѣдствіи была такъ называемая Новая Спарта.

Если городская община была продуктомъ интеграціи сельскихъ, доведенной до полного сліянія частей въ одно цѣлое, то, спрашивается, какъ происходило это сліяніе и въ чемъ выразалось оно? Въ чемъ устройство новой городской общины разнилось отъ устройства сельскихъ, вошедшихъ въ составъ ея? Яркій свѣтъ бросаетъ на этотъ вопросъ остроумное предположеніе Гильберта о происхожденіи такъ называемой ликурговой ретры. Плутархъ, рассказавъ, о томъ, что Ликургъ учредилъ въ Спартѣ сенатъ изъ 28 членовъ, прибавляетъ: „Въ глазахъ Ликурга это учрежденіе имѣло такую важность, что онъ послалъ въ Дельфы спросить миѣніе оракула о немъ и получилъ слѣдующій отвѣтъ: построй храмъ Зевсу Селланійскому и Аѳинѣ Селланійской, учреди филы и обы; сдѣлай герусію изъ 30 членовъ, считая въ томъ числѣ архетовъ (вождей); отъ времени до времени пусть собирается народъ между Бабиной и Кнакіономъ; тамъ геронты пусть вносятъ предложенія и берутъ ихъ назадъ, а у народа пусть будетъ власть и держава“. — По словамъ Плутарха (Лус. VI) этотъ отвѣтъ оракула въ Спартѣ былъ извѣстенъ подъ именемъ *ретры*. По мнѣнію Гильберта, въ этой ретрѣ слѣдуетъ видѣть не отвѣтъ или завѣтъ дельфійскаго оракула,

а подлинный договоръ, на основаніи котораго состоялось сліяніе трехъ поселеній, бывшихъ нѣкогда на мѣстѣ Спарты, въ одну новую общину. Въ пользу этого предположенія говорить, во первыхъ, то, что словомъ ретра (по дорически ФРАТРА) никогда не назывались отвѣты дельфійскаго оракула, и всегда, какъ мы уже видѣли, именовались общинные договоры въ Элидѣ, Аркадіи, а вѣроятно и въ другихъ мѣстахъ Пелопоннеса, гдѣ жили Доряне или Эоляне. Во вторыхъ, непонятнымъ представляется завѣтъ оракула объ учрежденіи герусіи, данный послѣ того, какъ это учрежденіе уже состоялось. Принявъ мнѣніе Гильберта, мы будемъ въ ретрѣ Ликурга имѣть документъ драгоцѣнный для разъясненія того, какъ образовалась не только спартанская, но и аѳинская, а также, быть можетъ, и другія общины Греціи. Слѣдуетъ впрочемъ имѣть въ виду, что договорный текстъ сохранился не въ первоначальномъ видѣ. Въ немъ говорится объ учрежденіи филь и объ, но эти группы, безъ сомнѣнія, возникли еще въ родовомъ быту и существовали задолго до появленія городской общины. Первой статьёй договора опредѣляется построеніе храма, гдѣ бы совмѣстно чтились Зевсъ и Аѳина. Первый былъ богомъ—покровителемъ Агіадовъ и Еврипоитидовъ, двухъ родовъ, стоявшихъ во главѣ общинъ ахейской и дорической; вторая чтилась въ родѣ Агидовъ, правившихъ, какъ полагаетъ Гильбертъ, общиной минійской. Общность святилища должна была вести къ сліянію культовъ, дотолѣ раз-

дѣльныхъ, и это сляніе или объединіе религиозное было закрѣпленіемъ и выраженіемъ слянія политическаго. Поклоненіе Зевсу и поклоненіе Аѳинѣ больше не раздѣляло и не обособляло людей; религиозныя связи расширились и охватили новую общину, какъ одно цѣлое. При образованіи аѳинской общины, средствомъ религиознаго объединенія послужилъ культъ Аѳинѣ, какъ можно догадываться потому, что панаѳинейскій праздникъ и въ послѣдующее время считался торжествомъ въ память синоникизма Аѳинѣ. Сляніе нѣсколькихъ общинъ въ одну, бывшее началомъ республики Тегей, ознаменовалось, какъ мы уже видѣли, построеніемъ храма въ честь Аѳины Алей и учрежденіемъ новаго праздника въ честь ея. Тамъ, гдѣ религія была живою силою, а не мертвымъ обрядомъ, молитва въ *одномъ* для всѣхъ храмѣ и участіе въ общемъ праздникѣ вело къ укрѣпленію и расширенію солидарности въ обществѣ. — Вторымъ пунктомъ договора опредѣляется подраздѣленіе гражданъ новой общины на филы и обы. Эти филы, и особенно обы, до сихъ поръ остаются загадкой. Вопросъ въ томъ, слѣдуетъ ли въ нихъ видѣть группы родовыя или территоріальныя? Въ первомъ случаѣ, обы будутъ соотвѣтствовать аттическимъ фратріямъ и римскимъ куріямъ, а спартанскія филы—аттическыхъ доклизеоповескимъ филамъ и римскимъ трибамъ Ромула. Во второмъ—спартанскія филы надо будетъ сопоставить съ тѣми, которыя въ Атикѣ учредилъ Клизеонъ и съ позднѣйшими римскими трибами, а обы будутъ соотвѣтствовать

демамъ, въ Атикѣ. Въ настоящее время преобладаетъ послѣднее мнѣніе, основанное на неясныхъ показаніяхъ источниковъ, относящихся къ гораздо болѣе поздней порѣ въ исторіи Спарты (ср. Gilbert, Handbuch d. grliech. Staats. alt. d. 43). Но есть поводъ сомнѣваться въ его вѣрности. Предполагается, что Спарта образовалась изъ сліянія трехъ общинъ, расположенныхъ по сосѣдству и на небольшомъ пространствѣ. Спарта въ началѣ не могла быть значительнымъ городомъ, потому что и впоследствии представляла лишь группу деревень. Къ чему же тутъ топографическое дѣленіе трехъ большихъ общинъ на филы (полагаютъ ихъ было 5), а этихъ филъ въ свою очередь на обы т. е. на участки еще болѣе незначительные? Въ видѣ предположенія замѣтимъ слѣдующее: дѣленіе, о которомъ говоритъ ретра Ликурга, было не территоріальное, а родовое, оно не было нововведеніемъ, а существовало искони. Нововведеніемъ могло быть только установленіе равномерности или симметріи въ немъ, той самой симметріи, которую мы видимъ въ Римѣ, гдѣ каждая изъ трехъ трибъ дѣлилась на 10 курій, въ Аѣинахъ, гдѣ каждая изъ четырехъ филъ дѣлилась на 3 фратріи, а каждая фратрія заключала въ себѣ 30 родовъ, не больше и не меньше. Такая равномерность дѣленія, основаннаго на родовыхъ и религіозныхъ связяхъ, есть дѣло не природы, а разчета, намѣренія. Она представляетъ политическій пріемъ, смыслъ и цѣль котораго объясняются легко изъ обстоятельствъ синойкизма. Если число филъ, фратрій

или объ, курій и родовъ—имѣло значеніе въ политической жизни сельскихъ общинъ, то при сліянніи этихъ послѣднихъ въ городскую, т. е. при синоикизмѣ, интересы каждой общины требовали того, чтобы число дѣленій было во всѣхъ одинаковое, т. е. чтобы вездѣ было по ровну фратрій, курій и даже родовъ. Съ этой точки зрѣнія приведенный пунктъ ретры Ликурга можетъ имѣть только такой смыслъ, что приняты были мѣры къ уравниенію числа дѣленій, существовавшихъ въ общинахъ, изъ которыхъ возникла Спарта.

Далѣе въ ретрѣ предписывается учрежденіе герусіи (сената), во главѣ котораго должны стоять цари. Впослѣдствіи спартанскій сенатъ состоялъ изъ 30 членовъ, считая въ томъ числѣ и двухъ царей. Сенаторы избирались народомъ изъ знатныхъ родовъ; избраніе происходило посредствомъ крика, и Аристотелю этотъ способъ казался ребяческимъ. Ничто не обязываетъ насъ думать, что это было исконный порядокъ. Совѣтъ старѣйшинъ есть учрежденіе болѣе древнее, чѣмъ городская община: онъ существовалъ повсемѣстно еще въ эпоху родоваго быта. Его не было нужды учреждать вновь при сліянніи трехъ общинъ въ одну, названную впослѣдствіи Спартой, потому что въ каждой изъ этихъ трехъ общинъ существовалъ свой совѣтъ старѣйшинъ. Надобно было лишь соединить въ одно то, что существовало порознь; при томъ соединить такъ, чтобы ни одна изъ частей, вступавшихъ въ составъ новой общины, не потеряла ущерба, такъ какъ слія-

ніе было дѣломъ не насилія, а договора. Всего легче было достигнуть этого, соединивъ въ одинъ сенатъ три совѣта старѣйшинъ такъ, чтобы въ новомъ сенатѣ каждая община была представлена равнымъ количествомъ членовъ и имѣла бы равное количество голосовъ. Если спартанская герусія съ самаго начала имѣла 30 членовъ, то не трудно видѣть, что это число легко могло образоваться, если каждой общинѣ предоставлено было десять мѣстъ. Не такое ли уравненіе числа обѣ и разумѣется въ ретрѣ Ликурга тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о раздѣленіи народа на фило и обы?

Наконецъ, послѣднимъ пунктомъ договора предписывается: время отъ времени собирать вѣче (по спартански: ἀπella), которому должны принадлежать право принимать или отвергать предложенія думы. И здѣсь рѣчь идетъ не о созданіи новаго органа власти, а лишь о слияніи въ одно вѣче трехъ отдѣльныхъ собраній, имѣвшихъ мѣсто въ каждой изъ трехъ общинъ, заключавшихъ договоръ между собою. Впослѣдствіи, какъ въ Аѳинахъ, такъ и Спартѣ, каждый подавалъ на вѣчѣ голосъ только за себя. Былъ ли это первоначальный порядокъ? Едва ли. Въ обществѣ, гдѣ господствуютъ начала родового быта, личность заслоняется корпораціей, къ которой она принадлежитъ. Тамъ имѣетъ важность голосъ не лица, а семьи, роды, фратріи, куріи. Въ Римѣ, въ собраніи куріатномъ голоса подавались по куріямъ. Возможно, что въ древнѣйшую пору и въ Греціи былъ подобный же порядокъ голосованія. Если же голоса на вѣчѣ

подавались корпораціями, а не лицами, то опять, въ случаѣ сліянія нѣсколькихъ общинъ въ одну, для каждой изъ нихъ было важно распологать на общемъ вѣчѣ такимъ же количествомъ головъ, какимъ располагаетъ каждая изъ остальныхъ общинъ. Но для этого было необходимо уравненіе числа дѣленій или группъ, на которыя распадалось населеніе каждой общины. Этимъ предположеніемъ весьма легко объясняется та симметричность дѣленій, которая, по единогласному свидѣтельству преданія, была въ Римѣ, Афинахъ, а также, вѣроятно, и въ Спартѣ.

Если вѣрно мнѣніе Гильберта о происхожденіи ликурговой ретры, и наше объясненіе ея содержанія, то процессъ образованія городской общины, или такъ называемый синоикизмъ, представляетъ соединеніе нѣсколькихъ общинъ, жившихъ по сосѣдству, посредствомъ сліянія органовъ власти и уравненія числа дѣленій, существовавшихъ въ каждой изъ нихъ порознь. Колоніальныя городскія общины образовались инымъ путемъ: онѣ перенимали учрежденія и порядки своихъ метрополій.

Цѣлью и слѣдствіемъ синоикизма было усиленіе политической способности; вновь образовавшаяся городская община стала ядромъ, постепенно притягивавшимъ къ себѣ сосѣднія общины; процессъ объединенія, начавшись въ одномъ пунктѣ, распространялся далѣе, пока не достигалъ естественныхъ границъ данной области, или не встрѣчалъ сопротивленія извнѣ. По мѣрѣ движенія его, городская община ста-

новилась столицей, способной связывать и держать вмѣстѣ другія общины, не взирая на разстояніе и разобщенность ихъ между собою. Спарта подчинила себѣ все поселенія долины Эвроты; Аѣны—всю Аттику. Первоначально аѣнская община имѣла очень скромные размѣры—всего на 9 верстѣ отъ Акрополя отстояла граница аѣнской области къ сѣверо-западу (*Αἰγάλεος*. Paus. 1, 38, 1.); далѣе начинались владѣнія элевсинской общины, совершенно самостоятельной, имѣвшей своихъ царей, которые воевали съ аѣнскими (Thucydides, II, 15). Отголоскомъ этой поры было право Элевсина чеканить монету, оставшееся за нимъ и впоследствии. На самостоятельность Декеліи, впоследствии одного изъ демовъ аттическихъ, указываетъ преданіе, записанное Геродотомъ (IX, 73). Преданія о собственныхъ царяхъ существовали во всѣхъ демахъ Аттики даже во время Павзанія (II в. по Р. Х. ср. Paus. I, 31, 5). Несомнѣнно, что политическое объединеніе Аттики было дѣломъ аѣнской республики, усилившейся вслѣдствіе синоикизма. Вотъ что говоритъ объ этомъ Фукидидъ (II, 15): „При Кекропѣ и первыхъ царяхъ до Тезея жители Аттики обитали въ городахъ (т. е. въ отдѣльныхъ общинахъ) имѣвшихъ свои пританіи (зданія, гдѣ засѣдали сановники, стоявшіе во главѣ каждой общины) и своихъ сановниковъ (что было знакомъ ихъ политической самостоятельности), и если не имѣли въ чемъ нибудь нужды, то не сходились къ царю для совѣщаній, но сами по себѣ управлялись и совѣщались,

а нѣкоторыя изъ нихъ (т. е. отдѣльныхъ общинъ) и воевали другъ съ другомъ. Когда же воцарился Тезей, который при умѣ обладалъ и могуществомъ, то онъ устроилъ страну и въ другихъ отношеніяхъ, да вмѣстѣ и соединилъ въ общее жительство всѣхъ въ нынѣшній городъ (т. е. Аѣины), уничтоживъ сенаты и властей въ остальныхъ городахъ и указавъ для всѣхъ одинъ сенатъ и пританій (въ Аѣинахъ). Жителей, продолжавшихъ по прежнему владѣть своими усадьбами, Тезей принудилъ (отнынѣ) пользоваться (въ качествѣ столицы для защиты, суда и управленія) однимъ этимъ городомъ (т. е. Аѣинами), который вслѣдствіи того, что всѣ тянули теперь къ нему, сдѣлавшись великимъ, былъ переданъ Тезеемъ его преемникамъ. Съ этой поры еще и по нынѣ Аѣиняне совершаютъ въ честь богини (Аѣины) всенародное торжество синоикій (праздникъ въ память установленія сожительства). А до того времени городъ состоялъ изъ Акрополя и того мѣста, которое лежитъ у подошвы его, преимущественно на югъ“.

По словамъ Плутарха (Thes. XXIV), Тезей, задумавъ объединеніе Аттики, обходилъ, убѣждая, по демамъ и по родамъ, причемъ бѣдныя и незнатныя скоро слѣдовали его увѣщанію, а людей могущественныхъ онъ склонилъ общаніемъ, что царство будетъ уничтожено и замѣнено демократіей, въ которой онъ будетъ лишь военачальникомъ и стражемъ законовъ, а во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ всѣмъ будетъ предоставлено равное участіе. Разсказъ Плу-

тарха для насъ имѣетъ значеніе лишь на столько, насколько въ немъ можно услышать отголоски мѣнѣй, господствовавшихъ въ Аѣинахъ насчетъ того, какъ совершилось объединеніе Атики. На самомъ же дѣлѣ оно обошлось безъ борьбы и насилія, какъ свидѣтельствуя сказанія о Тезеѣ, отчасти переданныя тѣмъ же Плутархомъ.

Первымъ послѣдствіемъ возвышенія Аѣинъ надъ сосѣдними общинами было тяготѣніе правящаго класса послѣднихъ къ столицѣ. Если эвпатриды, стоявшіе во главѣ отдѣльныхъ общинъ, находившихся въ зависимости отъ Аѣинъ, хотѣли сохранить свое положеніе и вліяніе, то для этого имъ оставался одинъ путь—вступленіе въ ряды аѣинской знати и участіе въ ея правахъ. Препятствій къ тому не было: Аѣины не были на столько сильны, чтобы прямо подчинить себѣ сосѣдей и сдѣлать ихъ подданными. Все дѣло ограничивалось сосредоточеніемъ въ столицѣ правителей и органовъ управленія, существовавшихъ въ разныхъ пунктахъ объединяемой области. Общины, лишившіяся самостоятельности, вслѣдствіе перемѣщенія ихъ правительствъ въ Аѣины, утратили право на названіе городовъ и назывались демами; словомъ πόλις именовалась только столица.

IV.

Исторія городской общины.

§ 14. *Паденіе монархіи.* Сравнительно съ сельской городской община представляетъ политическое тѣло несравненно болѣе сложное, какъ по составу, такъ и по строенію. Область ея значительнѣе по протяженію и разнообразіе по физическимъ условіямъ; Аттика на пространствѣ 40 квадратныхъ миль представляетъ разнообразное сочетаніе равнинъ, горъ и морскаго побережья. Еще рѣзче проявляется тоже разнообразіе въ Лаконикѣ, занимавшей пространство въ 87 квад. миль. При большей численности населенія, городская община представляетъ и болше разнообразія въ строеніи своемъ. Въ ней есть, во первыхъ, болѣе или менѣ самостоятельныя и обособленныя мѣстныя группы (демы и комы) съ муниципальными и государственными правами и обязанностями; во вторыхъ, слои, различающіеся другъ отъ друга по занятіямъ (земледѣльцы, пастухи, ремесленники), нравамъ и образованію (лучшіе люди и худородные), наконецъ, по объему правъ и по

степени участія въ общегосударственной жизни (рабы, обыватели, граждане, которые тоже иногда дѣлятся на младшихъ и старшихъ). Всѣ эти группы и слои съ одной стороны развиваютъ и воспитываютъ солидарность (внутри), съ другой поддерживаютъ антагонизмъ (во внѣ); въ каждой изъ нихъ господство однихъ и подчиненіе другихъ распределяется иначе и покоится на иныхъ основахъ. Политическая жизнь представляетъ нѣсколько теченій, то параллельныхъ, то противоположныхъ одно другому. Вслѣдствіе разнообразія интересовъ и отношеній, какъ внутри отдѣльныхъ группъ, такъ и между ними, функція законности усложняется, и задача справедливаго опредѣленія частныхъ и государственныхъ правъ и обязанностей становится все болѣе и болѣе трудною. Вслѣдствіе различія основъ, на которыхъ покоится преобладаніе однихъ надъ другими (знатность, богатство, превосходство личное, крѣпость организаціи), становится все болѣе и болѣе трудной функція управленія, справедливое и цѣлесообразное сочетаніе и совпаденіе общественныхъ силъ. Съ усложненіемъ обѣихъ функцій общественности, является необходимость въ созданіи соотвѣтствующихъ имъ органовъ; механизмъ, съ помощью котораго совершается законодательство, судъ и управленіе, постепенно становится сложнѣе и получаетъ способность къ болѣе тонкимъ и разсчитаннымъ движеніямъ. Все это достигается трудомъ, борьбою и жертвами, въ результатъ которыхъ является возвышеніе политической способности, выражающееся

въ большей пластичности политическаго тѣла, въ лучшемъ примѣненіи къ наличнымъ условіямъ, въ силѣ и правильности движеній, совершаемымъ имъ въ отпоръ вышнимъ впечатлѣніямъ, или подъ давленіемъ внутреннихъ побужденій. Отъ сельскихъ общинъ Аркадіи, Этоліи и Акарнаніи осталось намъ лишь нѣсколько надписей, да развалины храмовъ, выстроенныхъ нѣкогда чужими мастерами. Отъ городскихъ общинъ собственной Греціи и колоній остались великія произведенія искусства и литературы и не менѣе славныя воспоминанія о подвигахъ военной доблести и гражданской мудрости.

Число самостоятельныхъ греческихъ общинъ (Πόλις), разбѣянныхъ по островамъ и берегамъ Средиземнаго моря, до сихъ поръ не определѣно съ точностью, но едва ли оно было менѣе двухъ тысячъ. Возникая и слагаясь при условіяхъ весьма различныхъ, эти общины должны были отличаться другъ отъ друга, какъ въ устройствѣ, такъ и въ судьбахъ своихъ. Различія были въ названіяхъ учрежденій въ титулахъ властей, въ объемѣ власти, присвоенной отдѣльнымъ учрежденіямъ и сановникамъ, въ размѣрѣ и распредѣленіи политическихъ правъ и обязанностей между гражданами. Но за различіями въ подробностяхъ не трудно замѣтить сходство въ основѣ; всѣ эти маленькія государства представляютъ лишь видоизмѣненія одного и того же типа и притомъ видоизмѣненія, идущія въ двухъ направленіяхъ: или къ аристократіи, или къ демократіи. Какъ

вездѣ, такъ и здѣсь рядомъ съ крайне аристократическими и крайне демократическими формами существовали промежуточные, рассчитанныя на примиреніи обоихъ принциповъ (тимократія). Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ слѣдить за исторіей аѳинской общины, и только для сличенія и восполненія пробѣловъ будемъ ссылаться на факты изъ исторіи другихъ общинъ.

Города, образовавшіеся въ первый періодъ греческой исторіи, т. е. въ X и IX вѣкахъ, находились въ началѣ подъ управленіемъ царей (*βασιλεῖς*). Въ метрополіяхъ царская власть была наслѣдствомъ, оставшимся отъ эпохи племеннаго и дружиннаго быта; колоніи ввели ее у себя, подражая въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, метрополіямъ. Въ составѣ греческаго монархизма древнѣйшаго періода можно примѣтить два элемента: племенной и дружинный. Положеніе и власть царя съ одной стороны, а также и отношеніе къ нему подвластныхъ— были продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ того, что имѣлъ или чѣмъ пользовался глава или владыка племени (*ἄρχων, ἀναξ*), съ другой— того, что принадлежало вождю дружины (*βασιλεὺς*). Племенной элементъ монархизма сложился еще въ эпоху патріархально-родоваго быта; съ переходомъ отъ колѣннаго быта къ общинному, онъ сталъ уже слабѣть. Дружинный элементъ возникъ и достигъ наибольшей силы въ эпоху переселенія, или передвиженія, греческихъ племенъ подъ напоромъ Тессалійцевъ и Дорянъ. Образъ племенныхъ владыкъ не отразился явственно въ преданіяхъ греческихъ, которыя

сложились и приняли свою окончательную форму послѣ и подъ вліяніемъ передвиженія племенъ. Образъ дружиннаго вождя болѣе отчетливъ; въ гомеровскихъ царяхъ черты предводителей дружины примѣтны явственнѣе, чѣмъ черты племенныхъ старѣйшинъ. Связь между военнымъ предводительствомъ и достоинствомъ царя очень ясна въ исторіи древнѣйшихъ іоническихъ и дорическихъ колоній. Переселенцы изъ Аттики или Пелопонесса, отправлявшіеся за море искать мѣста для житья и труда, и по составу, и по цѣли всего болѣе напоминали собою тѣ дружины, которыя еще не перестали бродить по Греціи, отыскивая себѣ пристанище и добычу. Починъ къ переселенію принадлежалъ членамъ царствующихъ родовъ, недовольнымъ своимъ положеніемъ на родинѣ. Цари, стоявшіе во главѣ 12-ти іоническихъ городовъ въ Малой Азіи, всѣ были, или по крайней мѣрѣ считали себя, потомками аѳинскаго царя Кодра. Кому принадлежалъ починъ, т. е. намѣреніе и планъ предпріятія, тотъ естественно становился вождемъ и руководителемъ при исполненіи его. Идеи и чувства, опредѣлявшія отношенія подвластныхъ къ царствующимъ родамъ въ метрополіи, служили готовымъ цементомъ для прикрѣпленія переселенцевъ къ ихъ вождю. Съ прибытіемъ на мѣсто, переселенцамъ приходилось то нападать на туземцевъ, то защищаться отъ нихъ, и одновременно съ этимъ устраиваться, дѣлить между собою землю, выгоды и опасности новаго положенія. Потребности войны и устройства содѣйствовали укрѣпленію и даже

*

расширенію власти вождя; изъ военачальника, изъ руководителя отдѣльнымъ предпріятіемъ онъ становился верховнымъ сановникомъ общины, царемъ ея. То, что было при основаніи колоній, случалось, вѣроятно, и въ собственно Греціи въ X и IX вѣкахъ, въ эпоху передвиженія племень, когда города переходили изъ рукъ въ руки. Но послѣ того, какъ въ собственной Греціи окончился періодъ передвиженій и завоеваній, а колоніи успѣли устроиться и отстоять себя отъ туземцевъ, наступили условія враждебныя дальнѣйшему существованію монархіи; она стала падать и около половины VII столѣтія всюду уступила свое мѣсто аристократіи. Замѣна монархіи аристократіей есть первое событіе въ жизни городской общины, отъ котораго сохранились кое какіе отголоски въ преданіи. (См. Duncker, Geschichte des Alterthums, томъ V-й, книга одиннадцатая).

Разноплеменность населенія, замѣтная уже и въ сельской общинѣ, несравненно въ большей степени свойственна городской. Въ Атикѣ было 4 филы, въ Спартѣ 3, въ Сикіонѣ, Аргосѣ, Эпидаврѣ и Эгинѣ по 4; въ Коринѣ—8, въ Элидѣ—12, въ Эфесѣ—5, и т. д. Ближайшимъ слѣдствіемъ такой разноплеменности былъ упадокъ авторитета тѣхъ понятій, на которыхъ былъ основанъ строй общества въ эпоху родоваго быта. Тамъ, гдѣ жизнь сближаетъ людей, не обращая вниманія на ихъ происхожденіе, все, что связано съ единствомъ происхожденія, что живетъ и держится сознаніемъ его, все это постепенно отходитъ на второй планъ, усту-

ная мѣсто болѣе широкимъ идеямъ и чувствамъ. Разноплеменность населенія нанесла первый ударъ монархіи, ослабивъ силу и живучесть той доли монархизма, которая была дальнѣйшимъ развитіемъ племеннаго главенства. Въ Спартѣ были двѣ династіи: одна ахейскаго, другая дорическаго происхожденія. Когда Ахейцы и Доряне слились въ одно, то на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ, цари ахейской династіи не могли не оказаться чужими дорической части населенія и наоборотъ. Въ Атикѣ, въ эпоху дорическаго переселенія, туземная династія Тезендовъ была лишена престола; царская власть перешла къ Меланоу, главѣ чужеземной фамиліи Нелидовъ; по преданію, сынъ этого Меланоа, Кодръ, былъ послѣднимъ полновластнымъ царемъ въ Аѳинахъ. Иностранное происхожденіе новой династіи, вѣроятно, облегчило ограниченіе царской власти.

Съ водвореніемъ мирнаго времени, миновала надобность въ сосредоточенной и сильной военной власти; понятія и привычки, воспитанныя дружиннымъ бытомъ, постепенно теряли свою силу подъ вліяніемъ новаго склада жизни, въ которомъ первое мѣсто занимали промышленность и торговля. вмѣстѣ съ этимъ уменьлось значеніе и дружиннаго элемента греческой монархіи. Дальнѣйшее ея существованіе было невозможно вслѣдствіе того, что незначительность размѣровъ городской общины съ одной стороны устраняла надобность въ сильной центральной власти, съ другой—и это главное—облегчала сближеніе и сплоченіе знатныхъ родовъ,

которые были естественными соперниками и противниками монархіи. Въ борьбѣ съ аристократіей, представлявшей замкнутое, хорошо организованное и политически умѣлое сословіе, сословіе подчиненное не могло быть надежной опорой для монархіи, ибо не обладало ни богатствомъ, ни умѣньемъ дѣйствовать дружно, свойственными такъ называемой буржуазіи. Аристократія одолѣла царей прежде, чѣмъ успѣло образоваться сословіе зажиточныхъ и предприимчивыхъ торговцевъ и промышленниковъ, естественныхъ союзниковъ монархіи въ борьбѣ ея съ родовою знатью.

Соединивъ вмѣстѣ факты изъ исторіи различныхъ общинъ, мы можемъ представить себѣ отмѣну монархіи приблизительно въ такомъ видѣ: послѣ того, какъ дѣйствіемъ общихъ причинъ, указанныхъ выше, подрѣзаны были корни монархизма, поводомъ къ открытымъ наступательнымъ дѣйствіямъ со стороны знатныхъ родовъ были раздоры между членами царствующихъ фамилій, весьма естественные тамъ, гдѣ нѣтъ опредѣленныхъ и твердыхъ порядковъ престолонаслѣдія. Рядомъ съ обычаемъ, узаконявшимъ переходъ имущества и главенства въ семьѣ отъ отца къ старшему сыну, существовалъ другой обычай, по которому достоинство старѣйшины или главы племени пореходило отъ брата къ брату, какъ старшему въ родѣ, относительно племянниковъ. Въ Коринѣ царствовала династія Бакхіадовъ; въ продолженіи первыхъ четырехъ поколѣній ея престолъ переходилъ отъ отца къ сыну. Внукъ основателя

династїи оставилъ своимъ наслѣдникомъ несовершеннолѣтняго сына, у котораго престоль былъ отнятъ его дядею, что и послужило поводомъ къ ожесточенной враждѣ между старшей и младшей линїей династїи Бакхїадовъ, кончившейся тѣмъ, что, послѣ смуть и убійствъ, аристократїя около 745 г. отмѣнила царскую власть и вмѣсто царя стала избирать изъ рода Бакхїадовъ годичнаго притана или президента республики. По преданїю, и въ Мессенїи поводомъ къ ограниченїю царской власти были раздоры между двумя линїями царствующаго дома. Въ Атикѣ, по смерти царя Кодра, престолонаслѣдіе также было поводомъ къ ссорѣ между сыновьями его; старшїй, Медонтъ, одержалъ верхъ и сталъ царемъ, но съ ограниченою властью; младшіе братья переселились въ Азію. Въ Милетѣ, гдѣ царствовала одна изъ младшихъ вѣтвей фамиліи Кодра, царская власть была замѣнена годичной пританїей, послѣ того какъ царь Лаодамасъ былъ убитъ во время возмущенїя, поднятаго однимъ изъ членовъ царствующаго дома.

По понятїямъ и обычаямъ, установившимся въ эпоху колѣннодружиннаго быта, царю надлежало спрашивать совѣта у старѣйшинъ и вождей, но подчиняться ихъ мнѣнію онъ не былъ обязанъ. Когда положенїе монархїи вообще стало менѣе прочнымъ и раздоры среди династїй дали поводъ аристократїи вмѣшиваться въ пользу того или другаго претендента, естественно, что она не преминула вытребовать отъ царей, въ видѣ платы за помощь, различныя

уступки въ пользу совѣта старѣйшинъ. Въ Мессеніи царь далъ обязательство не начинать войны и не заключать мира безъ согласія этого совѣта. Еще большимъ ограниченіямъ подвергалась царская власть въ Аѣинахъ по смерти Кодра (ср. К. Люгебиль: Историко-филологическія изслѣдованія). По словамъ Павзанія (IV, 5, 10) у потомковъ Меланѳа, называвшихся Медонтидами, народъ сначала отнялъ большую часть власти, и вмѣсто царей сдѣлалъ ихъ отвѣтственными чиновниками. Извѣстіе Павзанія, единственное въ своемъ родѣ, страдаетъ не-точностью выраженія. Народъ ($\delta \delta \eta \mu \omicron \varsigma$) въ ту отдаленную эпоху (по разсчету Дункера около половины IX в.) не могъ играть той роли, какую ему приписываетъ Павзаній; ограниченіе царской власти было дѣломъ не народа, а эвпатридовъ. Далѣе, выраженіе: отвѣтственные сановники или власть ($\alpha \rho \chi \eta \upsilon \pi \epsilon \rho \epsilon \theta \upsilon \nu \omicron \varsigma$)—также неприложимо къ тому факту, который разумѣетъ авторъ извѣстія. При демократіи, отвѣтственность, т. е. обязательство дать отчетъ въ порученіи, возложенномъ общиной, было удѣломъ всѣхъ чиновниковъ, которые и призывались къ отвѣту по отбытіи срока своей службы, но не раньше. Потомки Кодра нѣкоторое время оставались пожизненными правителями, и какъ таковые къ отчету и отвѣтственности привлечены быть не могли, ибо привлеченіе предполагать возможность взысканія за неправильности и устраненія отъ должности, чего нельзя было сдѣлать по отношенію къ правителю, получившему власть по наслѣдству и сохранив-

пему ее до смерти. Вотъ почему правъ проф. Люгебиль, признавая ошибочнымъ заявленіе Павзанія о томъ, что по смерти Кодра царская власть стала отвѣтственной. Но отсюда еще не слѣдуетъ, какъ полагаетъ проф. Люгебиль, будто все преданіе объ отнятіи царской власти у потомковъ Кодра, есть не что иное, какъ вымыселъ, основанный на недоразумѣніи. Весьма вѣроятно, что въ основѣ его лежитъ дѣйствительный фактъ, разукрашенный въ сказаніи о Кодрѣ и невѣрно обозначенный въ извѣстіи Павзанія. Правители, получавшіе царскую власть по наслѣдству и сохранявшіе ее до смерти, не могли быть отвѣтственными въ томъ смыслѣ, въ какомъ были сановники аѳинской демократіи; но они могли быть ограниченными въ размѣрахъ своей власти и именно въ томъ смыслѣ, что отнышѣ по извѣстнымъ вопросамъ не только обязаны были спрашивать мнѣніе совѣта старѣйшинъ, но и подчиняться ему въ случаѣ, если большинство совѣта высказывалось противъ нихъ. Эта уступка была цѣною, за которую сынъ Кодра, Медонтъ, купилъ помощь эвнатридовъ въ борьбѣ съ младшими братьями. Если наше предположеніе вѣрно, то эта первая побѣда надъ монархіей окажется въ то же время и первымъ проявленіемъ солидарности между эвнатридами, благодаря которой отдѣльные роды постепенно смыкались въ могущественное и крѣпко сплоченное сословіе, сознавшее свою силу и стремившееся къ власти.

Какъ сказано было выше, въ Коринѣ и Милетѣ, а также и въ другихъ общинахъ (напр. въ Эфесѣ, Самосѣ), отмѣна царской власти послѣдовала вдругъ; до извѣтнаго срока общиной управляли цари; послѣ этого срока во главѣ ея сразу являются пританы, избираемые всего лишь на одинъ годъ. Такъ по крайней мѣрѣ сообщаютъ преданія, записанныя, конечно, много послѣ событій. Что преданіе любитъ приписывать древнѣйшей эпохѣ порядки и обычаи, существующія въ ту пору, когда оно было записано, — это фактъ, достаточно извѣстный историкамъ. Очень возможно, что и здѣсь преданіе, дѣлая годичныхъ притановъ прямыми наслѣдниками царей, поступаетъ такъ только потому, что впоследствии въ Коринѣ и Милетѣ, Эфесѣ и другихъ мѣстахъ — пританы дѣйствительно избирались на одинъ годъ. По крайней мѣрѣ, столь рѣзкій переходъ отъ монархіи къ республикѣ, самъ по себѣ мало вѣроятный, не имѣлъ мѣста въ аѳинской общинѣ, исторія которой намъ лучше извѣстна, хотя по словамъ Юстина и въ Аѳинахъ власть отъ царей перешла непосредственно къ годичнымъ архонтамъ. По преданіямъ аѳинскимъ, болѣе древнимъ, потомки Медонта оставались наслѣдственными и пожизненными царями до 754 г., когда послѣдній изъ нихъ Алкмеонъ, былъ свергнутъ съ престола, а на мѣсто его главою государства былъ выбранъ дядя его, Харопсъ, но уже только на 10 лѣтъ. Новый захватъ аристократіи былъ опять, вѣроятно, слѣдствіемъ раздоровъ среди династій; побѣда боковой линіи

надъ прямыми наслѣдниками была куплена новой уступкой со стороны монархіи. Титулъ царя принадлежалъ и десятилѣтнему правителю; по всей вѣроятности, объемъ и кругъ дѣйствій власти его не отличался существенно отъ той, которая принадлежала пожизненному царю. Но по окончаніи десятилѣтняго срока правитель вновь становился частнымъ человекомъ и могъ быть привлеченъ къ отвѣту за свои дѣйствія. Перспектива такой отвѣтственности дѣлала десятилѣтняго царя несравненно болѣе внимательнымъ и податливымъ къ желаніямъ аристократіи, чѣмъ былъ царь пожизненный. На первыхъ порахъ аристократія удовольствовалась правомъ избирать царя; право быть избраннымъ было предоставлено членамъ царствующаго рода. Но въ 712 году и это право было распространено на все сословіе эвпатридовъ, и такимъ образомъ положеніе, права и преимущества десятилѣтняго правителя были поставлены внѣ сферы дѣйствія понятій чувствъ и привычекъ, связанныхъ съ царствовавшей династіей, а чрезъ это предупреждена была опасность обратнаго превращенія срочной монархіи въ пожизненную. Десятилѣтній правитель, не могшій опереться на династію и династическія чувства, былъ менѣе опасенъ для аристократіи. Послѣдній шагъ къ отмѣнѣ монархіи, былъ сдѣланъ въ 683 г., когда, по словамъ преданія, вмѣсто десятилѣтняго правителя стали выбирать ежегодно по девяти архотовъ, которые и раздѣлили между собою власть, бывшую до тѣхъ поръ въ рукахъ одного.

§ 15. *Аристократія.* Къ концу VIII вѣка власть становится исключительнымъ неотъемлемымъ преимуществомъ знатности. Строй и жизнь общества опредѣляются понятіями и чувствами, господствующими въ сословіи благо— или высокородныхъ, именующихъ себя лучшими (*οἱ ἀριστοί*) людьми. Съ половины VII ст. замѣчаются признаки недовольства и возстанія противъ привилегіи знати. Сначала борьба идетъ между знатью и буржуазіей, и кончается почти всюду тѣмъ, что основою политическаго преобладанія почти всюду становится не происхожденіе, а богатство; аристократія смѣняется тимократіей (*τιμὴ* = цѣна, *sensus*); люди цѣнятся, какъ граждане, во столько, сколько стоятъ они какъ капиталисты, причемъ поземельная собственность и земледѣліе считаются единственными источниками богатства, приличными для гражданина, — воззрѣніе, освященное въ Аѣнахъ учрежденіями и законами Солона (послѣ 593 г.). На этомъ собственно, и остановилось дѣло въ общинахъ, удаленныхъ отъ моря или неимѣвшихъ удобнаго сообщенія съ нимъ, напр. въ общинахъ бѣотійскихъ, аркадскихъ и ѳессалійскихъ, въ Элидѣ, Эпидаврѣ, Спартѣ и др. Большинство населенія въ этихъ мѣстахъ, занимаясь земледѣліемъ, жило почти безотлучно по деревнямъ, не имѣло ни досуга, ни охоты часто бывать въ столицѣ, и, оставаясь въ предѣлахъ одного и того же кругозора, въ своемъ политическомъ поведеніи охотно подчинялось разъ установившемуся порядку, преданіямъ старины съ яркой религіозномѣщической окраской, мѣ-

ніямъ и примѣрамъ лучшихъ людей, соединившихъ длинную родословную съ обширными помѣстьями. Въ общей исторіи Грековъ, какъ политической, такъ и культурной, участіе этихъ общинъ замѣтно мало, за исключеніемъ одной лишь Спарты. Напротивъ, въ общинахъ, обращенныхъ лицомъ къ морю, обладавшихъ удобными гаванями, торговля и промышленность сосредоточивали людей въ городахъ, расширяли кругозоръ и возвышали самодѣтельность гражданъ, воспитывали въ нихъ способность и охоту къ активному участію въ политической жизни, что приводило къ полной отбѣгѣ политической привилегіи знатности и богатства, къ равенству всѣхъ передъ законами, къ господству всѣхъ надъ каждымъ и каждого надъ всѣми (демократія), по временамъ съ предпочтеніемъ бѣдныхъ и хилородныхъ знатнымъ и богатымъ (охлократія); такъ было въ Аѳинахъ, Коринѣ о огромномъ большинствѣ колоній.

Городекая община въ началѣ представляла лишь механическое сѣѣленіе различныхъ группъ, сложившихся въ эпоху родового быта. Населеніе ея дробилось на филы, фратріи и роды, основанные на такихъ идеяхъ и расположеніяхъ, которыя болѣе поощряли людей къ замкнутости и обособленію, чѣмъ къ свободному обмѣну и коопераціи силъ. Сплавленіе этихъ однородныхъ и замкнутыхъ группъ въ одну массу гражданства и расчлененіе этой массы на слои разнородные и открытые, а потому не останавливающіе свободнаго перемѣщенія элементовъ и обмѣна силъ—вотъ въ чемъ со-

стояло существенное содержаніе того періода въ исторіи греческой общины, который отъ уничтоженія единовластія продолжается до установленія народовластія (монархія-демократія) и распадается на три фазиса: аристократію, олигархію и тимократію, впрочемъ не вездѣ одинаково примѣтные. Современныхъ свидѣтельствъ объ этомъ періодѣ очень мало, и притомъ они малосодержательны и безсвязны; надписей почти нѣтъ. (Ср. Rühl, *Inscr. Gr. Ant.* № 500). Изъ литературы уцѣлѣли обрывки лирической поэзіи, коими историки до сихъ поръ еще не воспользовались вполнѣ и какъ слѣдуетъ. (Лучшее изданіе: Th. Bergk, *Poetae Iyrici graeci*). Послѣдующіе писатели говорятъ о событіяхъ этого періода лишь случайно и мимоходомъ; чаще другихъ—Аристотель въ своей *Политикѣ*. За недостаткомъ данныхъ приходится ограничиться лишь общей характеристикой его.

Ср. М. Duncker, *Geschichte des Alterthums*, V-er B. всю одинадцатую книгу; С. F. Hermann, *Lehrbuch der gaiech. Staatsalterthümer*, fünfte. Auf. §§ 57—60, 87—89, 102—111; G. Schoemann: *Griechische Alterthümer*, 1 B. pp. 133—168, 340—345; Dondorff. Н. *Adel und Bürgerthum in Hellas*.

Самой яркой примѣтой аристократическаго строя является рѣзкое дѣленіе общества на два слоя, между которыми существуетъ соприкосновеніе, но нѣтъ обмѣна элементовъ. Принадлежащіе къ верхнему слою не только обладаютъ гражданскими, но и политическими правами, т. е. прямо и косвенно участвуютъ

въ правленіи; принадлежащіе къ нижнему слою имѣютъ только гражданскія права, но въ управленіи не участвуютъ. Принадлежность къ тому или другому слою опредѣлялась происхожденіемъ и отъ воли лица не зависѣла. Гражданами полноправными по рожденію были все, происходившіе отъ старинныхъ фамилій, давно сомкнувшихся въ могущественные роды, сильныя богатствомъ, солидарностью своихъ членовъ и многочисленностью своихъ кліентовъ. Въ эпоху родового быта уваженіе къ памяти героя-родоначальника переносилось и на старшую линію въ его потомствѣ. Это былъ первый источникъ знатности (См. Г. Мэнъ: Древнѣйшая Исторія Учрежденій, стр. 106 и дальше). Группа лицъ, выдѣленныхъ мнѣніемъ общества изъ ряда остальныхъ его членовъ, стремится занять выдающіяся мѣста въ управленіи и, получивъ ихъ, закрѣпить за собою какъ неотъемлемую привилегію, для оправданія которой впоследствии слагается теорія о томъ, что гражданская и военная доблесть неразлучны съ знатнымъ происхожденіемъ. Эта теорія, господствующая въ періодъ аристократіи, у Грековъ, особенно у аѳинянъ, оставалась въ силѣ и во время демократіи, которая вообще въ Греціи не знала всеобщаго и полнаго равенства (Ср. Leop. Schmidt: Die Ethik der alten Griechen. I, p. 322—8). Наиболѣе полное и послѣдовательное изложеніе этой теоріи заключается въ стихотворномъ сборникѣ наставленій и размысленій, носящемъ имя поэта Теогида (см. Bergk: Poetae lyrici Graeci, t. II) изъ Мегары, города, про

цвѣтавшаго около половины VI вѣка. Авторъ наставленій, преподаваемыхъ какому-то Кириу, юношѣ знатнаго происхожденія, аристократъ по рожденію, воспитанію и убѣжденіямъ. Своему молодому другу онъ много разъ и настойчиво внушаетъ избѣгать близкихъ сношеній съ подлыми, т. е. худородными людьми, потому что отъ благородныхъ можно научиться благородному, а, обращаясь въ обществѣ подлыхъ, потеряешь и тотъ умъ, какой имѣлъ (31 и далѣе). Легче сдѣлать благороднаго дурнымъ человѣкомъ, чѣмъ худороднаго хорошимъ (577). Какъ изъ луку не можетъ вырости роза или гіацинтъ, такъ отъ рабыни не можетъ родиться свободное дитя (537). Подлые по природѣ не способны къ благодарности; оказывать имъ благодѣянія—безмысленно. Они не понимаютъ, что такое справедливость, хотя бѣдность ихъ естественный удѣлъ, но они алчутъ богатства и, разбогатѣвъ, становятся наглы и дерзки.

Въ обществѣ, гдѣ воспитаніе не знаетъ ни школы, ни книгъ, гдѣ единственнымъ орудіемъ его является подражаніе, а источникомъ—преданіе и примѣръ старшихъ и предковъ, гдѣ занятія и званія переходятъ отъ отца къ сыну по наслѣдству,—въ этомъ обществѣ полезныя знанія, добрыя расположенія и навыки скорѣе всего усвоятся по наслѣдству отъ отцевъ. Наслѣдственность званій и занятій ведетъ за собою и преемственность знаній и навыковъ, свойственныхъ каждому дѣлу, а эта преемственность въ свою очередь вызываетъ и

укрѣпляетъ убѣжденіе, что данныя способности сохраняются въ крови сыновей, отцы которыхъ обладали этими способностями. И фактъ, и убѣжденіе, или привычка мысли, имъ воспитанная, содѣйствовали образованію аристократіи. Странная на нашъ взглядъ теорія Теогида, Платона и большинства греческихъ поэтовъ— имѣла основаніе въ условіяхъ тогдашняго общества.

Убѣжденіе въ томъ, что знатность источникъ и ручательство доблести, послужило основою для сближенія отдѣльныхъ родовъ между собою и для освобожденія ихъ отъ остальнаго населенія. Знатные роды стали сливаться въ сословіе, члены котораго носили общее имя (благородные, прекрасно-рожденные, эвнатриды, лучшіе люди, прекрасные и добрые, приличные и т. д.), и считались другъ другу своими; одинаковость общественнаго положенія и образованія сгладила рознь, существовавшую въ патриархальное время. Это былъ важный шагъ на пути къ гражданственности; съ присоединеніемъ къ родовымъ и фамильнымъ интересамъ интересовъ сословныхъ, умножились стимулы, располагавшіе людей къ сочувствію и содѣйствію. Участіе въ управленіи при монархіи, сближало родовитыхъ людей, какъ сотрудниковъ въ общемъ дѣлѣ, содѣйствовало обмѣну и уподобленію ихъ политическихъ опытовъ, воззрѣній и расположеній. Вѣроятно, этой сплоченностью и солидарностью аристократіи объясняется то обстоятельство, что монархія всюду уступаетъ ей мѣсто безъ

сопротивленія. Отмѣна единоличной власти и передача отдѣльныхъ функций ея въ руки выборныхъ изъ аристократіи содѣйствовала еще большему уплотненію послѣдней. Разъ захваченныя права и преимущества необходимо было оберегать сначала отъ честолюбія облеченныхъ исполнительною властью, а затѣмъ отъ нарождавшагося класса зажиточныхъ ремесленниковъ и торговцевъ. Это дѣло касалось всѣхъ и могло быть исполнено лишь при дружномъ дѣйствіи всѣхъ.

Ни солидарности, ни прочной организациі не замѣчается на первыхъ порахъ въ томъ классѣ общества, который образовался постепенно всюду изъ незаконнорожденныхъ, вольноотпущенниковъ и припельцевъ, искавшихъ убѣжища или занятія и средствъ къ жизни. Въ эпоху исключительнаго господства родового строя эти люди могли найти защиту и покровительство лишь въ нѣдрахъ семей и родовъ, путемъ приобщенія къ домашнему культу: они проникали туда на правахъ и съ обязанностями кліентовъ. Такимъ путемъ внутри cadaго рода, вокругъ первоначальнаго ядра, состоявшаго изъ родичей и единовѣрцевъ, образовался мало по малу новый слой, связанный съ первымъ единствомъ религіи только, но не происхожденіемъ. Участвуя въ обрядахъ семейной и родовой религіи, люди этого слоя получили названіе *оргеоновъ* (*ѳрѳа*—богослужебный обрядъ), въ отличіе отъ родичей въ собственномъ смыслѣ, называвшихъ себя геннетами и гомогалактами. Оргеоны пользовались покровительствомъ ре-

лигии и родового права, но участія въ устроеніи общинной жизни не принимали. По занятіямъ своимъ они распадались на двѣ доли: одну, въ началѣ несомнѣнно большую, составляли земледѣльцы, другую—ремесленники и торговцы. Послѣднія два занятія считались тогда, а многими и впоследствии, не приличными и не пригодными для гражданина. По мнѣнію Аристотеля, тамъ, гдѣ почести распределяются соразмѣрно доблестямъ и заслугамъ, ремесленникъ не можетъ быть гражданиномъ. Въ Спартѣ и Эпидамнѣ гражданамъ было запрещено заниматься ремеслами; въ Фивахъ гражданъ-ремесленниковъ не допускали къ занятію общественныхъ должностей. (См. Büchschütz, Besitz und Erwerb im griechischen Alerthume. p. 266)

Такъ какъ поземельная собственность была въ эту пору сосредоточена въ рукахъ знатныхъ фамилій (Büchschütz, о. I. p. 43), то обыватели—земледѣльцы или воздѣлывали участки круиныхъ землевладѣльцевъ за извѣстную долю продукта (въ Аттикѣ: осты и гектеморіи), или же брали землю въ аренду, что и было, вѣроятно, главнымъ источникомъ неоплатныхъ долговъ, обременявшихъ бѣдное население Аттики въ эпоху Солона. Какъ фермерство, такъ и работа за плату ставили земледѣльца-обывателя въ тяжелую зависимость отъ землевладѣльца.

Положеніе ремесленниковъ было если не лучше обезпечено, то во всякомъ случаѣ болѣе свободно, но въ началѣ этого періода въ общинахъ собственной Греціи промышленность и

*

торговля были не такъ значительны, чтобы съ ихъ помощію могъ образоваться классъ людей, сильныхъ числомъ и достаткомъ. Сто лѣтъ спустя послѣ водворенія аристократіи въ Аѳинахъ, Солонъ, вводя цензъ, помѣстилъ всѣхъ торговцевъ и промышленниковъ въ тотъ классъ, гдѣ находились бѣднѣйшіе земледѣльцы и батраки. Пока число и достатокъ свободнаго городского населенія были незначительны, а сельское находилось въ полной зависимости отъ эвпатридовъ, господство знатныхъ родовъ было обезпечено. Пока крупная поземельная собственность оставалась единственнымъ источникомъ богатства, до тѣхъ поръ досугъ и образованіе оставались доступными только знати, которая ревностно предавалась военнымъ и гимнастическимъ упражненіямъ, занималась поэзіей и музыкой и, вѣдая управленіе и судъ, имѣла достаточно поводовъ и случаевъ къ обогащенію политической опытности и упражненію ума. Не только политическая умѣлость, умственное превосходство были исключительнымъ удѣломъ знатныхъ родовъ: они же обладали знаніемъ обычаевъ и преданій, имѣвшихъ въ глазахъ народа силу закона, управлявшихъ его поведеніемъ и опредѣлявшихъ права и обязанности каждаго. Пока эти обычаи и преданія не были записаны и приведены въ систему, изученіе, сохраненіе и примѣненіе ихъ требовали такого труда и напряженія ума и памяти, которое было не подъ силу простолюдину.

§ 16. Объ устройствѣ и управленіи общинъ въ періодъ аристократіи извѣстно очень мало.

Отношенія гражданъ другъ къ другу и къ государству по прежнему опредѣлялись обычаями и понятіями, унаслѣдованными отъ глубокой старины и жившими въ народной памяти. Любопытнымъ образчикомъ ихъ является процессъ по дѣламъ объ убійствѣ, сохранившій въ Аѣнахъ до послѣдней поры черты самой глубокой древности. Всего замѣчательнѣе здѣсь разложеніе или смягченіе понятій и обычаевъ родового быта подъ вліяніемъ религіозныхъ вѣрованій и политическихъ условій новѣйшей формаци. Обычай, по которымъ въ Аѣнахъ разбирались дѣла объ убійствѣ, были записаны Дракономъ около 620 г.; сложились они, безъ сомнѣнія, въ эпоху еще болѣе древнюю.

О нихъ см. Meier und Schömann, *Der attische Process, neu bearbeitet v. Lipsius*. Berlin 1882. Самое важное сочиненіе для знакомства съ юридическими порядками и формами Аѣинъ. — Ad. Phillippi, *Der Areopag und die Epheten*. Berlin. 1874. — Изданіе Эсхиловой трагедіи: Эвмениды, сдѣланное К. О. Мюллеромъ, Göttingen. 1833. — Thonissen, *Le droit pénal de la république athénienne*. Paris. 1875.

Общество, изображенное въ поэмахъ Гомера, не знаетъ ни степеней виновности, ни смягчающихъ обстоятельствъ въ дѣлахъ объ убійствѣ; оно не преслѣдуетъ убійцу и не сдерживаетъ мстителей за кровь убитаго. Оно остается равнодушнымъ зрителемъ того, что производятъ понятія и чувство, воспитанныя религіей и порядками родового быта. Порядки аѣинскаго судопроизводства по дѣламъ объ

убійствѣ показываютъ, что къ VIII вѣку въ жизни общества приобрѣли значительную силу начала, противоположныя патріархальнымъ. Аѳинское обычное право различаетъ три рода убійства: умышленное—недозволенное, умышленное—дозволенное и неумышленное. Различіе сдѣлано очевидно съ тѣмъ, чтобы положить предѣлъ личной мести и оградить убійцу въ извѣстныхъ случаяхъ отъ преслѣдованія со стороны родственниковъ убитаго, которые по точному смыслу заповѣди не должны были принимать въ соображеніе какія бы то ни было смягчающія обстоятельства (смысль заповѣди: кровь за кровь). Въ этомъ пунктѣ аѳинское право уже освободилось отъ традицій патріархальной поры, за то во многихъ другихъ оно все еще подчиняется имъ.

Дѣла объ убійствѣ разсматривались тѣми же самими лицами, но въ пяти различныхъ мѣстахъ: на Ареопагѣ (умышленное недозволенное убійство), при храмѣ Аѳины Паллады—Палладіонѣ (неумышленное), при храмѣ Аполлона-Дельфиніонѣ (умышленное—дозволенное), въ Пританеѣ (обрядъ суда, когда убійца не обнаруженъ, или смерть причинена вещью), при Фреатто въ Пиреѣ на берегу моря (когда убійца, находившійся уже въ изгнаніи, обвинялся въ другомъ убійствѣ). Изъ этихъ пяти судилищъ четыре первыхъ находились въ мѣстахъ, освященныхъ воспоминаніями и обрядами религіи. Обычай, придающій значеніе не составу суда, а мѣсту, на первый взглядъ яжется страннымъ; но, какъ увидимъ далѣе

онъ заключаетъ въ себѣ указанія на тѣ силы и вліянія, съ помощью коихъ государство смягчило жестокіе обычаи патріархальной поры.

Первоначально обязанность мстить за убитаго лежала на его родственникахъ и родичахъ; предѣлы ея не ограничивались семьей, ни даже родомъ, а захватывали болѣе широкую группу —фраторовъ, на которыхъ лежала обязанность мести, въ случаѣ отсутствія или бездѣйствія ближайшихъ родственниковъ или родичей. По аѳинскому праву, вступаться за убитаго и подать жалобу на убійцу могутъ только родственники убитаго, но не далѣе извѣстнаго круга: именно—сыновья, братья, племянники отъ родныхъ братьевъ и сестеръ; родственники болѣе отдаленные только помогаютъ ближайшимъ; кругъ мстителей, такимъ образомъ, значительно суженъ разумѣется, въ интересахъ общаго мира. Неизвѣстно, на комъ лежала обязанность преслѣдовать убійцу, если родственниковъ у убитаго не было. Во время погребенія убитаго, тотъ изъ его родственниковъ, который принималъ на себя починъ преслѣдованія убійцы, шелъ предъ гробомъ съ копьемъ, въ чемъ можно видѣть отголосокъ той поры, когда мстить за убитаго значило собственноручно пролить кровь убійцы. Жалоба подавалась послѣ похоронъ архонту—царю, на котораго перешли права и обязанности царя, какъ посредника между богами и общиной. Замѣна собственноручной расправы судомъ шла въ разрѣзъ съ предписаніями семейной религіи и обычаями родового быта (Thonissen, p. 39 и

далѣе); она можетъ проникнуть и водвориться въ обществѣ лишь подъ покровительствомъ болѣе могущественнаго авторитета; такимъ и была религія Олимпійцевъ, мало по малу вытѣснившая семейную изъ общественной жизни.

О ней см. Фюстель-до-Куланжъ: Гражданская община античнаго міра, стр. 156; Jules Girard: *Le sentiment religieux en Grèce*. Paris. 1879; P. Decharme: *Mythologie de la Grèce antique*. Paris. 1879; Ch. Petersen: *Religion oder Mythologie, Theologie und Gottesverehrung der Griechen*—въ Энциклопедіи Эрша и Грубера подъ словомъ *Griechenland*.

Поэтическое изображеніе борьбы старыхъ и новыхъ вѣрованій по вопросу о преслѣдованіи убійцы можно найти въ трагедіи Эсхила Эвмениды (въ изданіи Мюллера, нѣмецкій переводъ и прекрасное объясненіе). Вмѣшательство религіи Олимпійцевъ сказывается уже въ самомъ началѣ процесса по дѣламъ объ убійствѣ, именно въ предоставленіи разбора этихъ дѣлъ архонту—царю. Вслѣдъ за подачею жалобы, истецъ или мститель торжественно возбранялъ убійцѣ появляться на площади и другихъ мѣстахъ общественныхъ, дабы не осквернять ихъ своимъ присутвіемъ. Архонтъ, разсмотрѣвши жалобу и, выслушавъ показанія обѣихъ сторонъ, направлялъ дѣло по своему усмотрѣнію въ одно изъ пяти судебныхъ мѣстъ. Если при разбирательствѣ оказывалось, что обвиненіе въ умышенномъ и не дозволенномъ убійствѣ, заслуживаетъ довѣрія, дѣло разсматривалось судьями на Ареопагѣ, вблизи святилища Эрин-

ній или Эвменидъ, на которыхъ лежала обязанность неутомимо и неумолимо преслѣдовать убійцу, пока не вытечетъ изъ него вся кровь. Божество, при храмѣ котораго засѣдалъ судъ на Ареопагѣ, относилось къ подсудимому совершенно такъ, какъ того требовали вѣрованія семейной религiи. Если убійцу признавали виновнымъ, его неминуемо ожидала смертная казнь, при которой обязанъ былъ присутствовать истецъ, первоначально, надо думать, собственно-ручно умерщвлявшій виновнаго. Если были основанія думать, что убійство совершено неумышленно, архонтъ передавалъ дѣло о немъ въ судъ при храмѣ Аѳины—Паллады, гдѣ, по преданiю, совершенно было неумышленно убійство аѳинскимъ царемъ Демофонтомъ. Если дѣло шло объ убійствѣ съ цѣлью самозащиты или огражденiя чести матери, супруги или дочери, тогда оно разсматривалось при храмѣ Аполлона Дельфинiя, гдѣ, по преданiю, судился Тезей, убившій возмущившихся противъ него Паллантидовъ. Судившiйся при храмѣ Паллады, въ случаѣ признанiя судьями факта, подвергался временному изгнанiю изъ Аттики; судившiйся при храмѣ Аполлона не подвергался никакому наказанiю въ случаѣ признанiя судомъ убiйства законнымъ. Очевидно, въ обоихъ случаяхъ участь обвиняемаго измѣнилась, сравнительно съ прежнимъ порядкомъ, въ ущербъ родовому праву и въ интересахъ новаго права, родившагося подъ сѣнью новой религiи въ эпоху замѣны родового быта общиннымъ, когда охрана жизни человѣческой и мира стала насущ-

нымъ интересомъ для общества, основаннаго на иныхъ и болѣе широкихъ началахъ, чѣмъ родовыя группы. Переворотъ совершился при содѣйствіи религіи; совершившій убійство искалъ спасенія отъ мести родичей убитаго на ступеняхъ алтаря Аѳины или Аполлона, которые, по преданію, уже оказали однажды покровительство человѣку, находившемуся въ такомъ же положеніи. Святыня мѣста спасла его отъ перваго покушенія. Затѣмъ являлись общинныя власти и, опираясь на авторитетъ бога и преданія, возбраяли мстителямъ за кровь дальнѣйшее преслѣдованіе. По всей вѣроятности, сила ихъ приговора главнымъ образомъ опиралась на тѣ угрозы и проклятія, которыя падали на голову нарушителей правъ священнаго убѣжища.

Засѣданія суда по дѣламъ объ убійствѣ происходили подъ открытымъ небомъ, чтобы судьи и истецъ не осквернились пребываніемъ подъ однимъ кровомъ съ убійцей. Обвиняемый стоялъ на камнѣ наглости; обвинитель — на камнѣ непримиримости. Обѣ стороны, стоя между разсѣченными половинами кабана, барана и быка, давали клятву, призывая (на Ареопагѣ) Эриніи во свидѣтели справедливости своихъ показаній и обрекая гибели себя и свой родъ, въ случаѣ ихъ несправедливости. Каждая сторона имѣла право на двѣ рѣчи съ обязательствомъ не отклоняться отъ предмета. Обвиняемый послѣ первой рѣчи могъ удалиться добровольно въ вѣчную ссылку, и законъ запрещалъ преслѣдовать его внѣ предѣловъ Аттики, дозволяя

въ то же время убить безнаказанно, если онъ вернется на родину. Если обвиняемый оставался, то послѣ рѣчей произносился приговоръ и, въ случаѣ обвиненія, судимыхъ на Арсонагѣ ждала неминуемая смерть.

Аристократическій періодъ въ исторіи греческихъ общинъ не оставилъ почти никакихъ слѣдовъ въ преданіи вплоть до начала борьбы сословій. Оживленныя международныя сношенія съ неизбежными столкновениями, наступательными и оборонительными войнами начались въ Греціи лишь съ развитіемъ торговли, приведшей къ соперничеству. Для завоевательной политики трудно преодолимымъ препятствіемъ служила природа страны, облегчавшая защиту и затруднявшая нападеніе. Господствующее сословіе, сила котораго заключалась въ крупной земельной собственности и въ патриархальныхъ отношеніяхъ къ поселянамъ, не имѣло расчета обращать силы страны на расширеніе рынка и устраненіе соперниковъ. Основаніе колоній было дѣломъ не правительства, а частныхъ лицъ, преимущественно изъ высшаго сословія, недовольныхъ порядками родины. Кромѣ основанія колоній и побѣдъ, одержанныхъ на олимпійскихъ состязаніяхъ, почти ничего не отмѣчено въ лѣтописи Клинтона вплоть до половины VII вѣка.

Хронологическое обозрѣніе событій греческой исторіи съ указаніемъ и приведеніемъ источниковъ: *Fasti Hellenici, The civil and literary chronology of Greece from the earliest accounts to the death of Augustus*, by H. F. Clinton въ

3-хъ томахъ. Болѣе краткое и доступное: G. Peter: Zeittafeln der griechischen Geschichte.

Отмѣна монархіи повела къ передачѣ верховной власти въ руки совѣта старѣйшинъ, игравшаго при царяхъ второстепенную роль. Этотъ совѣтъ носилъ названіе то герусіи (сената), на примѣръ: въ Спартѣ, Элидѣ, Кидѣ, то думы, на примѣръ, въ Аѣнахъ. Есть основанія думать, что кромѣ верховнаго большаго совѣта, гдѣ засѣдали, вѣроятно, представители всѣхъ знатныхъ фамилій, былъ еще малый совѣтъ, завѣдывавшій текущими дѣлами, члены котораго избирались аристократіей изъ ея же среды. Этому малому совѣту принадлежалъ судъ по дѣламъ объ убійствѣ. Въ Аѣнахъ онъ назывался ареопагомъ, по мѣсту его засѣданій. Число членовъ ареопага неизвѣстно. Въ преданіи упоминается коллегія эфетовъ, разбиравшая дѣла объ убійствѣ и состоявшая изъ 51 члена. По весьма вѣроятному и остроумному предположенію Ланге (*Die Epheten und der Areopag vor Solon*), эфеты были тѣ же ареопагиты, только въ другой роли. Ланге полагаетъ, что древній эвнатридскій совѣтъ на Ареопагѣ состоялъ изъ 60 старѣйшинъ знатныхъ родовъ, засѣдавшихъ въ немъ пожизненно. По отмѣнѣ единоличной власти, эти 60 членовъ ежегодно изъ своей среды избирали 9 членовъ, которые, сначала съ титуломъ притановъ, а послѣ Солона—архонтовъ, отправляли обязанности исполнительнѣйшей власти; остальные же засѣдали то въ качествѣ совѣта или думы на Ареопагѣ, то въ качествѣ судей въ пяти

судилищахъ, названныхъ выше. На существованіе въ Аѣнахъ большаго совѣта, въ которомъ засѣдали всѣ представители знатныхъ семействъ въ преданіи имѣются лишь слабыя намеки. Плутархъ (Солонъ, гл. 12) упоминаетъ о томъ, что судъ надъ Алкмеонидами, свято-татственно обагрившими руки въ крови при-верженцевъ Килона, былъ порученъ 300 евпатридамъ. Когда Исагора, по удаленіи Гиппіа, пытался возстановить аристократію, онъ началъ съ замѣны совѣта 400, устроеннаго Солономъ, думою изъ 300 евпатридовъ. Одно и то же число, при обстоятельствахъ совершенно различныхъ, наводитъ на мысль, что въ Аѣнахъ дѣйствительно существовалъ совѣтъ изъ 300 представителей знати, которому принадлежалъ рѣшающій голосъ по вопросамъ первостепенной важности.

Исполнительная власть находилась въ рукахъ коллегіи, состоявшей изъ лицъ избранныхъ аристократіей. Въ Критѣ члены этой коллегіи носили титулъ *κόσμοι* (устроителей) и избирались только изъ нѣкоторыхъ семействъ. Они были отвѣтственны предъ герусіей и, по окончаніи срока, дѣлались пожизненными членами ея. Въ Кумахъ высшіе сановники общины избирались изъ членовъ совѣта и, находясь въ должности, носили титулъ царей. Кромѣ царей въ Кумахъ былъ еще одинъ сановникъ, именованный стражемъ; обязанность его состояла въ томъ, чтобы въ извѣстное время являться въ засѣданіе совѣта, происходившее ночью, выводить оттуда царей и удерживать ихъ внѣ

залы до тѣхъ поръ, пока члены совѣта тайной подачей голосовъ не рѣшатъ: всѣ ли сановники, облеченные исполнительной властью, поступаютъ справедливо. Этотъ обычай, упоминаемый Аристотелемъ въ его Политикѣ, показываетъ, что ревнивое вниманіе къ дѣятельности исполнительной власти, было не чуждо и греческой аристократіи. Только относительно Аѳинъ, и то изъ извѣстій болѣе позднихъ, мы знаемъ нѣсколько больше о распредѣленіи власти, бывшей въ рукахъ царя, между сановниками, заступившими его мѣсто. Ихъ было девять, и первый между ними носилъ титулъ архонта, въ качествѣ предсѣдателя коллегіи; впоследствии ему принадлежало попеченіе и судъ по дѣламъ, возникавшимъ изъ семейныхъ и родовыхъ отношеній; онъ вступался въ распри между отцами и дѣтьми, между супругами, между опекунами и сиротами, состоящими подъ ихъ опекой. Имя его ставилось въ началѣ всѣхъ документовъ (при архонтѣ такомъ-то) и чрезъ это служило примѣтой даннаго года (отсюда названіе его *эпонимъ*). Второй членъ коллегіи носилъ титулъ царя, казавшійся необходимымъ для того сановника, на котораго перешло право и обязанность древнихъ царей—быть представителями и посредниками народа предъ богами, ибо боги не любятъ новизны. Вѣдѣнію архонта—царя подлежали всѣ дѣла, касавшіяся религіозной обрядности и богослуженія. Третій членъ коллегіи назывался полемархомъ, т. е. военачальникомъ; къ нему перешли права и обязанности царя, какъ предводи-

теля во время войны. Остальные, подъ общимъ титуломъ *θεσμοθέται* т. е. законодателей, были судьями народа, рѣшавшими всѣ споры и тяжбы на основаніи обычныхъ понятій о справедливости (такія понятія въ эту пору назывались *θεσμοί*).

Замѣна десятилѣтнихъ единичныхъ архонтовъ годичной коллегіей, состоящей изъ девяти лицъ, была средствомъ къ достиженію двухъ цѣлей, всегда дорогихъ и желательныхъ для аристократіи. Этимъ путемъ верховная власть, во первыхъ, ограничивалась до размѣровъ столь скромныхъ, что не было нужды опасаться ея честолюбивыхъ стремленій и произвола. Верховная власть для того, кто облеченъ ею по избранію, можетъ служить источникомъ вліянія и авторитета; но чѣмъ короче срокъ власти, тѣмъ слабѣе возможность усилиться и возвыситься надъ общимъ уровнемъ съ ея помощью. Далѣе, власть ограничивается, уменьшается всякій разъ, какъ ея права, кругъ дѣйствій и авторитета раздробляются и предоставляются по частямъ нѣсколькимъ сановникамъ вмѣсто того, чтобы принадлежать во всей полнотѣ одному лицу. Вслѣдствіе раздробленія власти между нѣсколькими лицами, изъ которыхъ каждое пользуется лишь долей цѣлаго, возможность и средства къ приобрѣтенію вліянія и авторитета, къ удовлетворенію честолюбія и къ произволу — суживаются до размѣровъ еще болѣе незначительныхъ. Вторымъ слѣдствіемъ коллегіальности и годичности архонтовъ было то, что теперь верховная власть стала доступна въ несравненно большихъ размѣрахъ для всѣхъ

знатныхъ родовъ. Прежде въ теченіи 10 лѣтъ облеченъ ею лишь одинъ изъ аристократіи, теперь въ продолженіи того же періода верховная власть могла достаться въ удѣль 90 лицамъ (по 9 ежегодно). При такомъ порядкѣ, стремленія къ власти и почестямъ, всегда очень распространенныя въ правящихъ классахъ, находили болѣе скорое и полное удовлетвореніе. Для подданныхъ коллегіальность верховной власти была очень выгодна въ томъ отношеніи, что ею обезпечилось болѣе скорое и правильное отправленіе суда и администраціи.

Но за то, по мѣрѣ того, какъ власть отъ одного переходила ко многимъ и стала наконецъ доступна цѣлому сословію, гнетъ ея становился тяжелѣе для массы населенія, лишенной всякихъ правъ и всякаго участія въ направленіи и устройствѣ общественныхъ дѣлъ. Безправный народъ легче сносить единоличную власть монарха или тирана, нежели сословной аристократіи, и переходъ отъ монархіи къ аристократіи не улучшаетъ положенія народа, а скорѣе ведетъ къ ухудшенію его.

§ 17. *Возвышеніе демоса.* Сплотившись въ могущественное сословіе, способное дѣйствовать за одно по плану и въ порядкѣ, знатные роды заняли господствующее положеніе въ общинѣ и стремились навсегда удержать его за собою. Признавая власть привилегій только знатности, они не допускали въ свою среду никого, кто не принадлежалъ къ ней по происхожденію. Браки заключались только между равными. Въ Фивахъ было постановлено зако

номъ, что число родовыхъ имѣній не должно уменьшаться; отчуждать ихъ было нельзя; въ случаѣ отсутствія прямыхъ наслѣдниковъ предписывалось усыновлять младшихъ сыновей изъ другихъ фамилій (Аристотель). Власть и полноправіе стали недоступны для людей незнатныхъ, каковъ бы ни былъ ихъ достатокъ и образованіе. Пока община оставалась земледѣльской, противорѣчіе между притязаніями аристократіи и дѣйствительностью было не слишкомъ замѣтно. Единственнымъ источникомъ богатства было крупное землевладѣніе и оно оставалось въ рукахъ знати; главнымъ источникомъ образованія было усвоеніе традицій, упражненіе въ военномъ искусствѣ и музыкѣ, и близость къ политической дѣятельности—всѣ эти средства были доступны исключительно знати. Богатство и образованіе были неразлучными спутниками знатности—и только ея одной. Не встрѣчая и не опасаясь соперниковъ, аристократія на первыхъ порахъ не отдѣляла интересовъ своихъ, сословныхъ, отъ интересовъ общины или народа. На полѣ битвы она была впереди и считала за честь жертвовать собою для спасенія родины. Отголоски этого рыцарскаго духа донеслись и до насъ въ стихахъ Тиртея (въ концѣ VIII и началѣ VII в. см. *Poetae lyr. gr. Bergk. II*). Возбуждая воинственный духъ ефесской молодежи, Каллинъ (VIII в.) указываетъ ей на то уваженіе, какимъ пользуется въ народѣ храбрый защитникъ отечества: его чтутъ всѣ, какъ крѣпкій оплотъ.

Господство знатныхъ людей держалось крѣпче и дольше тамъ, гдѣ народъ былъ занятъ преимущественно земледѣліемъ и жилъ по деревнямъ. Такъ, напр., было въ Элидѣ; Этоляне, овладѣвшіе этой плодородной областью, разбили ее на мелкіе участки и прилежно занялись земледѣліемъ, общавшимъ здѣсь хорошее вознагражденіе за трудъ и заботы. Въмѣсто того, чтобы сосредоточиться въ столицѣ, подобно Дорянамъ въ Спартѣ, элидскіе граждане жили по деревнямъ—вблизи своихъ полей и рѣдко заглядывали въ городъ. Напротивъ, крупныя землевладѣльцы, обработывавшіе свои поля наемнымъ или невольничьимъ трудомъ, имѣли полную возможность жить въ городѣ, заниматься политикой и забрать правленіе въ свои руки. Элидская аристократія ловко пользовалась политическимъ индифферетизмомъ, вообще отличающимъ крестьянство, и приложила всѣ старанія въ тому, чтобы всѣ нужды крестьянства удовлетворялись на мѣстѣ, не вынуждая его обращаться въ столицу. Но причины, отнявшія власть у царей и замѣнившія монархію аристократіей, продолжали дѣйствовать и дальше въ томъ же направленіи. Благородство и знатность происхожденія все менѣе и менѣе дѣйствовали на воображеніе и умъ народа по мѣрѣ того, какъ богатство и умственное превосходство, прежде неразлучно соединенныя съ происхожденіемъ отъ знатныхъ предковъ, стали доступны простолюдину, умѣвшему личнымъ трудомъ нажить себѣ капиталъ и расширить свои познанія. Постоянное накопленіе движи-

мой собственности и капитала вследствие развитія торговли, привело къ образованію новаго класса богатыхъ людей, вышедшаго изъ простаго народа и чуждаго привилегіямъ знати. Этотъ классъ, обязанный своимъ богатствомъ личной энергіи и труду, пріобрѣтшіи въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ и путешествіяхъ опытность, умственную гибкость и воспріимчивость къ новизнѣ, не могъ довольствоваться тѣмъ пассивнымъ и подчиненнымъ положеніемъ, на которое вынуждало его существовавшее государственное устройство.

§ 18. Въ городскихъ общинахъ, собственной Греціи, образовавшихся въ X и IX вѣкахъ, среднее сословіе на первыхъ порахъ не было сильно ни числомъ, ни значеніемъ. Оно растетъ вмѣстѣ съ промышленностью и торговлей, а оба эти занятія, мало замѣтныя въ гомеровскомъ обществѣ, въ эпоху передвиженія племенъ должны были съюзиться до размѣровъ еще болѣе незначительныхъ. Но съ VIII-го столѣтія замѣчается перемѣна въ этомъ отношеніи. Въ городахъ прибрежныхъ и островныхъ усиливается производство и обмѣнъ товаровъ, возрастаетъ число и значеніе торговцевъ и промышленниковъ, слагаются и пріобрѣтаютъ силу новыя понятія о справедливомъ и полезномъ, общество распадается на части, которыя, постепенно уплотняясь и обособляясь, вступаютъ въ борьбу между собою изъ за политическихъ правъ и преимуществъ.

Передвиженіе племенъ и внутреннія смуты, сопровождавшія переходъ отъ монархіи къ

*

аристократіи, вызвали продолжительную и напряженную колонизацію. Недовольные порядками на родинѣ покидали ее и отправлялись искать счастья на чужбинѣ. Сначала заняты были острова Эгейскаго моря, гдѣ переселеніе облегчалось сношеніями, установившимися въ прежнее время. Чрезъ острова движеніе распространилось до западнаго берега малой Азіи отъ Родоса до Троады. Здѣсь Іонянами изъ Аттики, подъ предводительствомъ потомковъ Кодра, былъ основанъ рядъ городовъ, извѣстныхъ и впослѣдствіи подъ именемъ іоническихъ. Между ними наиболѣе значительными были Милеть, Эфесъ, Колофонъ и Фокея. Эти города въ свою очередь сами стали разсадниками новыхъ поселеній; Эфесъ приписывалъ себѣ основаніе 50 колоній; Милеть основалъ ихъ 80, преимущественно по берегамъ Чернаго моря и водъ, соединяющихъ его съ Эгейскимъ. Колоніи въ устьяхъ Дона, по берегу отъ Днѣпра до Дуная, основанныя въ VII вѣкѣ, уже въ VI достигли процвѣтанія. Переселенцы съ острова Эвбеи положили основаніе городамъ на македонско-эракійскомъ берегу, Доряне и Ахейцы изъ Пелопонесса шли по преимуществу въ южную Италію и Сицилію и основали здѣсь Тарентъ, Кротонъ, Сибарисъ, Сиракузы, Акрагантъ, Мессану и множество другихъ городовъ. Къ половинѣ VI вѣка весь бассейнъ Эгейскаго моря былъ въ рукахъ Грековъ, которые всюду противопоставляли себя варварамъ, и, не смотря на разстояніе колоній между собою и отъ метро-

поліи, всюду сохраняли сознание о единствѣ своего племени и языка.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о колонизаціи можно найти въ слѣдующей книгѣ: Курціусъ, Исторія Греціи, переводъ Веселовскаго. Москва. 1876. т. 1, стр. 85 и дал.; Duncker: Geschichte des Alterthums. V-er Band 10-es Buch.—Объ устройствѣ колоній и отношеніи ихъ къ метрополіамъ см. Schoemann: Griechische Alterthümer. Berlin. 1873. II-er Band.

Греческія колоніи, по крайней мѣрѣ древнѣйшія, не были основаны подобно финикійскимъ съ торговыми цѣлями. Ихъ основатели у себя на родинѣ были земледѣльцами и землевладѣльцами; таковыми же оставались они на первыхъ порахъ и въ колоніяхъ. Они отнимали землю у туземцевъ, строили городъ, какъ мѣсто для религіозныхъ собраній и какъ убѣжище на случай нападенія сосѣдей. Но распространяться на счетъ сосѣдей было не легко; ростъ населенія въ колоніяхъ не сопровождается соотвѣтствующимъ расширеніемъ ихъ области: кому тѣсно, тѣ предпочитаютъ удаляться за море, какъ это видно изъ примѣра Милета, Эееса и другихъ колоній, сдѣлавшихся въ свою очередь разсадниками многочисленныхъ новыхъ поселеній. Стѣсняемые съ суши, колоніи пользовались просторомъ со стороны моря. Нужда заставляла первыхъ поселенцевъ выбирать мѣста, легко доступныя съ моря и трудно доступныя съ суши; въ послѣдствіи это обстоятельство облегчило развитіе промышленности и торговли. Опясавъ берега Эгейскаго

и Чернаго морей, греческія колоніи скоро сосредоточили въ своихъ рукахъ обмѣнъ товаровъ, привозимыхъ изъ за моря, на произведенія странъ лежащихъ внутри материковъ. Произведенія лидійской промышленности черезъ посредство малоазійскихъ Іонянъ стали извѣстны на континентѣ Греціи и послужили образцемъ для промышленности Коринѳа, Эгины и Аѳинъ. Отъ Лидянъ же Греки заимствовали употребленіе золотой и серебряной монеты и, не довольствуясь чужой, стали чеканить свою сначала на островѣ Эгинѣ, а потомъ и въ другихъ мѣстахъ.

Колоніи поддерживали сношенія съ метрополіями; обычай, поддерживаемый религіей, требовалъ, по словамъ Страбона, чтобы колоніи посылали депутаціи и подарки на праздники метрополіи и вообще относились бы къ своей родинѣ съ чувствомъ сыновняго уваженія. Къ этимъ нравственно-религіознымъ мотивамъ скоро присоединились и коммерческіе; метрополіи получили въ колоніяхъ рынокъ какъ для сбыта своихъ произведеній, такъ и для снабженія себя продуктами иностранной промышленности. Живыя сношенія содѣйствовали усовершенствованію техники кораблестроенія и мореплаванія. Коринѳъ первый изъ греческихъ городовъ сталъ строить тріеры и преслѣдовать пиратовъ. Не имѣя средствъ прослѣдить шагъ за шагомъ развитіе греческой торговли, промышленности и мореплаванія въ VIII и VII вѣкахъ, мы можемъ судить о силѣ его по числу колоній, по размѣрамъ площади, опоясанной ими, по

быстрому росту городовъ; особенно въ Малой Азій, Южной Италіи и Сициліи (Ср. Büchschenschütz: Besitz und Erwerb im Alterthum. pp. 356—419).

Съ наступленіемъ новыхъ условій для труда и капитала, созданныхъ колонизаціей, произошли важныя перемѣны въ политическомъ быту городскихъ общинъ. Въ тѣхъ изъ нихъ, которыя лежали при морѣ и обладали удобными гаванями, образовался новый слой гражданства, состоявшій изъ крупныхъ и мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ, судохозяевъ и матросовъ. Въ элегіяхъ Солона, на ряду съ дровосѣками, пахарями, предвѣщателями, врачами и учениками музъ, упоминаются и торговцы, блуждающіе по морю на корабляхъ въ надеждѣ вернуться домой съ барышемъ и люди, приобрѣтшіе навыкъ къ работамъ Аѳины и многохудожнаго Гефеста, т. е. ремесленники. Этотъ новый классъ, какъ политическая сила, рѣзко отличался и отъ эвпатридовъ, и отъ поселянъ. Богатство знати состояло въ поземельной собственности; богатство горожанъ въ движимомъ имуществѣ и деньгахъ; первая вела осѣдлую жизнь деревенскихъ помѣщиковъ,—горожанину приходилось пускаться въ далекія плаванія, подвергаться опасностямъ, сталкиваться и принаравливаться къ новымъ людямъ и обстоятельствамъ. Въ то время какъ аристократъ помѣщикъ гордился доблестью предковъ, услаждалъ свой досугъ преданіями объ ихъ подвигахъ, горожанина радовало сознаніе, что его богатство и образованіе добыты его личнымъ трудомъ, и воспо-

минаніе объ опасностяхъ и приключеніяхъ, неразлучныхъ съ жизнью торговца-морехода, рассказы о видѣнномъ и слышанномъ были для него милѣе и дороже всѣхъ легендъ о битвахъ подъ стѣнами Тивъ и Трои. Умѣнье владѣть конемъ и оружіемъ считалось обязательнымъ для знатнаго человѣка. Совсѣмъ другое направленіе ума и энергіи замѣтно въ первыхъ рядахъ городского населенія. Тутъ явились на свѣтъ первые зачатки философскаго размышленія и научнаго изслѣдованія у Грековъ (іонійская и элейская школы). Въ уцѣлѣвшихъ отрывкахъ поэмъ и элегій Ксенофана Колофонскаго (VII—VI ст.) мы встрѣчаемъ впервые энергической протестъ противъ общаго вѣрованія, воспитаннаго Гомеромъ и Гесиодомъ—будто боги, подобно людямъ, рождаются, чувствуютъ и имѣютъ голосъ и тѣло, воруютъ, развратничаютъ и обманываютъ другъ друга. Ксенофанъ съ насмѣшкой относится къ тѣмъ, кто услаждаетъ свой досугъ баснями о битвахъ титановъ, кентавровъ и гигантовъ. Онъ съ негодованіемъ упоминаетъ о почестяхъ, которыя воздаются побѣдителямъ на олимпійскихъ играхъ за проворство ногъ и силу мышцъ и считаетъ несправедливымъ предпочитать тѣлесную силу мудрости, потому что присутствіе среди народа людей, отличившихся въ кулачномъ бою, борьбѣ и бѣганьи, не содѣйствуетъ увеличенію законности и порядка въ общинѣ. Образъ жизни и воспитаніе поддерживали въ знатныхъ людяхъ упорную приверженность къ предковскимъ обычаямъ, къ унаслѣдованнымъ понятіямъ

о нравственныхъ и религіозныхъ вопросахъ, неспособность или нежеланіе измѣненій и преобразованій. Напротивъ, горожанинъ жилъ и дорожилъ настоящимъ, легко подчиняясь его требованіямъ, усваивалъ новыя понятія и не чуждался перемѣнъ въ строѣ и бытѣ общества.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ первыхъ рядахъ средняго класса явились люди, не уступавшіе аристократіи въ образованіи и превосходившіе ее предприимчивостію и гибкостью ума, порядокъ вещей, установившійся въ общинѣ послѣ монархіи, долѣе держаться не могъ. Съ развитіемъ промышленнаго духа, деньги и богатство пріобрѣтаютъ большее значеніе въ глазахъ людей, чѣмъ слава предковъ и длинная генеалогія. Объединившій аристократъ значитъ меньше богатато купца. Если первый, не смотря ни на что, продолжаетъ упорно держаться за привилегіи, доставшіяся по наслѣдству, то послѣдній не менѣе упорно стремится получить свою долю этихъ привилегій и свое политическое положеніе поднять до уровня экономическаго. Любопытные отголоски такой борьбы индустриализма съ аристократизмомъ мы находимъ въ собраніи поучительныхъ и эротическихъ сентенцій, носящемъ имя Θεогнида, гражданина Мегары, младшаго современника Солона.

Поэтъ жалуется на то, что большинство людей признаетъ единственною доблестью богатство и не видитъ проку ни въ мудрости Радаманѳа, ни въ изворотливости Сизифа, ни въ искусствѣ сочинять вымыслы похожіе на правду, ни въ быстротѣ ногъ, словомъ, ни въ

одномъ изъ тѣхъ качествъ, которыми обуславливалось значеніе человѣка въ эпоху господства лучшихъ или знатныхъ людей. Теперь наибольшую силу въ глазахъ всѣхъ имѣеть богатство: у всѣхъ богатый въ чести, а бѣдный въ безчестіи. Вопреки справедливости, назначившей богатство въ удѣль благороднымъ, а бѣдность—въ удѣль худороднымъ, теперь многіе изъ благородныхъ находятся въ бѣдности, тогда какъ люди низкаго происхожденія богатѣють. Бѣдный внезапно становится богатымъ, а богатый теряетъ въ одну ночь все, что имѣлъ. Богатѣють невѣжды, а люди, стремящіеся къ прекрасному, удручаются тяжелою бѣдностью, но для благороднаго человѣка нѣтъ ничего ужаснѣе бѣдности; подавляемый ею, онъ не можетъ ни говорить, ни дѣйствовать (въ политической сферѣ). Вотъ почему всѣми силами слѣдуетъ и на землѣ, и на морѣ искать избавленія отъ бѣдности, которая не смѣетъ являться ни на вѣче, ни въ судъ. Въ этихъ и подобныхъ сентенціяхъ ясно отражаются три признака, предвѣщающіе наступленіе новой эпохи въ исторіи общины: новое распредѣленіе богатства въ обществѣ, зависящее отъ открытія новыхъ источниковъ дохода, перемѣщеніе авторитета изъ рукъ знатныхъ въ руки богатыхъ и упадокъ значенія тѣхъ доблестей, которыя были принадлежностью знати и продуктомъ воспитанія, получаемаго ею. вмѣстѣ съ богатствомъ изъ рукъ знати ускользала и честь: благородный (но бѣдный) человѣкъ—крѣпость и оплотъ для легкомысленнаго народа

—видѣлъ мало уваженія къ себѣ. Въ виду этого многіе изъ обѣднѣвшихъ эвпатридовъ добывали себѣ богатство, а съ нимъ почетъ и уваженіе посредствомъ женитьбы на богатыхъ плебейкахъ. Мы обращаемъ вниманіе, замѣчаетъ съ горечью Θεогнидъ, на благородство породы барановъ, ословъ и лошадей, а между тѣмъ человѣкъ знатнаго происхожденія, не задумываясь, женится на плебейкѣ отъ плебея, если только получаетъ за ней много денегъ. И благородныя женщины не гнушаются выходить замужъ за богатыхъ людей низкаго происхожденія, предпочитая знатности богатство. Всѣ вѣдь чтуть деньги; богатство смѣшало породу; нечего удивляться, что гражданство (въ смѣслѣ знати) вырождается, ибо съ благородствомъ мѣшается подлость. Въ противодѣйствіе этому вырожденію, Θεогнидъ настойчиво совѣтуетъ избѣгать близкаго общенія съ людьми низкаго званія, по природѣ своей неблагодарными, неспособными правильно судить о томъ, что справедливо.

Неравные браки не только повели къ смѣшенію крови, но они вдвинули въ первые ряды буржуазіи людей, по происхожденію и воспитанію, привыкшихъ къ дѣятельному участию въ управленіи общиной и не желавшихъ разстаться съ этою привычкою. Соединивъ политическія способности и стремленія одного класса съ богатствомъ и вліяніемъ другого, эти люди стали во главѣ средняго класса и руководили имъ въ борьбѣ съ аристократіей. Они намѣчали цѣли и указывали средства, а привычки,

развиваемыя торговлей и мореплаваніемъ, водворяли и поддерживали дисциплину въ рядахъ ихъ сподвижниковъ. Въ отличіе отъ поселянина, особнякомъ и по установившейся рутинѣ обрабатывающаго свое поле, ремесленный и торговый людъ, матросы и судохозяева, по самой природѣ своихъ занятій, должны чаще сходиться, разсуждать и дѣйствовать за одно. Пока демось, говоря словами Теогида, одѣвался въ овечьи шкуры и, подобно оленямъ, жилъ внѣ города по полямъ и лѣсамъ,—его политическая роль была ничтожна. Положеніе дѣлъ измѣнилось, когда, рядомъ съ этимъ демосомъ, явился другой, толпившійся на базарѣ или въ гавани и склонный при всякомъ удобномъ случаѣ составлять сходки и разсуждать о дѣлахъ (Ср. Аристотель, Политика VI, 2, 7. „О вліяніи индустриализма на развитіе политическихъ способностей массъ“ см. у Спенсера „Развитіе политическихъ учреждений“, стр. 189 и далѣе).

§ 19. Ходъ борьбы между знатью и гражданствомъ, приведшій къ тимократіи, прослѣдить невозможно по недостатку свѣдѣній. Остается, отмѣтивъ немногіе извѣстные факты, вдуматься въ ихъ связь и смыслъ. Первые признаки возмущенія противъ господства знати замѣчаются въ колоніяхъ около половины VII столѣтія. Въ эолийской колоніи, Кумы, знать впервые примирилась съ мыслью, что власть не могла навсегда остаться исключительнымъ преимуществомъ родовитости, и допустила къ участию въ управленіи на равныхъ правахъ

съ собою всѣхъ, кто въ состояніи былъ содержать боевого коня и служить всадникомъ въ ополченіи. Происхожденіе было замѣнено цензомъ, по мысли нѣкоего Фейдона, какъ говорить преданіе. То же самое и около того же времени случилось въ Колофонѣ, іонійской колоніи. На мѣсто аристократическаго сената здѣсь былъ учрежденъ совѣтъ изъ 1000 богатыхъ гражданъ. То обстоятельство, что въ Кумахъ и Колофонѣ политическое полноправіе стояло въ зависимости отъ всаднической службы, внушаетъ догадку о причинахъ, побуждавшихъ аристократію отказаться отъ своихъ привилегій. Она не въ состояніи была собственными силами отстаивать общину отъ нападенія сосѣдей, лидянъ и, чтобы привлечь богатыхъ демотовъ къ убыточной службѣ въ конницѣ, должна была предоставить имъ не только обязанность служить, но и право участвовать въ управленіи.

Недавно на одномъ изъ папирусныхъ отрывковъ Берлинскаго музея разобрано было нѣсколько отрывочныхъ словъ и связанныхъ строкъ, заключающихъ въ себѣ единственное извѣстіе объ уступкѣ, которую аристократія была вынуждена сдѣлать въ Аеинахъ въ угоду требованіямъ подчиненнаго населенія. Отрывокъ былъ изданъ и объясненъ сначала Блясомъ (Hermes 1880 p. 366), а потомъ Бергомъ (Rheinisches Museum 1881); первый считаетъ авторомъ извѣстія Теопомпа, второй—Аристотеля. Смыслъ извѣстія, на сколько можно его опредѣлить по догадкѣ, состоитъ въ слѣдую-

щемъ: въ 639 году былъ избранъ первымъ архонтомъ Дамасія и послѣ двухлѣтняго исполненія этой должности былъ отставленъ отъ нея силою. Затѣмъ, вслѣдствіе происшедшихъ смуть, было постановлено, чтобы четыре архонта выбирались изъ эвпатридовъ, три—изъ поселянъ и два—изъ деміурговъ или ремесленниковъ. Лица, избранныя такимъ образомъ, правили впродолженіи слѣдующаго (637) года. Далѣе рѣчь идетъ о томъ, что должность архонтовъ, вслѣдствіе обширной власти съ ней соединенной, всегда служила поводомъ къ раздорамъ, что недовольство продолжалось и послѣ уступки со стороны аристократіи, ибо обѣ стороны были недовольны ею: бѣдные—потому что находили ее недостаточною и желали уничтоженія долговъ; знатные—потому что считали ее чрезмѣрною. Въ концѣ упоминаются три партіи, о существованіи которыхъ при Солонѣ говоритъ Плутархъ (Sol. cap. 29). Въ дополненіе къ извѣстію фрагмента можно пока привести только слѣдующіе слова Діонисія Галикарнаскаго: съ теченіемъ времени ремесленники и земледѣльцы были допущены къ должностямъ (2, 8). Разумѣется, при такомъ состояніи преданія мудро представитъ себѣ съ достаточною ясностью, въ чемъ состояла и какъ совершилась реформа 638 года.

Прежде всего надобно опредѣлить размѣры уступки, сдѣланной эвпатридами въ 638 г. По буквальному смыслу извѣстія выходитъ такъ, что поселянамъ и ремесленникамъ было предоставлено право не только избирать пятерыхъ

архонтовъ изъ числа девяти, но и быть избранными на эти должности. Иначе говоря, выходитъ, что двумъ подчиненнымъ сословіямъ въ 638 г. были предоставлены такія права, которыхъ они не имѣли по конституціи Солона и получили только по закону Аристиды въ 477 году. Тутъ есть несообразность; и чтобы устранить ее, Дункеръ (VI, 125) объясняетъ извѣстіе фрагмента въ томъ смыслѣ, что въ 638 г. всѣ архонты избирались эвпатридами и только изъ эвпатридовъ; а послѣ этого года земледѣльцамъ и ремесленникамъ было предоставлено право избирать пять архонтовъ, но непременно изъ среды эвпатридовъ. Понимаемая въ этомъ смыслѣ реформа получаетъ болѣе скромные и правдоподобные размѣры, и вмѣстѣ съ тѣмъ является возможность объяснить, почему она существовала не долго. Очевидно, пока демоты обязаны были выбирать изъ эвпатридовъ, пока выбранные ими эвпатриды, въ качествѣ членовъ архонтской коллегіи, стояли въ зависимости отъ совѣта, состоявшаго исключительно изъ эвпатридовъ;—до тѣхъ поръ кандидаты, угодные народу, достигнувъ званія архонтовъ, не могли служить всецѣло интересамъ демотовъ противъ интересовъ эвпатридовъ. Умнѣ поступили римскіе плебеи въ 494 г., добившись отъ патриціевъ права избирать себѣ защитниковъ изъ своей среды, хотя и облеченныхъ только властью запрещать, но не приказывать.

О причинахъ, вынудившихъ аѳинскихъ эвпатридовъ къ уступкѣ демотамъ въ 638 г., преданіе не говоритъ ничего, кромѣ глухой

ссылки на смуты и борьбу сословій, За отсутствіемъ прямыхъ свидѣтельствъ, остается прибѣгнуть къ догадкѣ, основанной на сопоставленіи фактовъ, завѣренныхъ преданіемъ. Гражданское населеніе аѳинской общины въ первое время ея исторіи распредѣлялось по родамъ, фратріямъ и филамъ. Это дѣленіе было унаслѣдовано общиной отъ эпохи племенного быта и въ началѣ удовлетворяло всѣмъ ея потребностямъ. Первымъ административнымъ дѣленіемъ аѳинской области и гражданства, основаннымъ на началахъ не племенного быта, является дѣленіе на *навкратіи*. По извѣстіямъ преданія, въ основѣ своей идущимъ отъ Аристотеля, навкратіи было 48, по 12 въ каждой филѣ; каждая навкратія представляла округъ, граждане котораго были призваны къ совмѣстному участию въ отбываніи денежной и военной повинности, и въ случаѣ войны снаряжали и содержали двухъ всадниковъ и одинъ корабль. Такимъ образомъ, дѣленіе на навкратіи было слѣдствіемъ необходимости привлечь къ отбыванію военной повинности и тѣ слои гражданства, которые до тѣхъ поръ или вовсе не служили въ ополченіи, или сражались только какъ легко вооруженные. Теперь кромѣ личной службы на нихъ возлагалась денежная повинность въ видѣ расходовъ на снаряженіе и содержаніе всадниковъ и кораблей. О размѣрахъ ея можно судить потому, что и прежде, и послѣ, какъ въ Аѳинахъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ всадничество считалось только удѣломъ богатыхъ землевладѣльцевъ. Тоже самое и еще въ боль-

шей мѣрѣ приложимо къ триерархіи (т. е. снаряженію военныхъ кораблей). Значительныя издержки падали на незначительное число плательщиковъ. Если положимъ, что до Солона аѣинское гражданство состояло изъ 20 тысячъ человекъ (число, вѣроятно, значительно выше настоящаго); то на каждый платежный округъ, или навкрарію, придется среднимъ числомъ 400 человекъ, которые составляли не болѣе 200 семействъ. Введеніе денежныхъ повинностей особенно чувствительно отзывалось на состояніи народа въ ту пору, когда въ странѣ, вслѣдствіе слабаго развитія промышленности и торговли, денегъ въ обращеніи бываетъ немного. Въ Атикѣ, лѣтъ 40 спустя, овца стоила драхму (около 30 копѣекъ серебромъ); быкъ—5 драхмъ, а женщина, отправляясь въ путешествія обязана была не брать съ собою пищи и питья болѣе какъ на оболъ (около 5 копѣекъ серебромъ). Тамъ, гдѣ деньги имѣютъ такую высокую цѣну, денежные повинности бывають для небогатыхъ людей несравненно тяжелѣе натуральныхъ.

Относительно того, когда явились навкраріи, существуетъ два мнѣнія, и оба они опираются на преданіе. По одному, онѣ учреждены Солономъ; по другому—существовали раньше него. Въ подтвержденіе перваго мнѣнія ссылаются на слова Фотія (константинопольскаго патріарха IX в.), который, говоря о навкраріяхъ, замѣчаетъ слѣдующее: „навкраріи—нѣчто въ родѣ симморіи и демовъ; навкрарь—нѣчто въ родѣ демарха, такъ наименовалъ ихъ Солонъ, какъ говоритъ и Аристотель“.—Очевидно

что въ этихъ словахъ нѣтъ прямого утвержде-
 нія, будто Аристотель приписывалъ Солону
учрежденія навкратіи. Другое мнѣніе имѣетъ за
 себя прямое свидѣтельство Геродота, по сло-
 вамъ котораго во время Килонова заговора
 (раньше 612 г.) дѣлами аѳинской общины завѣ-
 дывали пританы навкратовъ (V, 71). Если от-
 дать предпочтеніе свидѣтельству Геродота и
 отнести учрежденіе навкратіи къ эпохѣ, пред-
 шествовавшей Солону, то сама собою пред-
 ставляется догадка о связи между привлече-
 ніемъ демотовъ къ отбыванію въ увеличенномъ
 размѣрѣ повинностей и предоставленіемъ имъ
 права избирать пять архонтовъ. Въ Аѳинахъ,
 также какъ и въ Кумахъ, и въ Колофонѣ,
 уступки со стороны аристократіи были вынуж-
 дены усложненіемъ политическихъ задачъ и
 отягченіемъ общественной службы вслѣдствіе
 большей запутанности международныхъ отно-
 шеній. Аристократія, возложивъ на демотовъ
 часть бремени, вынуждена была подѣлиться съ
 ними и властью. Очевидно, прошла та пора,
 когда герой могъ безнаказанно ударить чело-
 вѣка изъ народа и обратиться къ нему съ
 слѣдующими словами: смирно седи и слушай
 рѣчь тѣхъ, кто лучше тебя; ты же не имѣешь
 ни силы, ни отваги воинской и въ счетъ не
 идешь ни на войнѣ, ни въ совѣтѣ (Ил. II, 200—2).

Въ тѣхъ общинахъ, гдѣ были условія,
 содѣйствовавшія образованію зажиточнаго и
 даже богатаго класса крупныхъ промышлен-
 никовъ и торговцевъ, переходъ отъ аристо-
 кратіи къ тимократіи совершился раньше и, по

всей вѣроятности, безъ особыхъ затрудненій. Интересы и притязанія знатности и богатства примиряются между собою довольно скоро, благодаря посредничеству образованія. Но тамъ, гдѣ жизнь не благопріятствовала образованію богатой буржуазіи, наполнившей пропасть между родовитыми землевладѣльцами и мелкими поселянами и ремесленниками, борьба новаго порядка со старымъ приняла болѣе острый характеръ и другое направленіе. Здѣсь источникомъ недовольства было не сознаніе противорѣчія между службою капитала и нравами его, а острое чувство тяжелой зависимости и безправія труда. Въ общинахъ, остававшихся по преимуществу земледѣльческими, недовольство аристократіей находитъ для себя почву въ низшемъ слоѣ населенія и обнаруживается прежде всего въ жалобахъ на притѣсенія со стороны кредиторовъ, на несправедливость эпатридскаго права и суда. Въ видѣ уступки въ отвѣтъ на эти жалобы, аристократія соглашается на изданіе писанныхъ законовъ въ ущербъ своей привилегіи быть единственнымъ хранителемъ и истолкователемъ обычнаго права. По общему мнѣнію древнихъ, первымъ законодателемъ въ Греціи былъ Залевкъ, начертавшій около половины VII ст. законы для г. Локръ (эпизефирскихъ) въ Южной Италіи; за нимъ слѣдовалъ Харонда, оказавшій ту же услугу городу Катанѣ въ Сициліи; третьимъ былъ Драконтъ, давшій законы аѳинской общинѣ въ 624—12. О жизни этихъ лицъ неизвѣстно ничего (кромѣ нѣсколькихъ подробностей леген-

*

дарнаго свойства о Залевкѣ); объ ихъ законахъ—очень мало. Оставляя въ сторонѣ юридическій и этическій характеръ этихъ древнѣйшихъ законодательствъ, мы отмѣтимъ лишь значеніе ихъ для развитія общественности въ Греціи.—Три примѣра, приведенные выше, не исчерпываютъ всего движенія; о заимствованіи законовъ Залевка и Харонды другими общинами есть прямыя извѣстія въ преданіи; по словамъ Аристотеля, Харонда составилъ законы не только для Катаны, но и для всѣхъ остальныхъ колоній, основанныхъ выходцами изъ Халкиды въ Сициліи и южной Италіи.

Если въ разныхъ мѣстахъ и около того же времени сказывается потребность въ замѣнѣ обычнаго права положительными законами, то есть основаніе думать, что эта потребность вызвана была какимъ нибудь общимъ свойствомъ аристократическаго строя, которое съ измѣнившимися условіями жизни стало съ особою силою отзываться на благосостояніи массъ. Въ чемъ состояло это свойство—преданіе не говоритъ, приходится ограничиться догадкой, основанной на сличеніи того, что извѣстно о содержаніи и характерѣ законовъ Залевка, Харонды и Драконта. Дѣло первыхъ законодателей состояло не въ сочиненіи новыхъ правилъ для жизни, а только въ выборѣ и закрѣпленіи тѣхъ положеній обычнаго права, которые казались имъ наиболѣе разумными и справедливыми. О Харондѣ Діодоръ говоритъ (XII. 11), что онъ, разсмотрѣвъ правовые обычаи (*νομοθεσία*) Катаны и другихъ Халкидскихъ колоній, выбралъ изъ

нихъ наилучшее, а по словамъ Аристотеля (Pol. II, 9, 8) процессъ противъ лжесвидѣтелей былъ единственнымъ нововведеніемъ этого законодателя. Важнѣйшимъ нововведеніемъ Залевка Эфоръ считаетъ, повидимому, установленіе опредѣленныхъ наказаній за каждое преступленіе, что прежде предоставлено было усмотрѣнію судей. Точно также въ законахъ Драконта, по словамъ Аристотеля, не было ничего новаго, а по другому свидѣтельству эти законы въ отличіе отъ солоновскихъ назывались не νόμοι (законы); а θεσμοί, т. е. тѣмъ словомъ, которое первоначально означало—обычай. Изданіе писанныхъ законовъ во всѣхъ этихъ случаяхъ было только выборомъ, закрѣпленіемъ и оглашеніемъ положеній обычнаго права, которое въ своей основѣ было продуктомъ патріархально—родовыхъ отношеній, сложилось подъ вліяніемъ аристократіи, хранилось въ ея средѣ и примѣнялось къ жизни ея же уполномоченными, составлявшими правительство общины. Пока населеніе общины было однородно, пока подчиненные, въ качествѣ кліентовъ и соучастниковъ культа, находились не только въ зависимости, но и въ моральномъ общеніи со своими правителями; пока отношенія между тѣми и другими опредѣлялись началомъ, такъ энергически выраженнымъ въ римскомъ законѣ: *patronus si clienti fraudem faxit sacer esto* (если патронъ обманетъ кліента, то да будетъ проклятъ);—до тѣхъ поръ въ закрѣпленіи и оглашеніи обычнаго права не было нужды для поддержанія гармоніи между двумя слоями общества.

Положеніе дѣлъ измѣнялось по мѣрѣ того, какъ населеніе общины становилось болѣе и болѣе разнороднымъ вслѣдствіе наплыва пришлыхъ людей, а разстояніе между эвпатридами и демотами увеличивалось вслѣдствіе ослабленія патриархально родовыхъ связей. По самому происхожденію своему, колоніи, въ родѣ Локръ или Катаны, имѣли населеніе болѣе разнородное, чѣмъ ихъ метрополи; что же касается Аттики, то она искони привлекала къ себѣ чужеземцевъ. И тамъ и тутъ были условія къ тому, чтобы правовые обычаи эвпатридовъ становились чуждыми для демотовъ, которые не могли съ прежнимъ уваженіемъ и довѣріемъ относиться къ приговорамъ эвпатридскихъ судовъ.

Послѣдующія поколѣнія чтили память первыхъ законодателей, но признавали законы ихъ суровыми. По законамъ Залевка, увѣчье наказывалось увѣчьемъ, прелюбодѣяніе—ослѣпленіемъ. Драконъ за праздность назначилъ—въ наказаніе лишеніе гражданскихъ правъ, а, по словамъ Ликурга (оратора IV в.), древніе законодатели за большія и за малыя вины опредѣляли одинаково смертную казнь. Источникомъ суровости было первобытное воззрѣніе на преступленіе, которое разсматривалось какъ обида и ущербъ, наказаніе—какъ месть и вознагражденіе: око за око и зубъ за зубъ.

Суровость обычнаго права была особенно чувствительна для демотовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они становились должниками эвпатридовъ. Въ древнѣйшія эпохи, о которыхъ дошли до насъ какія либо свѣдѣнія, мы постоянно заста-

емъ низшіе классы въ неоплатномъ долгу у высшаго сословія. Указавъ на этотъ фактъ, примѣтный и въ исторіи греческихъ общинъ, Г. Мэнъ (Древнѣйшая Исторія Учр. р. 133) для объясненія его приводитъ двѣ причины: высокую цѣнность капитала сравнительно съ землей и возрастаніе переселенцевъ, искавшихъ убѣжища или защиты и увеличивавшихъ число рабочихъ рукъ въ общинѣ въ ущербъ свободнымъ земледѣльцамъ. Объдненіе поселянъ въ Атикѣ и обремененіе ихъ долгами было главною причиною кризиса, угрожавшаго общинѣ и отстроченнаго реформами Солона. Но Берлинскій фрагментъ, о которомъ была рѣчь выше, свидѣтельствуетъ, что объдненіе демоновъ и стремленіе ихъ къ уничтоженію долговыхъ обязательствъ существовало раньше Дракопта. Тоже было въ Локрахъ, Катапѣ и, вѣроятно, также въ другихъ общинахъ, заимствовавшихъ законы этихъ двухъ городовъ. Залевкъ запретилъ отчуждать поземельную собственность иначе, какъ подъ условіемъ крайней нужды, запретилъ долговья росписки; постановилъ, что спорные предметы остаются до судейскаго рѣшенія въ рукахъ тѣхъ, кто ими владѣтъ. Харонда совершенно запретилъ давать въ долгъ и принимать жалобы на неисполненіе долговыхъ обязательствъ. Общій смыслъ этихъ мѣръ достаточно ясенъ: онѣ затрудняютъ кредитъ и тѣмъ стараются разсѣчь узелъ, который завязала жизнь и не могло распутать обычное право. Бѣдные были въ долгу у богатыхъ и, не будучи въ силахъ исполнить сво-

ихъ обязательствъ, становились жертвою обычая, отдававшего должника во власть кредитора. Размѣры этой власти рѣзко обозначены въ элегіяхъ Солона, гдѣ говорится о землѣ, находящейся въ рабствѣ, о гражданахъ, отведенныхъ за долгъ на чужбину, гдѣ они, блуждая по разнымъ мѣстамъ, разъучились говорить аттической рѣчью. За отнятіемъ имущества, слѣдовала кабала, за кабалою на родинѣ могла идти продажа въ рабство на чужбину;—такова была участь, ожидавшая неисправнаго должника. Разъ принявъ на себя обязательство, онъ зависѣлъ отъ произвола кредитора, отъ котораго не могъ быть ему защитою судъ, въ своихъ рѣшеніяхъ подчинявшійся стародавнимъ обычаямъ и сословнымъ интересамъ.

О Залевкѣ и Хорондѣ см. Heyne: *Opuskula academ.* II. p. 12—119; F, D. Gerlach: *Zaleucus, Charondas, Pythagoras*: Basel 1858. О Драконтѣ—С. Е. Hermann: *De Dracone legumlatore attico* (*Index lectionum* Gott. hib. 1849—50).

Оглашеніе господствующихъ положеній обычнаго права не улучшило положенія демоновъ ни въ экономическомъ, ни въ политическомъ отношеніи. Обычное право, будучи записано, получаетъ разомъ и большую опредѣленность, и большую суровость; писанный законъ ограничиваетъ способность суда не только къ отягченію, но и къ смягченію участи подсудимаго. Еще менѣе могли облегчить демоновъ мѣры, клонившіяся къ ограниченію кредита, ибо онѣ содѣйствуютъ возвышенію про-

цента и, за отсутствиемъ обезпеченій въ законахъ заставляють кредитора прибѣгать къ обезпеченію посредствомъ залога. Въ Локрахъ, Катанѣ, и другихъ общинахъ, слѣдовавшихъ ихъ примѣру, съ изданіемъ законовъ было соединено допущеніе людей богатыхъ къ участию въ управленіи. Тамъ знать, соединившись съ капиталистами, положила предѣлъ дальнѣйшему развитію демократизма. Въ Локрахъ было постановлено, что желающій предложить поправку къ законамъ Залевка обязанъ былъ явиться въ присутствіе совѣта съ петлей на шеѣ; если его предложеніе не встрѣчало сочувствія въ большинствѣ членовъ совѣта (ихъ было 1000), петля тутъ-же затягивалась. Не удивительно, что, по словамъ Демосоена, въ продолженіи 200 лѣтъ въ Локрахъ былъ измѣненъ только одинъ законъ Залевка. Не то было въ Аѣинахъ. Ограниченіе обычнаго права здѣсь не сопровождалось допущеніемъ богатыхъ демотовъ къ участию въ управленіи. Единственной уступкой было отдѣленіе судебной власти отъ административной, если только эту мѣру можно приписать Драконту на томъ основаніи, что впервые о ней упоминается въ законѣ, носящемъ его имя. Отрывки этого закона сохранились въ копіи съ подлиннаго текста, сдѣланной въ 409—8 г. (Corp. inscr. attic. I. 61. Объясненіе этой надписи см. Philippi: Der Ageorag u. die Erheten p. 333). Въ текстѣ закона ясно отличается слѣдствіе отъ суда и первое вмѣняется въ обязанность архонтамъ; другое—предоставляется эфетамъ, подь которы-

ми всего вѣроятнѣе должно разумѣть членовъ совѣта на Ареопагѣ. Отнятіе у архонтовъ права судить и предоставленіе его верховному совѣту лежало въ интересахъ самой аристократіи и потому могло быть установлено ею раньше Драконта. Такимъ образомъ, въ Аѣнахъ до Солона аристократія не предприняла ничего для разьединенія демоса; она не смягчила долговаго права въ пользу бѣдныхъ и не привлекла на свою сторону богатыхъ, допустивъ ихъ къ участию во власти. Слѣдствіемъ этого было все большее недовольство между демотами.

Раздвоеніе общества и отчужденіе поданныхъ отъ правителей ведетъ неминуемо къ извращенію политическихъ идей и стремленій правящаго класса. Такъ было и въ Греціи. Тамъ, гдѣ аристократія отказалась отъ союза съ буржуазіею и отъ уступокъ бѣднѣйшему классу, она очутилась скоро лицомъ къ лицу съ недовольнымъ и ропщущимъ большинствомъ и, проникнувшись инстинктомъ самосохраненія, стала заботиться о сословныхъ, а не объ общественныхъ интересахъ. Солонъ упрекаетъ вождей, т. е. правителей аѣнскаго народа, въ непомѣрной жадности, въ расхищеніи собственности общественной и имущества храмовъ, въ стремленіи къ обогащенію всякими неправдами (*Solonis fragmenta* въ изданіи: *Poetae lyrici graeci*, Bergk'a). На несправедливость и любостыжаніе правителей жалуется и Теогида (v. 44 и далѣе *ed Bergk*), провидя въ этомъ величайшую опасность для общины. На первыхъ порахъ сословная сплоченность, политическая умѣлость

и выдержка давала перевѣсъ аристократіи надъ народомъ, которому не доставало ни яснаго пониманія солидарности своихъ интересовъ, ни привычки къ совмѣстному дѣйствію, ни вождей способныхъ сосредоточить и направить его силы. Народъ самъ по себѣ неподвиженъ и безвреденъ какъ море, но подъ давленіемъ вождей онъ волнуется, устремляется туда, куда влекутъ его предводители и совѣтники—таково было мнѣніе Солона, какъ можно догадываться по одному отрывку его элегіи (fragm. 12; ср. примѣчаніе Бергка).

При незначительности протяженія и населенія греческихъ общинъ, недовольное большинство не могло долго оставаться разъединеннымъ; гдѣ населеніе въ 20—30 тысячъ, живущихъ на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ, тамъ очень не трудно сблизиться и почувствовать свою солидарность людямъ, страдающимъ отъ одинаковыхъ золъ. Среди самой аристократіи находились люди, или по искреннему убѣжденію, или по расчетамъ честолюбія признававшіе существующій порядокъ вещей несправедливымъ и становившіеся въ челѣ народа въ качествѣ его вождей и совѣтниковъ. Обыкновенно такіе вожди доводили напряженіе дѣлъ до кризиса и способствовали его разрѣшенію иногда путемъ реформы, иногда путемъ революціи. При реформѣ существующее государственное устройство преобразовывалось по взаимному соглашенію обѣихъ враждебныхъ сторонъ, при чемъ интересы той и другой принимались въ расчетъ и измѣненія освящались

согласіемъ всѣхъ гражданъ, пріобрѣтая чрезъ это значеніе обязательное для всѣхъ. При революціи, напротивъ, существующее государственное устройство ниспровергалось насильственно; интересы побѣжденной партіи вовсе не принимались въ расчетъ при созданіи новой системы правленія, и ея подчиненіе новому порядку вещей было принужденнымъ, продолжалось лишь до тѣхъ поръ, пока она снова собиралась съ силами для контрреволюціи.

Такой насильственный характеръ приняла борьба аристократовъ съ демонтами въ Мегарѣ. Прерванная на время тиранніей Феагена (около 640 г.), она возобновилась съ большимъ ожесточеніемъ послѣ того, какъ аристократіи удалось низвергнуть тирана и снова овладѣть правленіемъ. Напрасно поэтъ Феогнидъ, аристократъ въ душѣ, совѣтовалъ правящему классу соблюдать умѣренность и не раздражать народъ своими насиліями и произволомъ; олигархія продолжала свою эгоистическую политику, основанную на эксплуатаціи, презрѣніи и запугиваніи народа. Отголосокъ политическихъ принциповъ мегарской олигархіи слышится въ слѣдующихъ словахъ Феогнида: „поирай ногой бессмысленную чернь; бей ее острымъ рожномъ, надѣнь ей на шею тѣсное ярмо; вѣдь во всей подсолнечной не найдешь ты народа, который бы такъ любилъ быть подвластнымъ господству“. Угнетеніе заставило горожанъ и поселянъ соединиться вмѣстѣ и дѣйствовать за одно. Бѣдные врывались въ жилища богатыхъ и самовольно распоряжались ихъ роскошнымъ

столомъ; въ городѣ водворилась анархія. Народъ восторжествовалъ и правленіе перешло къ нему, а онъ слушался голоса наиболѣе радикальныхъ изъ своихъ вождей. Многіе изъ богатыхъ и знатныхъ были изгнаны, ихъ имѣнія конфискованы и розданы народу. Былъ издавъ законъ, обязывавшій кредиторовъ возвратить должникамъ полученные отъ нихъ проценты. Благодаря конфискаціи и отѣны процентовъ, демократія вызвала противъ себя недовольство всѣхъ зажиточныхъ людей, для которыхъ всякое потрясеніе или нарушеніе правъ собственности бываетъ убыточно. Недовольные, будучи не въ силахъ умѣрить крайности радикаловъ, покидали отечество и находили себѣ пріютъ и гостепріимство въ Спартѣ или въ сицилійскихъ колоніяхъ, основанныхъ выходцами изъ Мегары. Число ихъ скоро возросло до того, что, соединившись, они, съ помощью спартакаго войска, разбили демократовъ и взяли приступомъ самый городъ Мегару (около 515 г.). Одержавъ побѣду, олигархи не щадили своихъ враговъ и предоставили политическія права лишь тѣмъ, кто находился въ изгнаніи во время демократіи и сражались въ рядахъ ея противниковъ.

Тамъ, гдѣ столкновеніе между аристократіей и демонтами разрѣшалось мирно, дѣло улаживалось обыкновенно посредствомъ учрежденія избирательной монархіи или, какъ ее называли греки, *эсимнетіи*. Обѣ партіи, по уговору, поручали неограниченную власть лицу, пользовавшемуся ихъ довѣріемъ. Такое лицо, съ званіемъ *αἰσυμένητης*, управляло государ-

ствомъ пожизненно, или въ теченіи извѣстнаго срока, единолично и неограниченно, обуздывая и сдерживая политическія партіи и преобразуя существующую форму правленія, примѣнительно къ новымъ стремленіямъ, усиливавшимся въ обществѣ. Въ титулѣ: эсиментъ высказывается мысль, что сановникъ, пользующійся имъ, будетъ воздавать каждому то, что ему подобаешь. Посредствомъ эсиментіи были улажены политическіе раздоры въ Митленѣ, гдѣ неограниченная власть была вручена Питтаку, и въ Аѳинахъ, гдѣ ту же роль примирителя враждебныхъ партій исполнилъ Солонъ.

§ 20. *Состояніе аѳинскаго общества.* Преобразование государственнаго устройства Аѳинъ, задуманное и исполненное Солономъ, заслуживаетъ тщательнаго изученія. Оно было отвѣтомъ на новыя политическія чувства и стремленія, пріобрѣтавшія все большую и большую силу въ аѳинскомъ народѣ вслѣдствіе перемѣнъ въ его экономическомъ и нравственномъ состояніи. Новыя политическія чувства и стремленія искали выхода, подсказывали цѣль, но не внушали средствъ, съ помощью которыхъ можно было бы достигнуть этой цѣли съ наименьшею несправедливостью и опасностью для общества. Заслуга Солонана состояла въ томъ, что онъ ясно понялъ задачу, выдвигаемую жизнью, и указалъ рѣшеніе ея, бывшее, по его собственному справедливому сознанію, наилучшимъ при данныхъ обстоятельствахъ. Первымъ дѣломъ историка должно быть изученіе современнаго состоянія аѳинскаго народа въ экономическомъ

и нравственномъ отношеніи, ибо здѣсь скрывались всѣ побужденія къ преобразованію государственнаго устройства. Въ элегіяхъ Солона есть нѣсколько указаній на этотъ предметъ, драгоценныхъ потому, что они принадлежатъ современнику, который желалъ и могъ понять недуги и пороки тогдашняго аѳинскаго общества. Выдающеюся чертою этого общества было распаденіе его на два класса, отчужденныхъ другъ отъ друга взаимной враждой. Меньшинство числомъ, обладавшее богатствомъ, образованіемъ и политическимъ вліяніемъ, составляли *вожди народа* (*ἡγεμόνες δήμου*), аристократы или эвпатриды. Солонгъ выставляетъ на видъ ихъ несправедливость, ихъ ненасытную жажду къ пріобрѣтенію, доводящую ихъ до насилія и надменнаго попранія чужихъ правъ. Въ погонѣ за наживой, они не пренебрегаютъ никакими средствами: не щадя расхищаютъ достояніе народа и священную собственность храмовъ, и не соблюдаютъ чтимыхъ заповѣдей Правды, которая молча принимаетъ къ свѣдѣнію все настоящее и прошедшее, чтобы со временемъ воздать за все. (Ср. отрывокъ четвертый въ изданіи Бергга). Лицомъ къ лицу съ меньшинствомъ, богатымъ золотомъ, серебромъ, полями и стадами (отрывокъ 24), стоитъ большинство, гнетомое нуждой и несправедливостью. Поля бѣдныхъ поселянъ находятся въ залогѣ у займодавцевъ; многіе изъ Аѳинянъ находятся въ рабствѣ на чужой сторонѣ, проданные за долги, иные справедливо (т. е. сообразно съ тогдашнимъ суровымъ долговымъ правомъ) дру-

гіе же несправедливо; блуждая изъ страны въ страну, обремененные оковами, они отвыкають отъ родной рѣчи, въ то время какъ другіе томятся въ рабствѣ у себя на родинѣ, страшась и робѣя предъ своими господами (отрывокъ 36). Въ этомъ изображеніи жестокой участи бѣдныхъ должниковъ заключается весьма наглядное объясненіе тѣхъ упрековъ въ жадности, несправедливости и насиліи, съ которыми Солонъ обращается къ богатымъ: „Весь народъ (*δῆμος*), говоритъ Плутархъ съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, былъ въ долгу у богатыхъ. Одни вздѣлывали поля богачей, уплачивая шестую часть произведеній (выраженіе или невѣрное, или неточное, ибо уплата $\frac{1}{6}$ вовсе не обременительна; вѣроятнѣе, что они уплачивали $\frac{5}{6}$ и только $\frac{1}{6}$ оставляли себѣ) и назывались поэтому гектоморіями, шестидольниками и тетами. Другіе, занимая въ долгъ подъ залогъ личности, поступали въ собственность заимодавцевъ и дѣлались рабами здѣсь (на родинѣ), или были продаваемы на чужбину. Многіе же были принуждены продавать собственныхъ дѣтей (ибо не было закона запрещающаго это) и бѣжать изъ государства вслѣдствіе жестокости заимодавцевъ. (Plut. Sol. VIII). Угнетенный и подавленный классъ мелкихъ поселянъ составлялъ только одну часть демоса; недовольная и ропщущая, она сама по себѣ едва-ли была способна къ дѣятельной и единодушной борьбѣ противъ гнета богатыхъ и знатныхъ. Народъ, какъ море, остается ровнымъ и спокойнымъ, пока никто не возмущаетъ его,—таково было мнѣніе Со-

лона (и другихъ, см. отрывокъ 12 и примѣчаніе Бергка). Но въ аѳинскомъ демосѣ, кромѣ забитаго и подавленнаго сельскаго люда, былъ другой классъ вновь возникшій, болѣе достаточный, болѣе энергичный и образованный; онъ то и былъ очагомъ, гдѣ впервые зажглись новыя политическія стремленія, ясно сознанія и съ настойчивостью проводимыя въ дѣло. Классъ этотъ состоялъ изъ торговцевъ и промышленниковъ. Упомянувъ въ одной изъ своихъ думъ о томъ, что всѣ, и богатые, и бѣдные, одинаково одержимы ненасытною алчностью къ наживѣ, Солонъ изображаетъ различные пути, которыми въ его время надѣялись разбогатѣть (отрывокъ 13). При этомъ, на ряду съ дровосѣками, пахарями, предвѣщателями, врачами и учениками музъ (все старинныя занятія), упоминаются торговцы блуждающіе по морю на корабляхъ въ надеждѣ вернуться домой съ барышемъ; носимые бурными вѣтрами, они нисколько не щадятъ своей души“. По преданію и самъ Солонъ, эвпатридъ по рожденію и воспитанію, обратился къ торговлѣ для поправленія своего разстроеннаго состоянія. „Другіе, продолжаетъ Солонъ (тамъ же), пріобрѣтаютъ навыкъ къ работамъ Аѳины и многохудожнаго Гефеста, снискиваютъ себѣ средства къ жизни ремесломъ“.—Ремесло и торговля сосредоточиваются обыкновенно около большихъ городовъ, расположенныхъ на берегу моря. Въ Атикѣ торговый и промышленный людъ селился по преимуществу на западномъ берегу отъ Аѳинъ до Сунійскаго мыса. Съверо-восточная гористая

часть страны была занята бѣднымъ сельскимъ населеніемъ, а середина—помѣстьями крупныхъ землевладѣльцевъ. Этими различіями въ природѣ страны и занятіяхъ жителей опредѣлялось распаденіе всего населенія Аттики на три партіи: діакріевъ (жителей гористой сѣверо-восточной Аттики) пэдіевъ (жителей равнины) и параліевъ (жившихъ на западномъ берегу). Плутархъ характеризуетъ политическія расположенія этихъ партій, называя первую изъ нихъ наиболѣе демократическою (по нашему—радикальной), вторую—наиболѣе олигархическою, третью—средней или умѣренной (Plut. Sol. 13). Но это обозначеніе непримѣнимо вполне къ эпохѣ Солона, когда противоположность между олигархическимъ и демократическимъ стремленіями, если и существовала, то не успѣла выясниться и проникнуть въ сознаніе всѣхъ. Въмѣсто терминовъ знакомыхъ, но не соответствующихъ дѣлу, надобно опредѣлить точнѣе, въ чемъ состояло то зло, которое грозило потрясеніемъ всему политическому и общественному строю Аттики. Зло состояло въ томъ, что существующее государственное устройство препятствовало правильному и свободному удовлетворенію новыхъ стремленій, сказывавшихся все съ большею и большею силою въ населеніи Аттики. Эти стремленія были вызваны и питаемы измѣненіями отчасти въ экономическомъ, отчасти въ умственномъ и нравственномъ бытѣ общества. Въ экономическомъ бытѣ въ данную пору выдвинулись впередъ и стали для всѣхъ очевидными два явленія, возникшія задолго

прежде: сильный упадокъ благосостоянія мелкихъ поземельныхъ собственниковъ и возрастающее значеніе промышленности и торговли. Тамъ, гдѣ нѣтъ свободныхъ земель, мелкая поземельная собственность, по мѣрѣ размноженія населенія, становится все болѣе недостаточной для обезпеченія средствъ къ жизни. Къ этой общей причинѣ въ Аттікѣ присоединялись двѣ мѣстныя, дѣйствовавшія въ томъ же направленіи: неплодородіе почвы, особенно чувствительное для мелкихъ хозяйствъ, и тяжесть кредита, усиливаемая суровымъ долговымъ правомъ и пристрастіемъ эвнатридскихъ судовъ. Нужда приводила къ рабству; рабство вызвало недовольство, острое и жгучее, доходившее до отчаянія или готовое на все. Въ то время, какъ одни покидали родину, убѣгая отъ суровости заимодавцевъ, другіе, говоритъ Плутархъ (XIII), наиболѣе твердые и энергичные соединялись вмѣстѣ и уговаривали другъ друга не допускать насилія, но, выбравъ надежнаго человѣка своимъ вождемъ, освободить (изъ кабалы) должниковъ, неуплатившихъ въ срокъ, передѣлить вновь землю и совершенно преобразовать государственное устройство. Эти слова Плутарха подтверждаются намеками, разсѣянными въ думяхъ Солона, гдѣ также говорится о заговорахъ, угрожающихъ междуусобіемъ и гибелью государству (fragm. 4), а стремленія къ насильственному перевороту и тиранніи обрисовываются весьма ярко въ насмѣшкахъ, которыми была встрѣчена умѣренная и безкорыстная политика Солона (fragm. 33, ср.

*

32, 36). Вождями недовольнаго народа всегда готовы были явиться эвпатриды, обѣднѣвшіе или одержимые властолюбіемъ. Самое коренное преобразование государства даже вмѣстѣ съ новымъ передѣломъ земли (въ родѣ того, что былъ сдѣланъ въ Спартѣ Ликургою) не въ состояніи было на долго обезпечить Аттику отъ экономическихъ бѣдствій, причина которыхъ лежала въ природѣ самой страны, недостаточной для обезпеченія значительнаго населенія только или преимущественно земледѣліемъ. Изъ экономическихъ затрудненій было два выхода и оба они съ успѣхомъ примѣнялись къ дѣлу впоследствии. Излишекъ населенія, котораго не въ силахъ была прокормить тощая почва Аттики, могъ обратиться къ торговлѣ и промысламъ или переселиться въ другія страны. Политическія мѣры могли лишь временно облегчить зло, смягчить острый характеръ раздраженія бѣднаго класса отмѣною суровыхъ и несправедливыхъ статей долговаго права.

Этимъ путемъ можно было помочь лишь тѣмъ, кто въ данную минуту находился въ безвыходномъ положеніи, что и сдѣлалъ Солонъ. Стремленія и чувства бѣднаго сельскаго населенія могли доставить почву для революціи, замѣнить господство лучшихъ людей господствомъ одного (тиранніей, какъ оно и случилось); но этихъ стремленій нельзя было удовлетворить справедливыми и закономѣрными реформами. Не въ требованіяхъ закабаленнаго сельскаго люда заключались указанія на тотъ путь которымъ Аттика могла достигнуть покоя, по-

рядка и процвѣтанія. Но для политическаго прогресса было очень кстати то раздраженіе, которое возникло и разгоралось все болѣе и болѣе между эвпатридами и мелкими землевладѣльцами. Это раздраженіе въ конецъ разсѣяло обаяніе, на которомъ главнымъ образомъ зиждется господство аристократіи. Простой народъ, привыкшій считать богатыхъ и знатныхъ лучшими людьми (*ἄριστοι*), мирившійся съ ихъ привилегированнымъ политическимъ и общественнымъ положеніемъ ради уваженія къ умственному и нравственному превосходству, теперь имѣлъ достаточно поводовъ убѣдиться въ несправедливости, своекорыстїи и безчеловѣчной жестокости эвпатридовъ. Всякая попытка къ ограниченію правъ аристократіи, откуда бы она ни шла, теперь уже не рисковала встрѣтить (какъ во время Килона) отпоръ со стороны сельскаго населенія, которое питаетъ привычное уваженіе и любовь къ богатымъ и знатымъ землевладѣльцамъ, пока сохраняются старинныя патріархально-родовыя отношенія къ нимъ. Когда въ умѣ народа прерывается связь между двумя идеями, установленная нѣкогда жизнью; то вмѣстѣ съ этимъ бываетъ разрушена и опора для факта, оправдываемаго этой связью. Пока царь считался потомкомъ и любимцемъ Зевса, мудрѣйшимъ и справедливымъ, до тѣхъ поръ никто не дерзалъ поднять руку на привилегіи и прерогативы монархіи. Съ ослабленіемъ и вымираніемъ монархическихъ чувствъ, единовластіе должно было искать другихъ опоръ и, держась ими, стало въ гла-

захъ народа тиранніей. Теперь въ сознаніи аѳинскаго народа произошла та же перемѣна по отношенію къ аристократіи, къ знатности рода, какъ источнику умственного превосходства и власти. Сельскій людъ, не умѣлый и не привычный къ власти и политической дѣятельности, готовъ былъ послушно идти за тѣмъ, кто вырветъ власть изъ рукъ несправедливо пользовавшихся ею.

Рядомъ съ сельскимъ населеніемъ, въ безправномъ демосѣ возникъ и быстро возрасталъ другой классъ, обеспечивавшій себѣ жизнь и избытокъ торговлей и промыслами. Какъ великъ онъ былъ, сказать нельзя съ точностью; но далекія экспедиціи и обширныя сооруженія, ознаменовавшія правленіе Пизистрата полвѣка спустя, указываютъ на то, что ко времени реформъ Солона классъ торговцевъ моряковъ и промышленниковъ достигалъ въ Аѳинахъ уже значительныхъ размѣровъ. Онъ составлялъ ту партію параліевъ, которая, по словамъ Плутарха, занимая средину между діакріями и педіями, добивалась смѣшанной политіи, т. е. такого государственнаго устройства, которое, соединяя преимущества аристократіи и демократіи, свободно отъ крайностей той и другой. Гнетъ, тяготѣвшій надъ сельскимъ людомъ, не могъ удручать въ такой же мѣрѣ тѣхъ, кто занимался ремесломъ или торговлей, такъ какъ эти отрасли труда находились въ Аттікѣ въ условіяхъ гораздо болѣе благопріятныхъ, нежели земледѣліе и особенно мелкое, стѣсняемое недостаткомъ земли и скудостью почвы. Тор-

говля и ремесло не только вѣриѣе и лучше обезпечивали существованіе демота, но, что еще важнѣе, воспитывали въ немъ такой складъ ума и характера, при которомъ политическое безправіе кажется человѣку въ высшей степени невыгоднымъ и несправедливымъ. Потребность и вкусъ къ дѣятельному опредѣленію своихъ политическихъ отношеній возрастаетъ въ человѣкѣ по мѣрѣ того, какъ проясняется и расширяется его умственный кругозоръ, укрѣпляется и развивается энергія воли и увѣренность въ своихъ силахъ. Не трудно убѣдиться, сравнивая земледѣльческій трудъ съ промышленной и торговой дѣятельностью, что послѣдняя требуетъ большей гибкости ума, настойчивости, воли, за то открываетъ для человѣка болѣе обильный источникъ званій и опытовъ, скорѣе развиваетъ въ немъ предпріимчивость и смѣлость, склонность къ новизнѣ и равнодушіе къ старинѣ и преданію. Всюду въ Греціи торговое и промышленное населеніе городовъ, возрастая и укрѣпляясь въ силахъ, становилось врагомъ существующаго порядка, при которомъ политическія права и преимущества считались исключительнымъ удѣломъ знатныхъ родовъ, владѣвшихъ крупной поземельной собственностью. Тоже было и въ Аѣинахъ въ эпоху Солона. Въ населеніи Атики образовался классъ, на дѣлъ доказавшій, что богатство и образованіе не составляютъ исключительной монополіи знатности. Обаяніе знатности, уваженіе къ генеалогіямъ и громкимъ фамильнымъ именамъ, вообще мало доступное торговцамъ и ремесленникамъ, въ Атикѣ было

доступно имъ еще менѣе, потому что значительную долю этого класса составляли *μέτοχοι*, метеки, поселенцы изъ другихъ странъ, искавшіе въ Аттикѣ пріюта и наживы. Принимая въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, мы можемъ съ вѣроятностью предположить, что политическія стремленія торговаго и промышленнаго населенія Аттики были направлены къ тому, чтобы уничтожить исключительное право родовой знати на политическія права и преимущества и доставить богатству и образованию подобающее значеніе и участіе въ государственной власти.

Такимъ образомъ, рядомъ съ социальными стремленіями діакріевъ, требовавшими новаго раздѣла земли, партія паралиевъ является дѣйствительно болѣе умѣренной и въ сущности единственно прогрессивной, такъ какъ ею отстаивались интересы, которымъ по географическимъ условіямъ Аттики суждено было преобладаніе. Къ этой партіи, какъ можно думать, примыкали и земледѣльцы средней руки, не на столько богатые и знатные, чтобы пользоваться привилегіями эвпатридовъ, участвовать съ ними во власти, но и не на столько бѣдные, чтобы находиться въ кабалѣ или неоплатныхъ долгахъ. Существованіе и значеніе этой доли аттического населенія, незамѣтное въ прямыхъ свидѣтельствахъ нашихъ источниковъ, открывается ясно изъ самыхъ преобразованій Солона, который въ основу распредѣленія гражданскихъ правъ и повинностей положилъ исключительно поземельную собственность. Не богатые, но доста-

точные земледѣльцы составляли, по понятіямъ древнихъ, здоровое зерно государства (сравни: Политика Аристотеля, pp. 1316—1319); по прочности своего экономического положенія и по характеру занятій, они считались надежной опорой порядка и покоя.

Таковы были различныя группы, образовавшіяся къ концу VI вѣка въ населеніи Атики. Каждая изъ нихъ имѣла свои особенныя потребности и преслѣдовала свои цѣли. Существующее государственное устройство не принимало въ расчетъ потребностей и цѣлей, руководившихъ поведеніемъ людей; слѣдствіемъ этого разлада было тяжелое состояніе борьбы, безпорядка, беззаконія, при которомъ всего легче и свободнѣе обнаруживаются противупообщественныя или экономическія влеченія человѣческой природы. „Народное бѣдствіе, говоритъ Солонъ (отрывокъ 4), идетъ въ домъ къ каждому и уличныя двери не хотятъ удерживать его; оно перескочило черезъ высокую ограду и нашло всѣхъ, даже тѣхъ, кто поспрятался по угламъ своихъ жилищъ. Сердце велитъ мнѣ научить Аѳинянъ, что дурные законы (*δυσνομία*) больше всего причиняютъ зла государству, а хорошіе (*εὐνομία*) все дѣлаютъ стройнымъ, соразмѣрнымъ и часто полагаютъ оковы на несправедливыхъ. Они сглаживаютъ неровное, прекращаютъ пресыщеніе, смиряютъ надменность, изсушаютъ прозябающіе цвѣты нечестія, исправляютъ кривые суды, уравниваютъ выдающееся, полагаютъ конецъ раздвоенію, гнѣву, тягостной враждѣ, и при нихъ всѣ людскія отношенія бываютъ

правильны и разумны. Въ похвалахъ хорошимъ слышится упрекъ и обвиненіе тогдашней дѣйствительности и указываются ясно тѣ язвы, отъ которыхъ страдало тогдашнее общество. Два обстоятельства способствовали тому, что разладъ и недовольство существующимъ порядкомъ вещей достигли высшей степени къ первымъ годамъ V вѣка. Кровавая расправа съ Килономъ и его приверженцами вовлекли Аѣины въ войну съ Мегарой, сосѣдкой Аттики на Западѣ, и вызвали глубокое потрясеніе въ умахъ богобоязненныхъ людей, вѣрившихъ, что кровь, обагрившая алтари и святилища, неминуемо навлекаетъ гнѣвъ боговъ и страшныя бѣдствія. Это вѣрованіе и состояніе духа, имъ порождаемое (*δεισιδαιμονία*), всего тяжелѣе угнетаетъ умы, когда общество встревожено и обычный порядокъ вещей поколебленъ. Моровая язва постигла Аѣины и была принята за выраженіе небеснаго гнѣва. Вина его падала на эвпатридовъ, избившихъ приверженцевъ Килона вопреки данному слову; правящій классъ сталъ казаться не только несправедливымъ и жестокимъ, но и нечестивымъ. Возстаніе противъ него становилось дѣломъ не только выгоды, но совѣсти и религіознаго долга. Война съ Мегарой была неудачна: Мегарцы заняли островъ Саламинъ, лежащій какъ разъ напротивъ гавани аѣинскаго побережья и, владѣя имъ, наносили сильный вредъ торговлѣ Аттики, по преимуществу сосредоточенной въ этихъ мѣстахъ. Война и потери были добавочнымъ поводомъ къ озлобленію подданныхъ противъ правителей, запретив-

шихъ подѣ страхомъ смертной казни всякую попытку къ отнятію Саламина (Plut. Sol. с. VIII). Упорство аристократіи могло довести всеобщее недовольство до взрыва, до насильственного переворота. Было довольно охотниковъ воспользоваться смутами и, опираясь на озлобленный народъ, захватить власть въ свои руки, чтобы воспользоваться ею для своихъ корыстныхъ цѣлей, снять сливки съ молока, по выраженію Солона (отрывокъ 36). Эвпатриды поняли возможность революціи и, чтобы предупредить ниспроверженіе существующаго государственнаго устройства, согласились на преобразование его и поручили это дѣло эвпатриду Солону, избравъ его въ 594 г. первымъ архонтомъ.

§ 21. *Конституція и законы Солона.* Выборъ палъ на человѣка, который своимъ личнымъ характеромъ и предшествовавшей дѣятельностью успѣлъ приобрести довѣріе и уваженіе какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ. Солонъ происходилъ изъ знатной семьи, считавшей въ числѣ своихъ предковъ аѳинскаго царя Кодра. Онъ былъ не богатъ, потому что родовое состояніе его было сильно уменьшено ссудами бѣднымъ людямъ, которые рѣдко могли отдать въ срокъ. Разумный, свѣтлый взглядъ на жизнь, чувствительность къ ея радостямъ, соединенная съ умѣренностью въ желаніяхъ, живое чувство долга и справедливости, питаемое твердой вѣрой въ неизбежность воздаянія отъ боговъ, любовь къ знанію и искусствамъ—эти и другія черты не менѣе привлекательныя,—обнаружи-

ваются какъ въ произведеніяхъ самого Солона, такъ и въ преданіяхъ о немъ, ходившихъ въ древности (между ними см. особенно Геродота 1, 29—33). „Я желаю имѣть достатокъ, говорить онъ (отрывокъ 13), богатѣть несправедливо не хочу; ибо возмездіе придетъ неминуемо. Я не промѣняю добродѣтель на богатство, потому что она постоянна, а деньги сегодня у одного, послѣ у другаго (16). Мнѣ милы дѣла Афродиты, Діониса и Музъ; они дѣлають людей благодушными (26). Я и въ старости постоянно и много учусь (18)“. Средствомъ для образованія въ ту пору были по преимуществу путешествія, расширявшія кругозоръ человѣка, знакомившія его съ новыми предметами, обычаями, и учрежденіями. Въ іонійскихъ городахъ Малоі Азіи Солонъ имѣлъ случай наблюдать распредѣленіе гражданскихъ правъ и обязанностей, основанное на размѣрахъ имуществва гражданъ, на степени ихъ способности служить государству своимъ трудомъ и достояніемъ. Въ какой степени конституція Солона была подражаніемъ тому, что онъ видѣлъ въ малоазійскихъ городахъ, опредѣлить нельзя, по недостатку данныхъ объ учрежденіяхъ и формахъ политическаго быта послѣднихъ. Достоверно только, что тимократія Солона не была первымъ примѣромъ въ Греціи. Основныя идеи, руководившія законодателя, проглядываютъ довольно ясно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его произведеній. „Народъ, говоритъ Солонъ въ одномъ отрывкѣ (6), всего лучше будетъ слѣдовать за своими вождями, если ему не слишкомъ давать свободу

и не слишкомъ угнетать его“, Политическая и экономическая неволя народа съ одной стороны, и его политическая незрѣлость съ другой (ср. отрывки 9, 11) дѣлали необходимымъ такое государственное устройство, которое, не предоставляя народу полновластія въ управленіи, законодательствѣ и судѣ, давало бы ему средства для правомѣрной и законной борьбы противъ произвола и своекорыстія правящихъ. Солонъ очень ясно понималъ, что главное условіе прочности политическихъ учрежденій и законовъ состоитъ въ справедливости, съ какой они обезпечиваютъ каждому свободное пользованіе своими средствами и способностями. Свои законы онъ принаровилъ такимъ образомъ, чтобы каждому было очевидно, что соблюдать ихъ несравненно полезнѣе, чѣмъ нарушать (Plut. Sol. c. V).

Стремленіе соблюсти мѣру, не возвысить однихъ въ ущербъ другимъ, обезпечить всѣмъ здоровымъ стремленіямъ общества просторъ и средства къ удовлетворенію, отступить отъ старины и дать мѣсто новизнѣ, но не болѣе, какъ сколько нужно для уравновѣшенія правъ той и другой, — это стремленіе руководило законодателемъ при исполненіи порученія, возложеннаго на него довѣріемъ общества. Онъ, по его собственнымъ словамъ, не считалъ своихъ законовъ безусловно наилучшими, но съ справедливымъ чувствомъ гордости говорилъ, что они лучшіе изъ всѣхъ, какіе могли принять Аѣиняне въ ту пору (Plut. Sol. c. XV). Достоинство конституціи всего лучше измѣ-

риется тѣмъ, на сколько она удовлетворяетъ существующимъ потребностямъ общества и на сколько способна она оказывать содѣйствіе и защиту всему, что содѣйствуетъ благосостоянію и прогрессу общества. Еще до своего избранія въ архонты, Солонъ оказывалъ весьма важныя услуги государству и тѣмъ приобрѣлъ довѣріе и авторитетъ въ общемъ мнѣніи. По его убѣжденію были подвергнуты суду лица, запятнавшія себя кровью сторонниковъ Килона. Они были осуждены и изгнаны изъ предѣловъ Атики, что содѣйствовало успокоенію встревоженной совѣсти народа. Вслѣдъ за тѣмъ, по совѣту дельфійскаго оракула, былъ приглашенъ въ Аѣины Эпименидъ изъ Крита, отличавшійся благочестіемъ и глубокимъ знаніемъ священныхъ обрядовъ. Онъ очистилъ Аѣины, освятилъ ихъ и успокоилъ народъ (ibid. с. XII). Преданіе прибавляетъ, что онъ былъ въ дружбѣ съ Солонемъ и своимъ вліяніемъ на умы содѣйствовалъ принятію его совѣтовъ и внушеній. По настоянію Солона и подъ его предводительствомъ была сдѣлана попытка отнять Саламинъ у Мегары, и она кончилась успѣхомъ. Услуги его дельфійскому святилищу въ войнѣ противъ Кривы снискали ему расположеніе дельфійскихъ жрецовъ и обезпечили одобреніе оракула его преобразованіямъ (ibid. с. XI). Всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ съ личнымъ характеромъ Солона доставили ему авторитетъ, необходимый для проведенія важныхъ политическихъ мѣръ.

Первымъ дѣломъ законодателя было облегченіе тяжелой участи бѣднаго сельскаго населенія, обремененнаго долгами. Съ этой цѣлью Солонъ провелъ рядъ мѣръ, которыя всѣ вмѣстѣ обозначались въ древности общимъ именемъ *σεισάχθεια* (ibid. с. XV). Должники, находившіеся въ кабалѣ, были освобождены, проданные въ рабство на чужбину выкуплены на счетъ казны, и впредь было запрещено обезпечивать долгъ личностью. Былъ опредѣленъ закономъ наибольшій размѣръ для поземельной собственности частныхъ лицъ, и этимъ путемъ богатые были принуждены согласиться на выкупъ земель, заложенныхъ имъ демотами. Для облегченія выкупа и вообще для уплаты долговъ, безъ яснаго нарушенія обязательствъ, Солонъ понизилъ цѣнность монеты, не измѣняя ея нарицательной цѣны. До Солона въ Аѣинахъ была въ ходу монетная система, называвшаяся эгинской, по имени острова Эгины, гдѣ она была впервые введена въ употребленіе. Ходячей монетой была драхма изъ серебра вѣсомъ въ 6, 2 грамма и цѣнностью приблизительно въ 36 коп. серебромъ. 100 драхмъ составляли мину т. е. вѣсъ серебра (но не монету) въ 620 граммовъ, нѣсколько болѣе $1\frac{1}{2}$ ф., цѣнностью въ 36 рублей. 60 минъ составляли наибольшую монетную единицу — талантъ, около 82 фун., цѣнностью въ 2160 р. сереб. Вмѣсто этой системы Солонъ ввелъ другую, употреблявшуюся въ ту пору въ Коринѣѣ и Эвбеѣ, двухъ торговыхъ пунктахъ Греціи. Его реформа имѣла видъ примѣненія въ Аѣинахъ той монетной

системы, которая по преимуществу была въ ходу въ торговлѣ; такимъ путемъ облегчались торговыя сношенія Аттики съ другими мѣстами. Это слушало оправданіемъ для реформы, которая прямо клонилась къ облегченію должниковъ въ ущербъ заимодавцевъ. Въ эвбейской монетной системѣ ходячей монетой также была драхма изъ серебра, вѣсомъ въ 4, 3 грамма и цѣнностью въ 24 кон. сереб. 100 драхмъ составляли мину, 60 минъ—талантъ; но эвбейскій талантъ заключалъ въ себѣ около 64 фунтовъ, тогда какъ эгинскій, употреблявшійся въ Атикѣ до той поры, имѣлъ 82 ф. Замѣнивъ одну монетную систему другою, Солопъ уменьшилъ цѣнность денегъ, не измѣняя ихъ нарицательной цѣны. Изъ того самаго количества серебра, изъ котораго прежде чеканили 100 драхмъ, теперь стали чеканить 138 драхмъ. Чтобы получить 100 новыхъ драхмъ, надобно было имѣть только 73 старыхъ. Измѣненіе монеты понизило долги на 27%. Кромѣ того были сброшены неплатные проценты государственной недоимки и дарована амнистія всѣмъ, кто былъ приговоренъ прежними судами къ лишенію гражданскихъ правъ, за исключеніемъ убійцъ и лицъ, обвиненныхъ въ покушеніи къ тиранніи. Всѣми этими мѣрами былъ облегченъ выкупъ земель; и Солопъ могъ сказать съ гордостью (отрывокъ 36), что мать земля, величайшая изъ боговъ Олимпа, бывшая, до тѣхъ поръ въ рабствѣ, теперь стала свободной.—Но на первыхъ порахъ ни богатые, ни бѣдные не были удовлетворены этими мѣрами. Первые потерпѣли значительный

ущербъ въ настоящемъ и не могли такъ свободно житься на счетъ бѣдныхъ въ будущемъ; вторые мечтали о полномъ уничтоженіи долговыхъ обязательствъ и передѣлѣ земель, а вмѣсто того принуждены были уплачивать долги и выкупать земли. „Тогда, говоритъ Солонъ (34), все ублажали меня; теперь все, разгнѣвавшись, смотрятъ на меня косо, будто враги“.

Друзья говорили, что онъ поступилъ глупо, не воспользовавшись полномочіемъ для водворенія тиранніи, которая дала бы ему возможность обогатиться (отр. 33). Едвали можно оспаривать, что Солонъ своими мѣрами доставилъ наибольшее облегченіе тогдашнимъ экономическимъ затрудненіямъ аѳинскаго демоса, соединенное съ наименьшимъ потрясеніемъ существующаго общественнаго порядка. Его мѣры были средней между крайностями, примиреніемъ справедливыхъ требованій капитала и труда. Они положили основаніе прочному экономическому порядку и содѣйствовали воспитанію въ умѣ народа уваженія къ правамъ собственности и труда. Никогда впослѣдствіи, даже въ самый разгаръ борьбы политическихъ и социальныхъ интересовъ въ Аѳинахъ, не было и рѣчи объ измѣненіи цѣнности денегъ или передѣлѣ полей.

Сейсахтія, облегчая положеніе бѣдныхъ на счетъ богатыхъ, нисколько не уменьшала положенія демоса въ политическомъ отношеніи, не затрогивала тѣхъ интересовъ, за которые стояла партія паралиевъ. Было смягчено острое страданіе; оставалось уврачевать хроническій педугъ

общества. Къ этому клонились политическія реформы Солона, исполненныя вѣроятно, не въ одинъ годъ, а въ гораздо большій срокъ, въ продолженіи котораго Солонъ имѣлъ въ своихъ рукахъ верховную власть на правахъ эсимнета. Его конституція была кореннымъ преобразованіемъ государственнаго строя и касалась не только формъ и учрежденій, но и самыхъ основъ, нравственныхъ убѣжденій, на которыхъ покоился политическій бытъ общества. вмѣсто аристократіи Солонъ ввелъ въ Аѣнахъ тимократію. Этимъ онъ придалъ освященіе и авторитетъ закона убѣжденію, которое уже сложилось и окрѣпло въ умѣ народа, и состояло изъ двухъ мѣній: *первое*, что политическія права и преимущества, участіе въ управленіи, законодательствѣ и судѣ не должно быть исключительнымъ удѣломъ знатныхъ эвпатридовъ; *второе*, что каждый имѣетъ право на участіе во власти по мѣрѣ того, сколько онъ служитъ государству и обществу своимъ трудомъ и имуществомъ. Отнынѣ это убѣжденіе стало законнымъ и обязательнымъ для каждаго гражданина. А лишь изъ запретныхъ тайныхъ помысловъ или возмутительныхъ рѣчей оно перешло въ открытый и общеобязательный кодексъ политической ответственности, оступать отъ котораго значило бы посягать на существующій государственный порядокъ; то понятія и идеалы родовой знати съ этихъ поръ должны были отодвинуться въ глубину частной жизни, въ кругъ запретныхъ помысловъ и недозволенныхъ желаній. Торжественное провозглашеніе новаго принципа, было

дѣломъ и заслугой Солона; его признаніе и господство надъ волей гражданъ—слѣдствіемъ перемѣщенія центра политическаго могущества изъ родовой аристократіи въ зажиточный и умѣлый классъ демоса. Это перемѣщеніе долго чувствовалось смутно; потомъ оно стало фактомъ яснымъ для всѣхъ, а теперь признано законнымъ и справедливымъ. Оставалось пройти тотъ путь, который отдѣляетъ провозглашеніе новаго принципа отъ примиренія съ нимъ всѣхъ партій, отъ упроченія господства ихъ не только въ законѣ, но и въ жизни. Мы увидимъ далѣе, что и на томъ пути дѣло не обошлось безъ колебаній и потрясеній.

Солонъ оставилъ въ силѣ исконное дѣленіе аѣннскаго народа на филы, фратріи и роды, но уничтожилъ привилегіи, возвышавшія однихъ членовъ рода надъ другими. Припомнимъ, что составъ аттическихъ родовъ распадался на два слоя; первый составляли родичи—эвпатриды, связанные между собою не только религіей, но и происхожденіемъ отъ одного предка и потому называвшіеся гомогалактами (сомолочниками); другой слой составляли люди, отдавшіеся подъ покровительство эвпатридовъ, допущенные къ обществу въ ихъ религіи и обрядахъ, но не связанные ни съ ними, ни между собою кровными узами или единствомъ происхожденія. Люди этого слоя назывались оргеонами и, конечно, въ политическомъ отношеніи были не равны эвпатридамъ. Солонъ, уничтоживъ привилегіи знатности, поставилъ права и положеніе оргеоновъ въ зависимость отъ ихъ достатка,

*

такъ что богатый оргеонъ въ государствѣ могъ занять мѣсто, недоступное для бѣднаго эвпатрида.

Все населеніе Аттики, за исключеніемъ рабовъ и пришельцевъ (метековъ), было раздѣлено на четыре класса (*τιμήματα*); въ основу этого дѣленія было положено количество продуктовъ (и стало быть доходовъ), получаемыхъ съ земли. Къ первому классу принадлежали (безъ различія знатности или незнатности происхождения) всѣ тѣ, которые получали со своихъ полей не менѣе 500 медимновъ зерна или 500 метретовъ масла или вина въ годъ (вѣроятно при среднемъ урожаѣ). Медимнъ равняется приблизительно двумъ четверикамъ, а метреть—3,1 ведра. По количеству дохода, члены перваго класса назывались пентакосіомедимнами (*πεντακόσιοι*—500). Ко второму классу принадлежали лица, получавшія со своихъ полей не менѣе 300 мѣръ хлѣба, вина или масла. Ихъ официальное названіе было всадники (*ἵππεις*), такъ какъ они обязаны были служить въ конницѣ. Третій классъ состоялъ изъ владѣльцевъ земли, получавшихъ не менѣе 150 (по древнимъ извѣстіямъ—200) мѣръ хлѣба, вина или масла; они назывались зевгитами, *ζεῦγίται* (отъ *ζεῦγος*, что значитъ пара воловъ въ упряжи). Наконецъ, къ четвертому классу были причислены всѣ тѣ, кто не получалъ со своихъ полей даже 150 мѣръ продуктовъ, или вовсе не имѣлъ земли, а занимался торговлей и ремеслами; они назывались оетами, *θητες* т. е. поденщиками. Количество движимаго имущества

и денежный капиталъ не принимались въ расчетъ: какъ бы ни быть богатъ хозяинъ корабля или ремесленникъ, онъ все-таки принадлежалъ къ низшему классу и оффиціально назывался поденщикомъ. Это предпочтеніе, оказываемое поземельной собственности въ государствѣ, которое по природѣ было приравнено къ торговлѣ и промышленности, представляется намъ страннымъ и несправедливымъ. Такимъ оно казалось и самимъ Аѳинянамъ впоследствии, за исключеніемъ политиковъ—теоретиковъ. Но во время Солона были обстоятельства, смягчавшія несправедливость предпочтенія поземельной собственности и дѣлавшія его совершенно естественнымъ. Во время Солона торговое и промышленное населеніе Аттики, если исключить изъ него метековъ, составляло меньшую и притомъ значительно меньшую долю въ цѣломъ народѣ. Когда этотъ классъ выросъ, движимая собственность была признана равноправной съ поземельной.

Политическія права считались какъ бы воздаяніемъ за службу государству и за отбываніе повинностей. Денежныя повинности, въ видѣ прямыхъ налоговъ, взимались въ Атикѣ очень рѣдко, и главной службой гражданина было отбываніе повинностей натуральныхъ, между которыми на первомъ планѣ стояла военная служба. Защита страны въ эту пору имѣла цѣлю по преимуществу оборону воздѣланныхъ полей, жатвы, хозяйства сельского населенія. До Солона ни одинъ виѣшній врагъ не посягалъ на политическія учрежденія

Аттики. При такомъ порядкѣ вещей весьма легко возникло убѣжденіе, что на земледѣльцахъ и землевладѣльцахъ лежитъ главнымъ образомъ оборона родной страны отъ враговъ, вредившихъ прежде и больше всего ихъ благосостоянію. Отсюда легко было придти къ заключенію, что интересамъ поземельной собственности, возлагающимъ на гражданъ наиболѣе тяжелыя обязанности, должно быть предоставлено и наибольшее участіе въ политическихъ правахъ. Убѣжденіе это уступило мѣсто другому, когда главнѣйшій интересъ Аѳинъ заключался въ охраненіи ихъ торговли посредствомъ сильнаго флота. Какъ только охрана движимой собственности стала бременемъ, падшимъ на торговцевъ и ремесленниковъ, послѣдніе стали служить во флотѣ и скоро добились уравненія правъ четвертаго класса съ остальными. Распредѣленіе политическихъ правъ было логическимъ слѣдствіемъ распредѣленія повинностей: служившіе и платившіе государству больше получили и большую долю участія во власти. Высшій правительственный санъ архонтовъ сталъ исключительнымъ достояніемъ перваго класса, а такъ какъ съ этихъ поръ архонты, по минованіи срока службы, дѣлались членами ареопага, то и этотъ древній сенатъ сдѣлался органомъ вліянія наиболѣе крупныхъ собственниковъ, что придало ему консервативный характеръ. Второстепенныя должности въ управленіи и войскѣ были доступны и для лицъ втораго и третьяго разряда. Четвертый разрядъ не могъ занимать никакихъ обществен-

ныхъ должностей; и всѣ его права ограничивались тѣмъ, что онъ наравнѣ съ остальными участвовалъ въ народномъ собраніи и здѣсь на равныхъ правахъ съ богатыми пользовался властью, которая конституціей была предоставлена вѣчу. Вслѣдствіе новаго распредѣленія политическихъ правъ обѣднѣвшіе аристократы лишились преобладающаго вліянія, разбогатѣвшіе демоты приобрѣли его, хотя, по всей вѣроятности, число тѣхъ и другихъ было не велико, такъ что главнѣйшая доля исполнительной и судебной власти по прежнему осталась въ рукахъ эвнатридовъ, но теперь они не могли стать замкнутымъ сословіемъ и не могли обратиться своихъ преимуществъ въ монополію.

Необходимымъ послѣдствіемъ распространенія политическихъ правъ на весь народъ было преобразование старыхъ и созданіе новыхъ учрежденій. Коллегія архонтовъ и ареопагъ продолжали существовать, но кругъ дѣйствій и вліянія ихъ былъ ограниченъ созданіемъ новаго сената и установленіемъ полномочій народнаго собранія. Вѣче, существовавшее при царяхъ, какъ случайное собраніе для объявленія мѣнній и воли царя и старѣйшинъ, теперь стало органомъ самодержавной власти народа. Выборъ сановниковъ, до сихъ поръ принадлежавшій эвнатридамъ, теперь сталъ дѣломъ всего народа, который и совершалъ его на вѣчѣ. Избраніе опредѣлялось большинствомъ голосовъ; и участіе четвертаго разряда при этомъ могло быть не только значительнымъ, но даже преобладающимъ. Сановники, выби-

равшіеся до сихъ поръ эвпатридами и изъ эвпатридовъ, были отвѣтственны (т. е. могли быть судимы) только предъ своимъ сословіемъ, вѣроятно; передъ ареопагомъ. Теперь, когда сановники стали всесловными, они стали избираться всѣмъ народомъ, и право требовать отчетъ у нихъ перешло отъ эвпатридовъ къ народу, отъ ареопага къ вѣчу. Солонъ, по словамъ Аристотеля (Polit. p. 1274=2, 9, 4), предоставилъ демосу самую необходимую власть, именно право избирать сановниковъ и право требовать у нихъ отчетъ (εὐθύνειν). Плутархъ (Sol. с. 18) говоритъ, что ѳетамъ т. е. четвертому разряду было предоставлено только право участвовать въ народномъ собраніи и право *судить*. Если сановники были отвѣтственны предъ всѣмъ народомъ, то вѣче, кромѣ избранія должностныхъ лицъ занималось разсмотрѣніемъ ихъ служебной дѣятельности, выслушивало жалобы на нихъ и судило ихъ. Какимъ образомъ всѣмъ этимъ могло заниматься вѣче, т. е. собраніе всего народа, въ преданіи ничего не объясняется. По всей вѣроятности для отчета и суда надъ сановниками вѣче избирало изъ своей среды особую комиссію, которая легче и лучше могла исполнить то, для чего народное собраніе въ цѣломъ составѣ было слишкомъ громоздкимъ и тяжелымъ органомъ. Съ правомъ принимать и разбирать жалобы на должностныя дѣйствія сановниковъ было соединено и право принимать апелляціи на ихъ судебные приговоры (Plut. Sol. с. 18). Само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ сановники

избираются вѣчемъ и отвѣтственны предъ нимъ, они во всѣхъ важныхъ вопросахъ внутренней и внѣшней политики будутъ предлагать свои распоряженія и постановленія на утвержденіе вѣча и будутъ подчиняться его приговору. Народное собраніе, которому принадлежитъ право избирать сановниковъ, требовать у нихъ отчетъ, принимать аншеляціи на ихъ приговоры, принимать или отвергать ихъ рѣшенія по вопросамъ внутренней и внѣшней политики—такое народное собраніе по справедливости можно считать органомъ самодержавной власти, которая отнынѣ, вмѣсто исключительной привилегіи знати, стала общимъ достояніемъ всего народа. Но вѣче, на которомъ могъ присутствовать весь народъ, не могло собираться часто безъ затрудненій и уцѣрба для тѣхъ, кто живетъ трудами рукъ своихъ; а тамъ, гдѣ оно собирается рѣдко, текущая политика будетъ зависѣть воиной отъ высшихъ административныхъ сановниковъ. Далѣе, вѣче, по самымъ размѣрамъ и составу своему, можетъ удобно вершить дѣла, но не разматривать ихъ; оно способно произносить окончательное да или нѣтъ по разнымъ вопросамъ, но оно слишкомъ громоздко, неопытно и нестройно, чтобы съ надлежащимъ вниманіемъ и умѣніемъ разработать тотъ или другой вопросъ текущей политики. Предоставленное самому себѣ, вѣче скоро дѣлается послушнымъ орудіемъ тѣхъ, кто способенъ дѣйствовать на его разумѣніе и чувства. Въ предупрежденіе этого Солоонъ создалъ новый органъ власти, состоящій также изъ пред-

ставителей народа, но дѣйствующій непрерывно, болѣе пригодный для предварительнаго разсмотрѣнія текущихъ дѣлъ и вопросовъ и служившій подготовительной инстанціей для народнаго собранія. Этимъ органомъ былъ новый сенатъ, или дума, состоявшая изъ 400 членовъ, по ста отъ каждой филы, избравшихся всѣмъ народомъ. Обязанность этой думы состояла въ предварительномъ обсужденіи и разсмотрѣніи вопросовъ текущей политики, имѣющихъ поступить въ народное собраніе (Plut. Sol. с. XIX). Устройство совѣта четырехсотъ и порядокъ дѣлопроизводства въ немъ въ эту пору ближе неизвѣстны. Нѣтъ и положительныхъ данныхъ для рѣшенія весьма важнаго вопроса о томъ, могли ли быть избираемы въ члены новой думы лица, принадлежащія къ четвертому разряду. Вѣроятно же предположить, что не могли, ибо Аристотель прямо говоритъ, что принадлежавшіе къ четвертому разряду не могли быть сановниками, а членъ сената былъ съ точки зрѣнія древнихъ должностнымъ лицомъ, сановникомъ. Совѣту четырехсотъ принадлежало веденіе текущей политики; древнему сенату ареонага былъ предоставленъ верховный надзоръ за дѣйствіями сановниковъ исполнительной власти, за соблюденіемъ законовъ. Права ареонага опирались на то уваженіе, которое народъ питаетъ къ стародавнимъ политическимъ учрежденіямъ, связаннымъ тѣсно съ вѣрованіями и преданіями старины; его вліяніе было соразмѣрно авторитету, какой имѣло въ глазахъ народа учрежденіе, вмѣщавшее въ

себѣ лицѣ, по общему избранію, стоявшихъ во главѣ управленія. Пожизненность и строгій подборъ членовъ дѣлали ареонагъ вѣрнымъ хранителемъ политическихъ преданій страны, которому были не легко доступны увлеченія новизной, горячка нововведеній и преобразованій.

Таковы были преобразованія Солона, положившія конецъ безраздѣльному владычеству знати. О личности и подвигѣ этого человѣка еще въ древности существовала значительная литература, кое что изъ которой донесли до насъ жизнеописанія Солона, составленныя Плутархомъ и Діогеномъ Лаэртіемъ (II—III в. по Р. X.).

Изъ новѣйшихъ сочиненій о Солонѣ, должно замѣтить: Schelling: *De Solonis legibus apud oratores atticos.* 1842; Dugit: *L'Aréopage athénien.* 1867; A. Philippi: *Areopag und die Epheten.* 1874. Его же: *Beiträge zu einer Geschichte des attischen Bürgerrechts.* 1870. Статьи Bergk'a въ *Rhein. Mus.* XXIX и въ XX т. Также подробное и ясное изображеніе въ исторіи Дункера, VI томъ.

Учрежденія Солона освятили двѣ идеи, выдвинутыя измѣнившимся складомъ жизни: идею о томъ, что размѣръ политическихъ правъ человѣка и высота его положенія въ обществѣ не зависятъ отъ знатности его рода и доблести предковъ, и что право избирать своихъ правителей и требовать у нихъ отчета принадлежитъ всѣмъ гражданамъ, безъ различія ихъ званія и состоянія. Обѣ эти идеи были положены въ основаніе новаго государственнаго порядка съ

наименьшимъ потрясеніемъ старыхъ преданій и съ наименьшимъ потрясеніемъ существующихъ интересовъ. „Я даль, говоритъ Солонъ (отрывокъ 5), демосу столько власти, сколько было нужно ему, не отнимая чести и не расширяя ея; я подумалъ и о тѣхъ, которые имѣли силу и богатство, чтобы и они не пещытали ничего неприличнаго. Я сталъ, распростерши могучіи щитъ надъ тѣми и другими, и не позволилъ ни одной сторонѣ одержать несправедливой побѣды.“ Право избирать сановниковъ и требовать у нихъ отчета, предоставленное прежде безправному народу, было достаточно для того, чтобъ онъ не сдѣлался ни рабомъ, ни врагомъ существующаго порядка. Правда, что, по мѣрѣ того, какъ торговый и промышленный классъ богатѣлъ и развивался умственно, ему все тяжелѣе и тяжелѣе было довольствоваться тѣмъ подчиненнымъ положеніемъ, на которое его обрекала конституція Солона. Но за то она же открывала ему путь и средства для борьбы за уравненіе правъ, борьбы, которую можно было вести законнымъ порядкомъ съ помощью правъ и власти, предоставленныхъ вѣчу. Расширеніе правъ четвертаго класса должно было послѣдовать само собою, когда государство стало нуждаться въ трудѣ и имуществѣ этого класса для успешной обороны своей свободы. Право избранія, а еще болѣе право контроля и суда было тѣмъ орудіемъ, съ помощью котораго низшіи классъ, составлявшій большинство на вѣчѣ, могъ подчинить себѣ правительство и заставить его

прислушиваться къ своимъ желаніямъ и нуждамъ. Солонъ помѣстилъ центръ политическаго значенія въ классъ достаточныхъ землевладѣльцевъ. Когда Аттика стала государствомъ по преимуществу торговымъ и промышленнымъ, этотъ центръ самъ собою, безъ всякихъ насильственныхъ переворотовъ и потрясеній, перемѣстился въ классъ, обладавшій достаточной движимой собственностью. Участіе въ народномъ собраніи влекло всѣхъ гражданъ афинскихъ къ событіямъ и интересамъ общественной жизни. Но на первыхъ порахъ непривычка и неумѣлость должны были производить свое дѣйствіе, и низшій классъ народа, довольствуясь свободой и безопасностью, охотно представлялъ веденіе дѣлъ своимъ вождямъ. Для прочности вновь устроеннаго порядка необходимо было обезпечить для него участіе и вниманіе со стороны всѣхъ. Водвореніе новаго порядка и установленіе правовъ и привычекъ, соотвѣтствующихъ ему, не могло обойтись безъ сопротивленія и борьбы, въ которой безучастіе большинства отдастъ власть и силу въ руки меньшинства. Этого безучастія нельзя было устранить закономъ, лишавшимъ гражданскихъ правъ всякаго, кто во время борьбы партій не приставалъ ни къ той, ни къ другой сторонѣ. Такъ понимаетъ смыслъ этого закона Плутархъ (Sol. с. XX); въ сущности же, вѣроятно, дѣло шло о какой нибудь принудительной мѣрѣ противъ уклоняющихся отъ посѣщеній вѣча. Эсимнетія Солонъ должна была служить предохранительнымъ средствомъ противъ междоусобія

и тиранніи. Эвпатриды рѣшились на уступки, чтобы, заручившись поддержкою наиболѣе вліятельныхъ элементовъ общества, сохранить за собою преобладаніе и подавить демократическія стремленія. Цѣль эта не была достигнута, и реформатору аристократическаго строя на закатѣ дней пришлось быть свидѣтелемъ гражданской войны, окончившейся водвореніемъ тиранніи Пизистрата. Такой исходъ дѣятельности законодателя, мудрость котораго была предметомъ удивленія для послѣдующихъ поколѣній, объясняется легко недостаткомъ его учрежденій.

О нихъ см. J. Schwarcz, Die Demokratie. I. Leipzig. 1882. p. 17 и далѣе. Первый томъ сочиненія Шварца представляетъ собою обвинительный актъ, подробно излагающій пороки и преступленія аѣинской демократіи, а также недостатки и промахи ея защитниковъ и хвалителей между учеными новаго времени. Обвинительный актъ содержитъ очень подробное, обнаруживающее огромную начитанность, изложеніе исторіи аѣинскихъ учрежденій и образованности съ придирчивой, но остроумной оцѣнкой ихъ. Книга Шварца, при всей односторонности направленія и натяжкахъ въ объясненіи фактовъ, заслуживаетъ полнаго вниманія филологовъ и историковъ; послѣдняя часть освѣщаетъ такія стороны въ спеціальному предмету ихъ изученія, которыя обыкновенно мало обращаютъ на себя ихъ вниманіе, подкупленное преданіями гуманизма и классицизма.

Успѣхъ борьбы противъ демократизма зависѣлъ въ греческихъ общинахъ отъ того, въ

какой мѣрѣ удавалось примирить интересы знатности и богатства, и слить аристократію и буржуазію въ одно сословіе, соединявшее въ своихъ рукахъ всѣ опорныя точки и рычаги политическаго преобладанія. Солонъ призналъ права крупной поземельной собственности и не придалъ значенія всѣмъ остальнымъ источникамъ и видамъ богатства. Такъ какъ число крупныхъ поземельныхъ собственниковъ (пентакосіомедимновъ) въ сословія эвпатридовъ было весьма не велико, то сліяніе ихъ съ эвпатридами въ одинъ классъ въ сущности весьма мало увеличивало силы того сословія, которое до тѣхъ поръ пользовалось исключительно правомъ судить и рядить. Устраненіе крупныхъ торговцевъ и промышленниковъ отъ участія въ управленіи вело ихъ къ недовольству новымъ порядкомъ вещей. По своему географическому положенію Аттика обречена на то, чтобы изъ страны земледѣльской стать промышленною и торговою по преимуществу. Число и значеніе крупныхъ капиталистовъ могло возрасти несравненно быстрѣе и сильнѣе, чѣмъ число и значеніе крупныхъ землевладѣльцевъ. Солонъ предоставилъ власть силѣ, обреченной на застой, и лишилъ власти силу, которой все обѣщало быстрый ростъ. Поддержкою правительства, по мысли Солона, должно было служить большинство народа, составляющаго экклесію. Если бы можно было составить прочное большинство въ экклесіи изъ поселянъ, мелкихъ землевладѣльцевъ, фермеровъ и батраковъ, тогда въ виду экономической зависимости этого класса

отъ крупныхъ землевладѣльцевъ было бы не трудно изъ большинства на вѣчѣ сдѣлать надежное и послушное орудіе для поддержки правительства. Но на вѣчѣ, происходящемъ въ городѣ, всегда ѡхотиѣе и въ большемъ числѣ будутъ собираться горожане, чѣмъ поселяне. А горожане, по своимъ занятіямъ и средствамъ къ жизни, находятся въ зависимости не отъ землевладѣльцевъ, а отъ крупныхъ промышленниковъ и торговцевъ, которыхъ интересы и планы и будутъ поддерживать. Правительство изъ крупныхъ землевладѣльцевъ не найдетъ опоры на вѣчѣ, гдѣ большинство составляютъ горожане, находящіеся въ зависимости отъ недовольныхъ капиталистовъ. Мало того, преобразования Солона ничего не сдѣлали для улучшенія участи бѣднаго сельскаго населенія и не примирили его съ новымъ порядкомъ вещей, обрекавшихъ бѣдныхъ поселянъ на прежнюю зависимость отъ землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ, новыя учрежденія имѣли въ аѣинскомъ гражданствѣ на первыхъ порахъ очень мало приверженцевъ и очень много враговъ, чѣмъ и объясняется возобновеніе смуть и установленіе единовластія.

§ 22. *Тираннія.* Вообще въ тѣхъ городахъ, гдѣ аристократія была могущественна и не чувствовала надобности въ привлеченіи зажиточныхъ классовъ народа на службу государству, она не отступалась добровольно отъ своихъ привилегій въ пользу буржуазіи. Въ Аѣинахъ преобразования Солона, заключавшія въ себѣ наименьшую уступку, были вынуждены

грозою революціи и все таки не предупредили ея. Въ большей части другихъ общинъ господство было отнято у знатныхъ людей съ помощью насильственнаго переворота, приведшаго на первыхъ порахъ къ тому виду единовластія, который греки называли тиранніей, словомъ, заимствованнымъ ими у лидянъ или фригійцевъ. Съ половины VII-го и до конца IV-го вѣка этотъ новый видъ монархіи на болѣе или менѣе продолжительное время водворяется почти во всѣхъ важнѣйшихъ общинахъ какъ континентальной Греціи, такъ и ея колоній. Въ Сикіонѣ съ 670 по 570, въ Коринѣ—650—581, въ Аѣнахъ 560—510, въ Мегарѣ—625, Самосѣ—532; нѣсколько позже въ Сибарисѣ, Кумахъ и другихъ городахъ Южной Италіи и Сициліи.

О тираннахъ, кромѣ общихъ сочиненій по греческой исторіи и государственнымъ древностямъ, см. Plass: Die Tyrannis in ihren bieder Perioden bei den alten Griechen. 1852; В. В. Бауэръ: Эпоха тиранніи въ древней Греціи. Спб. 1863; Busolt: Die Lakedaimonier und ihre Bundesgenossen. I. 1878.

Послѣ того какъ обаяніе родовитости ослабѣло, а богатство и образованіе перестали быть исключительнымъ преимуществомъ знати, послѣдней опорой ея преобладанія оставалась солидарность ея членовъ между собою и привычка ихъ дѣйствовать за одно, въ порядкѣ, по плану и указанію вождей. Въ Коринѣ, по уничтоженіи монархіи, управленіе общиной въ продолженіи 90 лѣтъ находилось въ рукахъ *одного*

могущественнаго рода Бакхиадовъ, насчитывавшаго до 200 членовъ, соединенныхъ въ одну плотную группу преданіями и обычаями родового быта, связующая сила которыхъ была еще болѣе укрѣплена общностью выгодъ и исключительностью положенія. Предъ такой группой, опиравшейся на многочисленный классъ, стоявшій въ прямой экономической зависимости отъ нея, подвластное населеніе было безсильно. Вопреки его ропоту и недовольству знать удерживала командующія позиціи въ общинѣ, удаляя или содѣйствуя удаленію наиболѣе безпкойныхъ и опасныхъ элементовъ съ помощью эмиграціи и колонизаціи. Дѣйствительная опасность наступила для аристократіи лишь тогда, когда солидарность и дисциплина стали проникать въ верхніе слои подвластнаго ей населенія, порождая изъ толпы сборища (*σύνδοσι* въ думяхъ Солона), изъ сборищъ—общества и кружки, въ которыхъ все недовольное существующимъ порядкомъ сплочивалось и строилось, готовое дѣйствовать по указу вождей. Намеки на уплотненіе и организацію недовольныхъ элементовъ среди аѳинскаго населенія слышатся въ элегіяхъ Солона (fr. 4, 21—22). По словамъ Плутарха (Sol. с. XXIII), подъ бременемъ долговъ и притѣсеній многіе стали собираться и уговаривать другъ друга не терпѣть болѣе, но выбрать и поставить во главѣ себя человѣка надежнаго, а потомъ освободить просрочившихъ уплату, передѣлить землю и совершенно передѣлать государственное устройство. Публичность городской жизни, покрови-

гельствуемая южнымъ небомъ, облегчала процессъ броженія въ недовольной массѣ, а честолюбивые отщепенцы знати, недовольные почему либо своимъ мѣстомъ въ рядахъ ея, представляли собою родъ фермента въ этомъ процессѣ. Становясь во главѣ недовольныхъ, они дѣлались вождями народа во время борьбы и владыками его послѣ побѣды: демагогія для нихъ была ступеню къ тиранніи, какъ замѣтилъ еще Аристотель. Солонъ, по окончаніи реформы, сталъ предметомъ упрековъ и насмѣшекъ за то, что не воспользовался своимъ положеніемъ для захвата царской власти. Характеръ и стремленія людей, порицавшихъ Солона, видны въ слѣдующихъ словахъ, которыя влагаеть имъ въ уста аѳинскій законодатель: „не былъ Солонъ мужемъ глубокой мудрости и опытности... недостало у него бодрости и измѣнилъ ему духъ, ибо иначе онъ согласился бы за власть, за несмѣтныя сокровища и за тираннію въ Аѳинахъ въ продолженіи одного только дня, дать себя потомъ на истязаніе и весь свой родъ на истребленіе.“— „Хорошее мѣстечко тираннія, отвѣчалъ на такія рѣчи Солонъ, но не имѣеть выхода“ (Plut. Sol. с. XIV). Другіе изъ призванныхъ или самовольныхъ вождей народа обнаруживали меньше щепетильности и больше предусмотрительности. Они вѣрнѣе Солона оцѣнивали мѣру политической зрѣлости народа и не судили по движеніямъ и дѣйствіямъ его во время борьбы о поведеніи и дѣйствіяхъ его во время мира. Въ ту пору народъ подъ гнетомъ тяжелой нужды и вопіющей несправедли-

*

вості способенъ былъ сомкнуться на время вокругъ вождей и дѣйствовать стойко и дружно по его указанію, пока велась атака на непріятеля. Но, съ побѣдой, на массу переставали дѣйствовать острыя возбужденія, располагавшія ее къ солидарности и дисциплинѣ; и она вновь расплывалась, отдаваясь своимъ повседневнымъ занятіямъ и интересамъ. Народъ способенъ былъ отнять власть у аристократіи, но не въ силахъ былъ удержать ее за собою. Избавившись отъ гнета, онъ предоставлялъ власть своимъ вождямъ; предводительство въ гражданскихъ смутахъ стало ступенью къ новой монархіи, такъ же точно, какъ предводительство во внѣшнихъ войнахъ было ступенью къ древней. И тамъ, и здѣсь успѣхъ предпріятія и политическая незрѣлость массы были условіями, возвышавшими вождя въ монарха.

Съ именемъ тиранніи въ представленіи позднѣйшихъ грековъ была неразлучна мысль о произволѣ и насиліи. Тиранны, по словамъ Фукидида (I, 17), распоряжались государствомъ, заботясь только о своихъ интересахъ, о своей личной безопасности и о могуществѣ своего дома. Тираннъ, говоритъ Геродотъ (III, 81), рушитъ отеческія обычаи, насилуетъ женщинъ, убиваетъ безъ суда. Тираннъ — величайшее бѣдствіе для государства, замѣчаетъ Еврипидъ (Умоляющія v. 445); тамъ, гдѣ онъ, нѣтъ законовъ общихъ для всѣхъ; тамъ властвуетъ одинъ и онъ самъ для себя законъ:—Эти и подобные отзывы вѣрише выражаютъ республиканскія чувства относительно тиранніи, чѣмъ самую

природу послѣдней. Тиранны не были связаны конституціей или писанными законами, потому что, за исключеніемъ Аѳинъ, ихъ нигдѣ не было. Они застали повсюду дѣйствующимъ обычное право, соблюденіе и примѣненіе котораго было дѣломъ господствующаго сословія. Когда мѣсто сословія заняло лицо, естественно, что участіе личной воли въ управленіи общинной стало замѣтнѣе прежняго. Въ Аѳинахъ Пизистратъ, по словамъ Геродота и Фукидида (Геродотъ: I, 59; Фукидидъ: VI, 54) уважалъ законы, не нарушалъ обычаевъ, не уничтожилъ порядковъ, установленныхъ Солономъ. Когда онъ однажды былъ призванъ къ суду Арэопага, онъ, будучи уже тиранномъ, предсталъ предъ нимъ смиренно, чтобы оправдаться, но обвинитель не явился (Plut. Sol. с. XXXI). Основатель тиранинъ въ Коринѣхъ былъ настолько любезенъ народу, что не нуждался въ наемной стражѣ для своей охраны. Долѣ всего удержалась тиранинъ въ Сикіонѣ и, по словамъ Страбона (VIII, 6, 25), всѣ тиранны, здѣсь царствовавшіе, отличались умѣренностью. Власть, происшедшая изъ демагогій, не могла, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, дѣйствовать вопреки желаніямъ и обычаямъ народа; но по отношенію къ побѣжденнымъ противникамъ она не была связана ничѣмъ и руководилась исключительно своими интересами. Низложивъ аристократію, тиранны старались и добить ее. Когда Фрасибулъ, тиранинъ Милетскій, спрашивалъ совѣта у Періандра на счетъ того, что нужно сдѣлать для упроченія новаго порядка

вещей; тираннъ Коринѳа вмѣсто отвѣта сталъ срывать наиболѣе высокіе колосья на нивѣ, давая тѣмъ понять, что для упроченія тиранніи необходимо подавленіе аристократіи. Этотъ анекдотъ, сообщаемый Геродотомъ и Аристотелемъ, вѣрно схватываетъ сущность отношеній новой монархіи къ ея соперницѣ. Тотъ самый Кипсель, популярность котораго дѣлала ненужной стражу, по словамъ Коринѳянина Сосикла (Herod. V, 92), многихъ изъ Коринѳянъ лишилъ имущества и жизни. Подъ этими многими здѣсь слѣдуетъ разумѣть низверженныхъ Бакхиадовъ и ихъ приверженцевъ. Пизистратъ для обезпеченія покорности тѣхъ изъ политическихъ противниковъ своихъ, которые не удалились добровольно въ изгнаніе, взялъ дѣтей въ заложники. Алкмэониды принуждены были удалиться изъ Аѳинъ; Филанды предпочли этой участи покорность новому правительству. Тираннъ Сикіонскій Клисѳенъ, подавляя дорійскую аристократію, далъ оскорбительныя прозвища тремъ ея филамъ, воспретилъ культъ ея героя Адраста, уничтожилъ состязанія рапсодовъ, воспѣвавшихъ въ праздники доблести предковъ знатныхъ фамилій. Въ отрывкахъ изъ стихотвореній поэта Алкея, сражавшагося за дѣло лесбосской знати, можно примѣтить слабыя отголоски тѣхъ чувствъ, съ какими относились аристократы къ новой монархіи даже тамъ, гдѣ она дѣйствовала съ наибольшимъ благоразуміемъ и умѣренностью.

Народъ повсюду, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, былъ доволенъ новымъ порядкомъ

вещей. Гнетъ олигархіи для него всегда тяжёла монархической власти, стоящей выше сословныхъ интересовъ. Бѣдные радовались тому, что большая часть общественныхъ расходовъ пала теперь на богатыхъ и зажиточныхъ въ видѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, коими облагалось ихъ имущество, производство и потребленіе. Въ Аѳинахъ съ землевладѣльцевъ первыхъ трехъ классовъ Солонъ взымалась $\frac{1}{20}$ годичнаго урожая ихъ полей. Не обременяя народъ податями, тиранны какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ, имѣли въ виду подъемъ промышленности и торговли и съ этою цѣлью предпринимали на государственнѣй счетъ обширныя сооруженія, возвышавшія спросъ на трудъ и его издѣлія, предпринимали морскія экспедиціи и завязывали прочныя сношенія съ отдаленными городами, чтобы содѣйствовать расширенію рынка для сбыта произведеній своей страны. Колоніи, основанныя Кипселомъ, обратили Амбракійскій заливъ въ киринское озеро, и обезпечили коринѣскимъ купцамъ свободный путь въ Сицилію. Экспедиціи, колоніи и дипломатическія сношенія Періандра (Duncker: Gesch. d. Altert. VI. 49) доставили Коринѣу господство надъ моремъ, отдѣлявшимъ Грецію отъ Италіи и Сициліи. Коринѣскія вазы и монеты очутились въ гробницахъ Кампаніи, Этруріи, и Сициліи. Коринѣскій военный флотъ сообщалъ обязательную силу рѣшеніямъ Періандра въ качествѣ третейска гусудьи: на примѣръ, въ спорѣ Аѳинъ съ Митиленой. Колоссальная статуя Зевса въ

Олимпіи, пожертвованная Кинселомъ, и знаменитый ларець Кинсела, принесенный въ даръ въ Олимпію же его потомками, были въ глазахъ позднѣйшихъ Грековъ непререкаемымъ свидѣтельствомъ высокаго развитія пластики въ правленіе тиранновъ Коринѳа.

Еще важнѣе были заслуги аѳинской тиранніи. Пизистратъ укрѣпилъ за Аѳинами золотые рудники у Стримона во Фракіи, заботился объ улучшеніи сельскаго хозяйства, особенно о разведеніи маслинъ, составлявшихъ главный продуктъ аттической почвы. Подъему искусства, промышленности и благосостоянія рабочей массы содѣйствовали обширныя и дорогія сооруженія, возводимыя на счетъ казны во славу боговъ и на пользу народа. Пизистратъ началъ постройку храма въ честь Зевса Олимпійскаго величайшаго во всей Элладѣ, украсилъ гимназію въ Академіи, выстроилъ новую въ Ликеѣ, соорудилъ Одеонъ, аданіе для состязаній рапсодовъ и кивародовъ. Ему же принадлежитъ честь основанія первой публичной библіотеки въ Аѳинахъ, первой критической редакціи пѣсенъ Гомера, Гесіода и кикликовъ; при немъ возникла трагедія, какъ отличный отъ дионирамба родъ поэзіи. Его дѣти и преемники, Гиппія и Гипшархъ, продолжали покровительствовать искусствамъ и заботиться о просвѣщеніи народа. (Ю. Шварцъ въ своей Исторіи Демократіи (томъ 1) справедливо отфнжаетъ, въ упрекъ аѳинской демократіи, заслуги тиранніи въ дѣлѣ образованія народа).

Для нашей цѣли въ исторіи новой монархіи важны не культурныя ея заслуги, а влияние на политическое воспитаніе народа. Для справедливой оцѣнки этого влияния необходимо имѣть въ виду, что тираннія была не продолженіемъ развитія самодержавной городской общины, а попыткой преобразования ея въ новый типъ государственнаго строя, весьма отличный отъ того, который Греки именовали словомъ *πολις*. Вслѣдствіе того, что тираннія существовала недолго, черты новаго типа не успѣли опредѣлиться съ достаточной ясностью въ жизни и еще блѣднѣе отразились въ преданіи; но тѣмъ не менѣе онѣ заслуживаютъ нашего вниманія. Сопоставляя то, что извѣстно объ учрежденіяхъ, порядкахъ и правахъ древней монархіи, аристократіи и переходной эпохи борьбы сословій, не трудно видѣть, что тираннія повсюду застала въ населеніи общины стремленіе къ активному участию въ политической жизни, а въ высшихъ слояхъ его значительную умѣлость и сноровку въ управленіи. Лучшіе люди теперь не довольствовались правомъ почтительнаго совѣта царю, а народъ уже отвыкъ отъ безмолвнаго послушанія и страдательнаго повиновенія. Съ этой потребностью и привычкой разсуждать и опредѣлять надобно было считаться основателямъ новой монархіи. Для прочности ея необходимо было, чтобы новая власть пріобрѣла надежную точку опоры и создала для себя особый кругъ дѣятельности, по праву и съ выгодой изъятый отъ политическихъ—аппетитовъ и притязаній массы. Осно-

ватели тиранніи имѣли для себя точку опоры въ расположеніи и преданности низшихъ слоевъ народа, а для личной безопасности окружали себя тѣлохранителями. Постоянная, хотя и не многочисленная стража при особѣ правителя была новостью въ жизни общины, не знавшей не только арміи, но даже и милиціи. При благопріятныхъ условіяхъ такая стража можетъ вырасти въ постоянное войско, обособленное отъ народа и готовое къ услугамъ правителя. Въ Греціи дѣло до этого не дошло и когда новая монархія утратила расположеніе народа, у нея не оказалось подъ рукой силы, способной замѣнить его. Заботясь о благосостояніи и просвѣщеніи народа, тиранны противодѣйствовали развитію въ немъ охоты и умѣнья заниматься политикой. Пизистратъ оставилъ въ силѣ учрежденія и законы Солона, но умѣлъ устроить такъ, что какъ въ сенатѣ четырехсотъ, такъ и въ коллегіи архонтовъ большинство состояло изъ людей ему преданныхъ и покорныхъ (Thucid. VI. 54). Достичь этого было не трудно, заручившись расположеніемъ низшихъ классовъ, т. е. большинства избирателей, и страхомъ обуздывая противниковъ. Съ помощью архонтовъ и сената Пизистратъ держалъ въ рукахъ вѣче и не боялся его оппозиціи во внутреннемъ управленіи. Внѣшняя же политика, вѣроятно, была всецѣло дѣломъ его личного усмотрѣнія. Для своихъ экспедицій онъ не нуждался въ согласіи и содѣйствіи полноправныхъ гражданъ: деньги доставлялись 5%-нымъ налогомъ и пошлинами, а люди набира-

лись изъ четвертаго класса, не служившаго въ ополченіи. Украшая столицу, Пизистратъ принялъ мѣры къ предупрежденію стеченія въ нее празднаго и безпокойнаго люда. Онъ издалъ законъ противъ праздности; людей, не имѣвшихъ опредѣленныхъ занятій, онъ принуждалъ удаляться изъ города и заниматься земледѣліемъ. Еще суровѣе и энергичнѣе дѣйствовалъ въ этомъ же смыслѣ Періандръ, тираннъ коринѣскій. Онъ не только удалялъ изъ города людей безъ средствъ и занятій, но даже запретилъ всякаго рода общественныя собранія, общіе столы, воспитаніе юношества въ общественныхъ заведеніяхъ, конечно, въ расчетѣ предупредить сближеніе и соглашеніе между недовольными изъ высшаго класса. Онъ принялъ мѣры противъ скопленія богатствъ въ однѣхъ рукахъ, опредѣлилъ число рабовъ, свыше котораго имѣть было нельзя; преслѣдовалъ роскошь и расточительность. Ему было понятно, что и чрезмѣрное богатство и крайняя бѣдность равно служатъ источникомъ недовольства тѣмъ порядкомъ вещей, который не обезпечиваетъ богатымъ власти, а раззорившимся—наживы безъ труда. Онъ не бралъ податей, довольствуясь поплинами съ товаровъ, но за то и ничего не сдѣлалъ для привлеченія народа къ участию въ устроеніи и управленіи общины.

Выше, по поводу паденія древней монархіи, были указаны обстоятельства, дѣлавшія ее неужной и невозможной въ государствѣ, сложившіяся въ видѣ городской общины. Новая монархія, оставаясь въ предѣлахъ общины, об-

речена была на борьбу съ тѣми же препятствіями, но при худшихъ условіяхъ. Она имѣла смыслъ, пока общину раздирали смуты и партіи. Для управленія дѣлами во время мира вовсе не было нужды въ монархической власти, для которой въ случаѣ соглашенія и примиренія сословныхъ интересовъ не оставалось въ общинѣ ни опоры ни мѣста, ни цѣли. Новая монархія могла имѣть не временное, а постоянное значеніе лишь въ той мѣрѣ, въ какой ей удалось бы вывести государство изъ предѣловъ и строя городской общины. Попытки къ тому замѣтны въ политикѣ тиранновъ. Они не только основываютъ новыя поселенія, захватываютъ уже существующія, но принимаютъ мѣры къ тому, чтобы удержать и тѣ и другія въ тѣсной связи съ общиной, такъ чтобы послѣдняя сдѣлалась столицей государства, состоящаго изъ нѣсколькихъ частей, разрозненныхъ въ пространственномъ и соединенныхъ въ политическомъ отношеніи. Кипсель основываетъ по берегамъ Эмира и Акарианіи колоніи Амбракію, Анакторію и Левкаду и отдаетъ ихъ въ управленіе тремъ своимъ сыновьямъ. Періандръ икоряетъ Керкиру и отдаетъ ее также въ управленіе своему сыну. Другой изъ сыновей его основываетъ Потидею на полуостровѣ Палленѣ. Эпидавръ и Эгина также подчинились Періандру, такъ что Коринѣъ сталъ столицей государства, котораго владѣнія занимали обширную, хотя и не сплошную область. Въ томъ же направленіи шла политика Пизистрата. Имъ были основаны колоніи при устьѣ Стримона, приобрѣтена была

точка опоры для завоеваній въ Троадѣ (Сигей), подчинены Аѳинамъ острова Лемносъ, Демосъ, и Имбросъ. Всѣ эти пріобрѣтенія, будучи подъ властью Пизистрата, тѣмъ самымъ сохраняли живую и тѣсную связь съ Аѳинами. Такая политика тиранновъ въ случаѣ успѣха повела бы къ преобразованію городской общины въ государство болѣе сложнаго типа, состоящее изъ нѣсколькихъ общинъ, сочлененныхъ единствомъ верховной власти. Городъ-столица находился бы подъ властью царя, остальные города подъ властью его намѣстниковъ. Политическіе инстинкты и привычки массы были бы удовлетворены представленіемъ ей муниципальнаго управленія, хозяйства, обнимаващаго городъ и прилегающую къ нему область. Въ этой сферѣ было довольно дѣла для вѣча, думы и общинныхъ властей. Но сфера государственной жизни, обнимающая интересы и потребности всей области, а не одного города, естественно была бы изъята изъ вѣдѣнія общиннаго правительства, какъ собственное дѣло и поприще верховной государственной власти и органовъ, ей подручныхъ. Такимъ путемъ были бы примирены инстинкты, воспитанные общиной, съ потребностями мира и порядка въ отношеніяхъ между общинами. Впослѣдствіи, за тоже дѣло объединенія принимались Спарта, Аѳины, Фивы; и каждый разъ неудачно. Греческій городъ не хотѣлъ быть подъ властью другаго города, не хотѣлъ имѣть своимъ государемъ толпу, стекавшуюся на вѣче столицы. Объединеніе на условіяхъ равнаго подчиненія всѣхъ частей

однойъ верховнойъ власти, не отождествляющей себя ни съ одною изъ нихъ, имѣло болѣе смысла.

Долѣе всего существовала тираннія въ Сикіонѣ, опираясь на поддержку туземнаго населенія противъ потомковъ дорической дружины, господствовавшихъ до водворенія тиранніи. Черезъ сто лѣтъ династія Ореагоридовъ пресѣклась и съ ней вмѣстѣ прекратилась монархія; но порядокъ вещей, ею установленный, сохранялся еще въ продолженіи 60 лѣтъ. Періандръ коринѣскій пережилъ всѣхъ своихъ сыновей и передалъ власть племяннику своему, Псамметиху, который скоро палъ жертвою заговора, положившаго конецъ тиранніи въ Коринѣ. Кости тиранновъ были выброшены изъ гробницъ, дома ихъ разрушены, имущества конфискованы. Возстановлена была аристократія, но съ отмѣною привилегій рода Бакхиадовъ. Знатные роды въ Коринѣ составляли 8 филъ: каждая фила получила теперь право избирать ежегодно по 10 человекъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ управленіи или въ качествѣ членовъ сената (герусіи), или въ качествѣ притановъ. Членами герусіи были всѣ 80 выборныхъ отъ филъ; пританами по очереди дѣлались выборные отъ каждой филы, которымъ на время пританіи принадлежала исполнительная власть, предсѣдательство въ сенатѣ и предварительное обсужденіе всѣхъ дѣлъ, поступающихъ на рѣшеніе послѣдняго. Поставивъ цѣлью своей политики покровительствовать промышленности и торговлѣ, отдавъ богатству

предпочтеніе предъ знатностью, коринѣская олигархія съумѣла удержать въ повиновеніи средніе и низшіе классы, которые, довольствуясь свободой и покровительствомъ промышленности и торговлѣ, не домогались активнаго участія въ управленіи; до начала IV-го столѣтія незамѣтно здѣсь никакихъ признаковъ демократическаго движенія.

Въ Аѣинахъ сынъ и наслѣдникъ Пизистра-та, Гипсія, первыя десять лѣтъ (527—517) правилъ спокойно, продолжая начатое отцемъ расширеніе аѣинскихъ владѣній во Фракіи. Но около 515 г. аристократамъ сосѣдней съ Атикой Мегары удалось, съ помощью Спарты, возстановить свое господство. Мегара и Спарта стали точкою опоры для аѣинскихъ эмигрантовъ изъ знати, которые подъ руководствомъ Алкэонидовъ стали дѣятельно готовиться къ низверженію Гипсіи. Въ 514 году братъ Гипсіи, Гипшархъ, былъ убитъ заговорщиками, дѣйствовавшими изъ личной мести. Гипсія стала суровѣе и подозрительнѣе; послѣдовали конфискаціи и казни; тираннія стала оберегать себя, вызывая все большее и большее раздраженіе въ народѣ, что было кстати для аѣинскихъ эмигрантовъ, которые, живя на чужбинѣ, не покидали мысли о сверженіи тиранніи и о возвращеніи на родину. Аристократія вновь оказалась природнымъ и непримиримымъ врагомъ монархіи, которой не удалось ни уничтожить соперницу, ни привлечь ее на свою сторону. Окончательному ослабленію и подавленію аристократіи мѣшала близость греческихъ

государствѣ по мѣсту, по языку, племени и культурѣ. Недовольные легко достигали предѣловъ родины и легко находили пріютъ, покровительство и помощь на чужбинѣ, легко могли сноситься оттуда съ единомышленниками на родинѣ. Природа Греціи облегчала эмиграцію, а легкость эмиграціи дѣлала недовольныхъ болѣе стойкими и непримиримыми. Утративъ господство, аристократія въ Греціи не могла получить взаменъ его высокихъ ранговъ и титуловъ при дворѣ монарха, потому что въ государствѣ—городѣ нѣтъ мѣста для большаго и блестящаго двора. Аристократія отступила предъ тиранніей, но не примирилась съ ней; она выждала первыхъ признаковъ недовольства въ народѣ, чтобы вновь начать борьбу, которая повсюду въ Греціи кончилась паденіемъ тиранніи.

Во главѣ аѣинскихъ эмигрантовъ стоялъ богатый и могущественный родъ Алѣмэонидовъ, играющій видную роль въ исторіи Аѣинъ въ теченіи болѣе двухъ вѣковъ. Изъ этого рода происходили: Мегакль, знаменитый безпощаднымъ избіеніемъ сторонниковъ Килона, другой Мегакль, противникъ Пизистрата, Клисѣенъ, основатель демократіи въ Аѣинахъ, Перикль, ея довершитель, и Алкивіадъ, содѣйствовавшій въ значительной степени ея паденію. Алкмэониды всегда стояли особнякомъ среди остальной аѣинской знати и скорѣе ея уступили духу времени, старясь заручиться расположеніемъ буржуазіи. Теперь, собравъ вокругъ себя остальныхъ эмигрантовъ, Алкмэониды, имѣя вождемъ

Клисеена, вторглись въ Аттику, но потерпѣли сильное пораженіе (Herod. V, 62). Испытавъ неудачу въ битвѣ, они обратились къ дипломатіи и, пользуясь своимъ вліяніемъ въ Дельфахъ, устами Пифіи стали оказывать постоянное давленіе на Спарту, понуждая ее освободить Аѣны отъ тиранна. Спарта неохотно подчинилась этимъ внушеніямъ; только что передъ тѣмъ Гипсія заключилъ съ нею союзъ на условіяхъ признанія ея главенства, что и было верховною цѣлью спартанской политики въ VI вѣкѣ. Но наконецъ настойчивыя требованія дельфійскаго оракула вынудили Спарту взяться за оружіе, и Гипсія въ 509 году долженъ былъ, послѣ мужественнаго отпора врагамъ, покинуть Аѣны на всегда.

§ 23. *Преобразования Клисеена.* Сверженіе тиранніи вновь открыло просторъ для борьбы партій, о которой краткое и поверхностное извѣстіе сообщаетъ намъ Геродотъ (V, 66). Поводомъ къ борьбѣ были выборы архонтовъ на 508 годъ. Уничтоженіе единовластія не могло быть простымъ возстановленіемъ учреждений Солона, которыя оказались неспособными примирить враждебныя партіи и предупредить тираннію. Необходимость новыхъ преобразованій была очевидна; оставалось только рѣшить вопросъ о цѣли и направленіи ихъ. Но для рѣшенія этого вопроса исходъ выборовъ на 508 г. долженъ былъ имѣть сильное вліяніе: архонство было надежнымъ средствомъ для осуществленія плановъ и желаній каждой партіи. Соперниками на должность перваго архонта были Клисе-

еень и Исагора, вождь аристократіи, примкнувшей къ спартанскому войску во время осады Акрополя, гдѣ заперся Гяшпія. Побѣда осталась за Исагорой; но Клизеень привлекъ на свою сторону народъ, вѣроятно, обѣщаніемъ реформъ въ демократическомъ смыслѣ, и провель ихъ.

Коренной недостатокъ учрежденій Солона состоялъ въ томъ, что, отмѣнивъ привилегіи знати, они ничего не сдѣлали для ослабленія вліянія ея на массу. По прежнему аѣинское гражданство оставалось сомкнутымъ въ филы, фратріи и роды; по прежнему нельзя было принимать дѣятельнаго участія въ политической жизни иначе, какъ принадлежа къ извѣстному роду, фратріи и филѣ, гдѣ преобладающее вліяніе принадлежало знатнымъ родамъ, составлявшимъ первоначальное зерно этихъ корпорацій, хранившимъ ихъ уставы, обряды и преданія. Отодвинувъ и смиривъ аристократію, тираннія на время освободила поселянъ-избирателей отъ ея давленія и распоряжалась выборами по своему. Теперь аристократія вновь заняла свое мѣсто и успѣла доставить своему вождю наиболѣе важный постъ въ аѣинской общинѣ. Для проницательныхъ это было понятнымъ предзнаменованіемъ будущаго. Пока активныя политическія права предоставлены были только по-земельной собственности, пока земледѣльцы, группируясь по родамъ, фратріямъ и филамъ, были въ зависимости отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, до тѣхъ поръ нечего было надѣяться на водвореніе въ Аѣинахъ свободы и равен-

ства, сообразныхъ съ идей народовластія. Разрывъ, или, по крайней мѣрѣ, ослабленіе связей, соединявшихъ сельскіи людъ съ знатными родами,—вотъ что было необходимѣе всего для дальнѣйшихъ успѣховъ демократизма. Путь къ тому былъ уже проторенъ жизнью; Клизсѣенъ указалъ на него аѣинскому народу, и народъ послѣдовалъ его указанію.

Опираясь на поддержку народа и заручившись благословіемъ дельфійскаго оракула, Клизсѣенъ приступилъ къ новой группировкѣ аѣинскаго гражданства, болѣе соотвѣтствующей требованіямъ жизни и смыслу конституціи. Солонъ не коснулся четырехъ филъ, на которыя искони дѣлилось населеніе Аттики (гелеонты, гоппеты, эгикореи и аргады). Эти союзы, основанные частью на общности религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ, частью на общности происхожденія, не только существовали въ жизни,—но и принимались въ соображеніе государствомъ, которое знало каждаго гражданина какъ члена филы, фратріи и рода. Сомкнутые по родамъ и филамъ, или колѣнамъ, граждане принимали участіе въ избраніи членовъ думы, въ составленіи гражданскаго ополченія; каждая фила посылала 100 членовъ въ думу и составляла особый отрядъ въ войскѣ. Тѣ понятія и чувства, на которыхъ первоначально было основано объединеніе людей въ роды, фратріи и филы, ко времени Клизсѣена уже утратили свою силу надъ умами, ибо кровныя связи смѣнились гражданскими отношеніями, а родовая религія, состоявшая въ поклоненіи предкамъ,

*

стала уступать свое мѣсто религіи, такъ сказать, общенародной, обожавшей очеловѣченныя силы природы. Очень часто случается въ политической исторіи, что учрежденія и порядки переживаютъ понятія и чувства, первоначально ихъ породившія, находя для себя поддержку то въ косности привычки, то въ новыхъ интересахъ и потребностяхъ, возбужденныхъ жизнью. Но аѳинскія филы очутились въ прямомъ противорѣчій съ новыми потребностями жизни. Пока государство признавало за филами политическое значеніе и принимало въ соображеніе принадлежность къ нимъ, до тѣхъ поръ аѳинскимъ гражданиномъ считался только членъ филы. Для всѣхъ, кто не принадлежалъ къ одной изъ филъ по праву рожденія или усыновленія, былъ закрытъ доступъ въ число аѳинскихъ гражданъ. Филы были учрежденіемъ исконнымъ, возникшимъ еще въ эпоху родового быта, и онѣ вмѣщали въ себѣ древнѣйшій слой населенія Аттики, бывшій по преимуществу земледѣльческимъ. Рядомъ съ этимъ населеніемъ въ Атикѣ образовался постепенно другой слой, состоявшій изъ переселенцевъ, искавшихъ въ Аѳинахъ убѣжища и заработка, изъ отпущенныхъ на волю рабовъ. Этотъ младшій слой населенія, не принадлежа къ филамъ и родамъ, не могъ войти въ составъ аѳинскаго гражданства. Трудясь и богатѣя на почвѣ и подъ защитой государства, связанный съ послѣднимъ своими экономическими интересами, этотъ классъ людей въ то же время чувствовалъ себя чуждымъ ему въ политическомъ от-

ношеніи, ибо былъ устраненъ отъ всякаго участія въ направленіи и устройствѣ государственной жизни. Какъ люди, занятые по преимуществу торговлей и промышленностью, переселенцы (метеки) и отпущенники по всеѣмъ своимъ насущнымъ потребностямъ и стремленіямъ были враждебны преобладанію земельной аристократіи, могли образовать противовѣсъ ей и, войдя въ составъ гражданства, усилить въ немъ элементъ демократическій. Но ввести ихъ въ число гражданъ можно было не иначе, какъ измѣнивъ группировку населенія и отнявъ у четырехъ родовыхъ филъ всякое значеніе въ государственной жизни. Союзы, подобные родамъ и филамъ, заставляють население страны, особенно сельское, тяготѣть къ знатымъ и древнимъ фамиліямъ, стоящимъ во главѣ родовъ, и подчиняють его вліянію этихъ фамилій, пользуясь которымъ, послѣднія могутъ руководить выборами и вводить въ составъ правительства тѣхъ, кто готовъ содѣйствовать видамъ и желаніямъ аристократіи. Аристотель вѣрно замѣтилъ, что въ числѣ средствъ, способствующихъ усиленію демократіи, не послѣднее мѣсто занимаетъ образованіе такихъ общественныхъ группъ, въ которыхъ все классы населенія были бы перемѣшаны между собою, а равно и разрушеніе старинныхъ связей и привычекъ (Polit. 1319=6, 2, 9). Прежнія четыре филы, какъ учрежденіе стародавнее, прочно укоренившееся въ привычкахъ народа, не могли быть уничтожены сразу посредствомъ закона. Онѣ продолжали существовать, но не

принимались болѣе въ соображеніе государствомъ. Въмѣсто родовыхъ и религіозныхъ связей въ основу новой группировки общества, введенной Клисѣеномъ, были положены связи и отношенія територіальныя. Жители даннаго околотка, деревни или города вслѣдствіе, сосѣдства, сходства въ образѣ жизни и занятіяхъ, зависящихъ отъ мѣстныхъ условій, вслѣдствіе постоянныхъ сношеній другъ съ другомъ, сами собой безъ всякихъ правительственныхъ мѣропріятій сплачиваются въ одну группу, члены которой въ нѣкоторыхъ случаяхъ готовы дѣйствовать согласно, понимаютъ и сочувствуютъ другъ другу скорѣе и легче, чѣмъ членамъ другихъ группъ, живущихъ въ другомъ околоткѣ. Такой естественной группой, возникшей изъ сосѣдства и сожительства, былъ въ Аттикѣ демъ (*δῆμος*), обнимавшій, во первыхъ, участокъ территоріи или округъ, во вторыхъ, населеніе, живущее, имѣющее осѣдность въ этомъ участкѣ. Одна или нѣсколько сосѣднихъ деревень или мѣстечекъ съ прилегающими къ нимъ полями и угодьями составляютъ у насъ волость, какъ низшую политическую единицу, въ Аттикѣ приблизительно тоже самое разумѣлось подъ словомъ *δῆμος*. Число такихъ демовъ въ Аттикѣ ко времени Клисѣена было на столько значительно, что изъ нихъ можно было образовать сто (впослѣдствіи было 174) административныхъ единицъ. До Клисѣена жители — сосѣди по мѣсту, какъ бы ни были значительны ихъ общія нужды и тѣсны взаимныя связи, въ смыслѣ государственномъ и въ глазахъ прави-

тельства не составляли одной группы. Не смотря на сосѣдство по мѣсту, они могли принадлежать къ различнымъ родамъ и филамъ, и въ такомъ случаѣ государство смотрѣло на нихъ, какъ на членовъ различныхъ группъ. Наоборотъ, родичи и филеты, хотя бы и жили въ разныхъ мѣстахъ, въ извѣстныхъ случаяхъ принимались за членовъ одной корпораціи. Такимъ образомъ, явилась двойственность въ распредѣленіи населенія; происхожденіе, религія, преданія и участіе въ правахъ и повинностяхъ соединяли людей въ роды, фратріи и филы, тогда какъ повседневная жизнь съ ея насущными потребностями и влеченіями стягивала тѣхъ же людей въ волости или демы. Разница была въ томъ, что старинное распредѣленіе населенія основывалось на понятіяхъ и чувствахъ, все болѣе и болѣе слабѣвшихъ въ сознаніи народа; тогда какъ новое имѣло въ виду интересы, которымъ предъстояла будущность. Принявъ демы за основную административную единицу, Клисѳенъ сдѣлалъ новый шагъ къ полному освобожденію государства отъ преданій и обычаевъ родового быта.

Основные черты въ устройствѣ дема, какъ простѣйшей административной и политической единицы аѳинскаго государства, были слѣдующія¹⁾.—Въ составъ дема, обнимавшаго дан-

¹⁾ Новѣйшее и самое обстоятельное изслѣдованіе объ аттическихъ демахъ—Haussoulier: *La vie municipale en Attique*. Paris. 1884. *Ред.*

ный участокъ, входили все граждане, имѣвшіе постоянную осѣдность въ этомъ участкѣ и на этомъ основаніи разъ навсегда приписанные къ нему. Число ихъ было не велико, если принять въ расчетъ только совершеннолѣтнихъ гражданъ мужскаго пола (среднимъ числомъ около 100 человекъ). Съ перемѣной мѣстопробыванія связь съ демомъ не прекращалась: гдѣ бы ни жилъ аѳинскій гражданинъ, онъ всегда числился въ томъ демѣ, къ которому былъ приписанъ первоначально. Это прикрѣпленіе къ дему сказывалось въ официальномъ обозначеніи гражданина, состоявшемъ изъ собственнаго имени даннаго лица, имени отца его и имени дема, въ спискахъ коего это лицо числилось; напр., Περικλῆς ὁ Ἐχινθίου Χολαργεύς т. е. Периклъ сынъ Ксанѳиппа изъ дема Холарга. Демы назывались иногда по имени поселеній, бывшихъ ихъ центромъ, напр., Мараѳонъ, Элевсинъ, Ахарны; иногда по имени рода, стоявшаго нѣкогда во главѣ жителей даннаго округа: напримѣръ, Бутады, Филаиды и т. п. Кромѣ сожителства по мѣсту всехъ демотовъ, т. е. членовъ даннаго дема, соединяли и роднили между собой нѣкоторыя права, принадлежавшія только имъ и не простиравшіяся на тѣхъ гражданъ, которые, хотя и жили постоянно въ предѣлахъ этого дема, но не числились въ его спискахъ, будучи первоначально приписаны къ другому. Такими правами были: а) право участвовать на вѣчѣ или мірскомъ сходѣ дема, подавать свой голосъ, быть избираемымъ; этого права не могли получить граждане, проживав-

ше въ демѣ, но не приписанные къ нему; b) право владѣть землей и усадьбой, не платя подати, взыскиваемой съ обывателей; c) свобода отъ податей и повинностей, которыя оплачивались демомъ сообща на счетъ доходовъ и взносов, поступавшихъ въ казну дема. Эти права выдѣляли демотовъ (т. е. членовъ данаго дема) изъ всего остальнаго гражданства и роднили ихъ между собой даже и въ томъ случаѣ, когда они расселялись по разнымъ мѣстамъ и переставали быть сосѣдями. Каждый демъ имѣлъ свое имущество, которое отдавалось въ аренду, свои капиталы, отдаваемые въ ростъ,—и доходами съ имущества и капиталовъ покрывались расходы дема; бюджетъ составлялся въ началѣ года, и администрація дема должна была отдавать отчетъ въ исполненіи его предъ выборными изъ демотовъ. У каждаго дема были свои храмы и празднества, поглощавшія значительную часть доходовъ, такъ какъ при этомъ на счетъ общинной казны приносились жертвоприношенія и предлагалось даровое угощеніе демотамъ. Во главѣ дема стоялъ демархъ, избранный всѣми демотами на мѣсяцъ сродѣ. Онъ завѣдывалъ имуществомъ дема, созывалъ сродѣ, составлялъ и хранилъ списки демовъ, былъ представителемъ дема въ сношеніяхъ съ государственной властью и руководителемъ его во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся собственной жизни дема. Кромѣ поголовной переписи всѣхъ демотовъ, въ каждой волости былъ списокъ гражданъ, имѣющихъ право участвовать въ аѣнскомъ вѣчѣ. Никто не

могъ быть аѳинскимъ гражданиномъ, не будучи приписанъ къ одному изъ демовъ, и аѳинскій народъ въ началѣ очень скупо удѣлялъ право гражданства чужеземцамъ (не иначе, какъ послѣ двукратнаго голосованія на вѣчѣ). Всѣ должностныя лица дема выбирались на сходѣ и были отвѣтственны предъ нимъ по окончаніи срока своей службы. Каждый демъ представлялъ маленькую общину, самостоятельную во всемъ, что касается мѣстныхъ нуждъ, и подчиненную центральному правительству во всемъ, что касается общегосударственной жизни. Къ участию въ этой общинѣ, а чрезъ нее и въ государствѣ, были допущены всѣ, кто жилъ осѣдло въ данномъ околоткѣ безъ различія происхожденія, религіи или сословія. Устранивъ родовые союзы отъ политической жизни, Клисѳенъ могъ теперь безпрепятственно допустить къ ней всѣхъ, кто покинувъ родину, навсегда поселились въ Аттікѣ и могли быть ей полезны своими знаніями и искусствомъ, или изъ рабовъ стали свободными въ самой же Аттікѣ. Посредствомъ дарованія правъ гражданства чужестранцамъ и вольноотпущеннымъ (Aristot. Polit. p. 1275, = 3, 1, 10) Клисѳенъ преобразовалъ составъ аѳинскаго гражданства, введя въ него людей, не имѣвшихъ поземельной собственности, жившихъ торговлей и ремесломъ, чуждыхъ стариннымъ преданіямъ и воззрѣніямъ сельскаго населенія и представлявшихъ собою элементъ демократической, воспріимчивый къ новизнѣ, прогрессивный въ нынѣшнемъ смыслѣ слова. Этимъ путемъ онъ ослабилъ силы приверженцевъ ари-

стократіи и укрѣпилъ преобладаніе демократической партіи.

Нѣсколько демовъ составляли болѣе сложную группу, или единицу, именно филу. Прежнія филы были родовыми, новыя—мѣстными. Предшествующая исторія Аттики обнаружила съ полною ясностью, что разнообразныя географическія условія этой страны, вызывая разницу въ занятіяхъ и образѣ жизни, содѣйствуютъ образованію въ разныхъ округахъ различныхъ политическихъ направленій и стремленій, раздробляющихъ населеніе на политическія партіи враждебныя другъ другу. Съ особенною силою обнаружилось это въ эпоху, предшествовавшую воцаренію Пизистрата. Въ виду этого необходимо было установить такое распредѣленіе населенія, которое препятствовало бы преобладанію мѣстныхъ интересовъ надъ общегосударственными. Этого можно было достигнуть, разъединивъ въ политическомъ отношеніи демы, которые находились въ сосѣдствѣ другъ съ другомъ и могли имѣть общіе интересы. Такъ и поступилъ Клисѳенъ при учрежденіи новыхъ филъ. Каждая изъ нихъ обнимала нѣсколько демовъ, но не сосѣднихъ, а лежащихъ въ разныхъ мѣстахъ государства. Такъ, напр. къ филѣ гипшоонтской принадлежали демы: Элевсинъ, Декелея и Пирей, удаленные другъ отъ друга на значительное разстояніе и разобщенные демами, входившими въ составъ другихъ филъ. Самый городъ Аѳины былъ раздѣленъ на нѣсколько демовъ, принадлежавшихъ къ различнымъ филамъ. Подобно прежнимъ,

новыя филы были поручены покровительству героевъ, имена которыхъ съ уваженіемъ хранила народная память, и по именамъ этихъ героевъ онѣ назывались: *Ερεχθίς, Αίγις, Πανδίωνίς, Λεοντίς, Ἀχαμαντίς, Οἰνήίς, Κεχροπίς, Ἰπποδο-
ωντίς, Αἰαντίς, Ἀντίοχίς*. Десять новыхъ филъ отнынѣ принимались въ расчетъ, когда дѣло шло о распредѣленіи политическихъ должностей и отбываніи военной службы. Каждая фила избирала изъ своей среды 50 членовъ въ думу, составъ которой былъ увеличенъ съ 400 до 500; почти всѣ правительственныя должности исполнялись въ Аѣинахъ не однимъ лицомъ, а коллегіями, обыкновенно состоявшими изъ 10 членовъ, по одному изъ каждой филы. Военныя силы и иностранныя сношенія вѣдались 10 стратегами, по одному отъ каждой филы; десять филарховъ командовали отрядами конницы; десять казначеевъ завѣдывали казной, хранившейся въ храмѣ Аѣины; десять членовъ составляли комитетъ, оцѣнивавшій достоинство драматическихъ произведеній, дававшихся въ театрѣ, и присуждавшій имъ почетныя награды. Во главѣ каждой филы стоялъ сановникъ, называвшійся попечителемъ (*ἐπιμελητής*) филы; ему принадлежало право созывать членовъ филы на собранія и руководить ими въ тѣхъ случаяхъ, когда фила принимала активное участіе въ общегосударственной жизни. Обращая вниманіе на то, какимъ образомъ было распредѣлено между демами и филами участіе въ общегосударственной жизни, мы видимъ, что на долю первыхъ выпало мѣстное самоуправ-

леніе, устройство порядковъ и удовлетвореніе нуждъ повседневной жизни, которыя бывали различны, смотря по мѣстнымъ условіямъ и обстоятельствамъ. Никто лучше жителей даннаго околотка, сосѣдей и знакомыхъ другъ съ другомъ, не можетъ понимать потребности жизни этого околотка и изыскивать средства къ ихъ удовлетворенію. Но если бы этотъ околотокъ былъ призванъ, какъ особое цѣлое, къ дѣятельному участию въ политикѣ, въ направленіи общественныхъ силъ и средствъ; то онъ былъ бы очень податливъ къ искушенію судить о дѣлахъ всего государства съ точки зрѣнія своихъ мѣстныхъ выгодъ и нуждъ. Напротивъ, когда къ участию въ правительственной власти и общей политикѣ былъ призванъ не дѣмъ, а фила, группа демовъ, разъединенныхъ и разобщенныхъ другъ отъ друга, то этого вліянія мѣстной ограниченности и узости на политикѣ государства не могло быть, по крайней мѣрѣ въ значительной степени. Соединеніе демовъ въ филы парализовало борьбу мѣстныхъ интересовъ и выдѣляло ихъ вліяніе изъ общегосударственной жизни.

Преобладаніе города надъ землею, столицы надъ областью, опасное для каждаго государства, является гибельнымъ для небольшихъ республикъ. Гдѣ верховная власть принадлежитъ большинству вѣча, гдѣ вѣче собирается всегда въ столицѣ, тамъ городское населеніе весьма легко присвоиваетъ себѣ львиную долю власти и пользуется ею для выгодъ столицы въ ущербъ остальной странѣ. Сохранить за

столицею значеніе политическаго, культурнаго и экономическаго центра и въ тоже время предупредить обособленіе этого центра отъ остальной области; облегчить живой обмѣнъ товаровъ, идей и потребностей и въ тоже время предупредить тунеядство столицы на счетъ области,—такова задача, удачное разрѣшеніе которой составляетъ настоятельную потребность для республикъ. Эта задача была прекрасно рѣшена Крисѳеномъ съ помощью приѣма классическаго по силѣ и простотѣ. Средоточіе аѳинскаго государства, Акрополь, съ его святилищами и архивами стоялъ особнякомъ, не принадлежа ни къ какому дему. Остальной городъ былъ раздѣленъ на нѣсколько демовъ, изъ которыхъ одни лежали цѣликомъ въ городѣ, другіе частью въ городѣ, частью въ предмѣстьяхъ, третьи, наконецъ, цѣликомъ въ предмѣстьяхъ. Всѣ эти городскіе и пригородные демы не составляли одной филы, а были распредѣлены между нѣсколькими, быть можетъ, даже между всѣми филами. Изображенія десяти героевъ—покровителей новыхъ филъ стояли въ столицѣ около пританея; мѣста собраній для филетовъ, архивы филъ находились также въ столицѣ. Каждая фила въ наиболѣе важныхъ случаяхъ своей жизни должна была тянуть къ столицѣ; нигдѣ, кромѣ послѣдней, не было поводовъ и условій къ образованію крупныхъ мѣстныхъ центровъ; антагонизмъ между областью и столицей въ этомъ направленіи былъ невозможенъ. Столица была мѣстомъ важнѣйшихъ религіозныхъ торжествъ и народныхъ

увеселеній; она была единственной ареной для состязанія политическихъ и художественныхъ дарованій; въ ней совершались всѣ важнѣйшія отправленія государственной жизни, чѣмъ и былъ обезпеченъ живой обмѣнъ продуктовъ и силъ между областью и столицей. Но послѣдняя никогда на аренѣ политической жизни не выступала съ характеромъ особаго цѣлаго. Каждый изъ столичныхъ демовъ имѣлъ своего демарха, казначея, имѣлъ свои собранія и дѣла, но цѣлый городъ не имѣлъ ни своего представителя, ни своей администраціи, ни своихъ собраній и дѣлъ отличныхъ отъ общегосударственныхъ.—Городъ Аѣины представлялъ сплошное цѣлое; въ этомъ цѣломъ жизнь пробуждала и воспитывала потребности и интересы, отличные отъ общегосударственныхъ. Противъ единства и особности, порождаемыхъ жизнью, Клисѣенъ не могъ ничего сдѣлать; но онъ не далъ мѣста этому единству въ политическомъ планѣ аѣинскаго государства, не создалъ орудій и средствъ для проявленія этого единства въ общемъ теченіи политической жизни и дальнѣйшая исторія Аѣинъ показала, что при обыкновенныхъ обстоятельствахъ этого совершенно достаточно для предупрежденія антагонизма между столицей и страной.

О демахъ и филахъ Клисѣена см. А. Hug; Studien aus dem classischen Alterthum. I Heft Freiburg 1881; L. Ross: Die Deme von Attica und ihre Vertheilung unter die Phylen. 1846; Henriot: Recherches sur la topographie

des dèmes de l'Attique Napoléon-Vendée 1853; Sauppe: De demis urbanis. Weimar. 1845.

Впослѣдствіи всѣ почти должности военныя, финансовыя и полицейскія исполняются въ Аѣннахъ коллегіями, состоявшими изъ 10 членовъ. Постоянное повтореніе этого числа указываетъ на то, что было какое-то побужденіе, располагавшее аѣинскій народъ именно къ дѣятельному составу органовъ управленія. Преданіе не даетъ никакихъ намековъ на это побужденіе, оно не отмѣчаетъ даже времени, когда была учреждена та или другая коллегія. Всего естественнѣе предположить, что числовой составъ административныхъ коллегій стоялъ въ связи съ числомъ филъ, устроенныхъ Клисѣеномъ. Правительство аѣинской общины состояло все изъ лицъ, избранныхъ народомъ. Избирательное право было предоставлено всему гражданству. Если гражданство дѣлилось на группы, единство и особность которыхъ существовали не только на бумагѣ, но и въ жизни; то справедливость требовала предоставить каждой группѣ право избирать отъ себя известное число лицъ въ составъ правительства. Такъ и поступилъ Солонъ. Учредивъ думу, онъ предоставилъ каждой изъ четырехъ филъ избирать въ нее 100 членовъ. Клисѣенъ измѣнилъ число филъ и число членовъ думы, но не нарушилъ основнаго принципа; каждая новая фила посылала отъ себя въ сенатъ 50 членовъ. Группировка членовъ сената соответствовала группировкѣ гражданства. Представители каждой филы по очереди были прита-

нами, и въ теченіи 35 или 36 дней составляли постоянную комиссію и распорядительное бюро сената. Въ теченіи дня группы находились постоянно въ особомъ зданіи (пританеѣ), здѣсь обѣдали на счетъ государства и были всегда готовы къ исполненію своихъ обязанностей.

Новое дѣленіе гражданства должно было вести не только къ перемѣнамъ въ сенатѣ, но и въ общинной администраціи. Преданіе приписываетъ Клизѳену учрежденіе *аподектовъ*, завѣдывавшихъ приѣмомъ суммъ, поступавшихъ въ казну. Учрежденіе новой должности было вызвано осложненіемъ государственнаго хозяйства. Въ тѣ отдаленныя времена, когда единственный доходъ правителей состоялъ въ дарахъ и приношеніяхъ подданныхъ, при царѣ находились особыя лица, колакреты, на обязанности которыхъ лежалъ приѣмъ такихъ приношеній и употребленіе ихъ на угощеніе царя и совѣтниковъ его. Къ добровольнымъ дарамъ присоединились впоследствии обязательныя судебныя пошлины, плата правителямъ за ихъ судъ и расправу. Затѣмъ, послѣ отмены царской власти и привлеченія демотовъ къ отбыванію военной повинности, въ казну кромѣ судебныхъ пошлинъ стали поступать деньги, слѣдовавшія на устройство флота. Приѣмомъ всѣхъ этихъ доходовъ завѣдывали все тѣже колакреты, число коихъ неизвѣстно: Съ введеніемъ ценза при Солонѣ для казны открылся новый источникъ доходовъ въ видѣ налога на имущество; отношенія государства къ имуществу гражданъ стали тѣснѣе и запутаннѣе.

Пизистратъ обложилъ гражданъ податью, сталъ употреблять на государственныя нужды доходы съ таможенъ и съ государственныхъ имуществъ. Поступленія въ казну становились все многочисленнѣе и разнообразнѣе. Для завѣдыванія ими понадобился новой органъ, который и былъ созданъ Клисѣеномъ въ видѣ коллегіи аподектонъ, состоявшей изъ десяти членовъ по одному отъ каждой филы.

По всей вѣроятности, Клисѣену же принадлежитъ и учрежденіе коллегіи *стратеговъ*, впоследствии получившей преобладающее значеніе въ аѣинской администраціи. Объ устройствѣ аѣинскаго ополченія до Клисѣена намъ ничего не извѣстно, кромѣ того, что команда надъ нимъ принадлежала архонту—полемарху. Стратеги, рядомъ съ полемархомъ упоминаются въ первый разъ Геродотомъ въ его описаніи мараѣонской битвы. Главнокомандующимъ надъ аѣинскимъ ополченіемъ въ этой битвѣ былъ по прежнему полемархъ (см. К. Люгебилъ: Историко-филологическія изслѣдованія); стратеги командовали дружинами одѣльныхъ филъ. Распредѣленіе ополченія на десять дружинъ стоитъ въ такой очевидной связи съ устройствомъ новыхъ, мѣстныхъ, филъ, что съ увѣренностью можно считать его дѣломъ Клисѣена. А въ такомъ случаѣ ему же всего вѣроятнѣе будетъ приписать и учрежденіе коллегіи *стратеговъ*, которые въ началѣ были подчинены полемарху, а впоследствии совершенно заслонили его и остальныхъ архонтовъ. Стратеги избирались народомъ, первоначально, быть можетъ,

каждой филой для ея собственной дружины. Они завѣдывали наборомъ и снаряженіемъ войска, оберегали миръ и безопасность гражданъ не только въ военное, но и въ мирное время, смотрѣли за соблюденіемъ военнаго устава и преслѣдовали за его нарушеніе. По легко понятной связи идей и отношеній, стратеги скоро сдѣлались представителями и посредниками аѳинскаго государства въ его сношеніяхъ съ сосѣдями и должность стратега стала завѣтной цѣлью честолюбивыхъ политиковъ. Съ учрежденіемъ ея коллегія архонтовъ скоро утратила свое первоначальное значеніе.

Кромѣ измѣненій въ составѣ и группировкѣ гражданства Клисѳену приписывается введеніе остракизма, или суда черепковъ, учрежденія весьма своеобразнаго и достойнаго вниманія того, кто желаетъ глубже проникнуть въ механизмъ политической жизни Аѳинъ. Судъ черепковъ происходилъ такимъ образомъ. Въ шестую притапію аѳинскаго гражданскаго года (притапія=десятая часть года въ 35 или 36 дней) т. е. приблизительно въ Январѣ, народу на вѣчѣ предлагался вопросъ: слѣдуетъ ли въ текущемъ году примѣнять судъ черепковъ? Если народъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ утвердительно, то въ восьмую притапію, т. е. въ мартѣ, собиралось вѣче, на которомъ должно было присутствовать не менѣе 6000 гражданъ, иначе постановленіе или приговоръ его не имѣлъ силы. Граждане раздѣлялись по филамъ; каждый изъ нихъ писалъ на черепкѣ имя того, чье присутствіе въ Аѳинахъ угрожало, по его

*

мнѣнію, общественному спокойствію и порядку и, перевернувъ черепокъ надписью внизъ, бросалъ его въ одну изъ урнъ, стоявшихъ въ центрѣ площади. По окончаніи подачи голосовъ архонты сосчитывали ихъ, и тотъ гражданинъ, имя котораго значилось на большинствѣ черепковъ, устроивъ свои частныя дѣла, по прошествіи 10 дней долженъ былъ удалиться изъ предѣловъ Аттики на десять лѣтъ. Если оказывалось, что число всѣхъ подававшихъ голоса было менѣе 6000, все дѣло оканчивалось ничѣмъ. Подвергшійся остракизму не лишался ни одного изъ своихъ гражданскихъ правъ кромѣ права пребыванія на родинѣ; его имущество и доходы оставались за нимъ, его гражданская честь не была умалена, и народъ, удалившій его изъ государства, могъ во всякое время отмѣнить свой приговоръ и возвратить изгнанника въ отечество. Изъ исторіи послѣдующаго времени извѣстно до 14 случаевъ дѣйствительнаго примѣненія остракизма, но изъ нихъ только въ двухъ срокъ изгнанія былъ сокращенъ народомъ. Остракизмъ существовалъ и въ другихъ городахъ Греціи, именно въ Аргосѣ, Милетѣ, Мегарѣ, ближайшей сосѣдкѣ Аѣнинъ, но какъ онъ происходилъ въ этихъ мѣстахъ,—въ подробностяхъ неизвѣстно.

Настоящій смыслъ своеобразнаго учрежденія долго оставался не понятнымъ. Аристотель (Polit. р. 1284=3, 8, 6) видитъ въ остракизмѣ лишь средство къ удаленію изъ государства тѣхъ лицъ, которыя по своему богатству, вліянію и числу приверженцевъ, возвышаются надъ

общимъ уровнемъ своихъ согражданъ. Въ этомъ удаленіи выдающихся лицъ можно видѣть дѣйствіе не только любви къ равенству, но и зависти, подозрительнаго страха къ превосходству и преобладанію. Такъ и думалъ Плутархъ, видѣвшій (Aristid. с X) въ остракизмъ не болѣе, какъ средство облегчить народъ отъ томящей его зависти. Истинное значеніе суда черепковъ въ политическомъ строѣ аѳинской демократіи будетъ для насъ понятно, когда мы разсмотримъ это учрежденіе въ связи съ обстоятельствами, изъ которыхъ оно возникло, прослѣдимъ его исторію и сопоставимъ его съ нѣкоторыми явленіями въ жизни конституціонныхъ государствъ новой Европы.

Въ продолженіи VI-го вѣка аѳинская община много разъ была раздираема борьбою партій, которая послѣ смуть и волненій приводила то къ кореннымъ преобразованіямъ государственнаго строя, (при Солонѣ и Клисѳенѣ), то къ насильственнымъ переворотамъ (тиранія), то къ междуусобицамъ и кровавой расправѣ (покушеніе Килопа, борьба Исагора и Клисѳена). Интересы, раздѣлявшіе гражданство на партіи, были всегда приблизительно тѣже, т. е. политическое преобладаніе однихъ и подчиненность другихъ; одинаковы были и способы борьбы, зачинщиками которой всегда были аристократы, выдѣлявшіеся изъ рядовъ своего сословія и вербовавшіе себѣ приверженцевъ отчасти между знатью, а болѣе въ народѣ. По мѣрѣ того, какъ расширялось участіе народа въ политической жизни, становилась все шире

и шире арена для борьбы и возрасало число людей, способныхъ быть орудіемъ въ рукахъ честолюбцевъ. Пока враждующіе интересы не примирились и не вошли въ равновѣсіе другъ съ другомъ путемъ взаимныхъ уступокъ, не было возможности предупредить образованіе партій и ихъ борьбу другъ противъ друга. Оставалось найдти средство, съ помощью котораго можно было бы сообщить этой борьбѣ правильное теченіе, не выступающее изъ предѣловъ законнаго порядка, и предупредить взрывы и насильственные перевороты.—Вѣрнѣйшимъ путемъ, если не къ предупрежденію, то къ смягченію борьбы политическихъ партій, служить такое распредѣленіе силъ между ними, при которомъ на сторонѣ одной былъ бы очевидный и рѣшительный перевѣсъ, дѣлающій для противниковъ необходимой уступку, хотя бы на время. Распредѣленіе силъ между партіями есть дѣло жизни, но не конституціи. Все, что можетъ и что должна сдѣлать конституція въ подобномъ положеніи вещей, ограничивается созданіемъ средствъ, съ помощью которыхъ въ самомъ разгарѣ борьбы партій можно было бы обнаружить съ полной очевидностью, на сторонѣ какой изъ нихъ большинство народа въ данную минуту и какъ велико оно. Въ конституціонныхъ государствахъ такимъ средствомъ служить вопросъ о довѣрїи къ министертву, разрѣшаемый въ представительномъ собраніи подачей голосовъ. Въ Аѳинахъ ту же самую роль въ политической жизни игралъ судъ черенковъ. Разница состоитъ въ

слѣдующемъ. Тогда какъ въ палатахъ новой Европы съ вопросомъ о довѣрїи обращается къ представителямъ народа партїя, уже стоящая во главѣ правительства; въ Аѳинахъ дѣло шло о заявленїи довѣрїя къ вождямъ партїи, помогавшимся стать во главѣ правленїя. Въ государствахъ новой Европы выраженїе недоувѣрїя имѣеть слѣдствїемъ смѣну министерства въ угоду оппозиціи, заступающей его мѣсто; въ Аѳинахъ оно влекло за собою совершенное удаленїе вождя партїи, потерпѣвшей пораженїе, съ попрїца политической жизни, чѣмъ очищалось свободное мѣсто для партїи, имѣвшей за себя большинство въ данную минуту. Когда порядокъ и спокойное теченїе политической жизни нарушились столкновенїемъ противоположныхъ направленїи и замысловъ, когда на политической аренѣ являлись два человѣка, пользовавшїеся влїянїемъ и увлекавшїе народъ въ пользу той или другой изъ двухъ противоположныхъ политическихъ программъ, аѳинскїе граждане по зову властей шли на вѣчевую площадь и тамъ безъ шума и волненїи опускали въ урны имена тѣхъ, кто казались имъ опасными для благосостоянїя и спокойствїя государства. Общее число аѳинскихъ гражданъ послѣ преобразованїи Клисѳена восходило до 20 или до 25 тысячъ. Но изъ нихъ далеко не все правильно посѣщали засѣданїя вѣча. Многихъ поселянъ, жившихъ на значительномъ разстоянїи отъ столицы, удерживалъ недосугъ; другїе были равнодушны къ зауряднымъ дѣламъ повседневнои политики и являлись на вѣчѣ лишь въ

тѣхъ случаяхъ, когда предстояло рѣшать важные вопросы. Обыкновенно число гражданъ, присутствовавшихъ на площади не доходило до 5000. Чтобы приговоръ, признавшій присутствие даннаго лица опаснымъ для государства и осудившій его на изгнаніе, имѣлъ силу всенароднаго приговора, необходимо было установить minimum того числа голосовъ, при которомъ опъ долженъ былъ считаться дѣйствительнымъ. Такой minimum и былъ назначенъ въ 6000, т. е. столько, сколько не бывало обыкновенно въ собраніи. Положимъ, что для подачи голосовъ являлось только 6000 гражданъ; остальные, не явившись, тѣмъ самымъ заявляли, что для нихъ тотъ или другой исходъ голосованія не имѣлъ большой важности, что они, стало быть, готовы подчиниться рѣшенію большинства на вѣчѣ и въ своемъ политическомъ поведеніи будутъ слѣдовать за вождемъ, въ пользу котораго выскажется это большинство. Вождь партіи, получившій въ свою пользу большинство изъ числа 6000, могъ рассчитывать на поддержку не только тѣхъ, кто подавали голоса въ его пользу (т. е. высказались противъ его соперника), а такихъ было болѣе 3000, но и тѣхъ, кто не подавали голоса противъ него, а равно и большинства тѣхъ, кто вовсе не явились на вѣчѣ. Такимъ образомъ, приговоръ черенковъ имѣлъ значеніе выраженія недовѣрія большинства гражданъ къ одному и довѣрія къ другому изъ вождей двухъ борющихся партій. Когда становилось очевиднымъ, на чьей сторонѣ большинство дѣя-

тельныхъ политическихъ гражданъ, борьба дѣлалась неумѣстной и напрасной. Побѣжденная партія, очутившись безъ главы, прекращала борьбу и вниманіе народа могло сосредоточиться, не отвлекаясь, на рѣшеніи насущныхъ вопросовъ дня.

Въ государствахъ, гдѣ законодательная и высшая административная власть находится въ рукахъ выборныхъ отъ народа, временемъ самой горячей и ожесточенной борьбы партій бываетъ періодъ, когда происходятъ выборы. Въ Аѣинахъ большинство правительственныхъ должностей вскорѣ послѣ Клизѣна стало замѣщаться посредствомъ жребія, устранявшаго всякую возможность соперничества и состязанія. Но нѣкоторыя, при томъ важнѣйшія должности (стратеги, казначеи) и впоследствии замѣщались по избранію. Быть въ числѣ стратеговъ значило не только командовать войскомъ, но вмѣстѣ быть руководителемъ народа на вѣчѣ и имѣть большое вліяніе на всю внѣшнюю политику. Понятно, что должность стратега была предметомъ самыхъ горячихъ желаній для тѣхъ, кто добивались преобладанія и власти. Каждый годъ около времени выбора стратеговъ въ Аѣинахъ борьба партій должна была разгораться съ особенной силой и всего тяжелѣе сказываться на текущихъ дѣлахъ и заботахъ государства. Всего болѣе кстати было именно въ эту минуту удалить съ арены одного изъ кандидатовъ въ вожди народа и тѣмъ облегчить спокойное теченіе выборовъ. Если бы можно было, доказать, что выборы въ стратеги про-

исходили весной (въ мартѣ), то было бы вполне понятно, почему вопросъ о примѣненіи остракизма ставился и рѣшался около января. Рѣшивъ вопросъ въ январѣ, можно было, до наступленія выборовъ въ мартѣ, обдумать и взвѣсить достоинства политической программы той и другой партіи, чтобы затѣмъ посредствомъ тайнаго голосованія обнаружить, на сторонѣ какой изъ нихъ стоитъ большинство народа.

Время реформъ Клисѳена можно опредѣлить приблизительно, принявъ 509 годъ, какъ исходную точку; но нельзя рѣшить, были ли все онѣ исполнены разомъ, или, что вѣроятнѣе, слѣдовали одна за другою на нѣкоторомъ разстояніи. Эти реформы освободили политическій строй аѳинской общины отъ вліяній стародавнихъ учрежденій и понятій, стѣснявшихъ дальнейшее развитіе его въ направленіи къ полной демократіи, онѣ сообщали стройный видъ и свободное выраженіе потребностямъ и нуждамъ населенія, обусловленнымъ сосѣдствомъ по мѣсту; онѣ обновили составъ аѳинскаго гражданства, принятіемъ въ него метековъ и вольноотпущенныхъ, и, наконецъ, вооружили народъ могучимъ средствомъ для предупрежденія наслія и кровавыхъ распрей между честолюбивыми соперниками въ политикѣ. Обновленный и возвышенный духъ гражданства обнаружился со всею силою въ борьбѣ Аѳинъ противъ коалиціи Спарты, Фивъ и Халкиды. Эта борьба слѣдовала тотчасъ за реформами Клисѳена и окончилась побѣдоноснымъ отраженіемъ про-

тивниковъ Аѳинъ на всѣхъ пунктахъ, показавшихъ, по словамъ Геродота, какое великое дѣло—свобода.

§ 24. Преобразованія Клизѳена облегчили и ускорили дальѣйшее развитіе демократизма въ Аѳинахъ, во первыхъ, тѣмъ, что усилили въ составѣ гражданства промышленный и торговый элементъ, а во вторыхъ, тѣмъ, что ослабили зависимость сельскаго населенія отъ знатныхъ фамилій, стоявшихъ во главѣ старинныхъ родовъ. Одно увеличило способность и склонность народа къ повизнамъ; другое—ослабило задерживающее вліяніе старыхъ преданій и обычаевъ. Движеніе дальше шло непрерывно и къ началу второй половины V-го вѣка закончилось полнымъ торжествомъ демократизма, послѣдовательнымъ осуществленіемъ демократической идеи во всемъ строѣ и жизни аѳинскаго государства. Недостатокъ источниковъ не позволяетъ намъ прослѣдить развитіе аѳинскихъ учрежденій въ періодъ времени между реформами Клизѳена и началомъ Пелопонесской войны. Исторія Геродота доводитъ рассказъ о войнѣ съ Персами до 476 года и очень скупа на извѣстія о внутреннихъ дѣлахъ аѳинской и другихъ общинъ; Фукидидъ въ первой книгѣ Исторіи пелопонесской войны (гл. 89—118) дѣлаетъ краткій очеркъ вѣдншихъ сношеній Аѳинъ за время отъ 479 по 431 годъ и ни единыхъ словомъ не намекаетъ на измѣненія въ ихъ строѣ и внутреннемъ бытѣ, случившіяся въ эту пору. Въ трагедіи Эсхила Эвмениды (458 г.) есть отголоски борьбы за права и власть ареопага,

но примѣтити и понять ихъ смыслъ очень трудно (ср. Эвмениды въ изданіи Отфрида Мюллера; также: W. Onken: Athen und Hellas. 1). Непосредственнымъ источникомъ для изученія этой эпохи служатъ для насъ: а) Историческая Библиотека Діодора Сицилійскаго, начиная съ XI кн. и б) рядъ біографій Плутарха: Θεμιστοκλῆς, Αριστιδῆς, Κίμων, и Περικλῆς. Существуетъ цѣлая литература о томъ, откуда заимствовали свои свѣдѣнія эти позднѣйшіе писатели и на сколько довѣрія заслуживаютъ ихъ показанія. (Ср. A. Smidt: Das Pericleische Zeitalter, Darstellung und Forschungen. I—II). Главная трудность заключается въ томъ, чтобы установить связь и опредѣлить смыслъ отдѣльныхъ мѣръ и реформъ, упоминаемыхъ преданіемъ. Для этого необходимо имѣть ясное представленіе о мотивахъ и цѣляхъ политическаго движенія и борьбы партій.

Съ началомъ V-го вѣка политическое развитіе греческихъ общинъ на время замедлилось вслѣдствіе борьбы съ Персами, занимавшей всѣ силы націи съ 490 до 476 г. Какъ извѣстно борьба эта кончилась полнымъ торжествомъ Грековъ, отстоявшихъ побѣдами при Марафонѣ (490), Саламинѣ (480), Платеяхъ и Микалѣ (479) свою независимость и оттѣснившихъ варваровъ отъ азійскихъ береговъ Средиземнаго моря. [О войнахъ съ Персіей см. Курціуса: Исторія Греціи, II, 1—84]. Въ промежутокъ времени отъ 490—480 г. въ жизни аѣннской общины произошли важныя перемѣны, связанныя въ исторіи съ именами Θε-

мистокла и Аристиды. До этой поры афинская община была, какъ по занятіямъ своего населенія, такъ и по направленію своей политики, въ сущности, земледѣльческою. Въ государственномъ хозяйствѣ первое мѣсто принадлежало земледѣлію; въ политикѣ преобладающее значеніе имѣли пужды и желанія землевладѣльцевъ. Морская торговля Афинъ была незначительна въ сравненіи съ торговлею ихъ ближайшихъ сосѣдей, Эгины и Коринѳа. Фалернская бухта, служившая гаванью для Афинъ, была неудобна по мелководію, отлогости и изменности берега. Военный флотъ Афинъ былъ также незначителенъ. При всей готовности служить освобожденію возставшихъ Іонянъ Малой Азіи, Афины могли послать имъ на помощь не болѣе 20 кораблей. Для войны съ Эгиной, вскорѣ послѣ Мараѳонской побѣды, они принуждены были занимать корабли у Коринѳа. По географическому положенію Аттики, омываемой съ трехъ сторонъ моремъ, для афинской общины открывалось болѣе простора къ расширенію своего господства на морѣ, чѣмъ на сушѣ. Стремленія къ мореплаванію и торговлѣ, какъ къ средствамъ наживы и обогащенія, довольно рано пробудились среди населенія Аттики. Торговцы, блуждающіе на корабляхъ въ надеждѣ вернуться домой съ барышомъ и не щадящіе своей души въ борьбѣ съ бурями и вѣтрами, упоминаются еще въ думахъ Солона, который и самъ въ молодости занимался торговлей. Но въ ту пору торговля была незначительна. Изъ сырыхъ произведеній Аттики можно

вывозить только оливковое масло; а вести торговлю произведениями искусствъ и ремеслъ было нельзя, потому что и то и другое въ самой Аттикѣ находились тогда на самой низкой ступени. Соперничество Мегары и Эгинны не давало свободы развиваться и этимъ слабымъ зачаткамъ аѳинской торговли. Началомъ ея расширенія было овладѣніе Саламиномъ послѣ упорной борьбы съ Мегарой. Приобрѣтеніе Саламина обезпечило берега Аттики отъ внезапныхъ нападеній. Съ началомъ тиранніи связано было расширеніе заграничныхъ сношеній Аѳинъ. Часть недовольныхъ воцареніемъ Пизистрата удалась подъ предводительствомъ Мильтіада изъ Аѳинъ, и около 560 г. основала колонію на Эракійскомъ Херсонесѣ, послужившею точкой опоры для торговаго и политическаго преобладанія Аѳинъ на берегахъ Эракіи по пути въ Черное море. Экспедиціи Пизистрата въ Наксосъ, Демось и Троаду свидѣтельствуютъ, что стремленіе къ морю не было подавлено тиранніей, а, напротивъ, находило въ ней поддержку и покровительство. Послѣ изгнанія Гиппій, Аѳинны овладѣли областью Халкиды на островѣ Эвбеѣ и закрѣпили ее за собою, основавъ тамъ колонію изъ 4000 бѣдныхъ гражданъ, получившихъ надѣлы изъ земель, взятыхъ у халкидской знати. Обладаніе Халкидой было очень важно для торговли Аѳинъ, ибо отдавало въ ихъ руки проливъ, отдѣляющій Эвбею отъ материка и бывшій важнымъ торговымъ путемъ. На пути своемъ къ торговому значенію Аѳинны встрѣтились съ опаснымъ соперникомъ, общи-

ной эгинской, занимавшей островъ того же имени, жители котораго отличались трудолюбіемъ и предприимчивостью. Соперничество скоро перешло въ открытую вражду, продолжавшуюся съ перерывами вплоть до покоренія Эгины Аѳинами. Въ началѣ борьбы Эгинеты, владѣя сильнымъ флотомъ, опустошали берега Аттики и держали въ блокадѣ аѳинскую гавань. Для охраны безопасности береговъ Аѳины пуждались во флотъ и принуждены были занять 20 кораблей у Коринѳа.—Война съ Эгиной, начавшаяся вскорѣ послѣ битвы мараѳонской, была ближайшимъ поводомъ къ преобразованію флота. Но кромѣ того, отъ взора людей дальновидныхъ не могла укрыться вѣроятность новаго нашествія Персовъ, а въ такомъ случаѣ было весьма важно съ помощью сильнаго флота затруднить высадку непріятеля и воспрепятствовать подвозу провіанта, безъ котораго отъ не могъ долго оставаться въ Аттикѣ. Таковы были обстоятельства и пужды времени, къ которому относится начало политической дѣятельностиThemistocles.

Прежде всего надобно было обезопасить Аѳины и ихъ гавань со стороны моря, и для этого, въ добавокъ къ каменнымъ стѣнамъ Акрополя соорудить другую живую и подвижную ограду изъ военныхъ кораблей. Въ полуостровѣ Пирей, лежащемъ къ западу отъ фалерской бухты, Аѳины имѣли превосходную гавань, правда не столь доступную со стороны города, какъ Фалерская, за то болѣе глубокою, отличною закрытую отъ вѣтра и защищенную

скалистыми холмами, которые легко было превратить въ сильную крѣпость. Естественныя удобства Пирея были поняты и оцененыThemistocle, и, по его предположенію, здѣсь была устроена военная и торговая гавань, защищенная стѣнами и снабженная мало по малу всѣмъ необходимымъ для постройки, снаряженія и храненія кораблей. Это случилось еще въ 493 г., въ то время, когда приготовленія Персовъ къ войнѣ съ Греціей были у всѣхъ предъ глазами. Война 490 года прервала на время планыThemistocle; но какъ только опасность была устраниена, онъ снова принялся за исполненіе ихъ. Необходимо было не только убѣдить народъ въ необходимости военнаго флота, но и найти средства для сооруженія его. ДоThemistocle снаряженіе военныхъ кораблей происходило такимъ порядкомъ. Ежегодно подъ надзоромъ сената на счетъ казны строилось нѣсколько кораблей, которые, при наступленіи войны оснащивались и снаряжались на счетъ гражданъ. Съ этой цѣлью вся Атика была раздѣлена сначала на 48, а со времени Солона на 50 округовъ, называвшихся *навкратіями*. Каждый округъ былъ обязанъ по требованію властей оснастить корабль, остовъ котораго онъ получалъ готовымъ, снабдить его экипажемъ и содержать въ исправности во все время войны. Снаряженіе и содержаніе кораблей было наиболѣе дорогой повинностью и падало лишь на гражданъ самыхъ богатыхъ, со времени Солона на пентакосіомедимновъ. Часть издержекъ на флотъ приходилась такимъ об-

разомъ на долю казны, другая падала прямо на гражданъ. Всякое значительное усиленіе флота было возможно лишь въ томъ случаѣ, когда средства казны расширились въ соответственной мѣрѣ, и за покрытіемъ другихъ расходовъ оставался свободный остатокъ. Доходы аѳинской казны составлялись изъ торговыхъ пошлинъ, изъ налоговъ, взимаемыхъ съ иностранцевъ, поселившихся въ Аттікѣ, и изъ арендной платы за пользованіе государственными имуществами. Податей аѳинскія граждане не платили въ обыкновенное время, и первое упоминаніе о нихъ относится лишь къ 428 году. Между государственными имуществами самымъ значительнымъ были лаврійскіе серебряные рудники, лежавшіе на южной оконечности Аттіки. Эти рудники и въ настоящее время занимаютъ около трехъ тысячъ рабочихъ, а, судя по остаткамъ древнихъ сооружений и приспособленій, число рабочихъ въ древности было еще болѣе значительно. Доходы съ нихъ дѣлились между гражданами въ томъ случаѣ, когда не было никакихъ чрезвычайныхъ издержекъ, и текущіе расходы покрывались обыкновенными средствами казны. Пользуясь тѣмъ, что, по удаленіи Персовъ послѣ марафонской битвы, началась война съ Эгиной, и потребнсть въ сильномъ флотѣ стала очевидной для всѣхъ,Themistokles убѣдилъ гражданъ отказаться отъ раздѣла доходовъ, получаемыхъ съ рудниковъ и употребить ихъ на сооруженіе военныхъ кораблей. Этимъ путемъ можно было строить по нѣскольку лишнихъ судовъ еже-

годно и постепенно довести флотъ до значительныхъ размѣровъ. Затѣмъ, въ минуту необходимости оставалось привлечь богатыхъ гражданъ къ издержкамъ для снаряженія кораблей, а бѣдныхъ къ службѣ на флотъ въ качествѣ гребцовъ и морскихъ солдатъ. Сравнительно легко была принята и приведена въ исполненіе мѣра, касавшаяся, по видимому, только обороны государства, а въ сущности глубоко измѣнявшая его строй и направленіе политики. По законамъ Солона четвертый классъ гражданъ (θῆτες), состоявшій изъ бѣднѣйшихъ земледѣльцевъ, всѣхъ вообще торговцевъ и ремесленниковъ, неимѣвшихъ поземельной собственности, былъ освобожденъ отъ военной повинности. вмѣстѣ съ тѣмъ этому классу была предоставлена наименьшая доля политическихъ правъ, которыя были распределены соразмѣрно повинностямъ, отбываемымъ гражданами. Но съ созданіемъ сильнаго военнаго флота явилась необходимость привлечь и оетовъ къ отбыванію военной повинности въ качествѣ гребцовъ и морскихъ солдатъ. Какъ скоро чрезъ это возвышался размѣръ повинностей, отбываемыхъ оетами, долженъ былъ, согласно съ общимъ началомъ и смысломъ солоновскихъ учрежденій, измѣниться рано или поздно и размѣръ правъ, предоставленныхъ оетамъ; иначе оказалась бы вопіющая несправедливость въ государственномъ порядкѣ. Но всякое расширеніе правъ четвертаго класса вело неизбѣжно къ тому, что центръ тяжести государственнаго строя перемѣщался изъ класса поземельныхъ собственни-

ковъ въ классъ торговцевъ и ремесленниковъ, которые составляли большинство остовъ. Такъ должно было случиться, потому что, по мѣрѣ возрастанія торговаго и ремесленнаго значенія Аѳинъ, должно было увеличиться не только число, но и богатство людей, занимавшихся торговлей и ремеслами, а число землевладѣльцевъ должно было скорѣе уменьшаться, чѣмъ возрасти, ибо область Аттики не расширялась и мелкія хозяйства постепенно поглощались крупными. Съ увеличеніемъ правъ и политическаго значенія остовъ долженъ былъ измѣниться самый характеръ аѳинской демократіи, потому что, съ уравненіемъ правъ движимой собственности съ поземельной, интересы и стремленія капиталистовъ и промышленниковъ должны были получить преобладающее значеніе какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ. Пока Аѳины оставались государствомъ по преимуществу земледѣльческимъ, ихъ будущность была ограничена весьма тѣсными предѣлами, зависѣвшими отъ природы страны и положенія сосѣдей Аттики (населеніе Беотіи съ Фивами во главѣ, а на западѣ Мегары и за ней Коринфа). Подвигаться впередъ нельзя было ни въ ту, ни въ другую сторону и для греческихъ общинъ территоріальныя пріобрѣтенія на счетъ сосѣдей были вообще дѣломъ очень труднымъ, какъ по природѣ страны, облегчавшей защиту и затруднявшей нападеніе, такъ и по горячей привязанности Грековъ къ автономіи ихъ родного города, влѣдствіе которой они никогда не мирились съ под-

*

чиненіемъ другому городу, тѣмъ болѣе, что по самому устройству греческихъ общинъ это подчиненіе всегда принимало жестокія формы подданства не государю, стоящему надъ всѣми, а массѣ подь-часъ ничѣмъ не возвышающей-ся надъ тѣми, кто зависѣлъ отъ нея. Вслѣдствіе затруднительности роста Аѳинамъ, пока онѣ были государствомъ земледѣльческимъ, оставалось заботиться объ охраненіи своихъ границъ, что было не трудно по самому устройству ихъ (горы и море), о сохраненіи порядка и справедливости внутри государства, что также облегчалось незначительностью размѣровъ и однородностью состава его, такъ какъ въ Аттікѣ не было ни гелотовъ, ни періэковъ, усложнявшихъ задачу спартанскаго правительства.

Совеѣмъ другой видъ принимало дѣло въ случаѣ осуществленія плановъThemistocle. Сдѣлавшись сильной морской и торговой державой, Аѳины, въ видахъ покровительства своей торговлѣ и промышленности, должны были расширять предѣлы, если не области своей, то вліянія, преобладанія по всѣмъ островамъ и берегамъ морей, доступныхъ греческимъ мореплавателямъ. Для этого нужно было занимать и удерживать за собою важные торговые пункты въ отдаленныхъ краяхъ, вступать въ сношенія, поддерживать миръ или вести войну съ различными племенами и государствами, которыя соприкасались съ предѣлами области аѳинскихъ интересовъ. Все это въ высшей степени усложняло задачи внѣшней политики, требовало постоянного и высокаго напряженія силъ государ-

ства, давало больше поводовъ къ затрудненіямъ и раздорамъ внутри еѳо, тѣмъ болѣе, что новое направленіе государственной жизни и политики очевиднымъ образомъ совпадало лишь съ интересами промышленниковъ и торговцевъ, но не земледѣльцевъ, которые, по предначертаніямъ Солона, должны были служить главнымъ устоемъ аѳинской демократіи. Всѣ эти послѣдствія мѣръ, предлагаемыхъ Ѳемистокломъ, не трудно было предвидѣть и въ то время, ибо они логически вытекали другъ изъ друга и открывались изъ примѣра другихъ греческихъ общинъ, шедшихъ по тому же пути, на который указывалъ теперь Ѳемистоклъ Аѳинамъ. Понятно, что вопросъ о сооруженіи флота, новидимому чисто военный, вызвалъ горячіе споры и раздѣлилъ гражданъ на двѣ партіи, изъ коихъ одна готова была слѣдовать за Ѳемистокломъ, другая предпочитала остаться вѣрной старымъ преданіямъ, завѣщаннымъ Солономъ. Во главѣ этой второй партіи, состоявшей изъ землевладѣльцевъ, стоялъ Аристидъ, и, пользуясь своимъ нравственнымъ вліяніемъ, оказывалъ сильное сопротивленіе планамъ Ѳемистокла. Подробности этой борьбы неизвѣстны въ точности, но можно думать, что она возгоралась каждый годъ съ особенной силой въ тотъ моментъ, когда приходилось рѣшать вопросъ о бюджетѣ на флотъ, о числѣ кораблей, которые требовалось построить въ этомъ году, и объ употребленіи денегъ, вырученныхъ за аренду рудниковъ. Всѣ эти вопросы обсуждались сначала въ думѣ, потомъ въ народномъ

собраніи, приче́мъ былъ полный просторъ для споровъ, возраженій и проволочекъ.

Борьба партій раздвоила гражданъ и ослабляла силы общины въ то самое время, какъ съ востока вновь надвигалась грозная туча на Элладу. Новый повелитель Персіи, Ксерксъ, вступившій на престолъ въ 485 году, продолжалъ въ громадныхъ размѣрахъ приготовленія къ войнѣ съ Греками, начатыя еще Даріемъ Гистаспомъ. Въ виду этой опасности, грозившей болѣе всего Аѳинамъ, здѣсь все́ми чувствовалась необходимость сосредоточить все́ усилія на приготовленіяхъ къ оборонѣ и положить конецъ разногласію и распрямъ. Судъ черенковъ былъ примѣненъ въ 483 году, и большинство гражданъ высказалось въ пользу политики Эмистокла, съ вѣрнымъ тактомъ отдавъ предпочтеніе политическому генію предъ высокой нравственной доблестью. Въ этомъ приговорѣ, рѣшившемъ для Аѳинъ поворотъ отъ континентальной политики къ морской, осязательно сказались послѣдствія реформъ Клисѳена, принявшаго въ число гражданъ метековъ и вольноотпущенныхъ, которые, по роду своихъ занятій и интересовъ были естественными союзниками Эмистокла. Аристидъ удалился изъ предѣловъ Аттики, и его соперникъ, никѣмъ ни стѣсняемый, могъ привести въ исполненіе свои широкіе планы. Воюя съ Эгиптой, Аѳины должны были заимствовать у Коринѳянъ 20 кораблей, а нѣсколько лѣтъ спустя въ 480 году, они могли выставить 200 военныхъ кораблей, имѣли военную гавань и обширныя приспособленія

для флота. вмѣстѣ съ этимъ былъ уничтоженъ и прежній способъ снаряженія флота. Навкраріи были уничтожены и снаряженіе кораблей было возложено на всѣхъ гражданъ, которыхъ имущество превышало опредѣленный уровень (около 4500 руб. серебр.), при чемъ не дѣлалось различія между землевладѣльцами и капиталистами, такъ что и послѣдніе были причислены къ пантакосіомедимнамъ, коль скоро ихъ доходы съ капиталовъ (считая по 12%) превышали 500 драхмъ. Этимъ было положено начало уравниню движимой собственности въ правахъ съ поземельной; теперь уравненіе простиралось только на обязанности, но скоро оно перешло и на права. Къ службѣ на флотѣ были привлечены и бѣднѣйшіе граждане, принявшіе отнынѣ паравиѣ съ прочими участіе въ защитѣ отечества. Аѳины изъ континентальной державы, стѣсненной узкими предѣлами, превратились въ морскую, способную раздвигать границы своей торговли и политическія вліянія до весьма значительныхъ размѣровъ. Когда въ военномъ совѣтѣ, въ ночь предъ саламинской битвой, въ лице Темистоклу былъ брошенъ упрекъ, что онъ, какъ человекъ безродный и не вѣдающій своего города (Аѳины были покинуты гражданами и сожжены врагами), не имѣетъ права голоса; вождь аѳинскаго ополченія могъ съ полнымъ правомъ отвѣтить, указывая на 200 кораблей, „вотъ здѣсь всѣ Аѳины; онѣ безъ города и государства могущественнѣе всѣхъ васъ“ (т. е. остальныхъ союзниковъ). Саламинская побѣда и вся послѣдующая исторія

Аѳинѣ вплоть до паденія ихъ морскаго могущества была лучшимъ оправданіемъ политики Ѳемистокла, къ которому сурово и неблаго-склонно отнесся историкъ персидскихъ войнъ, не воздавъ ему должнаго.

§ 25. По свидѣтельству Геродота, Аѳины всего болѣе сдѣлали для спасенія эллинской свободы и образованности отъ варваровъ, и лучшая доля побѣды, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ, досталась имъ. Аттика была дважды разорена врагами, ея столица дважды сожжена ими, хозяйство земледѣльцевъ было разстроено; правильное теченіе политической и общественной жизни было прервано поголовнымъ выселеніемъ гражданъ изъ Аттики въ 480 и 479 годахъ; но все это не сломило крѣпости народнаго характера, не ослабило мужества и предпріимчивости народа и съ избыткомъ вознаградилось возвышеніемъ значенія и вліянія Аѳинъ въ глазахъ демократической партіи во всѣхъ городахъ Греціи. Вслѣдствіе вялой, эгоистической и близорукой политики Спарты, надмешности и чистолюбія ея царя Павсанія, стоявшаго во главѣ союзнаго ополченія, предводительство въ войнѣ съ Персами перешло отъ Спарты къ Аѳинамъ въ 476 году, когда, по изгнаніи варваровъ изъ Европы, надлежало отъ обороны перейти къ наступленію и очистить отъ Персовъ берега и воды Эгейскаго моря, освободить изъ подъ ихъ власти греческія города въ Малой Азіи. Аѳины, ставъ во главѣ союза, организовали его военныя и финансовыя средства, и къ 469

году заставили Персовъ отойти отъ береговъ Средиземнаго моря въ глубь материка, очистить греческія воды и отказаться отъ господства надъ малоазійскими колоніями. Мало по малу делосскій союзъ превратился въ имперію аѳинскую; союзники изъ равноправныхъ и независимыхъ членовъ союза стали подданными Аѳинъ; подати и взносы, поступавшіе съ нихъ въ аѳинскую казну, сдѣлались главнымъ источникомъ доходовъ аѳинской общины, дали средства къ украшенію города и къ вознагражденію гражданъ за ихъ службу государству; усмиреніе непокорныхъ, умиротвореніе и посредничество между партіями въ подвластныхъ городахъ доставило обильную пищу для политическихъ склоностей и вкусовъ аѳинскихъ гражданъ, и все это вмѣстѣ повело сначала къ быстрому развитію и процвѣтанію аѳинской общины, какъ въ политическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніи, а потомъ и къ быстрому упадку и разложенію ея.

Аѳины были разорены дважды: сначала Ксерксомъ, потомъ Мардоніемъ (479 г.), и по удаленіи Персовъ послѣ Платейской битвы представляли лишь груды развалинъ. Первымъ долгомъ гражданъ, съ разныхъ мѣстъ возвратившихся въ своей родной городъ, было возобновленіе стѣнъ, служившихъ оградой для всѣхъ. Въ виду препятствій, грозившихъ со стороны Спарты, стѣны были выстроены на скорую руку изъ обломковъ и нетесанныхъ камней. Ихъ значительная окружность (свыше семи верстъ) давала возможность укрыться за

ними въ случаѣ осады не только столичному, но и сельскому населенію. Въ 460 году начаты были Долгія Стѣны, соединившія Пирей съ Аѣнами и превратившія оба города въ одну крѣпость, въ оградѣ которой могло затвориться все населеніе Аттики въ случаѣ нападенія врага съ суши, а съ моря Аѣны, благодаря сильному флоту, не боялись нападенія.

Ставъ во главѣ делосскаго союза, Аѣны воспользовались своимъ положеніемъ и средствами для расширенія сферы своего господства, какъ торговаго, такъ и политическаго. Бывшіе союзники ихъ, по своей безпечности и отвращенію къ военному дѣлу, мало по малу превратились въ ихъ подданныхъ. Въ области покоренныхъ городовъ основывались колоніи (клерухіи), служившія для Аѣнъ не только опорой для ихъ господства, но и средствомъ снабженія землею и обезпеченія ихъ бѣднѣйшихъ гражданъ. Эти колоніи были на островахъ Лемносѣ, Имбросѣ, Скиросѣ, на берегу Стримопа, на Ѳракійскомъ Херсонесѣ и въ Синопѣ. Жители клерухій продолжали считаться гражданами Аѣнъ и, будучи въ столицѣ, могли на дѣлѣ пользоваться своими правами. Во времени пелопонесской войны аѣнская морская держава обнимала греческія общины почти по всѣмъ берегамъ Эгейскаго моря и по островамъ, лежащимъ внутри его. Изъ нихъ только Хіосъ и Лесбосъ имѣли свой военный флотъ; остальные города были безоружны предъ Аѣнами. Овладѣвъ проливомъ между Эвбеей и материкомъ, Ѳракійскими и македонскими бере-

гами, городами у Геллеспонта и Мраморнаго моря, наконецъ, Византіей и Халкидономъ, Аѳины захватили въ свои руки всю торговлю съ черноморскимъ побережьемъ. Въ эту же пору (460—430) установились правильныя торговыя сношенія между Аѳинами съ одной стороны, Финикіей, Кипромъ, Малою Азіей и Египтомъ съ другой. Процвѣтанію торговли и расширенію сношеній содѣйствовали измѣненія во внутреннемъ бытѣ аѳинской общины. По мысли Перикла, съ 60-хъ годовъ V-го столѣтія, руководившаго аѳинской политикой, Аѳины должны были стать столицей вкуса и просвѣщенія, средоточіемъ уметвенной жизни, духовной родиной для всѣхъ Элліновъ. Великоколѣбныя сооруженія (Пропилеи, Пароенонъ, Одеонъ), исполненныя по его почину и указаніямъ великими зодчими и ваятелями (Иктинъ и Фидій), постоянно занимали массу рабочихъ, требовали привоза матерьяловъ, вызвали въ Аѳины художниковъ и ремесленниковъ со всей Греціи, охотно принимавшихъ предложеніе Перикла поселиться навсегда въ томъ городѣ, гдѣ ихъ знанія и таланты находили широкое поле дѣятельности и вѣрную оцѣнку. Подати и взносы съ союзниковъ и подданныхъ обогатили государство и гражданъ, подняли общее благосостояніе до высокаго уровня, чрезъ это вели къ умноженію потребностей, развитію промышленности и торговли. И тѣмъ, и другимъ занимались по большей части обыватели—иностранцы; аѳинскіе граждане при этомъ выгодно помѣщали свои капиталы подъ высокіе проценты и учреждали

фабрики для производства въ обширныхъ размѣрахъ. По мѣрѣ развитія промышленности увеличивались и размѣры отпускной торговли, нѣкогда состоявшей почти исключительно въ отпускѣ оливковаго масла.

§ 26. Одновременно съ возобновленіемъ и украшеніемъ города, съ возрастаніемъ его торговаго значенія и благосостоянія, совершился рядъ преобразованій въ государственныхъ учрежденіяхъ, закончившихся водвореніемъ полной демократіи. При этомъ не обошлось безъ столкновенія противоположныхъ направленій и борьбы партій, смыслъ которой можно понять вполне не иначе, какъ опредѣливъ нанереди, что разумѣли Греки подъ демократіей, откуда возникли въ Аѣинахъ стремленія къ пей и какія преграды встрѣчали эти стремленія въ государственномъ устройствѣ, существовавшемъ со времяъ Солона и Клисѣена. Понятіе о демократіи, ея цѣляхъ, средствахъ и условіяхъ изложено Аристотелемъ въ его сочиненіи „О Политикѣ“. Теорію демократіи Аристотель изложилъ 100 лѣтъ спустя послѣ того, какъ эта форма государственнаго устройства была водворена въ Аѣинахъ, такъ что его теорія представляетъ рядъ обобщеній изъ фактовъ, наступленіе которыхъ въ Аѣинахъ около половины V-го вѣка, было предметомъ желанія для однихъ и опасеній для другихъ. Въ сознаніи вождей демократической партіи, нападшихъ въ эту пору на учрежденія Солона и Клисѣена, не могло быть такой ясной, связной и законченной теоріи, какую представилъ Аристо-

тель въ своей Политикѣ, хотя ихъ собственные планы и мотивы въ сущности были сходны съ тѣми, которые обсуждались впоследствии философъ. Его книга можетъ служить для насъ пособіемъ къ уразумѣнію политической дѣятельности Эфіальта, Перикла и другихъ вождей демократической партіи, о которыхъ ихъ современники оставили намъ очень мало извѣстій.

Греческое государство представляло городъ съ небольшою областью, окружавшею его. Этотъ городъ въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ и внѣшнихъ сношеніяхъ управляетъ самъ собой и не признаетъ надъ собою никакой высшей власти. Смотря потому, въ чьихъ рукахъ находится верховная власть, городъ могъ быть или монархіей, или аристократіей (олигархіей), или демократіей. Онъ бываетъ демократіей, если всѣмъ гражданамъ принадлежитъ право на рѣшающее участіе во всѣхъ отправленіяхъ государственной власти; въ законодательствѣ, управленіи и судѣ. Это право вытекаетъ какъ слѣдствіе изъ понятія о справедливости, сущностью которой признается равенство. Но равенство, по опредѣленію Аристотеля, бываетъ двухъ родовъ: одно, при которомъ человѣческая личность разсматривается какъ единица, и граждане признаются равными другъ другу въ томъ же смыслѣ, въ какомъ единица равняется единицѣ; другое, когда личность разсматривается не какъ единица по своему достоинству, въ какомъ бы то ни было отношеніи, и равными признаются лишь тѣ, кто равны по достоинству. По мнѣнію приверженцевъ демократіи, сущность справед-

ливости состоитъ въ числовомъ равенствѣ, вытекающемъ изъ понятія о личности только какъ о единицѣ. Напротивъ по миѣнію тѣхъ, кто стоятъ за аристократію (т. е. господство лучшихъ людей), справедливость состоитъ въ воздаяніи каждому того, что подобаешь соразмѣрно его достоинству. Не трудно понять, что второе понятіе о справедливости ближе къ истинѣ, точнѣе и полнѣе обозначаетъ природу ея, тогда какъ первое имѣетъ преимущество въ смыслѣ правила для поведенія по своей удобопримѣнимости.

Признавая, что справедливость состоитъ въ томъ, чтобы равные числомъ (какъ $1=1$) были равны и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, вожди демократической партіи съ логическою послѣдовательностью добивались того, чтобы и участіе въ государственной власти принадлежало въ равной степени всѣмъ гражданамъ. На практикѣ равное участіе всѣхъ, имѣвшихъ право на него, считалось возможнымъ и обезпеченнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда государственныя учрежденія будутъ обладать слѣдующими свойствами: 1) когда сановники, облеченные исполнительною властью, будутъ избираться всѣми гражданами и изъ числа всѣхъ; 2) когда всѣмъ гражданамъ, какъ участникамъ вѣча, облеченнаго верховною властью, будетъ принадлежать власть надъ каждымъ, и каждому порознь извѣстная доля власти надъ всѣми; 3) когда власти будутъ избираться изъ всѣхъ гражданъ по жребію, всѣ или по крайней мѣрѣ, тѣ, которые не требуютъ спеціальныхъ знаній и подготовки; 4) когда выборъ въ должности

не зависить отъ размѣровъ имущества или дохода (ценза), или, по крайней мѣрѣ, когда цензъ бываетъ наименьшій; 5) когда никто не занимаетъ той же должности два раза къ ряду, или когда это допускается лишь какъ рѣдкое исключеніе; не подлежатъ этому требованію воешныя должности; 6) когда власти избираются на короткій (обыкновенно годичный) срокъ, всеѣ или какія возможно; 7) когда въ судѣ принимаютъ участіе всеѣ граждане, и этому всенародному суду принадлежитъ право рѣшать всеѣ дѣла или, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія, каковы: объ отчетности властей, объ измѣненіяхъ въ государственныхъ учрежденіяхъ, объ установленіи правильныхъ отношеній между частными лицами; 8) когда народному собранію (эκκλῆσις) принадлежитъ верховная власть надъ всеѣмъ; 9) когда за исполненіе политическихъ обязанностей граждане получаютъ вознагражденіе въ видѣ платы за посѣщенія вѣча, геліэи, за отправленіе должностей; 10) когда въ государствѣ нѣтъ ни одной власти постоянной, а всеѣ избираются на срокъ.

Таковы были приблизительно требованія и желанія демократической партіи въ Аѣнахъ въ 60-ыхъ годахъ V-го вѣка. Присутствіе ихъ въ народѣ, поддерживавшемъ своихъ вождей, свидѣтельствуетъ о томъ, что аѣнскій демось во время Перикла былъ далеко не похожъ на демось времянь Солона, угнетенный и забытый, искавшій лишь защиты отъ притѣсненій со стороны богатыхъ и довольствовавшійся той скромной долей политическихъ правъ, которую

предоставили ему учрежденія Солона. Въ ту пору аѣннская община была государствомъ по преимуществу земледѣльческимъ; основной тонъ и направленіе государственной жизни опредѣлялись интересами земледѣлія и характеромъ сельскаго люда. Въ V-мъ вѣкѣ Аѣнны сдѣлались государствомъ по преимуществу торговымъ и промышленнымъ; рядомъ съ ними выросъ Пирей, городъ купцовъ, судохозяевъ и матросовъ, отличавшихся страстной приверженностью къ демократическимъ идеямъ и порядкамъ. При Солонѣ политика государства была по преимуществу континентальная; она была направлена къ огражденію политической независимости и интересовъ земледѣлія со стороны сосѣдей съ Запада и Востока. При Периклѣ взоры и помышленія Аѣннннъ были обращены на море, ихъ увлекала и воодушевляла идея объ изгнашіи варваровъ изъ воды Эгейскаго моря, объ охраненіи греческой торговли и объединеніи приморскихъ городовъ Греціи въ одну державу, столицей которой были Аѣнны, а повелителемъ аѣнннскіей демосъ. При Солонѣ главнымъ устоемъ государственнаго порядка и рычагомъ политической дѣятельности считались значительные землевладѣльцы, пентакосіомедимны и всадники. Они держали въ экономической и политической зависимости бѣдное деревенское населеніе, привязанное къ пастбищу и пашиѣ, по недосугу не могшее принимать участія въ дѣлахъ, вершившихся на площади столицы, беззавѣтно преданное религіи и морали, унаслѣдованной отъ предковъ

и освящавшей существующій порядокъ вещей съ его изъятіями и привилегіями. По самому роду жизни и занятій, это населеніе поставлено было въ условія неблагопріятныя для расширенія опыта и умственнаго кругозора, для пріобрѣтенія охоты и навыка къ участію въ общественномъ дѣлѣ. При Периклѣ поземельная собственность уже не имѣетъ первостепеннаго значенія; рядомъ съ нею открываются пути къ наживѣ и источники доходовъ несравненно болѣе доступные и обильные, какъ крупная торговля и содержаніе большихъ ремесленныхъ заведеній. Торговля, подати съ обывателей, сборы съ союзниковъ возвысили доходы государства болѣе чѣмъ вдвое противъ прежняго, и избытокъ ихъ шелъ на содержаніе и удовольствія гражданъ. Простолудинъ теперь охотно посѣщаетъ городъ, ибо находитъ здѣсь работу и развлеченіе; на войнѣ онъ несетъ теперь главную тяжесть службы, потому что флотъ сталъ важнѣйшимъ орудіемъ для военныхъ предпріятій общины. Какъ морякъ, солдатъ или судохозяинъ, аѣинскій гражданинъ теперь успѣваетъ не разъ побывать въ разныхъ странахъ, повидать разные порядки и обычаи. Его опытъ и кругозоръ расширяются, находчивость, самодѣятельность и энергія воли возрастаютъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ вліяніемъ просвѣщенія, разлагающаго старое народное міросозерцаніе, слабѣетъ его привязанность къ религіи и уваженіе къ предковской морали. Это міровоззрѣніе, въ очищенномъ и просвѣтленномъ видѣ выразившееся въ трагедіяхъ Эсхила, во

время Перикла уступило свое мѣсто новому, котораго главнымъ проповѣдникомъ былъ Еврипидъ, ученикъ философа Анаксагора. Въ трагедіяхъ Эсхила живая вѣра въ боговъ соединяется съ стремленіемъ очистить ходячія представленія о нихъ отъ всего, что не свойственно развитому понятію о божествѣ. Настроеніе и міровоззрѣніе поэта глубоко религіозны; всюду замѣтно стремленіе сблизить и привести въ связь событія въ жизни людей съ волей и намѣреніями боговъ. Поэтъ проникнуть со знаніемъ могущества судьбы и проповѣдуетъ умѣренность, покорность и смиреніе предъ нею; въ политикѣ онъ стоитъ за сохраненіе старыхъ порядковъ и старается озарить ихъ ореоломъ святости. Какъ вѣрный ученикъ Анаксагора, признававшаго верховное значеніе ума и осужденнаго за нечестіе, Еврипидъ является скептикомъ по отношенію къ вѣрованіямъ и мнѣніямъ представленіямъ народа, онъ объясняетъ мнѣны съ помощью аллегорій и прагматизма. Въ политикѣ онъ является горячимъ сторонникомъ свободы и равенства, отстаиваетъ права женщинъ и рабовъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ выводовъ изъ этого скептицизма и рационализма было признаніе авторитета личнаго мнѣнія и права каждаго быть верховнымъ судьей и цѣнителемъ того, что происходитъ. Въ то время, какъ прежнія поколѣнія чтили свято авторитетъ закона (обычая), который, по словамъ Пиндара, царитъ надъ смертными и безсмертными, теперь стало пробиваться мнѣніе, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей. (Протагоръ).

Къ этому времени (около 460 г.) относится начало политической дѣятельности Эфіальта и Перикла, своими реформами завершившихъ развитіе аѳинской демократіи. На ихъ сторонѣ были небогатые и незнатные, для которыхъ идея всеобщаго и безусловнаго равенства всегда имѣетъ очень много привлекательнаго, тогда какъ богатые и знатные были ея естественными противниками, потому что на нихъ отражалась ея несправедливость.

Въ государственныхъ учрежденіяхъ Аѳинъ въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали послѣ Клизѳена, были стороны, противорѣчившія справедливости, понимаемой въ смыслѣ демократическомъ; онѣ то и были цѣлью нападеній со стороны вождей демократической партіи. Прежде всего, по законамъ Солона, высшія правительственныя должности были доступны лишь самымъ богатымъ людямъ, и притомъ только изъ числа землевладѣльцевъ.—Затѣмъ, существовалъ сенатъ Ареопага, состоявшій изъ пожизненныхъ членовъ, бывшихъ архонтовъ, которые вслѣдствіе пожизненности своего званія составляли корпорацію, способную пріобрѣсть большое вліяніе и уваженіе среди другихъ властей, мѣнявшихся ежегодно. Кругъ дѣйствій ареопага былъ не только обширенъ, но и отличался неопредѣленностью и растяжимостью. Ареопагу принадлежалъ судъ по дѣламъ объ убійствѣ, отравѣ, увѣчья и поджогѣ, остававшіяся за нимъ и впослѣдствіи. Ему принадлежало право надзора за поведеніемъ гражданъ и, разумѣется, право суда надъ тѣми, чье по-

*

веденіе было предосудительно. По словамъ Плутарха, Солонъ поставилъ ареопагъ надзирателемъ надъ всѣми и стражемъ законовъ. Изъ другихъ свидѣтельствъ древности видно, что ареопагу принадлежало вліяніе на законодательство и администрацію. Но неизвѣстно съ точностью, какимъ путемъ онъ могъ обнаруживать свое вліяніе. По всей вѣроятности, ареопагу принадлежало право запрета (veto) надъ постановленіями думы или вѣча, которыя, по его мнѣнію, были противны законамъ или интересамъ государства. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что ареопагъ пользовался своимъ правомъ и вліяніемъ скорѣе для охраны, чѣмъ для преобразованія существующаго порядка вещей, былъ болѣе усерднымъ и вѣрнымъ хранителемъ старины, чѣмъ подорникомъ новизны, и въ этомъ смыслѣ являлся препятствіемъ для осуществленія плановъ демократической партіи.—Третьимъ пунктомъ, противнымъ демократизму, было соединеніе въ однѣхъ рукахъ исполнительной и судебной власти, права приказывать и права наказывать. Соединеніе судебной и административной власти въ однѣхъ рукахъ, именно архонтовъ, ведетъ легко къ нарушенію справедливости, ибо сановникъ, оскорбленный въ своихъ правахъ какъ администраторъ, не легко сохраняетъ безпристрастіе въ судѣ надъ оскорбителемъ. Правда, Солонъ предоставилъ каждому гражданину право подавать жалобу на приговоры архонтовъ народному собранію; но это право, соединенное съ хлопотами и нѣкоторымъ рискомъ, могло охранить

отъ крупныхъ, но не отъ мелкихъ несправедливостей. Пока судъ принадлежалъ сановникамъ, избиравшимся по преимуществу изъ богатыхъ, интересы простого народа не могли быть обеспечены этимъ судомъ, особенно при отсутствіи подробнаго и точнаго кодекса законовъ. Понятно, что при такомъ положеніи отнятіе судебной власти у сановниковъ стало однимъ изъ желаній демократической партіи.

Первымъ шагомъ къ водворенію полной демократіи была отмѣна того изъ законовъ Солона, по которому правительственныя должности предоставлялись только землевладѣльцамъ, а архонтовъ—только пентакосіомедимнамъ. Эта отмѣна состоялась въ 477 г. по предложенію Аристиды, не вызвавшему, сколько извѣстно, никакого сопротивленія, вслѣдствіе самой очевидной справедливости его. Сельское хозяйство Аттики всего болѣе потеряло отъ Персовъ; многіе изъ пентакосіомедимновъ лишились своихъ доходовъ и не могли по прежнему оставаться въ первомъ классѣ. Но такъ какъ ихъ разореніе было слѣдствіемъ патріотической рѣшимости не подчиняться врагамъ, то было бы явной несправедливостью уменьшить политическія права гражданъ за то, что они стали бѣднѣе изъ любви къ отечеству. Съ другой стороны, въ службѣ на флотѣ, въ морскихъ сраженіяхъ съ Персами принимали равное участіе всѣ граждане, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ землевладѣльцы, такъ и имѣвшіе только движимую собственность. Но если по законамъ Солона политическія права граж-

данъ соразмѣрялись съ величиною ихъ повинностей, то теперь, когда военная повинность пала на всѣхъ, всѣмъ должны принадлежать и одинаковыя политическія права. Такимъ образомъ, въ самихъ обстоятельствахъ времени лежали побужденія предоставить всѣмъ Аѣнианамъ доступъ къ архонству. Въ сущности это равнялось признанію за движимой собственностью и капиталомъ одинаковыхъ правъ съ поземельной. Но какъ до, такъ и послѣ закона Аристиды высшія должности оставались въ Аѣинахъ удѣломъ богатыхъ людей, имѣвшихъ возможность жить доходами и посвящать свое время и трудъ безвозмездному служенію государству.

Борьба между сторонниками и противниками демократіи началась собственно въ 60-хъ годахъ V-го вѣка, когда на очередь былъ поставленъ вопросъ о судебной власти архонтовъ. На основаніи сохранившихся извѣстій нѣтъ возможности прослѣдить весь ходъ этой борьбы, и приходится ограничиться уразумѣніемъ лишь общаго смысла ея. Вождемъ демократической партіи былъ Эфіальтъ, рьяный и честный поборникъ идеи равенства; рядомъ съ нимъ дѣйствовалъ и Перикль, сынъ Ксанѣппа. Цѣлью ихъ стремленій было отдѣленіе судебной власти отъ административной, и предоставленіе послѣдней сановникамъ, а первой самому—народу. Ближайшимъ поводомъ къ борьбѣ могли быть злоупотребленія и произволь, неизбѣжныя, когда сановникъ является и стороной въ процессѣ и судьей его. Такъ какъ архонты,

соединявшіе въ своихъ рукахъ исполнительную власть съ судебной, по окончаніи срока своей службы вступали въ ареопагъ, то естественно, что въ борьбѣ за судебную власть ареопагъ принялъ сторону архонтовъ, и поэтому также сдѣлался предметомъ нападений со стороны демократической партіи. Авторитетное положеніе ареопага надъ другими властями было слѣдствіемъ того, что признавала необходимость имѣть въ государствѣ элементъ, способный умѣрять поспѣшность и предупреждать или прекращать неправильныя движенія правительственнаго механизма. Признавая необходимость такого элемента и вмѣстѣ желая устранить реакціонерное вліяніе ареопага, Периклъ создалъ новый органъ власти, стоявшій по своимъ полномочіямъ выше экклесіи и состоявшій изъ всѣхъ гражданъ, но только старшаго возраста, т. е. съ 30 лѣтъ по закону, а на практикѣ съ болѣе поздней поры.

Этотъ новый органъ, подъ именемъ *гелізи*, заступилъ мѣсто ареопага, какъ надзирателя надъ всѣми и стража закона. Ему, въ цѣломъ составѣ, или въ отдѣльныхъ комиссіяхъ принадлежало съ этихъ поръ утвержденіе сановниковъ, избранныхъ вѣчемъ, принятіе отъ нихъ отчета, утвержденіе законовъ и разрѣшеніе сверхсмѣтныхъ расходовъ. Къ геліэу перешла постепенно и судебная власть отъ архонтовъ. Это могло произойти само собой вслѣдствіе того, что архонты, сознавая возможность жалобы на свои рѣшенія и приговоры, сами отклоняли отъ себя во многихъ случаяхъ постанов-

леніе окончательнаго рѣшенія и переносили дѣло на судъ геліаи, чтобы освободить себя отъ всякой отвѣтственности. Эта отвѣтственность становилась тѣмъ болѣе неминуемой и серіозной, чѣмъ яснѣе понималъ народъ свои права и интересы, чѣмъ легче сплочивался онъ вокругъ своихъ вождей для защиты себя отъ произвола и насилія со стороны властей. Право аппелляціонной жалобы на приговоры архонтовъ, безсильное и почти напрасное, пока оно было въ рукахъ простолюдина, бѣднаго и неумѣлаго, лишеннаго яснаго пониманія своихъ интересовъ и мужества для ихъ защиты, перейдя въ руки Эфіальта и подобныхъ ему вождей, стоявшихъ во главѣ цѣлой партіи, получило грозную силу и стало могучимъ орудіемъ къ подчиненію сановниковъ народной волѣ. Привлекая постоянно къ суду народа его сановниковъ за ихъ ошибки или противозаконныя дѣйствія, вожди народа, или собственно демократической партіи, достигали этимъ двухъ цѣлей, лежавшихъ въ томъ же самомъ направленіи. Во первыхъ, постоянныя жалобы и ихъ разбирательство, происходившее публично, раскрывало съ полнѣйшею очевидностію для народа недостатки судоустройства и опасности, таившіяся для него въ правѣ сановниковъ не только приказывать, но и судить за нарушение своихъ распоряженій. Прежде до публичнаго обсужденія доходили лишь крупныя и потому рѣдкія несправедливости, теперь стали доходить и мелкія, и своей массой подѣйствовали на воображеніе и чувство тѣхъ, кто въ

началъ и не раздѣлялъ плановъ Эфіальта и Перикла. Во вторыхъ, народъ, вслѣдствіе умноженія случаевъ къ судебному разбирательству, скорѣе и легче пріобрѣталъ навыкъ къ исполненію обязанностей судьи. Послѣ реформы суда, за сановниками осталось право принимать жалобы, вызывать къ суду, производить слѣдствіе и предсѣдательствовать въ судѣ присяжныхъ по дѣламъ, относившимся до круга ихъ власти. Послѣ того какъ судебная власть перешла въ руки народа, за ареопагомъ осталось право судить лишь по обвиненіямъ въ убійствѣ и другихъ тяжкихъ преступленіяхъ (увѣчье, отравка, поджогъ).

Демократическая партія достигла своей цѣли лишь послѣ продолжительной и ожесточенной борьбы, отголоски которой донеслись до насъ въ трагедіи Эсхила Эвмениды, въ которой на сценѣ является сенатъ ареопага, окруженный ореоломъ священныхъ воспоминаній, связанныхъ съ его основаніемъ. Устами Аѳины поэтъ называетъ ареопагъ неусышнымъ стражемъ страны (v. 685), оградой ея, спасеніемъ народа, учрежденіемъ, которому подобнаго нѣтъ ни у Скиѳовъ, ни въ странѣ Пелопса (v. 704 sqq.). Побѣда Эфіальта стоила ему жизни: онъ палъ отъ руки убійцы, посланнаго врагами. Случай рѣдкій въ исторіи аѳинской общины, гдѣ во время самой ожесточенной борьбы партіи гнушались убійствъ изъ за угла.

По всей вѣроятности, вскорѣ послѣ отнятія судебной власти у архонтовъ, былъ из-

мѣненъ и способъ избранія послѣднихъ. До тѣхъ поръ всѣ общественныя должности въ Аѳинахъ замѣщались посредствомъ избранія подачей голосовъ; теперь большая часть ихъ стала замѣщаться путемъ жеребьеванія. Замѣна выборовъ жеребьеваніемъ, странная на нашъ взглядъ и нелѣпая по мнѣнію Сократа, легко объясняется отчасти понятіями, отчасти учрежденіями аѳинскаго народа. По мнѣнію Грековъ жребій падаетъ на того, кто угодеиъ богамъ, стало быть благочестивъ и благополученъ, а за счастливымъ правителемъ лучше живется и управляемымъ. Отказавшись отъ подачи голосовъ и замѣнивъ ее жеребьеваніемъ, народъ тѣмъ самымъ какъ бы предоставилъ богамъ избраніе своихъ сановниковъ въ полной увѣренности, что боги сдѣлають лучше, чѣмъ онъ. Но такая теологическая точка зрѣнія можетъ быть свойственна лишь простому народу; образованные политики, предпочитая жеребьеваніе, руководились при этомъ другими соображеніями. Въ Аѳинахъ ежегодно приходилось замѣщать множество должностей. Большая часть изъ нихъ были не важны по своему вліянію и не требовали отъ сановника умственныхъ и нравственныхъ качествъ, превышающихъ средній уровень аѳинскихъ гражданъ. Но зато другія, составлявшія меньшинство, были въ высшей степени важны, предоставляя должностному лицу обширный кругъ вліянія и власти, и притомъ требовали отъ него выдающихся способностей, спеціальнаго опыта и навыка. Первые должности легко можно было предо-

ставить всякому; на вторыя требовалось назначать только способныхъ и достойныхъ. Если бы всѣ должности замѣщались по выборамъ, то во время избирательнаго періода вниманіе народа могло слишкомъ развлекаться, сосредоточиться на неважномъ и упустить изъ виду важное. Для предупрежденія этого и былъ введенъ жребій, и всѣ неважныя должности замѣщались съ помощью его, при чемъ не было повода къ избирательной борьбѣ, проискамъ и возбужденію страстей. Эти должности замѣщались безъ утомленія гражданъ, которые все вниманіе могли устремить на избраніе стратеговъ и другихъ военныхъ чиновъ, на выборъ общественныхъ казначеевъ и сановниковъ, обязанныхъ наблюдать за поведеніемъ мальчишковъ, юношей и женщинъ. Случайность жребія, падающаго безъ разбора на годныхъ и пегодныхъ, въ Аѳинахъ не влекла за собою дурныхъ послѣдствій, ибо всѣ должностныя лица, выбранныя или вынужденныя жребіемъ, равно подвергались испытанію, посредствомъ котораго можно было удалить недостойныхъ, на долю которыхъ выпалъ счастливый жребій. Испытаніе производилось сначала въ думѣ, потомъ въ гелиѣѣ, и имѣло видъ судебного процесса, въ которомъ каждый гражданинъ могъ выступить обвинителемъ противъ кандидата на данную должность. При этомъ обращалось вниманіе на гражданское полноправіе кандидата, на исполненіе имъ военной повинности, на нѣкоторыя стороны его общественнаго и частнаго поведенія. Судьи, постановляя приговоръ тайной подачей голо-

совъ, могли и по смыслу своей присяги должны были, обращать вниманіе на политическую благонадежность кандидатовъ. Съ преобразованиемъ суда и введеніемъ жеребьеванія, доступъ къ прямому участию въ государственной власти былъ открытъ для всѣхъ гражданъ.

Но этого было мало. Требовалось не только предоставить право, но и обезпечить пользованіе имъ. Власть дѣйствительно перешла въ руки народа и общинное устройство стало демократіей, ибо все въ концѣ концовъ зависѣло отъ народнаго собранія, то въ видѣ еkkлесіи, то въ видѣ геліи. Сановники сдѣлались не болѣе, какъ послушными и отвѣтственными служителями народа, не смѣвшими выходить изъ воли его. Дума 500 стала не болѣе, какъ комитетомъ или бюро вѣча, подготовлявшимъ текущія дѣла для обсужденія народа и приводившимъ въ исполненіе его постановленія. Сенатъ ареопага сохранилъ лишь тѣнь прежняго значенія и не могъ имѣть рѣшительнаго вліянія на дѣла. Народъ, почти безгласный и безправный въ началѣ аѳинской исторіи, является теперь полновластнымъ распорядителемъ своихъ судебъ; совѣтъ старѣйшимъ сослѣдовалъ съ политической сцены, преемники царской власти, архонты, превратились въ скромныхъ судебныхъ слѣдователей. Не было учрежденія или авторитета, который бы могъ ограничивать власть народа или вступать въ борьбу съ нею.

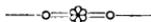
Демократія предполагаетъ общее и прямое участіе всѣхъ гражданъ во всѣхъ отпра-

леніяхъ государственной власти, она остается чистой, когда это участіе существуетъ не только по праву, но и на дѣлѣ; она вырождается въ другія формы по мѣрѣ того, какъ слабѣетъ и сѣуживается личное вмѣшательство гражданъ въ дѣла управленія, законодательства и суда, и власть переходитъ отъ всего народа въ руки немногихъ или одного. Такъ какъ правильное посѣщеніе народныхъ собраній, дѣятельное исполненіе должности присяжнаго или сановника требуетъ отъ гражданина значительной траты времени и силъ, отнимая то и другое отъ его частныхъ занятій; то мало по малу болѣе бѣдные изъ гражданъ, живущіе трудомъ рукъ своихъ, по неволѣ станутъ уклоняться отъ присутствія на вѣчѣ или въ судѣ и отъ занятія общественныхъ должностей. Въ такомъ случаѣ начинается процессъ вырожденія демократіи, обратный тому, который привелъ къ установленію ея. Постепенно власть ускользаетъ изъ рукъ бѣдныхъ и снова сосредоточивается въ рукахъ тѣхъ, кто, по своему состоянію, могли удѣлить больше и досуга и труда на исполненіе своихъ политическихъ обязанностей. Чтобы предупредить такой поворотъ назадъ, происходящій отъ неравномѣрнаго распредѣленія богатства въ обществѣ, требуется привлечь *всѣхъ* гражданъ къ дѣятельному участію въ политической жизни посредствомъ вознагражденія *всѣхъ*, или только бѣднѣйшихъ, за исполненіе обязанностей присяжнаго, члена думы, сановника и за посѣщеніе засѣданій вѣча. Плата за исполненіе по-

литическихъ обязанностей, то есть въ сущности за пользованіе политическими правами, составляетъ необходимую принадлежность полной демократіи. Она была введена и въ Аѣинахъ Перикломъ за участіе въ засѣданіяхъ геліаи; къмъ то другимъ впоследствии за посѣщеніе вѣча. Каждый геліастъ (присяжный) за каждое засѣданіе въ судѣ получалъ, по окончаніи онаго два обола, а съ 425 года—три, т. е. около 8 или 12 коп. сер. Каждый гражданинъ за посѣщеніе засѣданій вѣча получалъ сначала 1 оболъ, а впоследствии—по три. На нашъ взглядъ это вознагражденіе кажется слишкомъ незначительнымъ, чтобы обезпечить гражданина и привлечь его въ судъ. Но въ Аѣинахъ, при скромности привычекъ, умѣренности потребностей и дешевизнѣ припасовъ, за три обола можно было имѣть обѣдъ изъ овощей и рыбы, достававшійся гражданину цѣною не тяжкой поденной работы, а только исполненія политическихъ обязанностей, въ которомъ было много привлекательнаго помимо платы. Послѣ того какъ гражданину-повелителю былъ обезпеченъ насущный хлѣббъ, оставалось позаботиться, чтобы и участіе въ наслажденіяхъ было ему доступно, чтобы и въ этомъ отношеніи бѣдный не имѣлъ нужды завидовать богатому. Главнымъ источникомъ наслажденія и могущественнымъ средствомъ развитія былъ театръ, гдѣ въ эту пору давались трагедіи Эсхила, Софокла, Еврипида и другихъ поэтовъ. По предложенію Перикла было постановлено, чтобы бѣдные граждане получали деньги изъ государствен-

ной казны для уплаты за входъ въ театръ. Всѣмъ были доступны и наслажденія прекрасными величественными созданіями пластическихъ искусствъ, ибо въ Аѣинахъ частныя жилища были невелики и невзрачны, за то общественныя зданія составляли главный предметъ попеченій и гордости народа, были величественны, роскошны, изящны и доступны всѣмъ.

Закончивъ обзоръ постепеннаго развитія общиннаго быта древнихъ Грековъ и дойдя до той поры, когда вполнѣ образовалась и установилась наиболѣе совершенная форма его— аѣинская демократія, обратимся къ изученію политическаго строя и порядковъ этой формы, чтобы опредѣлить ея условія, оцѣнить достоинства и недостатки.

V.

Государственный строй афинской общины въ V-мъ вѣкѣ.

§ 27. Около половины V-го вѣка завершилось развитіе афинской демократіи, разрѣшившей задачу гражданской свободы и порядка, обезпечившей каждому, богатому какъ и бѣдному, свободу мысли, слова и дѣйствій, впервые научившей людей, что голосъ убѣжденія можетъ быть сильнѣе воли деспота, что свободнымъ обсужденіемъ и голосованіемъ можно улаживать споры, которые въ другихъ странахъ рѣшаются изгнаніемъ или избиеніемъ слабѣйшихъ болѣе сильными. Подъ охраной и благотворнымъ вліяніемъ политическихъ учреждений афинской общины возникла и развилась во всемъ своемъ великолѣпій та аттическая образованность, согласное сочетаніе глубокихъ мыслей и прекрасныхъ формъ, плодами которой до сихъ поръ питается образованный міръ. Не простою случайностью является то обстоятельство, что Солонъ и Клизменъ были предшественниками Софокла, Сократа и Фидія,

величайшаго изъ скульпторовъ древности, что въѣкъ Перикла, полный расцвѣтъ аѳинской образованности, наступилъ послѣ того, какъ положены были прочныя основы демократическаго порядка. За поколѣніемъ, отстаившимъ свободу мысли и слова, дѣйствія и сужденія, право личнаго превосходства на преобладающее значеніе въ политикѣ и право cadaго на равенство предъ закономъ,—за этимъ поколѣніемъ слѣдовалъ рядъ другихъ, воспользовавшихся этими завоеваніями предшественниковъ для преобразования понятій и правилъ, унаслѣдованныхъ отъ предковъ, для созданія новыхъ идеаловъ и для воплощенія ихъ въ новыя формы, соединяющія съ ясностью смысла красоту и изящество выраженія.—Въ своихъ политическихъ учрежденіяхъ аѳинскій народъ представилъ намъ рѣшеніе великой и трудной задачи общезитія, исполненное при благопріятныхъ условіяхъ племенемъ, высокая даровитость котораго неопровержимо доказывается оставленными имъ памятниками. Не стѣсняемый никакими внѣшними препятствіями, аѳинскій народъ могъ такъ устроить свой политическій бытъ, что, если подражаніе ему невозможно, то знакомство съ нимъ въ высшей степени поучительно для всѣхъ, кто раздѣляетъ мнѣніе Аристотеля, что общество существуетъ не для жизни только, а для счастливой жизни. При описаніи государственнаго строя аѳинской общины здѣсь будутъ указаны условія, дѣлавшія возможнымъ такой строй въ данное время и въ данномъ мѣстѣ, а также—тѣ свойства его, благодаря которымъ

аѳинская демократія, вмѣстѣ съ свободою и гибкостью своихъ порядковъ, соединяла недостатокъ прочности и устойчивости въ борьбѣ съ враждебными ей силами.

Какъ показываетъ самое имя демократіи, государственный строй аѳинской общины былъ основанъ на участіи не меньшинства привилегированныхъ, но всего народа во всѣхъ не только повинностяхъ, но и правахъ, не только въ работѣ и жертвахъ, необходимыхъ для сохраненія и совершенствованія общества, но и въ благодѣяніяхъ, бывшихъ слѣдствіемъ этой работы. Гражданинъ, не принимавшій дѣятельнаго участія въ политической жизни, считался въ Аѳинахъ человѣкомъ негоднымъ для государства. Попеченіе о домашнемъ хозяйствѣ тамъ не мѣшало заботѣ о дѣлахъ государственныхъ, и граждане, добывавшіе себѣ хлѣбъ трудами рукъ своихъ, имѣли ясное понятіе объ интересахъ и нуждахъ общества. Законы обезпечивали гражданамъ равенство правъ во всемъ, что касается ихъ взаимныхъ отношеній; а общественное мнѣніе предоставляло возможность каждому послужить на пользу общества, независимо отъ богатства и политическихъ связей. Гражданинъ въ своей частной жизни пользовался полной свободой, и это открывало ему просторъ для дѣятельнаго упражненія всѣхъ способностей, въ чемъ и полагалъ свое счастье аѳинянинъ. Въ жизни общественной повиновеніе всѣхъ установленнымъ законамъ и властямъ, какъ приговорамъ и орудіямъ народной воли, обезпечивало быстроту, энергію и правильность

совокупной дѣятельности всѣхъ, и дѣлало маленькую общину способной къ великимъ жертвамъ и усиліямъ. Сила и крѣпость государства существовала здѣсь рядомъ съ свободой и безопасностью личности. Внушенія народной совѣсти и желанія народной воли имѣли верховное значеніе и непререкаемый авторитетъ. Точка опоры для рычага, приводившаго въ движеніе общество, лежала въ сознаніи гражданъ и предполагала высокій уровень какъ умственнаго, такъ и нравственнаго ихъ развитія.

§ 28. Чтобы понять происхожденіе и оцѣнить достоинство политическихъ учрежденій аѣинской общины, надобно ознакомиться съ условіями, при которыхъ они возникли и дѣйствовали. Эти условія заключались въ физическомъ устройствѣ Аттики, въ составѣ, характерѣ и бытѣ ея населенія. По своимъ размѣрамъ аѣинская община была государствомъ совершенно незначительнымъ. Аттика, собственная область аѣинской демократіи, составляетъ всего $\frac{1}{20}$ нынѣшняго королевства эллинскаго, едва замѣтнаго среди государствъ Европы. Столица Аттики лежала не въ самой срединѣ этой области; тѣмъ не менѣе наиболѣе удаленныя отъ нея деревни и мѣстечки находились на разстояніи лишь около 40 верстъ; большая часть мѣстностей, населенныхъ густо, лежала еще ближе. Аѣинскій поселянинъ очень любилъ свою сельскую усадьбу и свое поле; но если у него была охота или нужда принять дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ вѣча или суда присяжныхъ, онъ могъ сдѣлать это безъ большихъ затрудненій, ибо за пять дней пра-

*

вительство объявляло о времени и предметахъ для занятій ближайшаго очереднаго вѣча. Аѳинскому гражданину было удобнѣе слѣдить за тѣмъ, что происходитъ въ столицѣ государства, знать, что дѣлаетъ центральное правительство, чѣмъ обывателю русскаго уѣзда слѣдить за жизнью уѣзднаго города и дѣятельностью уздныхъ властей. Рѣшеніе наиболѣе важныхъ вопросовъ, къ которому желательно было привлечь какъ можно больше гражданъ, приурочивалось въ Аѳинахъ ко времени большихъ праздниковъ, когда религіозныя церемоніи и театральныя зрѣлища сами по себѣ привлекали массы народа въ Аѳины. Въ представительствѣ, въ выборѣ уполномоченныхъ, въ замѣнѣ участія многихъ участіемъ одного—нужды не было, по крайней мѣрѣ, для рѣшенія важнѣйшихъ задачъ общечитія. Благодаря личному участию всѣхъ гражданъ въ политикѣ, аѳинское правительство обладало очень высокою чувствительностью и двигательной силой по отношенію къ обществу, ибо между нимъ и обществомъ не было никакого разстоянія, никакихъ посредниковъ, ослабляющихъ какъ чувствительность, такъ и движущую силу власти.

На этомъ небольшомъ пространствѣ, умѣренно плодородномъ и хорошо воздѣланномъ, отовсюду видно голубое море, тонкія и симметричныя очертанія мраморныхъ горъ, отчетливо рисуясь на всегда ясномъ небѣ, приучаютъ глазъ любить опредѣленность и гармонию формъ; а богатство и сила красокъ, разнообразной, хотя и не роскошной растительности и гор-

ныхъ породъ, освѣщаемыхъ солнцемъ, только дважды въ годъ, въ продолженіи цѣлаго дня закрытымъ облаками, воспитывала въ людяхъ вкусъ къ прелестямъ колорита. Легко и свободно дышалось человѣку въ чистой и мягкой атмосферѣ Аттики, свободной отъ рѣзкихъ переходовъ и противоположностей, отъ суроваго холода и удушливаго зноя, манившей изъ тѣснаго жилья на площадь, гдѣ подъ тѣнью роскошныхъ портиковъ проводилъ большую часть своего досуга аѳинскій гражданинъ. Определить въ точности цифру населенія Аттики нѣтъ возможности, ибо древніе не дорожили статистическими данными; но приблизительно оно доходило до 600 и даже 700 тысячъ человѣкъ, что составляетъ около 450 человѣкъ на квадратную версту; люди жили тѣсно и могли хорошо знать другъ друга. Но далеко не все это количество составляло аѳинскій народъ (*ὁ δῆμος τῶν Ἀθηναίων*): въ политической жизни Аттики активное участіе принимала лишь небольшая доля всего ея населенія. Перечисленіе, сдѣланное въ 317 году, послѣ того какъ Аттика испытала длинный рядъ тяжелыхъ ударовъ, давно перестала быть главой обширнаго союза и даже утратила свою политическую самостоятельность, показало, что въ ней живетъ 400 тысячъ рабовъ, 10 тысячъ обывателей (метековъ) и 20 тысячъ гражданъ муж. пола отъ 20-ти лѣтняго возраста. Въ V-омъ вѣкѣ, когда Аѳины стояли на верху своего политическаго и торговаго могущества и были столицей просвѣщенія и вкуса для всего эллинскаго міра, число рабовъ

несомнѣнно было больше, число обывателей, переселявшихся подъ гостепріимный кровъ Аѣниъ, чтобы наслаждаться или трудиться въ условіяхъ наиболѣе благопріятныхъ для того и другаго, было также болѣе значительно. Но число гражданъ собственно не подвергалось въ Аѣинахъ рѣзкимъ измѣненіямъ, такъ какъ избытокъ ихъ въ V-мъ вѣкѣ свободно перемѣщался въ многочисленныя владѣнія аѣинскаго государства, лежавшія виѣ Аттики. По всѣмъ даннымъ, и въ V-мъ вѣкѣ гражданъ, достигшихъ 20 лѣтъ и имѣвшихъ право принимать участіе въ народномъ собраніи, было не болѣе 25 тысячъ, которые и составляли собственно аѣинскіи народъ, жившій не только пассивной, но и активной политической жизнью. Въ такой незначительной массѣ, часто смыкающейся въ столицѣ, свѣдѣнія и мнѣнія распространялись очень быстро; взаимное сочувствіе всѣхъ частей государства и всѣхъ классовъ общества установливалось легко и достигало высокаго напряженія; совокупныя движенія общества могли быть легко и быстро вызваны, координированы и направлены въ надлежащую сторону; о косности, тупости и неповоротливости общества тутъ и рѣчи быть не могло. Незначительность разстояній и малочисленность гражданъ въ Аѣинахъ сами по себѣ приносили тѣже выгоды для общества, какія у насъ съ несравненно большимъ трудомъ и въ гораздо меньшей степени достигаются помощью почтъ, телеграфовъ и повседневнои печати.

Почва Аттики при всемъ трудолюбіи жителей доставляла лишь половину хлѣба, нужнаго для населенія; она принуждала жителей торговлей и ремесломъ заработать другую половину, держаться моря, прокладывать и охранять пути, ведшіе къ сѣвернымъ и восточнымъ берегамъ Чернаго моря, откуда привозился хлѣбъ въ Аттику. Потребность въ хлѣбѣ расширяла торговый и политическій горизонтъ аѳинскаго гражданина до Египта, Малой Азійи и Сѣвернаго Востока Европы. Но не смотря на скудость родной почвы, аѳинскій гражданинъ не былъ обремененъ тяжелой и черной работой, не былъ сдавленъ узкими рамками жизни, обреченной изо дня въ день все на тотъ же ремесленный трудъ ради насущнаго хлѣба. Онъ наравнѣ съ другими Греками смотрѣлъ на этотъ трудъ, какъ на неприличный и непригодный для свободнаго гражданина и предоставлялъ его рабамъ и обывателямъ. На каждаго свободнаго челоуѣка въ Аттикѣ проходило среднимъ числомъ по три раба; въ дешевую пору рабъ, пригодный для черной работы, стоилъ въ Аѳинахъ отъ 13 до 25 р. сер. За 1500 рублей можно было купить раба, который могъ толково и честно управлять обширными коммерческими предпріятіями. Рабы употреблялись для полевыхъ работъ, на фабрикахъ, рудникахъ, для услуги дома; они же были гребцами на судахъ и исполняли низшія канцелярскія обязанности въ правительственныхъ учрежденіяхъ. Многочисленные обыватели занимались мелкой тор-

говлей и ремеслами, имѣли мастерскія и фабрики. Такимъ образомъ, аѳинскій гражданинъ могъ свободно слѣдовать своимъ вкусамъ въ выборѣ занятій; трудъ ремесленника, обрекающей человѣка на сидячую жизнь, лишаящей его солнечнаго свѣта и вольнаго воздуха, обезображивающей тѣло, разслабляющей и мертвящей душу, въ Аѳинахъ былъ предоставленъ рабамъ, не принимавшимъ никакого активнаго участія въ политической жизни. Въ Аѳинахъ было возможно угнетеніе и недовольство рабовъ, но не могло быть рабочаго вопроса, угрожающаго великими затрудненіями въ наше время. Обращеніе съ рабами отличалось въ Аѳинахъ особенною мягкостью; ни по одеждѣ, ни по манерамъ рабы не отличались рѣзко отъ бѣдныхъ гражданъ, могли рассчитывать на покровительство суда и закона и даже, какъ жалуются одинъ изъ недоброжелателей демократіи, не всегда давали дорогу свободному человѣку, за что нельзя было и побить ихъ. Но при всей мягкости обращенія, тамъ, гдѣ дѣло шло о власти, свободѣ, равенствѣ и чести, рабы также мало принимались въ расчетъ, какъ у насъ машины или домашнія животныя. Этимъ путемъ сильно облегчалась задача правильнаго общежитія для аѳинской общины, какъ и для всѣхъ другихъ въ древнемъ мірѣ. Рабство, существующее на дѣлѣ и оправдываемое въ теоріи, устраняло, безъ всякихъ противорѣчій и сдѣлокъ съ совѣстью, отъ политической жизни классъ людей, наименіе способныхъ къ ней, и позволяло другимъ классамъ общества зани-

маться политикой съ большей свободой и усердіемъ.

Чтобы народъ могъ самъ распоряжаться своими дѣлами безъ помощи представителей, ему необходимо имѣть много досуга. Для гражданина Аѳинъ возможность досуга облегчалась не только избыткомъ людей, работавшихъ за него и для него, но также и умѣренностью его собственныхъ потребностей и привычекъ. Онъ умѣлъ соединять любовь къ прекрасному съ простотою въ жизни; любовь къ образованію не доводила его до изнѣженности. Роскошью матеріала, прелестью формъ и богатствомъ украшеній блистали въ Аѳинахъ храмы боговъ и общественныя зданія; дома частныхъ лицъ были большею частью невелики, неуютны и чужды украшеній. Шерстяной хитонъ и плащъ составляли обычный костюмъ аѳинскаго гражданина; его повседневный обѣдъ состоялъ изъ ячменной каши, чесноку, смоквъ, оливокъ, супа изъ чечевицы; мясо было въ рѣдкость. Объ аѳинскомъ обѣдѣ такъ выражается одинъ комическій поэтъ: „на видъ онъ разнообразенъ, а для желудка не даетъ ничего; ротъ набьешь; а сытъ не будешь“. Высшей наградой и почестью для аѳинянина было право обѣдать въ пританей на счетъ государства, и, по закону Солона, обѣдающимъ здѣсь слѣдовало давать пшеничный хлѣбъ только по праздникамъ. О дешевизнѣ жизни можно судить по размѣрамъ вознагражденія за службу государству. Въ то время, когда аѳинская казна была полна и на текущіе расходы тратилось менѣе половины

доходовъ, аѳинскій присяжный получалъ за каждое засѣданіе суда, отнимавшее у него большую часть дня, отъ 8 до 12 коп., аѳинскій сенаторъ получалъ 25 коп. въ сутки; главнокомандующій аѳинскимъ ополченіемъ въ походѣ—15 коп. въ сутки. Жизнь для гражданъ удешевлялась еще и тѣмъ, что на покрытіе ихъ издержекъ шла прямо или косвенно большая часть доходовъ казны, достигавшихъ въ цвѣтущую пору государства до 1½ милл. руб. сереб., изъ которыхъ $\frac{2}{5}$ доставлялись торговыми пошлинами, налогомъ съ обывателей и арендной платой за пользованіе государственными имуществами (главнымъ образомъ лаврійскіе серебряные рудники), а $\frac{3}{5}$ доставлялись въ видѣ подати съ союзниковъ, оплачивавшихъ труды и издержки Аѳинъ, посвященные обереганію интересовъ и торговли союза. Аѳинскій гражданинъ не зналъ податей и прямыхъ налоговъ. Богатый служилъ государству своимъ имуществомъ, снаряжая на свой счетъ военные корабли и праздничные хоры, сражаясь въ рядахъ ополченія въ собственномъ вооруженіи и съ своимъ конемъ, а бѣдный отдавалъ на пользу общества свой трудъ. Такъ какъ всѣ нужды государства удовлетворялись или личной службой, или производительнымъ трудомъ его же собственныхъ гражданъ, и платить за получаемое изъ заграницы не приходилось, то понятно, что государственная казна шла прямо или косвенно на нужды самихъ же гражданъ. Они получали жалованье за присутствіе въ судѣ, за службу въ арміи и на флотѣ, впоследствии и за по-

сѣщеніе засѣданій вѣча. Вообще аѣинскій гражданинъ, чуждавшійся ремесла и барышей, считаль себя въ правѣ пользоваться доходами государства въ видѣ жалованья или даровыхъ угощеній. Въ этой привычкѣ, воспитанной жизнью и оправдываемой политическими теоріями, провозглашавшими господство и верховныя права народа, скрывался источникъ великихъ затрудненій и опасностей. Въ мирное время, когда доходы текли обильно, а расходы чрезвычайныхъ не было, казны хватало на все. Но во время войны, когда доходы уменьшались, а расходы увеличивались, и казны на все не хватало, граждане предпочитали заботиться о своемъ жалованьи и даровыхъ угощеніяхъ, и пренебрегали удовлетвореніемъ нуждъ государства.

Слишкомъ бѣдныхъ въ Аѣинахъ не было, но и чрезмѣрно богатыхъ не было также. Колоссальнымъ богатствомъ считалось имущество въ 300 тыс. руб.; богатѣйшее приданое, какое получала аѣинская невѣста, составляло 15 тыс. рублей. Поземельная собственность была распредѣлена небольшими участками и безземельныхъ гражданъ было немного. Имѣнія въ 25—30 десятинъ считались очень крупными, и ихъ было немного. Аѣинскій гражданинъ былъ хорошимъ земледѣльцемъ и любилъ свое поле. Въ это хорошее время, продолжавшееся не долго, ни одинъ гражданинъ не имѣлъ нужды въ необходимомъ, не позорилъ города, прося милостыню у встрѣчныхъ, какъ это случалось внослѣдствіи.

Количество досужаго времени, которымъ могъ располагать аѳинскій гражданинъ, видно изъ множества праздниковъ, которые торжествовались въ Аѳинахъ. По свидѣтельству Исократъ, ихъ здѣсь было вдвое болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ остальной Греціи. Это были праздники не только по имени, но и на дѣлѣ; они сосредоточивали гражданъ въ столицѣ, отрывали ихъ отъ будничныхъ занятій, содѣйствовали ихъ сближенію, обмѣну мыслей и политическихъ новостей. Свое время аѳинскій гражданинъ проводилъ обыкновенно внѣ дома. Съ ранняго утра его манила къ себѣ агора. Тамъ въ тѣни мраморныхъ портиковъ, украшенныхъ картинами и статуями, въ парикмахерскихъ и лавочкахъ онъ любилъ послушать, посудить и поспорить. Здѣсь бесѣдовали его политическіе вожди, софисты и философы; сюда приходилъ Сократъ, обращавшій всѣхъ къ самопознанію. Обойдя кругомъ площади, аѳинянинъ могъ узнать изъ объявленій, выставленныхъ у подножія статуй и у колоннъ портиковъ, дѣла, подлежащія разсмотрѣнію вѣча или суда присяжныхъ, проекты новыхъ законовъ, предлагаемыхъ гражданамъ; могъ присутствовать при засѣданіяхъ сената, геліаи, при отправленіи своихъ обязанностей сановниками. Политическая жизнь была вся наружу. Гражданинъ безъ газетъ и журналовъ, и притомъ гораздо лучше, могъ ознакомиться не только съ текущими событіями и вопросами дня, но также съ пружинами этихъ событій, съ предполагаемыми рѣшеніями этихъ вопросовъ. Безъ книгъ и

кабинетнаго труда онъ могъ получить всѣ данныя, необходимыя для того, чтобы составить свое мнѣніе о нуждахъ общества и о поведеніи правительства. И онъ былъ въ высшей степени внимателенъ къ политикѣ. „У насъ однихъ, говоритъ Перикль, гражданинъ, не принимающій участія въ политикѣ, считается не просто недѣятельнымъ, но никуда негоднымъ въ государствѣ“.—Въ Аѣинахъ былъ законъ, угрожавшій лишеніемъ гражданской чести тому, кто во время борьбы двухъ партій остается безучастнымъ зрителемъ ея. Эта склонность къ дѣятельному участию въ общей жизни государства была слѣдствіемъ характера Грековъ вообще и Аѣинянъ въ особенности. Два качества необходимы человѣку, по мнѣнію Аристотеля, если онъ хочетъ наслаждаться свободой и имѣть хорошій государственный порядокъ: энергія чувства и проницательность, подвижность ума. Первое дѣлаетъ человѣка упругимъ, неподатливымъ чужой волѣ, второе—способнымъ къ ясному и всестороннему пониманію какъ потребностей общежитія, такъ и средствъ къ ихъ удовлетворенію. И тѣмъ и другимъ качествомъ аѣинскій народъ обладалъ въ высочайшей степени. Вотъ какъ характеризуетъ Аѣинянъ ихъ же собственный историкъ Фукидидъ въ рѣчи коринѣскаго уполномоченнаго, обращенной къ представителямъ Спарты на сеймѣ, рѣшавшемъ вопросъ о войнѣ съ Аѣинами. „Аѣиняне прогрессисты; быстро замышляютъ и быстро приводятъ въ исполненіе, что задумано; вы же (Спартанцы) способны только охранять суще-

ствующее, ничего не замышлять и не исполнять на дѣлѣ даже того, что требуется необходимостью. Аѳиняне отважны свыше своихъ силъ и способны на рискъ дальше, чѣмъ позволяетъ расчетъ; они не теряютъ надежды даже въ критическихъ обстоятельствахъ; а вамъ свойственно дѣлать то, что ниже вашихъ силъ, не довѣрять даже самымъ вѣрнымъ расчетамъ и думать, что вы никогда не избавитесь отъ критическихъ обстоятельствъ, разъ очутившись въ нихъ. Они скоры, а вы медлительны; они легко удаляются отъ дома, а вы всего охотнѣе остаетесь дома, ибо они самымъ отсутствіемъ изъ дому рассчитываютъ что нибудь пріобрѣсти; вы же боитесь, какъ бы вслѣдствіе похода не повредить и тому, что у васъ есть. Одолѣвъ враговъ, они идутъ какъ можно дальше, а побѣжденные отступаютъ какъ можно меньше. Своими тѣлами они распоряжаются въ пользу государства, какъ чѣмъ-то совершенно постороннимъ для него, а своимъ умомъ—какъ чѣмъ-то близкимъ и роднымъ ему, и все для того, чтобы сдѣлать что нибудь на пользу государства. И когда они не достигаютъ того, что замыслили, то думаютъ будто потеряли, что уже имѣли; а то, что пріобрѣтаютъ, считают ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что еще предстоитъ пріобрѣсти. Если они потерпятъ неудачу въ какой-нибудь попыткѣ, то вознаграждаютъ себя, задумавъ что нибудь другое, ибо они, и только они, разомъ и надѣются, и уже обладаютъ тѣмъ, что задумаютъ вслѣдствіе быстроты, съ какой они приводятъ въ

исполненіе свои планы. И всегда они домогаются съ трудомъ, съ опасностью весь вѣкъ свой и наслаждаются чрезвычайно мало тѣмъ, что имѣютъ, вслѣдствіе постояннаго стремленія къ приобрѣтенію, вслѣдствіе того, что праздникъ свой они полагаютъ не въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, чтобы дѣлать, что слѣдуетъ, а спокойное бездѣйствіе считаютъ меньшимъ несчастіемъ, чѣмъ тягостный недугъ. Такъ что, если кто нибудь, соединивъ все, сказалъ бы, что они рождены на то, чтобы и самимъ не имѣть покоя, и другимъ не давать его, тотъ не удался бы отъ истины“ (Thucid. I, 70 и дал).— „Аѳинскій народъ, говоритъ другой писатель, легко подвиженъ къ гнѣву, легко переходитъ отъ гнѣва къ состраданію; онъ предпочитаетъ быстро схватывать умомъ, нежели изучать постепенно“.

Въ средѣ жителей самой Аттики была разница между горожанами и поселянами и притомъ въ лучшую пору къ выгодѣ послѣднихъ, которые именно и составляли наиболѣе дѣятельный элементъ въ политической жизни. Энергія ума, свойственная аѳинскому народу, доказывается высокимъ развитіемъ искусства и литературы; энергія воли—его политическими подвигами. Аѳиняне, по признанію Геродота, были душой національной обороны въ борьбѣ съ Персами; они, не задумываясь, дважды покидали свою отчизну и свой родной городъ, хотя могли бы сохранить и то, и другое на выгодныхъ условіяхъ. Изгнавъ врага изъ предѣловъ Эллады, они, не остававшись, смѣло

преслѣдуютъ его въ Азіи, создаютъ обширный союзъ городскихъ общинъ, чтобы охранять политическую независимость и свободную торговлю Эллиновъ. Найдя свой родной городъ раззореннымъ до тла, они быстро возстановляютъ его вопреки завистливымъ сосѣдямъ; въ теченіи 16 лѣтъ (448—432) истрачиваютъ на его украшеніе около 10 милліоновъ руб. сереб. и создаютъ памятники архитектуры, представляющіе непререкаемое свидѣтельство въ пользу таланта аѳинскихъ художниковъ, высокаго развитія архитектурной и скульптурной техники.

Такимъ образомъ, въ Аѳинахъ V-го столѣтія мы видимъ самое благопріятное сочетаніе условій для развитія демократіи: ограниченность области, немногочисленность гражданъ, экономической бытъ, обеспечивающій для нихъ возможность достатка и досуга; складъ ума и характера, дѣлавшій ихъ способными интересоваться политическими вопросами, понимать ихъ и съ энергіей приводить въ исполненіе, что стало убѣжденіемъ ума и желаніемъ сердца. И аѳинскій гражданинъ любилъ политическіе порядки своего города той мощной любовью, какой каждый художникъ, каждый дѣятель любитъ дѣло рукъ своихъ, съ которой каждый, кто высоко цѣнитъ выгоды своего положенія, держится за то, что обеспечиваетъ ему эти выгоды.

§ 29. При описаніи политическаго строя аѳинской общины обозначимъ сначала главнѣйшія задачи, предлежавшія аѳинскимъ гражданамъ въ пору развитія ихъ государственнаго

строю, а потомъ укажемъ тѣ средства и приспособленія, съ помощью коихъ они думали рѣшить эти задачи и удовлетворить главнѣйшимъ потребностямъ общежитія. Эти задачи и въ Аѳинахъ были тѣже, съ которыми общество встрѣчается всегда и всюду. Государство, желающее быть средой счастливой жизни, должно быть устроено такимъ образомъ, чтобы: 1) интересы и потребности, пробуждающіеся въ обществѣ, по мѣрѣ того какъ оно измѣняется, могли безпренятственно выражаться, подвергаться дѣйствию взаимнаго обмѣна мыслей и мирной коллизіи чувствъ, которое ихъ разъясняетъ и приводитъ къ соглашенію, съ тѣмъ, чтобы, опредѣлившись и придя къ равновѣсію, эти потребности въ формѣ желаній общества могли достигнуть тѣхъ органовъ государственной власти, отъ коихъ зависитъ окончательное признаніе желаній общества и претвореніе ихъ въ обязательныя постановленія, или законы; 2) общественныя силы и средства, способности гражданъ и ихъ недостатки, въ данную минуту подъ гнетомъ прочувствованной и признанной потребности и по указанію закона, внушеннаго ею, могли быть собраны и призваны къ совокупной дѣятельности и притомъ такъ, чтобы тягости и издержки общей работы были распредѣлены между участвующими въ ней какъ можно равномѣрнѣе, чтобы силы общества могли быть сосредоточены быстро, направлены вѣрно и употреблены въ дѣло съ наибольшою бережливостью; 3) сфера личной жизни гражданъ, ихъ отношенія другъ къ другу и къ государ-

ству, — были опредѣлены ясными и точными правилами, ограждающими свободу и устраняющими произволь, согласными съ тѣми началами справедливости, которыя запечатлѣны въ сознаниі народа и тяготѣютъ надъ волей его; 4) въ случаѣ уклоненія отъ этихъ правилъ, въ случаѣ посягательствъ со стороны своекорыстія, произвола и насилія, въ государствѣ имѣлись средства къ возстановленію нарушенной справедливости и правоваго порядка съ наименьшимъ ущербомъ, какъ для личности, такъ и для общества; 5) правильное развитіе и свободное упражненіе способностей гражданина, пригодныхъ для общаго блага, встрѣчало не только охрану, но и содѣйствіе въ правахъ и вкусахъ общества, въ обиліи и общедоступности средствъ къ образованію матеріаловъ для творческой дѣятельности и побужденій, располагающихъ гражданина употреблять въ дѣло свои способности и знанія. Таковы наиболѣе общія и важныя потребности, ради удовлетворенія коихъ возникаютъ политическія общества. Государственный строй аѳинской демократіи заключалъ въ себѣ средства и приспособленія для удовлетворенія всѣхъ этихъ потребностей и притомъ такъ, что во многомъ его средства представляютъ важныя и поучительныя отличія отъ тѣхъ, которыя употребляются въ нынѣшнихъ обществахъ.

§ 30. Потребности, пробуждавшіяся въ аѳинской общинѣ вслѣдствіе измѣненій въ понятіяхъ и вкусахъ гражданъ и ихъ обстановкѣ, могли имѣть свободное выраженіе и безпрепят-

ственный доступъ къ органамъ власти, отъ которыхъ зависѣло признаніе и удовлетвореніе ихъ. Свобода мнѣнія и слова была для Аѳинянъ синонимомъ политической вольности, благомъ, составляющимъ отличительное свойство демократіи (Plat., Rep. VIII, 562 C и дал.). Въ Аѳинахъ свобода слова существовала въ большей мѣрѣ, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Элладѣ (Plat. Gorg. 461, E); ограниченіе или лишеніе ея казалось нарушеніемъ правъ гражданина и притомъ наиболѣе тягостнымъ для него. „Что тяжело для изгнанниковъ, принужденныхъ скитаться на чужбинѣ? Самое тяжелое—то, что они лишены свободы рѣчи.—Да, это доля раба, не говорить о томъ, что думаешь“. Такъ разсуждаютъ дѣйствующія лица одной изъ трагедій Еврипида (Іонъ).—Въ 424 году Аристофанъ выводитъ на сцену самъ державный народъ въ комической фигурѣ старика, Демоса. Народъ смотритъ на свое каррикатурное изображеніе, наслаждается имъ и не преслѣдуетъ поэта за оскорбленіе величества, а, напротивъ, оправдываетъ его, когда демагогъ Клеонъ, осмѣянный въ той же комедіи (Всадники), преслѣдовалъ судомъ ея автора. До чего доходила прямота и колкость насмѣшки, терпимой на сценѣ демократами Аѳинъ, можно судить по слѣдующему мѣсту; „Демось, говоритъ хоръ Всадниковъ, обращаясь къ государю-народу аѳинскому, ты могущественный владыка, все дрожить предъ тобою, но тебя водятъ за носъ. Ты выслушиваешь говорунувъ-ораторовъ, разина ротъ, а мозгъ твой разгуливаетъ неизвѣстно

*

гдѣ“.—Важнѣйшіе сановники и политическіе дѣятели, любимцы и вожди народа, даже самыя боги выводились и осмѣивались на аѳинской сценѣ подѣ ихъ собственными именами. Свобода сцены даетъ ясное понятіе о свободѣ рѣчи на улицахъ и площадяхъ. Иначе и быть не могло въ томъ городѣ, гдѣ, по насмѣшливому выраженію Платона, „и лошади, и ослы при- выкаютъ ходить весьма свободно и важно, да и все другое такимъ же образомъ переполнено свободою“ (Рер. 563, С). Преслѣдованія за мнѣнія являются въ исторіи Аѳинъ рѣдкимъ исключеніемъ; процессъ и осужденіе Сократа относится къ той эпохѣ (399 г.), когда наступила кратковременная реакція противъ злоупотребленія вольностями демократіи. Вообще же народъ аѳинскій былъ болѣе чувствителенъ (хотя и то немного) къ тому, что говорили о его богахъ, чѣмъ къ выходкамъ противъ него са- мого и порядковъ, имъ установленныхъ.

Изъ догмата о правѣ гражданина говорить все, что онъ думаетъ, вытекаетъ свобода политической пропаганды, сходовъ и политическихъ кружковъ. Въ этихъ кружкахъ, посредствомъ обмѣна мыслей и взаимодѣйствія доводовъ и убѣжденій, политическія мнѣнія распространялись, сталкивались другъ съ другомъ, утрачивали крайность и односторонность, свойственную личнымъ мнѣніямъ. Въ этихъ же кружкахъ происходило предварительное сосредоточеніе и организація силъ, готовыхъ выступить на той или другой мѣрѣ, подсказанной потребностями минуты. Всѣ замѣчательныя

дѣятели политической исторіи Аѳинъ являются вождями партій, борющихся сначала изъ-за принциповъ, потомъ за власть, необходимую для осуществленія этихъ принциповъ. Въ Аѳинахъ, какъ вездѣ, мнѣнія, составлявшія впоследствии догматы партій, сначала возникали въ обществѣ тамъ и сямъ подъ прямымъ давленіемъ и вызовомъ жизни, и оставались въ формѣ болѣе или менѣе глухихъ и неясныхъ стремленій, пока въ сознаніи какого нибудь выдающагося политическаго дѣятеля они не становились твердымъ убѣжденіемъ и ясной программой. Тогда, при необычайной публичности аѳинской жизни, при обиліи случаевъ видаться, бесѣдовать и слушать, при воспріимчивости Аѳинянъ ко всему новому, при ихъ сердечномъ участіи ко всему, что касалось общественной жизни, при ихъ страсти къ спорамъ и чувствительности къ силѣ и обаянію слова, при всѣхъ этихъ условіяхъ—вокругъ оратора, проповѣдующаго какую нибудь новую мѣру, или реформу, сами собой собирались люди, сочувствующіе этой мѣрѣ и готовые настаивать на ея исполненіи. Такъ составлялся политическій кружокъ, *гетерія*, и бывшій ораторъ становился его вождемъ. Ближайшею цѣлью этого кружка было доставленіе своему вождю вліятельнаго поста въ аѳинскомъ правительствѣ, занимая который онъ могъ бы пріобрѣсть авторитетъ и вліяніе. Тамъ, гдѣ дѣло шло о должности, замѣщавшейся по выбору гражданъ, напр. о должности стратега, кружокъ склонялъ избирателей на сторону своего кандидата и вербо-

валъ голоса въ его пользу. Тамъ, гдѣ надо было устранить противника, получившаго свою должность по жребію, кружокъ дѣйствовалъ посредствомъ обвиненій и процессовъ при повѣркѣ правъ кандидата, осчастливленнаго жребіемъ. Съ помощью такого кружка управлялъ Перикль аѳинской общиной и побѣдоносно боролся со своими противниками. Самъ онъ обыкновенно оставался въ тѣни, являлся на трибунѣ лишь въ рѣдкихъ и важныхъ случаяхъ, а большую часть мѣръ проводилъ черезъ своихъ сподвижниковъ. Тамъ, гдѣ существуютъ политическія партіи, неизбѣжна и борьба между ними. Въ Аѳинахъ продолженіи V-го вѣка она была почти непрерывна. Демократія признавала ее законной и полезной и вмѣстѣ съ тѣмъ предупреждала крайнее обостреніе ея, могшее повредить единству и энергіи государственной политики. Правительство не вмѣшивалось, не подавляло и не пресѣкало той плодотворной борьбы мнѣній путемъ которой вопросы, возбуждаемыя жизнью, близятся къ своему правильному рѣшенію. Посредствомъ остракизма въ нѣскольکو часовъ рѣшался споръ между вождями борющихся партій, и открывалось, на сторонѣ кого изъ нихъ стоятъ болѣе многочисленныя и дѣятельныя элементы общества. Свобода мнѣній, слова, пропаганды и сходокъ облегчала ту работу мысли и чувства, путемъ которой общество приходитъ къ ясному сознанію своихъ нуждъ и проникается желаніемъ ихъ скорого и полнаго удовлетворенія, путемъ которой безконечное разнообразіе личныхъ мнѣній, и част-

ныхъ интересовъ приводится къ одному знаменателю, выражающему убѣжденія и желанія большинства.

Чтобы возникшая и ясно сознавая потребность была удовлетворена, чтобы желаніе многихъ стало рѣшеніемъ, подчиняющимъ себѣ силы всего общества и устремляющимъ ихъ къ данной цѣли,—для этого необходимо участіе того органа государственной власти, гдѣ сосредоточены все приводящія и отводящія нервы общественнаго организма. Желанія общества тѣмъ скорѣе становятся рѣшеніями и исполняются, чѣмъ чувствительнѣе органы власти къ возбужденіямъ, идущимъ изъ общества, чѣмъ болѣе способны эти органы легко и быстро приводить въ движеніе, сосредоточивать и направлять наличныя силы общества. Аѳинское правительство обладало въ самой высокой степени и той, и другой способностью. Въ Аѳинахъ не могло быть раздвоенія и разногласія между правительствомъ и обществомъ; не могло быть тупости или равнодушія въ правительствѣ, или косности и неповоротливости въ обществѣ, потому что тамъ каждый гражданинъ, способный къ политической жизни, прямо или косвенно участвовалъ въ государственной власти.

§ 31. Верховная власть, принадлежавшая въ Аѳинахъ всему народу, проявляла себя дѣятельно въ двухъ органахъ: вѣчѣ или еkkлeсiи, и судѣ присяжныхъ или геліаѣ. Эkkлeсiя была органомъ верховной власти аѳинскаго народа лишь по нѣкоторымъ вопросамъ, напри-

мѣръ о войнѣ и мирѣ. Она состояла изъ всѣхъ гражданъ, перешедшихъ 20-ти-лѣтній возрастъ и не лишенныхъ по суду гражданскихъ правъ. Въ каждую пританію вѣче собиралось по четыре раза. Первое очередное вѣче каждой пританіи занималось разборомъ жалобъ на савонниковъ, предложеніями касательно продовольствія и безопасности страны, сообщеніями касательно конфискаціи и наслѣдствъ; второе—просьбами; третье—пріемами посольствъ. Разумѣется, что кромѣ этихъ предметовъ вѣче могло разсматривать каждый разъ и другіе, какъ скоро въ томъ была надобность. Кромѣ очередныхъ собраній бывали и чрезвычайныя, созываемыя пританами по требованію стратеговъ для рѣшенія внезапныхъ и неотложныхъ вопросовъ. Граждане созывались на вѣче глашатаями и, если позволяло время, объявленіями, въ которыхъ обозначались предметы разсужденія. Засѣданія вѣча открывались молитвою, послѣ чего пританы прочитывали предложенія, предстоявшія обсужденію народа. Обыкновенно каждое предложеніе напередъ разсматривалось въ думѣ, которая и высказывала по поводу каждаго изъ нихъ свое мнѣніе. Эти мнѣнія думы прочитывались на вѣчѣ, и тогда предлагался вопросъ, принимаетъ ли народъ мнѣніе думы по данному вопросу, или находитъ нужнымъ подвергнуть дѣло дальнѣйшему обсужденію. Если народъ большинствомъ голосовъ, подаваемыхъ посредствомъ поднятія рукъ, признавалъ необходимость новаго обсужденія, то предсѣдательствующій открывалъ пренія.

По закону въ нихъ могъ принимать участіе каждый гражданинъ безъ различія званія и возраста; но обыкновенно выступали съ рѣчью люди, пользовавшіеся вліяніемъ въ глазахъ народа, занимавшіеся политикой по призванію. Во время рѣчи ораторъ имѣлъ на головѣ вѣнокъ въ знакъ своей неприкосновенности, и за свои слова не подвергался отвѣтственности. Но если онъ дѣлалъ народу предложеніе, противорѣчившее законамъ или пользамъ государства, то гражданинъ, усмотрѣвшій такое противорѣчіе, могъ остановить его обсужденіе, заявивъ, что подастъ жалобу на оратора. Таже жалоба (*γραφή παρανόμων*) могла быть подана геліэѣ и послѣ принятія предложенія еkkлeсiей. Порядокъ на вѣчѣ и правильность при счетѣ и повѣркѣ голосовъ находились на попеченіи притановъ, въ распоряженіи которыхъ для этой цѣли была особая стража. Голосованіе производилось посредствомъ поднятія рукъ и исходъ его провозглашался предсѣдателемъ притановъ. Предложеніе, принятое большинствомъ присутствующихъ, становилось постановленіемъ обязательнымъ для всего народа (*ψήφισμα*), записывалось, иногда вырѣзывалось на мѣди или камнѣ и выставлялось публично. Въ немъ упоминалось имя архонта (перваго), секретаря той филы, которой принадлежала по очереди пританія во время даннаго засѣданія вѣча, имя самой филы, предсѣдателя собранія и автора предложенія, принятаго народомъ. Опредѣленія начинались формулой: „угодно стало думѣ и народу“... Двукратнаго

голосованія по тому же самому вопросу не допускалось.

Аѳинское вѣче, въ которомъ могли участвовать всѣ граждане, способные къ активной политической жизни, не могло быть нечувствительнымъ къ тому, чего желаетъ общество; оно не могло оказаться вялымъ или безсильнымъ тамъ, гдѣ нужно было сосредоточить и привести въ движеніе всѣ силы общества. Тутъ былъ весь народъ, а не только его представители. Всѣ свѣдѣнія на счетъ вопросовъ дня этотъ народъ находилъ въ себѣ самомъ или получалъ отъ своихъ же политическихъ вождей. Посредствующимъ звеномъ между вѣчемъ и гражданами порознь, между обществомъ и органомъ верховной власти была дума—βουλή, состоявшая изъ 500 гражданъ (приблизительно 1 на 40 всего активнаго гражданства). Члены думы были не моложе 30 лѣтъ, выбирались изъ всего народа по жребію, только на годъ, и по истеченіи года непременно уступали свое мѣсто другимъ. Дума проводила возбужденія и желанія, идущія изъ общества, въ народное собраніе, подвергая ихъ на этомъ пути обсужденію и оцѣнкѣ; она же содѣйствовала исполненію рѣшеній, принятыхъ народомъ, проводила ихъ до тѣхъ пунктовъ, гдѣ они должны были обнаружить свое дѣйствіе, распораясь съ этой цѣлью при содѣйствіи органовъ исполнительной власти какъ личными, такъ и финансовыми силами общества. Ни одно предложеніе безъ вѣдома и соизволенія думы не могло быть подвергнуто обсужденію народа.

Аѳинскій гражданинъ могъ довести свое мнѣніе или желаніе до свѣдѣнія думы или чрезъ посредство одного изъ ея членовъ (а ихъ, какъ сказано, было по одному на каждые 40 гражданъ), или чрезъ кого либо изъ сановниковъ. Засѣданія думы проходили ежедневно и обыкновенно были доступны для всѣхъ. Только тѣ желанія и предложенія гражданъ, которыя отклонялись думой, не достигали народнаго собранія, но и они могли быть возобновлены на слѣдующій годъ при новомъ составѣ думы. На вѣчѣ мнѣнія думы читались, какъ сказано, тотчасъ послѣ религиозныхъ церемоній, открывавшихъ засѣданіе. Каждый гражданинъ во время преній могъ оспаривать и возражать противъ нихъ. Четыре качества требовалъ аѳинскій народъ отъ своихъ постоянныхъ совѣтниковъ и руководителей: ясное пониманіе того, что нужно въ данную минуту, умѣніе вразумительно и убѣдительно сообщить свое мнѣніе другимъ, доброе расположеніе къ государству и недоступность корыстнымъ разсчетамъ. Только лишенный гражданскихъ правъ приговоромъ суда, непочтительный къ родителямъ, уклонившійся отъ исполненія военной повинности, завѣдомый мотъ и развратникъ—и закономъ и общественнымъ мнѣніемъ устранялись отъ ораторской трибуны.

Какъ органъ верховной власти, способный отзываться на желанія общества и приводить въ движеніе его силы, аѳинская еkkлeсія стоитъ выше представительныхъ собраній, замѣняющихъ ее въ конституціонныхъ государствахъ

поваго времени. Въ палатѣ представителей одинъ членъ является представителемъ, по крайней мѣрѣ, 50 тысячъ гражданъ. Во время сессіи этотъ представитель живетъ въ столицѣ внѣ прямого общенія со своими довѣрителями. Вслѣдствіе избирательной агитаціи и происковъ въ палатѣ представительство страны никогда не бываетъ вполнѣ соответствующимъ распределенію политическихъ интересовъ и убѣжденій въ обществѣ. Наконецъ, палата всегда находится подъ вліяніемъ министерства, представляющаго собой обыкновенно не всѣ партіи, а лишь господствующую въ палатѣ. Всѣ эти обстоятельства содѣйствуютъ уменьшенію чувствительности палаты представителей къ возбужденіямъ, идущимъ изъ общества и ея авторитета надъ мнѣніями и волей гражданъ. Ни одного изъ нихъ не было въ аѳинской еkkлесіи, представлявшей въ идеѣ собраніе всего народа со всѣмъ разнообразіемъ его желаній и мнѣній, со всею силою авторитета, подбавющаго свободному рѣшенію всѣхъ.

Тамъ, гдѣ дѣло шло о вопросахъ и задачахъ общегитія, не выводившихъ ни общество, ни отдѣльныхъ гражданъ изъ предѣловъ порядка, устроеннаго законами, рѣшенія еkkлесіи имѣли силу безусловно обязательную. Таковы были вопросы о войнѣ и мирѣ, о нормальномъ бюджетѣ государства. Для обязательности постановленій вѣча не требовалось присутствія опредѣленнаго числа гражданъ, число коихъ на вѣчѣ обыкновенно не превышало 5000. Только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло шло о примѣненіи

какой нибудь мѣры, имѣвшей отношеніе лишь къ нѣкоторымъ лицамъ, а не ко всѣмъ гражданамъ вообще (напримѣръ: остракизмъ, дарованіе гражданства чужеземцамъ), требовалось, чтобы участвующихъ въ голосованіи было не меньше 6000.

§ 32. Въ большинствѣ случаевъ постановленія эkkлeсiи не имѣли окончательной силы, такъ какъ надъ нею стояла другая, высшая инстанція—геліэя. Очень часто аѣинскій народъ въ полномъ своемъ составѣ отказывался отъ примѣненія своихъ державныхъ правъ, безпрекословно повинаясь ея рѣшенію. Каждый аѣинянинъ по достиженіи 30 лѣтъ возраста имѣлъ право быть членомъ геліэи, и, если хотѣлъ въ текущемъ году воспользоваться этимъ правомъ, то заявлялъ о своемъ желаніи особымъ сановникамъ (ѣесмоветамъ), которые вносили его въ списокъ и приводили къ присягѣ, обязывавшей его охранять права гражданина и верховную власть народа, судить по закону тамъ, гдѣ законъ былъ, и по наилучшему мнѣнію (голосу совѣсти) тамъ, гдѣ законъ оставался безмолвнымъ. Наличное число присяжныхъ распредѣлялось на десять отдѣленій, или судебныхъ палатъ, и дѣла, подлежащія суду присяжныхъ въ началѣ дня, назначеннаго для ихъ разсмотрѣнія, распредѣлялись по жребію между отдѣленіями, такъ что до начала судебного разбирательства никто изъ присяжныхъ не могъ знать, какія именно дѣла достанутся сегодня на долю той судебной палаты, въ составѣ которой онъ принимаетъ участіе.

Каждый вопросъ, подлежавшій вѣдѣнію геліэи, разбирался ею съ соблюденіемъ всѣхъ формъ судебного процесса, и рѣшеніе постановлялось съ помощью тайной подачи голосовъ безъ всякаго напоминанія и разъясненія со стороны сановниковъ, предсѣдательствовавшихъ на судѣ и руководившихъ предварительнымъ слѣдствіемъ. Обыкновенно аѳинскую геліэю считаютъ органомъ исключительно судебной власти, назначеннымъ для того, чтобы рѣшать вопросы о правѣ и возстановлять нарушенныя права въ сферѣ какъ личной, такъ и общественной жизни гражданъ. Но болѣе пристальное изученіе историческаго преданія убѣждаетъ насъ въ томъ, что кругъ власти геліэи былъ гораздо шире, чѣмъ власть суда, даже и въ самыхъ высшихъ ея инстанціяхъ.

Геліэя была органомъ верховной власти аѳинскаго народа, полномочія котораго стояли выше полномочій народнаго собранія и простирались не только на судъ, но и на законодательство, на администрацію, финансы и на отношенія аѳинскаго государства къ иностраннымъ правительствамъ. Правда, аѳинская экклесія выбирала однихъ сановниковъ, а другіе получали свои должности по жребію; но ни выборъ народа, ни жребій, падавшій по волѣ боговъ, не рѣшали дѣла окончательно. Избранники народа и любимцы жребія одинаково должны были предстать предъ геліэею, она подвергала ихъ испытанію, по совѣсти рѣшала вопросъ о ихъ нравственной и политической благонадежности, и если рѣшеніе геліэи было

не въ пользу кандидатовъ, то какъ выборъ народа, такъ и жребій боговъ безвозвратно и окончательно кассировались. Правда, что эkkлeсія въ началѣ каждаго года рѣшала вопросъ о пересмотрѣ законовъ; она же выслушивала проекты новыхъ законовъ, предлагаемыхъ гражданами, высказывалась въ пользу или противъ нихъ; но дальше этого вліяніе ея на законодательство не простиралось. Отвергаемый старый и предлагаемый въ замѣнъ его новый законъ, какъ двѣ спорящія стороны являлись на судъ геліаи; первый въ лицѣ официальныхъ защитниковъ, назначенныхъ вѣчемъ, второй—въ лицѣ автора законопроекта. Геліа разсматривала дѣло судебнымъ порядкомъ, выслушивала возраженія и доводы какъ той, такъ и другой стороны и отъ рѣшенія геліастовъ (обыкновенно 1000 человекъ) зависѣло: останется ли въ силѣ старый законъ, или будетъ замѣненъ новымъ, заслушаннымъ въ народномъ собраніи. Вѣче могло даровать иностранцу права гражданства; отъ геліаи зависѣло утвердить это дарованіе, или признать постановленіе вѣча недействительнымъ. Вѣче заключало при посредствѣ думы договоры съ иностранными государствами; геліа ихъ ратификовала. Почти каждое рѣшеніе народнаго собранія могло быть приостановлено заявленіемъ гражданина, что онъ обжалуетъ его, какъ противозаконное, предъ судомъ присяжныхъ. Кассация декретовъ вѣча была дѣломъ обыкновеннымъ, тогда какъ ашелляція вѣчу на приговоръ присяжныхъ была дѣломъ невозможнымъ и немислимымъ. Геліа была высшимъ

органомъ власти аѳинскаго народа, единственнымъ органомъ, имѣвшимъ силу произвести и освятить необходимыя измѣненія въ существующемъ правѣ и государственномъ порядкѣ. И этотъ органъ былъ въ высшей степени чувствителенъ ко всѣмъ возбужденіямъ, шедшимъ изъ общества, ибо и здѣсь власть принадлежала не выборнымъ, или уполномоченнымъ, а самому народу въ лицѣ его старшаго поколѣнія. Приговоръ геліаи былъ выраженіемъ воли, разумнѣя и совѣсти народа и потому имѣлъ безусловную обязательность и непререкаемый авторитетъ.

Порядокъ судебной процедуры въ общихъ чертахъ былъ таковъ. За немногими исключеніями въ Аѳинахъ не было официальныхъ обвинителей, соответствующихъ нашей прокуратурѣ. Каждый гражданинъ имѣлъ право подать жалобу въ судъ, какъ въ томъ случаѣ, когда нарушались его собственные интересы, такъ и въ томъ, когда по его мнѣнію были нарушены интересы народа и государства. Жалоба подавалась тому сановнику, къ вѣдомству котораго относилось данное правонарушеніе: такъ, если дѣло шло о нарушеніи интересовъ сиротъ, вдовъ, или наслѣдниковъ, то жалоба подавалась первому архонту; жалоба по поводу убійства, увѣчья, оскорбленія религіи подавалась архонту-царю; жалобы на противозаконность законопроектовъ, принятыхъ вѣчемъ, или на неправильность выборовъ, — ѳесмоѳетамъ; по преступленіямъ военнымъ — стратегамъ и т. д. Подача жалобы предшествовало приглашеніе явиться къ сановнику, который долженъ бу-

деть производить слѣдствіе; съ этимъ приглашеніемъ податель жалобы обращался къ своему противнику въ присутствіи двухъ свидѣтелей. Жалоба подавалась письменно, и сущность ея выставлялась во всеобщее свѣдѣніе, особенно для тѣхъ, кто были заинтересованы въ данномъ дѣлѣ. Велѣдъ за принятіемъ жалобы сановникъ назначалъ срокъ для судебного разбирательства, состоявшаго въ томъ, что обѣ стороны давали клятву въ подтвержденіе своего обвиненія или оправданія, уплачивали судебныя пошлины, представляли въ доказательство своей правоты документы, показанія свидѣтелей, статьи законовъ, въ случаѣ надобности отдавали своихъ рабовъ для снятія съ нихъ показаній подъ пыткой. Собравъ все эти показанія, сановникъ хранилъ ихъ подъ печатью, и въ день суда представлялъ въ то присутственное мѣсто, гдѣ должно было разматриваться данное дѣло. Разбирательство дѣла въ судѣ присяжныхъ, подъ предѣдательствомъ сановника, принявшаго жалобу, начиналось молитвою. Затѣмъ секретарь читалъ жалобу истца и объясненіе отвѣтника; послѣ чего слово предоставлялось обвинителю. По закону каждый обязанъ былъ лично вести свое дѣло, хотя по неумѣлости могъ воспользоваться рѣчью, заготовленною адвокатомъ по профессіи, а иногда и личнымъ содѣйствіемъ послѣдняго. За рѣчью истца слѣдовала рѣчь отвѣтника, при чемъ обоимъ отведено было извѣстное количество времени, измѣрявшагося водяными часами. Во время рѣчи читывались документы, свидѣтельскія по-

казанія и статьи законовъ; на это время ходъ часовъ прерывался. Въ своихъ рѣчахъ обѣ стороны употребляли все усилія, чтобы подѣйствовать не столько на умъ, сколько на чувство судей; для этого пускались въ дѣло не только все приемы краснорѣчія (имъ научала риторика), но также слезы, мольбы женъ, дѣтей, указаніе на безпомощность родителей и т. п. По окончаніи рѣчей судьи приступали къ подачѣ голосовъ, которая производилась тайно, съ помощью камешковъ, бобовъ, раковинъ, или шариковъ. Большинство голосовъ рѣшало дѣло въ пользу обвинителя или обвиняемаго. Если обвинитель не получалъ въ свою пользу даже $\frac{1}{3}$ всехъ голосовъ (ихъ могло быть отъ 200 до 2500), онъ подвергался штрафу, равнявшемуся $\frac{1}{6}$ суммы иска въ частныхъ процессахъ и 1000 драхмъ въ процессахъ по преступленіямъ противъ общества. Наказаніе иногда назначалось закономъ, а чаще обвинителемъ; въ послѣднемъ случаѣ обвиненный могъ съ своей стороны назначить себѣ болѣе легкое наказаніе, и судьи тайной подачей голосовъ рѣшали выборъ между тѣмъ и другимъ. Смертная казнь и вѣчная ссылка была самыми тяжкими изъ наказаній и налагались за очень много преступленій. Аѳинская демократія, оберегая свои интересы, не слишкомъ заботилась о правахъ личности, и въ своихъ приговорахъ не стѣснялась теоріей о связи преступленія съ недостатками общественнаго быта.

Разсматривая взаимныя отношенія еkkлeсiи и геліэн, нельзя обойти вопроса о томъ, что

руководило аѳинскимъ народомъ и его политическими вождями въ этомъ оригинальномъ подчиненіи одного народнаго собранія другому? Побужденія къ тому коренились въ глубокомъ и вѣрномъ пониманіи различія между задачами, подлежащими рѣшенію государственной власти. Изъ этихъ задачъ одни имѣютъ цѣлью единичный фактъ, касаются отдѣльнаго случая, не измѣняя общаго строя и порядка жизни, другія—ведутъ къ созданію правила, общей нормы, которая въ свою очередь можетъ вызвать появленіе цѣлаго безконечнаго ряда фактовъ, повести къ измѣненію общественнаго порядка и строя. Задачи второго рода касаются интересовъ, затрогивающихъ общество гораздо глубже, и потому онѣ требуютъ самаго тщательнаго обсужденія, самаго спокойнаго и безстрастнаго рѣшенія. Для этихъ задачъ аѳинская геліэя была органомъ болѣе сподручнымъ и надежнымъ, нежели еkkлeсiя. Создавъ геліэю, аѳинскій народъ тѣмъ самымъ прежде всего исключилъ людей молодыхъ и незрѣлыхъ отъ обсужденія и разрѣшенія какихъ бы то ни было нововведеній и измѣненій въ существующемъ порядкѣ вещей; исключилъ тотъ слой общества, мысли и стремленія котораго болѣе направлены впередъ, который любитъ новое подчасъ только потому, что это новое молодо. Геліастомъ могъ быть гражданинъ, достигшій 30-тилѣтняго возраста, но обыкновенно бывали люди пожилые, пережившіе ту пору, когда человѣкъ предпочитаетъ жизнь подвижную, дѣятельную молчаливому и пассивному созерца-

*

нію. Геліастъ былъ связанъ клятвой; онъ не принималъ активнаго участія въ разбирательствѣ и аргументаціи; онъ былъ дальше отъ горячки преній, отъ увлеченія въ крайность, столь естественнаго для того, кто самъ участвуетъ въ дебатахъ. Составъ геліаи былъ несравненно малочисленнѣе состава еkkлесіи. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ геліасты засѣдали въ числѣ 2000; обыкновенно дѣла разсматривались и рѣшались присутствіемъ изъ 250, 500, много 1000 членовъ. Геліаея всегда получала вопросъ не въ сыромъ, а уже въ переработанномъ видѣ. Большая часть дѣлъ, прежде чѣмъ достигнуть собранія присяжныхъ, проходила черезъ думу, черезъ вѣче, черезъ руки сановника, руководившаго слѣдствіемъ. Никогда геліастамъ не приходилось разсматривать вопросъ подъ вліяніемъ горячки и увлеченія первой минуты, ибо всегда очень значительное разстояніе отдѣляло моментъ перваго возбужденія даннаго вопроса отъ окончательнаго разрѣшенія его присяжными. вмѣсто дебатовъ, гдѣ могли принимать участіе многіе, передъ геліастами происходило судебное состязаніе двухъ сторонъ, всегда связанныхъ клятвами, очень часто подвергавшихся риску, приводившихъ свои доводы въ той солидной формѣ, которая составляетъ принадлежность судебного разбирательства. Никакой демагогъ, владающій толпой и пользующійся обаяніемъ въ глазахъ ея, не вмѣшивался въ это состязаніе; никакой вліятельный сановникъ не склонялъ рѣшенія присяжныхъ въ ту или другую сторону. Пренія

шли въ порядкѣ; водяные часы отмѣривали время, удѣленное истцу и отвѣтчику; кончался срокъ и присяжные безъ всякаго предварительнаго совѣщанія, безъ всякаго давленія другъ на друга, клали свои шары въ урну; и если они при этомъ не повиновались закону, или не слѣдовали голосу наилучшаго мнѣнія, то виновны въ этомъ были не учрежденія, а нравы. Учрежденія обезпечивали все, что нужно для мудраго и справедливаго рѣшенія. Таковы были два органа, посредствомъ которыхъ проявляла свою дѣятельность верховная власть аѳинскаго народа. Они обладали высшей чувствительностью ко всѣмъ возбужденіямъ, шедшимъ изъ общества, они же обладали и высшимъ авторитетомъ, способнымъ подчинить себѣ волю всѣхъ и cadaго, приводить въ движеніе всѣ силы общества и руководить его дѣйствіями. Голосъ аѳинскаго гражданина легко достигалъ до слуха геліэи, и рѣшеніе геліэи безапелляціонно овладѣвало волей аѳинскаго гражданина.

§ 33. Отъ экклесіи и геліэи исходилъ первый стимуль, приводившій въ движеніе общество; дальнѣйшее проведеніе этого стимула, вплоть до простѣйшихъ элементовъ общественнаго организма, совершалось при помощи административнаго механизма (магистратуры), дѣйствовавшаго при участіи и подъ надзоромъ сената. Члены сената получали это званіе по жребію, могли получать его нѣсколько лѣтъ сряду, за отправление своей должности подлежали отвѣтственности лишь касательно распоряженія финансами, и за свой трудъ по-

лучали вознагражденіе (около 25 коп. сер. въ сутки). Сенатъ представлялъ собою высшую административную власть и въ то же время обладалъ правомъ почина въ совѣщательномъ и законодательномъ отношеніи, рассматривая предварительно всѣ предложенія, имѣвшія поступить на разсмотрѣніе вѣча, и давая по каждому изъ нихъ свое заключеніе. Сенатъ принималъ донесенія полководцевъ и посланниковъ, давалъ аудіенціи иностраннымъ посольствамъ и вводилъ ихъ на вѣче.

Сенатъ имѣлъ высшій надзоръ и управленіе финансами, завѣдывалъ поступленіемъ доходовъ, отдачею въ аренду государственныхъ имуществъ, сооруженіемъ флота и вообще общественными постройками, и равно сношеніями съ союзниками и взиманіемъ податей съ нихъ. Засѣданія сената происходили ежедневно, и смотря по обстоятельствамъ были то публичныя, то тайныя. Для того, чтобы завѣдываніе текущими дѣлами не прерывалось, и высшая административная власть была на своемъ посту въ каждый моментъ, сенатъ раздѣлялся на десять отдѣленій по филамъ, по 50 человекъ. Эти отдѣленія въ порядкѣ, опредѣляемомъ жребіемъ, составляли попеременно непрерывно-дѣйствующую комиссію сената, готовую къ дѣлу по первому требованію. Члены комиссіи во все продолженіе своей очереди назывались пританами, ежедневно по жребію выбирали изъ своей среды предсѣдателя, хранившаго у себя ключи отъ государственнаго казначейства, и архива, а также и государ-

ственную печать. Пританы проводили большую часть дня въ своемъ официальномъ помѣщеніи (θβλος), гдѣ и обѣдали на счетъ казны. Если обычныя полномочія думы были недостаточны для исполненія какой нибудь мѣры, требовавшей быстрого энергическаго дѣйствія, народное собраніе особымъ постановленіемъ расширяло ихъ и снабжало думу на данной случай неограниченными полномочіями, въ силу которыхъ она могла дѣйствовать помимо и независимо отъ народнаго собранія.

Большинство правительственныхъ должностей въ Аѣнахъ исполнялось коллегіями обыкновенно изъ десяти лицъ, избравшихся на годъ, и притомъ безъ права занимать одну и ту же должность нѣсколько лѣтъ къ ряду, кромѣ военныхъ должностей. Всѣ сановники безъ исключенія, всѣ лица, исполнявшія общественныя должности и расходовавшія общественныя деньги, подлежали отчетности предъ сенатомъ и геліэей. Правительственный механизмъ, дѣйствовавшій правильно и постоянно, исполняли въ Аѣнахъ слѣдующія три должности: 1) сосредоточеніе и направленіе силъ общества для борьбы съ внѣшними врагами; 2) охраненіе общества отъ антисоціальныхъ элементовъ, гнѣздившихся внутри его; 3) собраніе и распределеніе финансовыхъ средствъ общества, представляющихъ замѣну и восполненіе личной службы гражданъ. Каждая изъ этихъ должностей исполнялась особымъ органомъ или вѣдомствомъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ коллегій или отдѣльныхъ лицъ, обыкновенно не под-

чиненныхъ другъ другу, но зависѣвшихъ непосредственно отъ народа, имъ избираемыхъ, утверждаемыхъ и судимыхъ. Во главѣ военнаго дѣла стояли десять стратеговъ, избравшихся по одному отъ каждой филы посредствомъ голосованія изъ гражданъ, состоявшихъ въ законномъ супружествѣ и имѣвшихъ въ Атикѣ поземельную собственность. Въ цвѣтущую пору аѣинской общины стратеги въ тоже время были и демагогами, т. е. наиболѣе вліятельными ораторами и руководителями народнаго собранія. Во все продолженіе V-го столѣтія аѣинскій народъ съ вѣрнымъ политическимъ тактомъ выбиралъ въ должность стратеговъ членовъ богатыхъ и знатныхъ фамилій, воздавая этимъ должное благородству происхожденія и высокому образованію, всегда доступному болѣе для верхнихъ слоевъ общества. Избраніе аристократовъ на должности наиболѣе важныя никоимъ образомъ не могло вредить интересамъ демократіи, ибо противъ захватовъ и злоупотребленія властей аѣинская конституція представляла надежное обезпеченіе въ бдительности и всемогуществѣ суда. Избраніе народа могло падать на одно и тоже лицо въ теченіи многихъ лѣтъ къ ряду, и Перикль 15 лѣтъ безъ перерыва былъ стратегомъ. Было въ обычаѣ, чтобы желающіе занять этотъ постъ, заявляли о своей кандидатурѣ и заручались расположеніемъ избирателей, при чемъ изобличеннымъ въ подкупъ законъ грозилъ смертью. Кандидаты, избранные народомъ, подвергались испытанію (*δοκιμασία*) сначала въ думѣ, а по-

томъ въ геліэѣ, гдѣ присяжные, рѣшая дѣло тайнымъ голосованіемъ, придавали главное значеніе политической способности и благонамѣренности кандидата. Въ теченіи года чрезъ руки стратеговъ проходило много общественныхъ суммъ, въ которыхъ они должны были отдавать отчетъ, а также и въ остальныхъ дѣйствіяхъ и распорядженіяхъ по должности, коль скоро противъ нихъ заявлялись жалобы. Въ случаѣ тяжкаго злоупотребленія стратегъ могъ быть устраненъ отъ должности до истеченія срока ея. Кругъ власти, принадлежавшей стратегамъ, былъ очень обширенъ. Кромѣ собственно военнаго дѣла т. е. организаціи и командованія военными силами, кромѣ приѣма жалобъ и производства слѣдствія по преступленіямъ противъ военнаго устава, они были представителями аѣннской общины въ сношеніяхъ ея съ иностранными правительствами, имѣли надзоръ за безопасностью страны, за поведеніемъ союзниковъ и подданныхъ, за общественными постройками и сооруженіями; вмѣстѣ съ сенатомъ они присягали отъ лица аѣннской общины въ исполненіи международныхъ обязательствъ, участвовали въ союзномъ составѣ въ качествѣ его предсѣдателей. Сношенія стратеговъ съ сенатомъ были прямыя и непосредственныя въ формѣ доклада; сношенія съ эkkлесіей шли чрезъ посредство притановъ, къ которымъ обращались стратеги, когда нужно было созвать чрезвычайное вѣче, или отложить по какимъ нибудь соображеніямъ обычное засѣданіе послѣдняго, и пританы должны были исполнить требованіе

стратеговъ въ обоихъ случаяхъ. Иногда для вѣщаго сосредоточенія и энергіи дѣйствія народное собраніе уступало стратегу часть своихъ державныхъ правъ, облекало его неограниченными полномочіями и освобождало для извѣстной цѣли отъ всякой зависимости отъ себя. Стратегъ, облеченный такою полнотою власти, именовался самодержцемъ, *αὐτοκράτωρ*. Въ качествѣ стратега—автократора Перикль въ продолженіи 15 лѣтъ стоялъ во главѣ аѳинской общины, такъ что за это время государственнй строй Аѳинъ, оставаясь по формѣ демократіей, на дѣлѣ имѣлъ всѣ преимущества монархіи безъ недостатковъ, свойственныхъ послѣдней.

Для охраны порядка и борьбы съ нарушителями его въ Аѳинахъ имѣлась многочисленная полиція благоустройства и безопасности. Всѣ полицейскія должности исполнялись коллегіями, состоявшими изъ десяти членовъ. Надзоръ за тюрьмами, исполненіе смертныхъ приговоровъ, расправа съ грабителями и разбойниками, схваченными на мѣстѣ преступленія, судъ надъ тѣми, кто обвинялся въ утайкѣ имущества, подлежащаго конфискаціи,—все это принадлежало вѣдомству *одиннадцати* (*οἱ ἑνδεκά*). За порядкомъ и чистотой на улицахъ, за исполненіемъ предписаній строительнаго устава при сооруженіи новыхъ зданій наблюдали десять *астиномовъ*; забота о снабженіи города водою, что было важнымъ дѣломъ при недостаткѣ источниковъ, лежала на особой коллегіи надзирателей за водою; десять *агораномовъ* (по 5

для Афинъ и Пирея) наблюдали за порядкомъ и соблюденіемъ торговаго устава на рынкахъ; надзоръ за правильностью мѣръ и вѣсовъ лежалъ на десяти *метрономахъ*; за хлѣбной торговлей, подверженной въ Афинахъ сильной регламентации, смотрѣли десять *ситофилаковъ*, а за порядкомъ въ гавани десять особыхъ надзирателей.—Все эти коллегіи были независимы одна отъ другой и находились въ прямыхъ сношеніяхъ съ думой, а чрезъ нее съ народнымъ собраніемъ, такъ что каждая полицейская власть, распоряжаясь и взыскивая, отвѣчала сама за себя и не была стѣснена и парализована дѣйствіями другой власти. Этимъ обезпечивались самодѣтельность и энергія полиціи, а произволь и притѣсненія, возможные со стороны ея, предупреждались коллегіальностью властей и общей ихъ отвѣтственностью предъ судомъ народа. Каждая изъ названныхъ коллегій имѣла въ своемъ распоряженіи необходимое количество прислужниковъ, которые иногда выбирались изъ рабовъ, и за свой трудъ получали плату. Такимъ образомъ, для охраненія порядка и водворенія благоустройства въ афинской общинѣ имѣлся полицейскій механизмъ не менѣе сложный, чѣмъ въ большихъ городахъ нашего времени.

Доходы государственной казны въ цвѣтущую пору демократіи афинской доходили до 1 1/2 милл. р. сер. и даже болѣе, что составляло болѣе 60 р. сер. на cadaго гражданина, принимающаго активное участіе въ политической жизни (если принять, что число таковыхъ до-

ходило до 25 тысячъ). Хотя аѳинскіе граждане не платили податей и прямыхъ налоговъ, но доходы государства прямо или косвенно шли въ ихъ пользу, и аѳинскій народъ, для котораго казна была источникомъ, а не поглощающимъ пріемникомъ его доходовъ, тщательно и ревниво слѣдилъ за каждой казенной денежкой, наказывая неустойку предъ казною наравнѣ съ самыми тяжкими преступленіями. Высшій надзоръ за финансами принадлежалъ сенату; съ вѣдома и въ присутствіи его производились подлежащими сановниками какъ пріемъ, такъ и выдача суммъ. Поступленіемъ денегъ, слѣдовавшихъ въ казну съ пошлинъ, арендной платы, налоговъ и проч. завѣдывали *анодекты*, исполнявшіе свое дѣло въ присутствіи сената. Принятія суммы (изъ доходовъ Аттики собственно) шли на покрытіе текущихъ расходовъ и тотчасъ распредѣлялись между отдѣльными кассами, согласно съ бюджетомъ принятымъ заранѣе, или съ особымъ на данный случай постановленіемъ народнаго собранія. До своего потребленія суммы, поступившія на приходъ, хранились или въ государственномъ казначействѣ, или въ казнѣ богини Аѳины, или въ казнѣ остальныхъ боговъ. Вообще мѣстомъ храненія общественныхъ суммъ былъ храмъ Аѳины Дѣвственницы (Парѳенонъ), въ задней части котораго было устроено особое помѣщеніе. Въ кассу богини Аѳины, хранившуюся тамъ же, поступала $\frac{1}{10}$ денегъ изъ штрафовъ и конфискацій, а $\frac{1}{50}$ изъ тѣхъ же денегъ шла въ кассу остальныхъ боговъ. Суммы эти, состав-

лявшія храмовую собственность, находились въ вѣдѣніи государства, которое, въ случаѣ надобности, пользовалось ими въ видѣ займа для покрытія своихъ расходовъ. Во главѣ каждой кассы стояли особые казначеи, уплачивавшіе издержки, падавшіе на ихъ кассу. Двѣ коллегіи, *логистовъ* и *эввиновъ* (εἰθνοῖσι), занимались повѣркою счетовъ въ суммахъ, издержанныхъ сановниками во время ихъ службы. Какъ приходъ, такъ и расходъ общественныхъ суммъ совершался въ строгомъ порядкѣ и на глазахъ у всѣхъ, кто были заинтересованы въ правильномъ исполненіи бюджета и могли требовать отчета у его исполнителей. Каждый сановникъ окончившій срокъ своей службы, до сдачи отчета считался должникомъ государственной казны, не могъ быть избранъ въ другую должность или получить награду за усердное исполненіе первой.

§ 34. Таково было въ общихъ чертахъ устройство аѳинской общины въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало во второй половинѣ V-го вѣка. Оно обезпечивало свободу и порядокъ, и не стѣсняло ни политическихъ, ни соціальныхъ интересовъ гражданъ. Вѣкъ Перикла былъ роскошнымъ цвѣтомъ умственной жизни, развившейся подъ охраной этого устройства. Каковъ былъ характеръ общественной жизни въ Аѳинахъ въ эту пору, каковы были нравы и расположенія людей въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу и къ государству, — объ этомъ можно составить себѣ приблизительное понятіе по слѣдующимъ словамъ Пе-

рикла, сказанымъ при погребеніи воиновъ, павшихъ въ первый годъ пелопонесской войны (430). „Я хочу пынѣ, такъ говорилъ вождь аѳинскаго народа своимъ сподвижникамъ, обратитъ взоръ вашъ на внутренній строй нашей жизни, на наши государственныя учрежденія и общественныя права, чему наше отечество обязано своимъ настоящимъ величіемъ. Я думаю, что выикнуть въ этотъ предметъ полезно бываетъ всякому, какъ нашему соотечественнику, такъ и иноземцу. Наше государственное устройство не заимствовано нами у сосѣдей; напротивъ, сами мы служимъ въ этомъ образцѣмъ для другихъ, и не мы, а намъ подражаютъ. Оно носитъ имя демократіи, потому что опирается не на меньшинство, а на большинство гражданъ. Наши законы предоставляютъ всѣмъ равныя права въ частныхъ тяжбахъ, а въ отношеніяхъ нашихъ къ государству мы отдаемъ предпочтеніе не происхожденію и не личнымъ преимуществамъ, а заслугамъ, какія кто оказалъ отечеству: бѣдность и незнатность никому не служатъ препятствіемъ совершить, если можетъ, дѣла полезныя для отечества. Мы пользуемся свободой, какъ въ жизни политической, такъ и въ своихъ всѣдневныхъ взаимныхъ отношеніяхъ; мы не слѣдимъ съ подозрительностью другъ за другомъ, не смотримъ неодобрительно на то, что сосѣдъ нашъ живетъ такъ, какъ ему правится; мы не подвергаемъ гражданъ такимъ взысканіямъ, которыя, правда, неубыточны, но на которыя тяжело смотрѣть. Свободны отъ

принудительныхъ стѣненій въ своей частной жизни, въ дѣлахъ общественныхъ мы пови-
нуемся долгу совѣсти, установленнымъ вла-
стямъ и законамъ, въ особенности тѣмъ на-
шимъ законамъ, какіе имѣются для защиты
обидимаго, равно какъ и тѣмъ неписаннымъ
правственнымъ правиламъ, нарушеніе которыхъ
считаемъ постыднымъ. Для отдохновенія послѣ
трудовъ, у насъ существуетъ множество раз-
влеченій, освѣжающихъ духъ нашъ: гимнасти-
ческія состязанія, ежегодныя торжественныя
жертвоприношенія равно какъ и благоустроен-
ный домашній бытъ, въ которомъ мы ежедневно
можемъ пайти успокоеніе отъ заботъ. Благо-
даря громадности нашего города, въ него изъ
всѣхъ странъ ввозятся всякія произведенія,
такъ что мы имѣемъ возможность наслаждать-
ся у себя дома произведеніями чужихъ краевъ
наравнѣ съ дарами своей родной земли. Въ
устройствѣ военного дѣла мы отличаемся отъ
своихъ противниковъ; нашъ городъ открытъ
для всякаго; нѣтъ у насъ обычая изгонять изъ
него иностранцевъ, которые пріѣзжаютъ сюда
учиться, или смотрѣть на наши зрѣлища; мы
не думаемъ о томъ, что кто нибудь изъ нашихъ
враговъ подсматриваетъ за нами; мы полагаемъ-
ся не на хитрость и предосторожности, а на
свою храбрость. Наши противники стараются
посредствомъ усиленныхъ упражненій обучать
своихъ юношей такъ, чтобы они не уступали
на войнѣ зрѣлымъ мужамъ; мы не ведемъ суро-
ваго образа жизни, и однако не уступаемъ
имъ ни въ чемъ среди равныхъ опасностей

войны. Предаваясь больше спокойному наслажденію жизнью, чѣмъ воинскимъ упражненіямъ, мы идемъ на встрѣчу опасности не съ заученною, а съ природною храбростью; при этомъ мы имѣемъ ту выдачу, что не мучимъ себя до войны тягостями военной жизни; когда же настанетъ война, переносимъ эти тягости съ такою же твердостью, какъ и тѣ, которые постоянно себя ими изнуряютъ. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи, какъ и во всемъ другомъ, нашъ городъ заслуживаетъ удивленія. У насъ любовь къ прекрасному соединена съ простотою жизни, и любовь къ знанію не ослабляетъ нашего мужества. Богатство въ нашихъ рукахъ служитъ средствомъ для дѣятельности, а не предметомъ тщеславія. У насъ считается постыднымъ скрывать свою бѣдность, но еще болѣе постыднымъ—нерадѣніе о томъ, чтобы выйти изъ нея. Понеченіе о своихъ домашнихъ дѣлахъ у насъ совмѣщается съ заботою о дѣлахъ государственныхъ; и тѣ изъ нашихъ согражданъ, которые живутъ трудомъ рукъ своихъ, не менѣе другихъ обладаютъ знаніемъ политическихъ дѣлъ. Это лишь у насъ однихъ гражданъ, не принимающій участія въ политической жизни, считается не просто не дѣятельнымъ, но негоднымъ въ государствѣ челоукомъ. Прежде чѣмъ рѣшать дѣла, мы тщательно ихъ обсуждаемъ и не боимся вреда для дѣла отъ рѣчей, а скорѣе отъ того, что приступимъ къ дѣлу, не обдумавъ его предварительно. Смѣлость плановъ у насъ соединена съ ихъ разсчитанностью, тогда какъ у дру-

гихъ эта смѣлость происходитъ отъ незнанія, а размышленіе приводитъ ихъ къ нерѣшительности. Въ своихъ нравственныхъ правилахъ мы также отличаемся отъ многихъ, оказывая услуги другимъ не по расчету, а съ довѣріемъ свободныхъ людей. Кратко сказать: городъ нашъ во всемъ служить училищемъ для цѣлой Эллады, и я увѣренъ, что каждый найдетъ въ немъ себѣ широкій просторъ и самыя благопріятныя условія для своего развитія.—Что все, сказанное мною, не одни красивыя слова, рассчитанныя на минутное впечатлѣніе, а настоящая правда, тому доказательствомъ служить могущество нашего города, которымъ мы обязаны существующему у насъ порядку вещей. Это единственный городъ въ наше время, который затмилъ собою прославленную древность, котораго побѣды не унижительны для побѣжденныхъ, котораго власть надъ другими не подвергаетъ этихъ другихъ стыду быть въ подчиненіи у недостойныхъ. Мы воздвигли себѣ великіе памятники, которые свидѣлствуютъ о нашемъ могуществѣ, и для послѣдующихъ поколѣній мы будемъ служить предметомъ удивленія также, какъ служимъ теперь для современниковъ.—Исторія оправдала послѣднія слова великаго гражданина Аѣинъ, назвавъ его именемъ поры высшаго развитія и блеска, до котораго достигъ геній эллинскаго племени въ области искусства и поэзіи.

§ 35. Въ этомъ политическомъ устройствѣ, представляющемъ собою наиболѣе полное выраженіе того идеала общежитія, который сло-

жился въ умѣ Эллиновъ, есть много преимуществъ, не свойственныхъ въ такой степени государственнымъ формамъ нашего времени. Самодержавная городская община въ Греціи сообщала своимъ гражданамъ такое высокое политическое воспитаніе, такую опытность, проницательность, самостоятельность и зрѣлость сужденія во всемъ, что касается общественной жизни, какой не можетъ достигать заурядный гражданинъ ни въ какомъ другомъ государствѣ. Знакомиться съ состояніемъ и нуждами общества изъ газетъ и журналовъ совсѣмъ не то, что знакомиться съ ними, слушая рѣчи великихъ государственныхъ людей, принимая участіе въ преніяхъ, подавая свой голосъ въ пользу, или противъ того или другаго проекта. Въ Аѳинахъ не только общій уровень политическаго пониманія и энергій гражданъ былъ выше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, но, кромѣ того, гражданинъ, возвышавшійся по своимъ политическимъ способностямъ надъ массой, тамъ легче, чѣмъ гдѣ нибудь, могъ достигнуть подобающаго ему высокаго положенія и вліянія въ обществѣ. Далѣе, маленькія общины, подобныя греческимъ, воспытываютъ въ своихъ гражданахъ столь горячую и сильную любовь къ родинѣ, ея самобытности, правамъ и порядкамъ, какой не встрѣчается, да и не могло быть у подданныхъ большихъ государствъ. Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія, привязывается къ мѣсту жительства, питаетъ почтеніе къ политическому и культурному центру своей страны, дорожитъ своею собственностью и

страстно любить созданіе своей мысли и труда. Всѣ эти предметы привязанности въ большихъ государствахъ разеѣяны въ разныхъ мѣстахъ, вслѣдствіе чего привязанность къ одному изъ нихъ уравнивается, ослабляется привязанностью къ другому. Но для гражданина маленькой общины всѣ предметы привязанности сосредоточены въ одномъ мѣстѣ; его городъ есть его родина, его мѣстопробываніе, его политическій и культурный центръ, его общественная собственность, созданіе его художественнаго и политическаго дарованія. Съ этимъ пламеннымъ и стойкимъ чувствомъ патріотизма связаны самые величавые подвиги греческой исторіи. Ему же по преимуществу обязана она вѣчными раздорами, междуусобіями, войнами, такъ обильно наполняющими ея страницы. Безконечное богатство и разнообразіе греческой жизни и производительности—прямой плодъ общиннаго устройства,—соединяясь съ горячею любовью къ родинѣ, вело къ раздробленію, разъединенію и, вслѣдствіе того, безсилію всей Греціи, какъ одного этнографическаго цѣлага. Три раза должны были бороться Греки за независимость и свободу всей Греціи, и во всѣхъ трехъ случаяхъ они умѣли и не могли забыть свои частные раздоры—города къ городу, племени къ племени. Не одѣльные только люди, но цѣлыя общины дѣйствовали прямымъ и непосредственнымъ образомъ за одно съ врагомъ къ порабоженію своего отечества. Кромѣ слабости внѣшней, два большія бѣдствія сопровождаютъ систему отдѣльныхъ самостоятель-

*

ныхъ республикъ въ одной и той же странѣ. Это, во первыхъ, непрерывность въ ней войнъ. Когда каждый городъ совершенно независимъ и верховенъ, множество столкновеній и ссоръ, которыя въ большой монархіи, или федеративной республикѣ, разрѣшаются мирнымъ судомъ высшаго и общаго трибунала, не могли быть рѣшены иначе, какъ обращеніемъ къ суду оружія. Тысяча причинъ, начиная съ торговаго соперничества и взаимныхъ обидъ частныхъ гражданъ, всегда существуютъ здѣсь для войны и кровопролитія, и обнаруживаются тѣмъ съ большею силой, чѣмъ меньше и уже сцена, на которой онѣ дѣйствуютъ. Соперникъ здѣсь живетъ въ виду городскихъ воротъ, есть врагъ, присутствіе котораго постоянно живо и горько чувствуется. Самыя войны, такъ какъ онѣ ведутся буквально за женъ и дѣтей, за отческихъ боговъ и гробницы предковъ, отличаются жестокостью не меньшею, но едва ли не большею, чѣмъ войны современныя, которыя ведутся по расчетамъ и побужденіямъ болѣе отвлеченнымъ и безстрастнымъ. И внутренняя война, борьба политическихъ и социальныхъ партій, отличается въ небольшихъ республикахъ особенною раздражительностью и непримиримостью. Въ нѣкоторыхъ государствахъ Греціи отъ каждаго олигарха требовалась, по словамъ Аристотеля, клятва въ томъ, что онъ будетъ питать ненависть къ народу и сколько возможно придумывать противъ него всякое зло. Кромѣ внѣшней слабости и внутреннихъ раздоровъ, кромѣ безсилія предъ опасностью извнѣ и не-

прочности мира у себя дома, съ политическимъ устройствомъ городскихъ самодержавныхъ общинъ связано еще новое и едва ли не самое большое зло. Незначительность размѣровъ государственной области, малочисленность и однородность гражданского населенія, однообразная и правильная дѣятельность немногочисленныхъ (сравнительно) физическихъ условій, отсутствіе широкихъ и разностороннихъ отношеній къ многимъ сосѣдямъ, сходнымъ по языку, общественнымъ правамъ и основнымъ чертамъ племеннаго характера,—все это вмѣстѣ обуславливало ограниченность кругозора, узость политическаго пониманія, неспособность къ созданію и воспріятію широкихъ нравственныхъ началъ и правилъ поведенія, къ углубленію въ сущность предмета и постиженію ея въ отвлеченной формѣ, свободной отъ случайныхъ, мѣстныхъ особенностей. Аѳины и аѳинская образованность времени Перикла и немного позже представляютъ исключеніе въ этомъ отношеніи. Но не забудемъ, что съ 476 по 404 годъ Аѳины были столицею не только маленькой Аттики, но и обширной морской державы, раскинувшейся по островамъ и берегамъ Архипелага и Эгейскаго моря.

VI.

Разложеніе и упадокъ общиннаго быта въ древней Греціи.

§ 36. Съ совершеннымъ приспособленіемъ къ окружающимъ физическимъ и социальнымъ условіямъ оканчивается и періодъ развитія какъ для общественнаго, такъ и для индивидуальнаго организмовъ. Этотъ предѣлъ наступаетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ проще составъ и строй организма, чѣмъ однороднѣе и равномернѣе дѣйствіе условій, окружающихъ его. Устройство общежитія, созданіе и установленіе формъ политическаго быта, соотвѣтствующихъ физическимъ и социальнымъ условіямъ, среди которыхъ находится общественный организмъ, мы можемъ представить себѣ какъ постепенное разрѣшеніе цѣлаго ряда отдѣльныхъ задачъ, изъ коихъ каждая является какъ отголосокъ потребности, сознаваемой обществомъ, благодаря тому, что оно подвергается дѣйствію или внѣшней природы, или политической среды, его окружающей. Вообще говоря, количество

и разнообразіе задачъ, которыя предстоитъ разрѣшить обществу, бываетъ прямо пропорціо-
нально объему послѣдняго. Государства, великія по своему протяженію и по количеству населенія, занимають область болѣе разнообразную по своей природѣ (сравнить климатъ, почву, произведенія различныхъ мѣстъ Россіи), обнимають болѣе разнородное населеніе, соприкасаются съ большимъ числомъ сосѣдей, и притомъ имѣють своими сосѣдями общества различныя по своему составу и быту. Всѣ эти обстоятельства увеличивають и усложняютъ трудности приноравленія общества къ средѣ, его окружающей, удлиняютъ періодъ политическаго развитія для государствъ большаго размѣра. Для греческихъ общинъ, считавшихъ свое гражданское населеніе сотнями и тысячами, измѣрившихъ свою область милями и десятками миль, окруженныхъ сосѣдями сходными и въ этнографическомъ и въ политическомъ отношеніи,—для этихъ общинъ приспособленіе къ окружающимъ условіямъ было несравненно легче и требовало несравненно меньше времени, чѣмъ для государствъ нашего времени. Для греческихъ общинъ предѣлы роста были очень тѣсны, благодаря ихъ политическому строю. Въ то время какъ монархіи и республики нашего времени и типа могутъ раздвигать свои границы на очень большое разстояніе, принимать въ себя и уподоблять много постороннихъ тѣлъ, не нуждаясь для этого въ коренномъ преобразованіи своего строя;—греческія общины рѣдко бывали въ состояніи побѣдить и завоевать

и никогда не могли прочно присоединить и уподобить себѣ своихъ ближайшихъ сосѣдей, если только эти сосѣди сами успѣли дорости до городской общинной формы быта. Попытки къ сліянію нѣсколькихъ общинъ (политій) въ одну (симполитія) повторялись не разъ, но оканчивались каждый разъ неудачей. Граждане самодержавнаго города, привыкшіе, не спросясь никого, распорядиться своею судьбою и вершить дѣла свои у себя дома на вѣчевой площади, не мирились съ мыслью сдѣлаться гражданами другого города, не хотѣли принимать участія, хотя бы и на равныхъ правахъ, на вѣчѣ происходившемъ въ этомъ другомъ городѣ, отстоявшемъ отъ ихъ собственнаго, быть можетъ, на нѣсколько десятковъ верстъ. И они были правы съ своей точки зрѣнія. Какъ скоро во всѣхъ отправленіяхъ верховной власти принимаетъ участіе непосредственно весь народъ, а не его представители, эта власть раньше или позже сосредоточивается въ рукахъ населенія столицы, въ ущербъ населенію окраинъ; первое занимаетъ господствующее, второе—подчиненное положеніе на дѣлѣ, вопреки равенству по буквѣ закона. Расширеніе одной общины на счетъ другихъ посредствомъ полного подчиненія послѣднихъ не удавалось также потому, что противорѣчило страстной привязанности Грека къ независимости и державности его роднаго города. „Истиннкъ тѣсной независимости и обособленія былъ гораздо болѣе развитъ въ древнемъ, чѣмъ въ новомъ мірѣ, отъ того, что тамъ онъ былъ чувствомъ народнымъ. Вся

масса гражданъ, привыкшая рѣшать сама свои дѣла на форумѣ, была одушевлена имъ несравненно болѣе, чѣмъ граждане новаго государства, обычное участіе которыхъ въ дѣлахъ своего отечества уже проходить чрезъ охлаждающую среду представительства“. Когда демократическая партія Коринѳа настояла на полномъ сляніи этого города съ Аргосомъ (около 394 года), при чемъ пограничные знаки были уничтожены, Коринѳяне наравнѣ съ Аргосцами стали гражданами одного государства, Аргоса; аристократы Коринѳа не могли примириться съ мыслью, что вмѣсто Коринѳа они должны именовать свое отечество Аргосомъ. Имъ казалось, что, съ перемѣною имени, самый Коринѳъ перестаетъ существовать, исчезаетъ; они думали, что послѣ этого не стоитъ жить, или, если жить, то только для того, чтобы сдѣлать свое отечество снова Коринѳомъ, какъ это было изстари.

Незначительная сама по себѣ, неспособная къ росту на счетъ сосѣдей, греческая община быстро и скоро проходила весь кругъ своего политическаго развитія и достигала того предѣла, за которымъ начинается окостенѣніе, омертвеніе, а потомъ—разложеніе и упадокъ политическаго строя. Въ три вѣка (съ половины VIII-го до половины V-го) Аѳинское государство успѣло пройти весь путь, отдѣляющій патріархально-монархическій бытъ отъ полной демократіи. Въ другихъ общинахъ, меньшихъ по объему, этотъ путь совершался еще быстрѣе. Симптомы упадка и разложенія на-

чинають появляться въ Греціи къ концу V-го столѣтія, становятся замѣтнѣе въ продолженіи IV-го, и къ концу этого столѣтія обнаруживаются вполнѣ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ общинахъ, которыя занимали передовое мѣсто въ общей жизни эллинскаго племени. Въ краткомъ обзорѣни упадка общинной жизни мы по прежнему будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ исторію Аѣинъ, какъ болѣе извѣстную, благодаря многочисленнымъ остаткамъ аттической литературы и надписямъ, число которыхъ все болѣе и болѣе возрастаетъ.

§ 37. Признаки упадка и разложенія общиннаго быта въ Аѣинахъ начинаютъ обнаруживаться вскорѣ послѣ смерти Перикла, послѣдовавшей въ 429 году. Вождь аѣинскаго народа умеръ въ самый критическій періодъ для своего роднаго города. Аѣины только что начали борьбу за сохраненіе своего господства надъ союзниками и подверглись первымъ ударамъ враговъ, расчитывавшихъ постоянными и систематическими опустошеніями Аттики сломить упорство ея гражданъ, принужденныхъ уйти со своихъ полей и жить въ столицѣ, испытывая все бѣдствія продолжительной осады. Война требовала крайняго напряженія и полного сосредоточенія всѣхъ силъ государства, а вмѣсто того тотчасъ послѣ смерти Перикла начинается разладъ и борьба партій. По совѣту Перикла была принята система обороны, обрекавшая область Аттики въ жертву непріятелю, который ежегодно грабилъ и разорялъ ее, не встрѣчая отпора. Этимъ путемъ Спар-

танцы рассчитывали, и не безъ основанія, среди самыхъ Аѳиняпъ, именно въ классѣ поземельныхъ собственниковъ, возбудить неудовольствіе противъ Перикла и его политики. Война разоряла и обременяла людей богатыхъ и зажиточныхъ, которые теряли отъ нея, то какъ сельскіе хозяева, то какъ промышленники и торговцы. Съ 425 года обыкновенныхъ доходовъ казны уже не доставало для покрытія военныхъ издержекъ: установленъ былъ налогъ съ капитала, падавшій лишь на меньшинство гражданъ и печувствительный для большинства. Обременяя и разоряя богатыхъ, война въ тоже самое время служила источникомъ средствъ къ жизни для бѣдныхъ, получавшихъ жалованье за службу на флотѣ, за посѣщеніе геліаи и эkkлесіи. Вслѣдствіе возвышенія цѣнъ на припасы была увеличена плата присяжныхъ до трехъ оболовъ въ 427 году.

Понятно, что богатые, почувствовавъ неудобства военного положенія, направили всѣ усилія къ прекращенію его и стали добиваться мира со Спартою хотя бы цѣною отказа отъ гегемоніи Аѳинъ надъ ихъ бывшими союзниками. Но усилія меньшинства, разбивались о волю большинства, заинтересованнаго въ сохраненіи гегемоніи, потому что она представляла обильный источникъ не только моральныхъ, но и матеріальныхъ выгодъ. Болѣе половины всѣхъ доходовъ аѳинской казны поступало въ нее въ видѣ податей съ союзниковъ, мало по малу превратившихся въ подданныхъ, а въ доходахъ казны нуждались не столько

богатые, сколько бѣдные, получавшіе отсюда свою плату за носѣщенія эkkлeсiи и геліаи, деньги на театръ и на другія увеселенія. Вопросъ о войнѣ, или мирѣ, о сохраненіи гегемоніи, или объ отказѣ отъ нея—послужилъ первымъ поводомъ къ образованію среди аѣнскаго гражданства политической партіи враждебной не только направленію виѣшней политики, принятому государствомъ, но и тому демократическому строю, который вынуждалъ государство слѣдовать этой политикѣ, обрекалъ интересы меньшинства въ жертву выгодамъ массы, дѣлалъ это меньшинство безильнымъ для легальной борьбы за свои права, такъ что опредѣлялъ исходъ борьбы простымъ большинствомъ голосовъ какъ на вѣчѣ, такъ и на судѣ. Война была поводомъ, но причины къ раздвоенію гражданства и къ образованію среди него олигархической партіи таились глубже, въ самой сущности демократіи, принимавшей постепенно крайнія формы; онѣ не дѣйствовали только въ Аѣнахъ, но по всей Греціи, которая къ концу целопонесской войны распадается на два лагеря богатыхъ и бѣдныхъ, олигарховъ или сторонниковъ господства лучшихъ (т. е. богатыхъ) людей, и демократовъ или сторонниковъ полного и безусловнаго равенства.

Въ Аѣнахъ тиранія большинства надъ меньшинствомъ начинается при Клеонѣ, стоявшимъ во главѣ народа послѣ смерти Перикла до 422 г. Противники демократіи скоро почувствовали необходимость въ сплоченіи и организаціи, которая даетъ возможность хорошо

устроенному меньшинству съ успѣхомъ бороться противъ раздраженнаго большинства. Сторонники мира и приверженцы олигархическаго порядка стали смыкаться въ союзы и составлять кружки или гетеріи съ цѣлью взаимной поддержки на выборахъ и въ судѣ. Эти кружки были правильно организованы, повиновались избраннымъ вождямъ и вели свои дѣла въ глубокой тайнѣ. Ихъ ненависть къ демократическимъ учрежденіямъ усиливалась болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ народъ, почуявъ опасность, становился подозрительнѣе и взыскивалъ неумолимѣе съ своихъ враговъ. Члены гетеріи старались предоставить господствующее положеніе своимъ вождямъ, провести ихъ на видныя мѣста въ афинскомъ правительствѣ, и съ этой цѣлью старались склонить избирателей на сторону своихъ кандидатовъ посредствомъ лести, обѣщаній и угрозъ. Могучимъ орудіемъ и надежнымъ оплотомъ демократіи былъ судъ, въ которомъ самъ народъ въ лицѣ присяжныхъ изрекалъ безапелляціонный приговоръ надъ своими дѣйствительными или мнимыми врагами. Владѣя правомъ жалобы, каждый гражданинъ могъ посредствомъ доноса позвать на судъ народа каждаго богатаго и вліятельнаго человѣка, обнаружившаго какимъ бы то ни было образомъ свое нерасположеніе къ существующему порядку вещей. И обвиняемому трудно было расчитывать на безпристрастіе и справедливость судей, состоявшихъ по преимуществу изъ простыхъ и бѣдныхъ, для которыхъ плата въ 3 обола служила при-

манкою въ судѣ, а богатство и высокое положеніе въ обществѣ казалось достаточнымъ доказательствомъ политической неблагонадежности. Члены гетеріи обязывались поддерживать другъ друга на судѣ при обвиненіи и защитѣ, доставляя свидѣтелей, подкупая обвинителей, а иногда и судей. Общими силами велась борьба и противъ сикофантовъ, т. е. людей, сдѣлавшихъ доносы и обвиненія въ политической неблагонадежности своимъ ремесломъ. Цѣлью олигархической партіи, сначала разбитой на отдѣльные кружки, было на первыхъ порахъ пріобрѣтеніе и обезпеченіе вліянія въ предѣлахъ демократическаго порядка вещей; только потомъ, когда борьба съ крайностями демократизма становилась на легальной почвѣ все затруднительнѣе и безуспѣшнѣе, олигархи пришли къ мысли о необходимости ниспровергнуть демократію, хотя бы цѣною политической независимости и преобладанія своего отечества. Когда борьба получила такое направленіе, поведеніе партіи принимало все болѣе и болѣе характеръ заговора и подпольной крамолы, а мораль ея безъ околичностей сводилась къ тому, что интересы партіи должны быть предпочтительны всему остальному, и ради ихъ осуществленія всѣ средства считаются дозволенными. Сила гетеріи возрастала все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ война, начавшаяся изъ за гегемоніи Аѳинъ, становилась постепенно борьбою на жизнь и смерть между олигархіей и демократіей, ибо съ этимъ вмѣстѣ распространились по всей Греціи олигархическіе

союзы, искавшіе поддержки Спарты противъ Аѳинъ, которыя въ свою очередь всюду поддерживали демократію.

Въ разгаръ борьбы политическихъ партій потрясены были самыя основанія морали; соціальныя влеченія сѣззились, приняли односторонній характеръ; антисоціальныя, напротивъ, получили силу и нашли себѣ оправданіе, изъ тайныхъ поползновеній эгоизма стали открытыми и общими принципами поведенія. Измѣненіе морали подъ вліяніемъ политической борьбы изображено Фукидидомъ не многими, но мѣткими чертами. Въ эту пору, по словамъ историка пелопонесской войны (III, 82), неразумная отвага стала называться самоотверженнымъ мужествомъ, готовымъ на все для товарищей, предусмотрительная медлительность считалась благовидной трусостью, благоразуміе—личной малодушія, разумное отношеніе къ событіямъ—вялостью и лѣнью, безразсудное увлеченіе—неотъемлемымъ достоинствомъ мужа. Негодующій и все порицающій считался человѣкомъ надежнымъ, удачный въ коварствѣ—разумнымъ, а сѣумѣвшій велѣдствіе подозрительности предупредить интригу возбуждалъ восхищеніе своею ловкостью. Держаться въ сторонѣ отъ интригъ считалось дѣломъ предосудительнымъ и разстроивающимъ товарищество, лучшей опорой и гарантіей котораго считалось совмѣстное участіе въ противозаконныхъ поступкахъ. Большая часть людей желала лучше пользоваться репутаціей ловкихъ плутовъ, нежели добрыхъ простаковъ. Такая мораль ведетъ

къ распаденію общества и къ разложенію существующихъ учреждений. Характеръ борьбы партій и ихъ взаимное ожесточеніе хорошо обрисовываются событіями въ Керкиръ въ 425 г. (см. у Курціуса, Исторія Греціи. т. II, 379), гдѣ впервые обнаружилась въ полной силѣ симптомы разложенія общественнаго строя греческихъ городовъ. Въ Аѣинахъ тоже, но въ болѣе мягкихъ формахъ, обнаружилось по поводу процесса гермокопидовъ въ 415 г. (О немъ см: у Курціуса, II, 538 и далѣе).

§ 38. Въ Аѣинахъ дѣйствія олигархической партіи приняли болѣе явный и рѣшительный характеръ послѣ гибельнаго исхода сицилійской экспедиціи въ 413 г., предпринятой по почину и подъ руководствомъ Алкивіада въ 415 г. въ обширныхъ размѣрахъ и съ самыми смѣлыми надеждами. Гибель флота, войска и вождей привела народъ въ отчаяніе и раздражила его противъ виновниковъ сицилійскаго похода. Упадкомъ духа гражданъ и финансовыми затрудненіями государства олигархи съумѣли, какъ нельзя лучше, воспользоваться для своихъ цѣлей. Грандіозныя издержки на экспедицію въ Сицилію истощили казну въ то самое время, какъ для обороны отъ враговъ требовались новыя усилія. Минута была критическая; настояла крайняя необходимость въ напряженіи и сосредоточеніи всѣхъ силъ государства. Печальный исходъ предпріятія, задуманнаго и исполненнаго при общемъ одушевленіи по приговору народа, увлеченнаго своими вождями, убѣдилъ всѣхъ въ томъ, что необходимо умѣрить под-

вижность и податливость вѣча, сообщить этому органу верховной воли народа болѣе осмотри-тельности и сдержанности, ослабить отзывчи-вость его на предложенія и проекты, возни-кающіе въ разгоряченномъ воображеніи рьяныхъ политиковъ. Чувствительность и подвижность вѣча, дойдя до слишкомъ высокаго напряженія, оказалась неудобной и опасной, и возбудила мысль объ устраненіи крайностей демократіи. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было учрежденіе коллегіи *пробуловъ* въ 413 году. Эта коллегія состояла изъ десяти лицъ, и по отношенію къ думѣ и вѣчу дѣйствовала какъ распорядительный комитетъ. Пробулы созывали думу и вѣче, предсѣдательствовали въ обоихъ случаяхъ. По всей вѣроятности они предвари-тельно разсматривали дѣла, имѣвшія поступить на усмотрѣніе думы и рѣшеніе народа, могли постановлять по нимъ свои резолюціи. Впро-чемъ о дѣятельности этой комиссіи почти ничего неизвѣстно, вѣроятно потому, что и существовала она недолго. Во всякомъ случаѣ самое учрежденіе ея было уклоненіемъ отъ прин-циповъ чистой демократіи, и это уклоненіе сказывалось въ томъ, что: 1) пробулы избира-лись не жребіемъ, а подачею голосовъ; 2) ихъ было всего десять, а не болѣе; 3) въ эту долж-ность избирались лица преклоннаго возраста, и наконецъ, 4) избирались не на срокъ, а по-жизненно, стало быть были неотвѣтственны за свои дѣйствія. Органъ власти съ такимъ характеромъ могъ дѣйствовать какъ тормазъ, замедляющій лихорадочную и слѣпную дѣя-

тельность правительственнаго механизма. Съ 412 года война принимаетъ все болѣе и болѣе неблагопріятный оборотъ для Аѳинъ, и борьба между олигархіей и демократіей близится къ развязкѣ. Спартанцы вступили въ союзъ съ Персіей, изъявившей готовность помогать имъ деньгами, и укрѣпились въ Декеліи, мѣстечкѣ на сѣверъ отъ Аѳинъ, господствовавшемъ надъ обѣими дорогами изъ Аѳинъ въ Эвбею. Олигархи, усиливаясь все болѣе и болѣе по всеѣмъ городамъ аѳинскаго союза, успѣли склонить народъ къ отпаденію отъ Аѳинъ въ Хіосъ, Милетъ, Родосъ и Византію. Запятіе Декеліи губительно отозвалось на положеніи Аѳинъ. Подвозъ жизненныхъ припасовъ былъ стѣсненъ до крайности, земледѣліе было прервано; стада потеряны. Нужда и болѣзни стали угнетать многочисленное населеніе, сталкивавшееся въ столицѣ, начиная, какъ всегда, съ низшихъ слоевъ его. Тяжелѣе всего приходилось рабамъ, и близость непріятеля вызвала сильное движеніе между ними. Бѣлѣе 20 тысячъ рабовъ убѣжали въ Декелію, а такъ какъ большинство изъ нихъ были ремесленники, то этимъ была подарована промышленность Аѳинъ. Городъ превратился въ лагерь и испытывалъ всѣ неудобства постоянной и тѣсной блокады. Служба всадниковъ стала особенно тяжелою и опасною. Они должны были удерживать непріятеля на почтительномъ разстояніи отъ Аѳинъ и слѣдить за всеѣми его движеніями. Всадниками бывали люди богатые и родовитые. Естественное отращеніе къ демократіи усиливалось въ нихъ

теперь вслѣдствіе тягости ихъ службы. На сооруженіе флота и приготовленія къ войнѣ необходимы были деньги. Обыкновенныхъ взносовъ и податей, шедшихъ въ казну съ союзниковъ и подданныхъ, не доставало, потому что цифра ихъ сильно уменьшилась вслѣдствіе отпаденія нѣсколькихъ богатыхъ городовъ отъ союза съ Аѣинами. Необходимо было усилить поборы, и съ это цѣлью былъ установленъ 5% сборъ съ привоза и вывоза по всѣмъ гаванямъ союза,—мѣра, способная вызвать недовольство и раздраженіе и въ тѣхъ городахъ, которые доселѣ оставались вѣрными Аѣинамъ.

По мѣрѣ того, какъ бѣдствія войны ослабляли энергію народа, сосредоточивали его мысли и желанія на удовлетвореніи насущныхъ потребностей и притупляли его воспріимчивость къ интересамъ политики, враги демократіи становились смѣлѣе, и изъ оборонительнаго положенія перешли къ наступленію. Главной стоянкой аѣинскаго флота въ 412—11 г. былъ островъ Самось; гдѣ находились 104 корабля. Здѣсь, по почину Алкивіада, среди приверженцевъ олигархіи возникъ планъ о преобразованіи аѣинскихъ учреждений въ смыслѣ благопріятномъ интересамъ лучшихъ людей. Цѣною устраненія крайностей демократіи надѣялись купить союзъ и помощь Персіи, и надеждой на это, какъ на единственное средство спасенія, думали побѣдить отвращеніе народа ко всякаго рода проектамъ въ смыслѣ противномъ демократіи.

*

Выше было сказано, что чистая демократія предполагаетъ участіе *всѣхъ* гражданъ въ законодательствѣ, управленіи и судѣ, и что такое участіе можетъ существовать не только юридически, но и фактически лишь тамъ, гдѣ за исполненіе важнѣйшихъ политическихъ обязанностей гражданинъ получаетъ плату. Чтобы устранить крайности демократизма, необходимо было пресѣчь однимъ изъ гражданъ и затруднить другимъ доступъ къ прямому участію въ политической жизни, отдать главнѣйшія функціи этой жизни въ руки немногихъ, принадлежащихъ по своему рожденію, богатству и образованію къ высшему слою общества. Таковъ и былъ смыслъ предложеній, съ которыми агентъ олигарховъ изъ самосскаго лагеря, Пейсандръ, обратился къ народу весною 411 года. Однимъ изъ этихъ предложеній уничтожалась плата за участіе въ засѣданіяхъ вѣча, геліэи и думы; другимъ—къ участію въ управленіи допускалось только пять тысячъ гражданъ, способныхъ служить государству не только личнымъ трудомъ, но и имуществомъ. Народъ, гнетомый нуждою и соблазняемый надеждою на помощь Персіи, согласился на обсужденіе этихъ предложеній, а многочисленныя гетеріи взяли на себя трудъ подготовить массу къ олигархіи. Съ этой цѣлью отдѣльные олигархическіе кружки сомкнулись и систематически пропагандировали свои планы. Трибуной въ сенатѣ и на вѣчѣ овладѣли гетеристы; всѣ ораторы были изъ ихъ среды; противниковъ заугитывали обвиненіями или устранили съ до-

роги посредствомъ нападеній изъ-за угла. Подъ вліяніемъ террора распространилась паника и взаимная подозрительность. Не смотря на то, что политическія убійства повторялись часто и виновники ихъ назывались по именамъ, не находилось смѣлыхъ обвинителей, которые отважились бы привлечь ихъ къ суду. Защитники демократіи замолкли; сенать и вѣче обсуждали и голосовали лишь то, что предлагалось гетеристами; ихъ голосу и желаніямъ внимали сановники, облеченные исполнительною властью; демократія продолжала существовать по формѣ, но въ сущности все перешло въ руки олигархической партіи. Такимъ путемъ народъ скоро былъ подготовленъ къ реформамъ въ смыслѣ олигархіи и легко согласился на избраніе десяти человѣкъ, облеченныхъ неограниченными полномочіями для начертанія новаго устройства. Что сдѣлали они,—неизвѣстно, потому что, когда въ февралѣ 411 года народъ былъ созванъ на вѣче за городомъ при храмѣ Посейдона,—предложеніе реформъ было сдѣлано Пейсандромъ, а не комиссіею десяти. Предложеніе состояло въ слѣдующемъ: сановники, избранные прежнимъ порядкомъ, устраняются отъ должностей; впредь никто не будетъ получать жалованья; избираются пять *проэдровъ*, председателей, которые въ свою очередь выбираютъ 100 человѣкъ, а изъ этихъ послѣднихъ каждый назначаетъ еще трехъ; эти четыреста человѣкъ управляютъ дѣлами съ неограниченною властью и созываютъ вѣче, на которомъ должно участвовать только 5000 гражданъ,

владѣющихъ имуществомъ опредѣленнаго размѣра. Народъ принялъ предложеніе Пейсандра безъ противорѣчій. Тотчасъ составилъ совѣтъ четырехъ-сотъ, который, окруживъ себя стражей немедленно распустилъ прежнюю думу, уплативъ ей суточные деньги за остававшуюся часть года. Поведеніе думы, оставившей свое мѣсто безъ протеста и безъ сопротивленія, было рѣшительно не похоже на то, что случилось въ 509 году, когда аристократы аѣнскіе подъ предводительствомъ Исагоры задумали ниспровергнуть конституцію Солона; но тогда демократическія идеи и чувства были молоды, способны одушевлять и возбуждать къ дѣятельности и усиліямъ; теперь онѣ вмѣстѣ съ прелестью и свѣжестью повизны утратили, по видимому, и власть надъ волею гражданъ. Олигархія четырехъ-сотъ удержалась лишь на 4 мѣсяца (съ марта по іюль 411 года). Во все это время вѣче не созывалось ни разу; пять проэдровъ представляли высшую исполнительную власть, четыреста творили судъ и избрали изъ своей среды военныхъ сановниковъ.

Въ своей попыткѣ склонить на сторону переворота войско, стоявшее въ Самосѣ, олигархи потерпѣли полную неудачу. Войско отказалось повиноваться правительству, утвердившемуся въ Аѣнахъ, приняло на себя права общины, смѣнило стратеговъ и призвало къ себѣ Алкивіада. Ставъ во главѣ войска, Алкивіадъ отказался признать сенатъ четырехъ-сотъ, но готовъ былъ принять всѣ другія преобразованія, т. е. соглашался на водвореніе умѣрен-

ной демократіи. Сопротивленіе войска вызвало расколь среди олигарховъ и ободрило сторонниковъ демократіи, оставшихся въ Аѣнахъ. Когда крайніе изъ олигарховъ (во главѣ ихъ Фринахъ и Антифонть) стали укрѣплять пирейскую гавань, опасаясь нападенія изъ Самоса, и вступили въ переговоры со Спартою, чтобы, цѣною независимости Аѣинъ, упрочить свое господство, граждане возстали и, ниспровергнувъ сенать четырехъ-сотъ, водворили умѣренную демократію съ отмѣною платы за исполненіе общественныхъ должностей и съ допущеніемъ къ участию въ управленіи лишь 5000 гражданъ. Это ограниченіе, противное духу демократіи, состоялось безъ затрудненій именно вслѣдствіе того, что большая часть гражданъ младшаго возраста и меньшаго достатка, т. е. большая часть самыхъ рьяныхъ приверженцевъ демократіи, находилась въ отсутствіи, составляя экипажъ самосской эскадры, доходившій до 1000. По возвращеніи флота въ Аѣины (408 годъ) настроеніе народа измѣнилось снова въ смыслѣ благопріятномъ для чистой демократіи; трудно было устранить отъ участія на вѣчѣ и въ управленіи тѣхъ самыхъ моряковъ, которые не только отказали въ повинненіи олигархамъ, но, подъ начальствомъ Алкивіада, цѣлымъ рядомъ побѣдъ возстановили перевѣсъ Аѣинъ надъ ихъ врагами на морѣ. Ограниченія были отмѣнены, и мы видимъ, что на вѣчѣ, осудившемъ въ 406 году несчастныхъ стратеговъ, побѣдителей при Аргинузскихъ островахъ, по прежнему подають голоса

всѣхъ граждане. Съ участіемъ всѣхъ на вѣчѣ было возстановлено и право всѣхъ безъ различія занимать общественныя должности, а равно и вознагражденіе за участіе въ сенатѣ, судѣ и еkkлесіи. Олигархическая партія, въ виду сильнаго подъема народнаго духа, пріостановила на время свою дѣятельность въявь, но за то продолжала свои тайныя интриги тѣмъ съ большей энергіей, что, вслѣдъ за возстановленіемъ демократіи во всѣмъ ея объемѣ, немедленно возобновились и прежнія злоупотребленія демагогіи, доносы сикофантовъ и притѣсненія богатыхъ посредствомъ жалобъ, процессововъ и убыточныхъ штрафовъ.

§ 39. Въ 407 году главнокомандующимъ надъ пелопонесскимъ флотомъ былъ назначенъ Лисандръ, соединявшій съ искусствомъ полководца всѣ качества дипломата, организатора и вождя политической партіи. Борьбу противъ Аѳинъ онъ превратилъ въ борьбу противъ демократіи и перенесъ ее съ военной арены въ сферу интригъ и заговоровъ. Олигархическая партія получила въ немъ превосходнаго руководителя, съумѣвшаго соединить враговъ демократіи, разсѣянныхъ по всей Греціи, въ одинъ союзъ, организовать его, указать всѣмъ одну общую цѣль и руководить дѣйствіями союза для достиженія этой цѣли. По его указанію, во всѣхъ городахъ съ демократичскимъ устройствомъ олигархи сомкнулись въ гетеріи, и вмѣстѣ съ отпаденіемъ отъ Аѳинъ старались ниспровергнуть демократію. Черезъ аѳинскихъ эмигрантовъ, находившихся въ его войскѣ,

Лисандръ завязалъ сношенія и съ аѳинскими олигархами, которые, потерявъ надежду на устраненіе крайностей демократіи собственными силами, готовы были подчинить свой родной городъ Спартѣ, лишь бы исполнить свои завѣтные планы и возстановить преобладаніе лучшихъ людей въ политикѣ и управленіи. Лисандръ не стѣснялся въ выборѣ средствъ правилами челоуѣколюбія и честности; подъ его руководствомъ начались насилія и убійства, въ сравненіи съ которыми крайности прежнихъ смуть казались мелочью. Въ Милетѣ онъ подучилъ олигарховъ вызвать волненіе въ народѣ и потомъ, прибывъ въ городъ въ качествѣ посредника, умертвилъ около 800 челоуѣкъ изъ демократической партіи. Зимой 406—5 г., когда исходъ войны можно было уже предвидѣть, Лисандръ собралъ представителей олигархической партіи изъ всѣхъ городовъ, бывшихъ въ союзѣ съ Аѳинами, въ Ефесѣ и далъ имъ указанія на счетъ мѣръ, съ помощью коихъ можно было бы ниспровергнуть демократію всюду вслѣдъ за паденіемъ Аѳинъ.

Въ Аѳинахъ олигархи искусно пользовались каждымъ увлеченіемъ толпы и каждымъ промахомъ ея руководителей. Въ борьбѣ партій, какъ и на полѣ битвы, лучшимъ средствомъ къ побѣдѣ служить разстройство и унадокъ духа противниковъ, наступающій вслѣдъ за смертью вождей. Зная это, олигархи употребляли всѣ средства, чтобы устранить съ дороги наиболѣе разумныхъ и вліятельныхъ вождей народа, оставляя въ покоѣ демагоговъ, дѣйстви-

вавшихъ и говорившихъ подъ вліяніемъ страсти и близорукаго самомиѣнія. Въ 406 г. были обвинены и осуждены на смерть, съ нарушеніемъ законовъ и формъ судопроизводства, побѣдители при Аргинузскихъ островахъ, большею частью открытые и ревностные приверженцы демократіи. Въ этомъ случаѣ олигархи искусно воспользовались суевѣріями и родственными привязанностями толпы и близорукимъ ослѣпленіемъ ея рудоводителей, чтобы лишить народъ въ критическую минуту войны способныхъ и храбрыхъ полководцевъ, мѣста которыхъ были заняты предателями, погубившими послѣднее войско и флотъ Аѣни въ битвѣ при *Эгосъ-Потамой* лѣтомъ 405 года.

Послѣ этой битвы Лисандръ медленно двинулся къ Аѣинамъ, уничтожая на пути во всѣхъ городахъ демократическое устройство и передавая власть въ руки комитета изъ 10 лицъ, вѣрныхъ приверженцевъ его политической программы, правившихъ дѣлами общинъ подъ именемъ *декарховъ*. Въ Аѣинахъ олигархическія гетеріи направили всѣ усилія къ тому, чтобы сломить сопротивленіе народа и довести городъ до такой крайности, въ которой надобно было бы принять безъ прекословія всѣ условія побѣдителя. Тотчасъ послѣ пораженія при *Эгосъ-Потамой*, пользуясь паникой и отчаяніемъ народа, аѣнскіе олигархи выбрали изъ среды своей исполнительный комитетъ изъ пяти лицъ, которые подъ именемъ *эборовъ* составили революціонное правительство, забравшее въ свои руки власть, ускользавшую отъ вождей и орга-

новъ демократіи. Опираясь на членовъ гетеріи, эфоры заправляли всеми дѣлами, опредѣляли предметы разсужденія въ думѣ, назначали сановниковъ, проводили своихъ единомышленниковъ въ думу и превратили ее этимъ путемъ въ послушное орудіе своей воли. Цѣль заговорщиковъ, дѣйствовавшихъ систематически, въ строгомъ порядкѣ и дисциплинѣ, состояла въ томъ, чтобы довести народъ до невозможности продолжать войну и удерживать демократическій порядокъ. Ораторы, возстававшіе на вѣчѣ противъ мира со Спартой на тяжелыхъ и унижительныхъ условіяхъ были устранены, переговоры со спартанскимъ правительствомъ намѣренно затянуты до тѣхъ поръ, пока голодъ не принудилъ народъ аѣинскій безпрекословно подчиниться всему требованію побѣдителя.

Сдача Аѣинъ Лисандру послѣдовала 25 апрѣля 404 года послѣ 27-милѣтней войны, цѣлымъ рядомъ суровыхъ испытаній доказавшей несокрушимую энергію аѣинскаго народа и непоколебимую привязанность къ демократическимъ учрежденіямъ. Миръ со Спартой былъ заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ: долги стѣны, соединявшія Аѣины съ ихъ гаванью, а равно и укрѣпленія Пирея должны были быть срыты, все военныя корабли, за исключеніемъ двѣнадцати, выданы побѣдителямъ, все политическіе эмигранты, т. е. главнымъ образомъ противники демократіи, возвращены въ отечество. Кромѣ того Аѣины должны были признать гегемонію Спарты и во внѣшней политикѣ повинно-

ваться ей волѣ. Когда нѣкоторые граждане изъ числа богатыхъ и вліятельныхъ возвысили свой голосъ противъ мира на столь тяжелыхъ условіяхъ, олигархи съумѣли выставить ихъ измѣнниками въ глазахъ народа и добились у эkkлeсiи постановленія объ арестѣ и судѣ надъ ними.

По заключеніи мира въ присутствіи Лисандра, въ виду спартакаго войска и флота, собрано было вѣче для разсужденія о новомъ государственномъ устройствѣ. На немъ одинъ изъ заговорщиковъ, по имени Драконтидъ, внесъ предложеніе объ избраніи 30 человекъ для начертанія новой конституціи. Никто не осмѣлился возражать противъ этого предложенія, только глухой ропотъ давалъ знать о негодованіи народа, понявшаго теперь, къ чему идетъ дѣло. Но этотъ ропотъ вызвалъ только суровое замѣчаніе Лисандра, что дѣло идетъ не объ учрежденіяхъ, а о самомъ существованіи Аѳинъ, которое подвергается опасности въ случаѣ неприятія предложенія Драконтида. При этихъ словахъ многіе должны были вспомнить, какъ Ѳивапцы и Коринѳяне во время переговоровъ о мирѣ настаивали на совершенномъ уничтоженіи Аѳинской общины. Сопротивленіе было невозможно; лучшіе граждане покинули собраніе, остальные приняли предложеніе и немедленно избрали тридцать законодателей съ неограниченными полномочіями; десять изъ нихъ были избраны по назначенію Ѳерамена, одного изъ главныхъ вождей олигархической партіи, десять были указаны эфорами, остальные избраны

по собственному усмотрѣнію присутствующихъ. Всѣ 30 въ свое время принадлежали къ числу 400, захватившихъ власть въ 411 году. Въмѣсто, того, чтобы на основаніи полномочій, полученныхъ отъ народа, приступить къ начертанію новаго государственнаго устройства, *тридцать* образовали изъ себя подъ защитой спартакаго оружія высшую правительственную власть, по своему усмотрѣнію назначили членовъ думы и сановниковъ, предоставили право гражданства и ношеніе оружія только 3000 изъ числа гражданъ и приняли мѣры къ удаленію остальныхъ изъ города. Олигархическая партія достигла своей цѣли. Посредствомъ подпольной организаціи и тайныхъ интригъ цѣною могущества и самостоятельности Аѳинъ ей удалось на развалинахъ демократіи установить свое господство и овладѣть кормиломъ правленія. Еще разъ подтвердилось опытомъ, что для подавленія демократическихъ влеченій массы достаточно возбудить и встревожить ея животныя инстинкты, что изпуреніемъ, голодомъ можно заглушить любовь къ свободѣ и привычку къ дѣятельному участію въ политикѣ въ народѣ, наиболѣе цѣнившемъ то и другое.

§ 40. Правительство, установившееся путемъ насильственнаго переворота, достигшее власти съ помощью хорошо организованной партіи, всегда дѣйствуетъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ, въ интересахъ партіи, сообразуется съ ея желаніями и выгодами и бываетъ неспособно къ водворенію порядка, основаннаго на справедливости и законности. Самымъ прои-

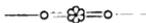
хожденіемъ своимъ оно бываетъ принуждено потворствовать однимъ и притѣснять другихъ, обходить законы и нарушать справедливость, чтобы упрочить свое положеніе и оборониться отъ противниковъ, не признающихъ его правъ и авторитета. Правленіе тридцати оставило по себѣ печальную память свирѣпой и беззаконной тиранніи. Новые правители, принадлежавшіе по своему общественному положенію, воспитанію и политическимъ убѣжденіямъ къ числу тѣхъ, кто именовали себя, въ противоположность толпѣ, прекрасными и добрыми, начали свою дѣятельность съ заявленія о необходимости очистить городъ отъ негодяевъ и обратить остальныхъ гражданъ къ добродѣтели и справедливости. Въ такомъ заявленіи былъ здравый смыслъ и правильное пониманіе требованій времени. Послѣ длиннаго періода военныхъ тревогъ и политическихъ смутъ въ обществѣ слабѣетъ чувство долга, любовь къ законности и уваженіе къ авторитету, увеличивается количество людей, готовыхъ пользоваться потемнѣніемъ соціальныхъ инстинктовъ для своихъ эгоистическихъ расчетовъ. Въ очищеніи и просвѣтленіи соціального сознанія, въ усиленіи дисциплины нуждается каждое общество, миновавшее эпоху броженія. Но въ Афинахъ подъ очищеніемъ города и обращеніемъ гражданъ къ добродѣтели разумѣлось упроченіе господства олигархіи посредствомъ устраненія ея противниковъ и искорененія тѣхъ идей и привычекъ, которыя располагали народъ къ демократическимъ учрежденіямъ. И въ этомъ смыслѣ

правительство тридцати не останавливалось ни предъ какими жестокостями. Оно, какъ говорить Лисій (рѣчь противъ Эратосеена), многихъ гражданъ изгнало на чужбину, многихъ умертвило безъ суда и лишило погребенія, многихъ лишило гражданскихъ правъ, у многихъ отняло имущество. Топоръ, петля и ядъ были орудіемъ, къ которому оно прибѣгло всего охотнѣе, когда нужно было раздобыть денегъ или избавиться отъ людей неблагонадежныхъ влѣдствіе своей приверженности къ демократіи. Правленіе тридцати продолжалось не много болѣе года, и въ этотъ короткій срокъ число казненныхъ достигло 1500. Подъ предлогомъ враждебности къ правительству, казнили преимущественно богатыхъ, чтобы ихъ имуществомъ покрывать текущіе расходы, значительную долю которыхъ составляло содержаніе спартанскаго войска, занимавшаго Акрополь. Право носить оружіе и гарантіи гражданской свободы простирались лишь на 3000 человекъ, внесенныхъ въ списокъ. Для своей безопасности правительство содержало отрядъ конницы на жалованьи, состоявшій главнымъ образомъ изъ иностранцевъ. Остальные граждане были лишены не только участія въ политикѣ, но и гарантій гражданской свободы: они могли быть осуждены на смерть простымъ приговоромъ тридцати, или даже однимъ изъ числа ихъ. На подобіе періэковъ они должны были жить не въ городѣ, а по деревнямъ. Такъ исчезло демократическое равенство всѣхъ предъ закономъ. Къ ограниченію свободы слова

вело запрещеніе обучать реторикѣ, подѣ которою въ то время разумѣли не только теорію и практику краснорѣчія, но и уроки политической и моральной философіи. Чтобы изгнать самый источникъ демократизма, 30 положили обратить Аѳины вновь въ сухопутное государство, т. е. отказаться отъ всѣхъ пріобрѣтеній и преобразованій, внесенныхъ въ государственннй строй со времени Темистокла, и возвратиться къ порядку вещей, бывшему при Солонѣ. Послѣ того какъ укрѣпленія Пирея были разрушены, корабли выданы врагамъ, оставалось покончить съ верфями: ихъ продали частнымъ лицамъ за три таланта, хотя въ свое время на сооруженіе ихъ было издержано болѣе тысячи.

Послѣдовательность теоретическихъ убѣжденій дается легче, чѣмъ послѣдовательность практическихъ принциповъ; послѣдняя въ свою очередь достижима скорѣе, чѣмъ неуклонное слѣдованіе принципамъ въ поведеніи. Согласіе въ политическихъ доктринахъ устанавливается скорѣе, чѣмъ согласіе въ практическомъ осуществленіи всѣхъ слѣдствій, вытекающихъ изъ этихъ доктринъ. Человѣкъ, раздѣляющій отъ всего сердца убѣжденіе въ его отвлеченной формѣ, не затрогивающей ни воображенія, ни чувства, отстываетъ и содрогается предъ осуществленіемъ этого убѣжденія на дѣлѣ, ибо въ этомъ случаѣ вмѣсто отвлеченной мысли предъ нимъ становится фактъ, дѣйствующій на воображеніе и раздражающій чувство. Пока дѣло шло о пріобрѣтеніи власти и о подавленіи

или ограниченіи демократизма, пока разсуждали и составляли планы, между олигархами не было замѣтно разногласія. Но когда настало время перейти отъ программы къ мѣрамъ, отъ плановъ и проектовъ къ дѣйствіямъ, олигархическая партія и правительство тридцати распались на двѣ стороны: крайнюю, готовую отъ радикализма въ теоріи перейти къ террору на практикѣ, уничтожать и исторгать демократическія идеи, чувства и учрежденія, не останавливаясь ни предъ какими мѣрами,—и умѣренную, которая чуждалась насилій, грабежей и убійствъ, какъ средствъ къ политическимъ цѣлямъ. Какъ всегда бываетъ, болѣе послѣдовательные и рѣшительные въ началѣ имѣли перевѣсъ надъ тѣми, кто испытывалъ колебаніе и нерѣшительность. Побѣда крайнихъ олигарховъ, во главѣ которыхъ стоялъ Критія, ученикъ Сократа, была запечатлѣна смертью Өерамена, вождя умѣренныхъ, схваченнаго и отведеннаго на смерть прямо изъ засѣданія сената. За побѣдой крайнихъ слѣдовало господство террора. Граждане, имѣвшіе основаніе опасаться нападеній правительства, спѣшили покинуть Аѳины, спасаясь въ Бѳотію, гдѣ, собравшись въ значительномъ числѣ, составили, подъ предводительствомъ Өрасибула, передовой отрядъ защитниковъ демократіи, и въ сентябрѣ 403 года ниспровергли господство олигарховъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТРАН.

Предисловіе отъ редакціи	I—IV
Введеніе. §§ 1—18	1—93

Политическая исторія Эллиновъ.

Глава I.

Эллада и Эллины. §§ 1—5	94—118
-----------------------------------	--------

Глава II.

Остатки и отголоски племеннаго быта, переходъ къ общинному. §§ 6—12—13	119—171
---	---------

Глава III.

Образованіе городской общины. §§ 12—13	172—190
--	---------

Глава IV.

Исторія городской общины. §§ 14—26	191—367
--	---------

Глава V.

Государственный строй аэинской общины въ V-мъ вѣкѣ. §§ 27—35	368—421
---	---------

Глава VI.

Разложеніе и упадокъ общиннаго быта въ древней Греціи. §§ 36—40	422—449
--	---------

